

2022
2 (68)

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

*PHILOLOGY
AND CULTURE*

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

Филология и культура. Philology and Culture

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель – ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в национальную
информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Бак Дмитрий Петрович – профессор Российского государственного гуманитарного университета, директор Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) (Россия).
Головкин Евгений Васильевич – член-корреспондент Российской академии наук, директор Института лингвистических исследований Российской академии наук (Россия).

Гусейнова Махира Наги Кызы – профессор, декан филологического факультета, проректор по международным связям Азербайджанского государственного педагогического университета (Азербайджан).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Кибрик Андрей Александрович – профессор, директор Института языкознания Российской академии наук (Россия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Онер Мустафа – профессор Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Шаймердинова Нурила Габбасовна – профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, зав. кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института.

Ширинова Раима Хакимовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по международным связям Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Узбекистан).

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, проф., директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, проф., зам. директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Арсентьева Елена Фридриховна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Аюпова Роза Алляметдиновна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бакиров Марсель Хаернасович, д-р филол. наук, профессор, науч. сотр. Отдела исследования и сохранения традиционной культуры, ГБУ «Ресурсный центр внедрения инноваций и сохранения традиций в сфере культуры Республики Татарстан».

Богоявленская Юлия Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, профессор, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Закамулина Миляуша Нурулловна, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет.

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, профессор, и.о. зав. отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доцент, глав. науч. сотр. отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания литературы, Московский педагогический государственный университет.

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доцент, глав. науч. сотр. отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р пед. наук, профессор, декан Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникаций им. И.А. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Нефедова Лилия Амиряновна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет.

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Садыкова Анда Гумеровна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры билингвального и цифрового образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал Тюменского государственного университета в г. Тобольск).

Фаттахова Наиля Нурийхановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе, Казанский государственный институт культуры.

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес издателя: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Ван Сяосюй, Хайрутдинова Г.** Семантика и образные свойства темпоральной лексемы *лето*. 6
- Ермошин А., Николаева Н.** Языковые средства и метаязыковые коды в христианской мистике
Ареопагитик. 12
- Каримуллина Г., Каримуллина Р.** Медицинская терминология в двуязычной учебной
лингвографии. 18
- Колосова Е., Ли Мэни** Разговорные глаголы в художественном тексте (на материале
произведений женской прозы конца XX – начала XXI века). 24
- Кротова А.** Фразеологические кальки: особенности восприятия носителями языка (опыт
экспериментального исследования). 32
- Кузьмина А.** Языковая компетенция в якутском языке как фактор чтения книги на родном языке
среди школьников. 41
- Маклеева Е.** Словообразование имен существительных с суффиксом *-ун* в русском
субстандарте. 47
- Омри Акила, Фаттахова Н.** Концептуальное пространство лексемы *дом / maison* в русском и
французском языках. 52
- Паневина И.** Способы выражения отношения к именуемому лицу в романе Б. Акунина «Черный
город»: морфология и словообразование. 57
- Трибунская Н.** Особенности процесса взаимодействия дискурсов в политической
коммуникации. 65

Литературоведение

- Багаутдинова Г.** Факторы «ритмической прозы» и «орнаментальной прозы» в дневнике Бориса
Райского («Обрыв» И. А. Гончарова). 71
- Бекметов Р., Казем Нежад Дахкаи Седиге.** Лев Толстой в трудах иранских исследователей. 77
- Гатина-Шафикова Д., Набиуллина Э.** Этнографические образы в рассказе Гаяза Исхаки
«Кэжүл читек». 89
- Зайнуллина Э.** Образ советского государства в повести Ю. Алешковского «Николай
Николаевич». 95
- Ничипоров И.** «Павел Чжан и прочие речные твари» Веры Богдановой: опыт художественной
футурологии. 100
- Новикова В.** Образ России в английской литературе о русской гражданской войне. 107
- Пономарева Е.** «Автобус милосердия» Анны Старобинец: традиция литературного нуара
в современной отечественной малой прозе. 116
- Сахневич С.** Феноменология перевода: коммуникативный аспект. 126
- Хабутдинов А., Бакиров М.** Образ Суслонгера в художественной литературе. 136
- Хабутдинова М.** Принципы циклизации детских книг Наки Исанбета. 142

ПЕДАГОГИКА

- Васенина О., Константинова В.** Методологические основы построения учебной литературы по
марийскому языку как государственному. 149
- Данилова А.** Смысловое разграничение терминов «новация» и «инновация»: компаративистский
подход к изучению воспитания в частных школах Великобритании. 155
- Лысакова И., Ли Боюй** Диалог культур как методический принцип при
лингвокультурологическом обучении русскому языку китайских студентов. 162

Нуруллина Г. Текстцентрический подход к формированию коммуникативной компетенции студентов-билингвов.	168
Пяо Лисян Лингвометодический потенциал праздника в обучении китайских студентов русскому коммуникативному поведению (на материале темы «День рождения»).	174
Романенко О., Митрофанова О. Инфографика как дидактический материал на занятиях по русскому языку как иностранному.	181
Штырлина Е., Капралова Ю. Развитие коммуникативных навыков при обучении русскому языку как иностранному (на материале биографии Л. Н. Толстого).	187

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

<i>Wang Xiaoxu, Hayrutdinova, G.</i> Semantics and figurative properties of the temporal lexeme <i>summer</i> . . .	6
<i>Yermoshin, A., Nikolaeva, N.</i> Language means and meta-language codes in Christian mysticism of the Corpus Areopagiticum.	12
<i>Karimullina, G., Karimullina, R.</i> Medical terminology in bilingual academic linguography.	18
<i>Kolosova, E., Li Mengyi</i> Colloquial verbs in a literary text (based on the works of women's prose of the late 20 th – early 21 st centuries).	24
<i>Krotova, A.</i> Specifics of native Russian speakers' perception of phraseological calques (an experimental study).	32
<i>Kuzmina, A.</i> Language competence in the Yakut language: Schoolchildren reading a book in the native language.	41
<i>Makleeva, E.</i> Word-formation features of nouns with the suffix <i>-un</i> in the Russian substandard.	47
<i>Akila Omri, Fattakhova, N.</i> The conceptual space of the lexeme <i>дом / maison (house)</i> in Russian and French.	52
<i>Panevina, I.</i> Ways of expressing attitude to the named person in B. Akunin's novel "The Black City": Morphology and word-formation.	57
<i>Tribunskaya, N.</i> Features of discourse interaction in political communication.	65

Literary Studies

<i>Bagautdinova, G.</i> Factors of "rhythmic prose" and "ornamental prose" in Boris Raisky's diary ("The Precipice" by I. Goncharov).	71
<i>Bekmetov, R., Kazem Nejad Dahkai Sedigheh</i> Leo Tolstoy in the works of Iranian researchers.	77
<i>Gatina-Shafikova, D., Nabiullina, E.</i> Ethnographic images in Gayaz Iskhaki's "Magic Boots".	89
<i>Zainullina, E.</i> The image of the Soviet state in the novel "Nikolai Nikolaevich" by Y. Aleshkovsky. . .	95
<i>Nichiporov, I.</i> "Pavel Zhang and Other River Creatures" by Vera Bogdanova: The experience of fictional futurology.	100
<i>Novikova V.</i> The image of Russia in English literature on the Russian civil war.	107
<i>Ponomareva, E.</i> Anna Starobinets' "Mercy Bus": The tradition of literary noir in modern Russian short stories.	116
<i>Sakhnevich, S.</i> Phenomenology of translation: A communicative aspect.	126
<i>Khabutdinov, A., Bakirov, M.</i> The theme of the Suslonger in fiction.	136
<i>Khabutdinova, M.</i> Cyclization principles of Naki Isanbet's children's books.	142

PEDAGOGY

<i>Vasenina, O., Konstantinova, V.</i> Methodological foundations for constructing educational literature on Mari as the state language.	149
<i>Danilova, A.</i> Semantic distribution of the terms "novation" and "innovation": The comparative approach to the study of education in public schools in the UK.	155
<i>Lysakova, I., Li Boiui</i> Dialogue among cultures as a method of the linguoculturological approach to teaching Russian to Chinese students.	162
<i>Nurullina, G.</i> Text-centric approach to the development of bilingual students' communicative competence.	168
<i>Piao Lixiang</i> The linguistic and methodological potential of the holiday in teaching Chinese students Russian communicative behavior (based on the topic "Birthday").	174
<i>Romanenko, O., Mitrofanova, O.</i> Infographics as a didactic material in classes of Russian as a foreign language.	181
<i>Shtyrlina, E., Kapralova, Ju.</i> Development of communication skills when teaching Russian as a foreign language (based on Leo Tolstoy's biography).	187

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА**

УДК 8.11.161.1'38

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-6-11

**СЕМАНТИКА И ОБРАЗНЫЕ СВОЙСТВА
ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЛЕКСЕМЫ *ЛЕТО***

© Ван Сяосюй, Гульшат Хайрутдинова

**SEMANTICS AND FIGURATIVE PROPERTIES
OF THE TEMPORAL LEXEME *SUMMER***

Wang Xiaoxu, Gulshat Hayrutdinova

The article studies the functions of the temporal lexeme *summer* in the framework of the language and speech aesthetics. The main purpose of the study is to analyze the semantics and figurative properties of this lexeme, used in poetic texts of the 20th–21st centuries. To this end, we used such methods as descriptive-analytical, semantic-stylistic, quantitative and the method of analyzing dictionary definitions. The study of language material is based on poetic works of the 20th–21st centuries. The conducted research allows us to conclude that the word *summer* is most often used in its dictionary meaning ‘the warmest time of the year following spring and preceding autumn’, which is the basis for the implementation of the figurative possibilities of this lexeme. There are eight paradigms, in which the word *summer* is used as a subject of a comparison. The image of the comparison in these models is implemented using the words related to the concepts of “a living object”, “something mental”, “a plant”, “something existential”, “space”, “light”, “information” and “an object”. In addition to direct ones, three inverse paradigms have been identified, in which the subject of the comparison is represented by the words belonging to the semantic spheres “a living object”, “something mental” and “information”. The highest productivity is characteristic of the “summer → a living object” paradigm, which includes nine images. Three figurative models have the property of reversibility: “summer → a living object”, “summer → information”, “summer → something mental”.

Keywords: poetic text, temporal lexeme *summer*, word semantics, figurative possibilities, paradigms of images

Статья посвящена функционированию темпоральной лексемы *лето* в рамках разработки проблемы эстетики языка и речи. Основной целью исследования является анализ семантики и образных свойств данной лексемы, используемой в поэтических текстах XX–XXI веков. В процессе достижения поставленной цели использованы такие методы, как описательно-аналитический, семантико-стилистический, количественный и метод анализа словарных дефиниций. Изучение языкового материала осуществлялось на основе стихотворных произведений XX–XXI веков. Проведенное исследование позволило определить, что наиболее часто слово *лето* употребляется в своем словарном значении «самое теплое время года, следующее за весной и предшествующее осени», что является основой реализации образных возможностей данной лексемы. Выделены 8 парадигм, в которых слово *лето* используется в качестве предмета сравнения. Образ сравнения в данных моделях реализуется с помощью слов, относящихся к понятиям «живой предмет», «ментальное», «растение», «экзистенциальное», «пространство», «свет», «информация», «предмет». Кроме прямых, выявлены 3 обратные парадигмы, в которых предмет сравнения репрезентируется за счет слов, принадлежащих семантическим сферам «живой предмет», «ментальное» и «информация». Наиболее высокая продуктивность характерна для парадигмы «лето → живой предмет», включающей 9 образов. Свойством обратимости обладают 3 образные модели: «лето → живой предмет», «лето → информация», «лето → ментальное».

Ключевые слова: поэтический текст, темпоральная лексема *лето*, семантика слова, образные возможности, парадигмы образов

Особой значимостью для художественного текста обладают лексические единицы с временным компонентом значения. Они привлекают внимание лингвистов (см.: [1], [2], [3], [4]) с точки зрения описания хронотопа, особенностей пейзажной лирики автора. Немало лингвистических работ посвящено изучению названий времен года [5], [6]. Однако не все темпоральные лексемы данного типа получили комплексное освещение с точки зрения их функционирования, в том числе в плане анализа образных возможностей. В то же время отсутствие научных работ, связанных с всесторонним изучением лексических единиц, обладающих временным компонентом значения, составляет одну из лакун в рамках разработки проблемы эстетики языка и речи.

Объектом нашего внимания в данной статье является лексема *лето*, используемая в русской поэзии XX–XXI веков. Основная цель исследования – анализ данной темпоральной лексемы в аспекте описания ее семантики и образных свойств.

В качестве основных при рассмотрении семантики и образности слова *лето* как одного из названий времен года были использованы описательно-аналитический, семантико-стилистический и количественный методы, а также метод анализа словарных дефиниций. Материалом для изучения послужили стихотворные произведения, извлеченные из «Национального корпуса русского языка» [7].

Особенности функционирования любой лексической единицы, в том числе при исследовании ее образных возможностей, определяются в первую очередь семантикой слова. Анализ толкований семантики лексемы *лето* показал, что это слово является моносемантом. Значение данной лексической единицы авторами словарей определяется сходным образом [8], [9], [10]. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» представлена следующая дефиниция: «самое теплое время года между весной и осенью» [10, с. 190].

Изучение поэтических текстов свидетельствует о том, что лексема *лето* чаще всего употребляется в своем словарном значении – «самое теплое время года». Например: *Все же какое прекрасное позднее лето*. (Б. Рыжий. «Молодость, свет над башкою, случайные встречи...») [7] (здесь и далее разрядка наша. – В. С., Г. Х.).

Обратимся к анализу образно-ассоциативных свойств данного слова. Проблема образности языковых единиц рассматривалась в целом ряде исследований [11], [12], [13]. При анализе образных возможностей слова *лето* мы в основном будем ориентироваться на концепцию

Н. В. Павлович [14], которая развивает идею парадигматичности образа. Изучение поэтических произведений XIX–XXI веков показало, что лексическая единица *лето* функционирует в качестве и предмета, и образа сравнения. Проанализируем в первую очередь прямые парадигмы, когда данное слово употребляется в позиции левого элемента модели.

1. Вначале рассмотрим те контексты, в которых лексема *лето* сочетается со словами, обозначающими живой предмет. В большинстве случаев образность темпоральной лексемы репрезентируется благодаря сближению с гомическими субстантивами (*мальчик*, *богиня*), называющими реально существующих людей или вымышленных лиц. В менее объемной части языкового материала в качестве образа сравнения выступают номинации животных (*лисица*, *наседка*).

С грамматической точки зрения интересно отметить, что количество контекстов, в которых слово *лето* намеренно сближается с субстантивами, обозначающими лиц мужского и женского пола, примерно одинаково, что детерминировано его принадлежностью к существительным среднего рода. Поэтому в ходе анализа были выделены случаи как маскулинизации, так и феминизации образа лета. При этом маскулинизация образа [15, с. 132] отмечена в тех случаях, когда в качестве образа сравнения употребляются существительные типа *мужчина*, *мальчик*. Например: *Мужчина Лето, чем ты сердце покорить / Весны девицы или Осени молодки?* (Л. Станоженко. «Мужчина Лето») [7]. В приведенном фрагменте текста рассматриваемое неодушевленное слово сближается с существительным *мужчина* («лицо, противоположное женщине по полу» [8, с. 369]), что усиливает образное противопоставление субстантива *лето* другим темпоральным лексемам (*весна* и *осень*), которые ввиду их принадлежности к женскому роду традиционно ассоциируются с лицами женского пола.

Обозначения лиц женского пола представлены существительными *девочка*, *женщина*, *царица*, *богиня*. Подтвердим сказанное фрагментом стихотворного текста: *Девочка-Лето, одетая в счастье, / С сиреновой ленточкой в рыжей косе, / В легком прозрачном шифоновом платье / Бежит босиком по прохладной росе...* (С. Чеколаева. «Девочка-Лето») [7]. Феминизация неодушевленного существительного [16, с. 112] в данном примере обеспечивается благодаря использованию лексемы *девочка* («ребенок женского пола» [8, с. 156]); свою лепту в создание образности произведения вносят также элементы художественного текста – слова тематического

ряда «Внешний вид человека» (*коса, платье, ленточка* и др.). В ряде случаев феминизация неодушевленного субстантива *лето* может быть реализована только за счет средств художественного контекста. Так, в приводимом далее отрывке феминизации существительного *лето* способствует слово *бурнус* – «женская верхняя одежда (в XIX веке) в виде накидки» [Там же, с. 64]: *Прикутано старым бурнусом, / Спит лето в затишье болот.* (Н. Клюев. «Сегодня в лесу именины...») [7].

2. Следующая парадигма выделена в результате анализа тех контекстов, в которых лексема *лето* сближается со словами, относящимися к семантической зоне «экзистенциальное»: *время, жизнь, смерть, зима, день* и др. Обратимся к фрагменту поэтического текста: *...и вечное лето, как зима, / Востоком жестоко и солнечно правило.* (Б. Слуцкий. «Восточные мудрецы и восточные умники») [Там же]. Здесь в позиции правого элемента модели используется существительное *зима*, реализующее значение «самое холодное время года, следующее за осенью и предшествующее весне» [8, с. 229]. Интересно также отметить, что в контексте представлены антонимические отношения, которые характеризуют данные слова в системе языка [17, с. 186].

3. В третьей модели образные возможности слова *лето* репрезентируются за счет использования существительных *сон, память, надежда, отрада, бредни*, принадлежащих семантической зоне «ментальное». Приведем текстовый пример: *Миновало лето, словно сон, / Отлетела радостная муза, / И засел поэт за фельетон, / Потому что выгорела блуза.* (А. Несмелов. «Загорел за лето на песке...») [7]. Как видим, здесь использована лексема *сон*, имеющая значение «то, что снится, грезится спящему, сновидение» [8, с. 747].

4. В следующем типе парадигмы в качестве образа сравнения выступают слова, обозначающие пространство: *ателье, храм, блокнот, тучка, дымка*. Например: *И входит лето в рыжий храм сосновый, / Светлеет бор, и сосны раступились.* (В. Луговской. «Дверь открывается – и входит дед...») [7]. В данном фрагменте текста с целью создания образности использована лексема *храм* («здание для богослужения» [8, с. 868]), которая в сочетании с прилагательным *сосновый* является метафорическим обозначением леса.

5. Образное осмысление лета в рамках пятой парадигмы реализуется за счет употребления существительных, относящихся к семантической сфере «свет»: *блеск, сиянье, зарница, звезда*. Подтвердим сказанное одним из текстовых примеров: *И – ушло опять незримо быстро лето, /*

Как, срываясь в ночь, летят в пространство звезды ... (В. Янковская. «Точно раковина, небо на закате...») [7]. Плюральная форма слова *звезда* здесь выражает значение «небесное тело, ночью видимое как светящаяся точка» [8, с. 226].

6. Сущность правого элемента шестой парадигмы раскрывается благодаря употреблению слов, называющих растения: *одуванчик, миндаль, заросли, цветенье*. Например: *Иосиф Прекрасный, твое обаянье / Всего мне заметнее в зарослях лета, / Где лунные девы стоят на поляне / Столбами прозрачного лунного света...* (В. Блаженный. «Во сне я дорогу увидел куда-то...») [7]. Лексема *заросли*, представляющая собой образ сравнения, употреблена в данном отрывке в значении «частый кустарник, которым заросло какое-н. место» [8, с. 218].

7. Правый член следующей образной парадигмы реализуется за счет таких слов, как *книга, произведение, сказка, ложь*, которые относятся к понятию «информация». Обратимся к примеру: *Вот уж осень ставит свой росчерк / Под законченной книгой лета, / И она просиявшей рощей / В золотой переплет одета.* (Д. Кленовский. «Вот уж осень ставит свой росчерк...») [7]. Существительное *книга* в приведенном примере употреблено в значении «произведение печати в виде переплетенных листов с каким-н. текстом» [8, с. 279].

8. В последнем типе парадигмы в качестве правого элемента выступают слова, обозначающие семантически уникальные предметы, номинации которых не могут быть подведены под традиционно выделяемые понятия: *медаль, иголка*. Например: *Как медаль на шее у поэта, / Как миндаль на дереве во рту, / Белое растерзанное лето / Подымалось на гору в поту...* (Б. Поплавский. «Как медаль на шее у поэта...») [7]. Образность текста здесь формируется за счет использования слова *медаль*, реализующего значение «знак в виде круглой металлической пластинки с различными изображениями, присуждаемый в награду за что-н. или отливаемый в память о каком-н. событии» [8, с. 347].

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, в менее значительной по объему части случаев лексема *лето* употребляется в качестве образа сравнения. Обратимся к анализу обратных парадигм, в которых слово *лето* выступает в позиции правого элемента.

1. В первую очередь рассмотрим случаи намеренного сближения существительного *лето* со словами, которые входят в понятие «живой предмет». Данный лексический ряд включает в себя только обозначения человека; названия животных, выступающие в позиции левого элемен-

та, в составе обратных парадигм не обнаружены. В качестве предмета сравнения выступают лексемы *девчонка, девушка, товарищ, батальон*. Например: *...женщина – она как лето / так же может нас согреть...* (Л. Матяс. «Женщина – она как лето...») [7]. Как видим, в данном фрагменте текста лексема *женщина* используется в значении «лицо, противоположное мужчине по полу» [8, с. 192].

2. Левый элемент второй модели реализуется за счет существительных, образующих семантическую зону «ментальное»: *память, душа, любовь*. Приведем контекст с одним из этих субстантивов: *Любовь, как лето, неизбежна, / и любишь дерзко – во всю грудь...* (С. Анохин. «Любовь, как лето, неизбежна...») [7]. В приведенном примере употреблено существительное *любовь*, имеющее значение «глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство» [8, с. 336].

3. В третьей образной парадигме в позиции предмета сравнения выступают слова *поэзия, тема, ложь*, относящиеся к понятию «информация». Например: *Поэзия, я буду клясться / Тобой, и кончу, прохрипев: / Ты не осанка сладкогласца, / Ты – лето с местом в третьем классе...* (Б. Пастернак. «Поэзия») [7]. Здесь в качестве левого элемента модели выступает лексема *поэзия* в значении «стихи, произведения, написанные стихами» [8, с. 576].

Особого внимания среди примеров нашей картотеки заслуживают случаи усложнения образа. Один из таких примеров представлен в следующем фрагменте текста: *...Сиянье лета сравниваем мы / С разбросанной по берегу листвою.* (Н. Заболоцкий. «При первом наступлении зимы...») [7]. Здесь на сложность образа указывает его емкость, под которой понимается способность соотноситься не с одной, а с двумя и более парадигмами. В приведенном контексте образ соотносится с двумя парадигмами: «лето → свет» и «лето → растение»; тип связи между ними может быть определен как «цепочка»: $X \rightarrow A; A \rightarrow B$ (*лето* → *свет*; *свет* → *листва*).

Усложнение образа может быть связано с маргинальным воплощением парадигмы, когда в позиции правого элемента используются слова, далекие от ее инварианта и ядра (то есть наиболее частых словоупотреблений). Чтобы пояснить данный тезис, обратимся к фрагменту стихотворного текста: *...И шепотят в церквах, что лето – мститель / За дерзкий бунт, за этот красный флаг.* (Г. Шенгели. «Акации, голубизна и зной...») [7]. Данный контекст представляет собой одну из реализаций парадигмы «лето → живой предмет», в которой лексема

мститель относится к маргинальной части, в отличие от слов *друг, женщина, царица*, принадлежащих ее ядру.

О сложности образа свидетельствует также его усиление [14, с. 261, 272], проявляющееся в повторе лексемы, выступающей в роли предмета или образа сравнения. В приводимом далее фрагменте текста (помимо емкости образа) наблюдается повтор темпоральной лексемы, замещающей позицию левого элемента модели: *Лето, лето, весна цветов, пионы и бензин, искрят газоны, тянет травостоем, и запах детства слышен за квартал.* (О. Чухонцев. «Я отодрался от своих корней...») [7].

Обобщая результаты нашего исследования, отметим, что лексема *лето* в поэтических текстах используется главным образом в своем словарном значении «самое теплое время года, следующее за весной и предшествующее осени». С точки зрения реализации образных возможностей она способна употребляться в позиции и левого, и правого члена парадигмы, однако наиболее часто используется в качестве предмета сравнения (77,17% примеров). Выделены 8 прямых парадигм, в которых рассматриваемое слово выступает в роли левого элемента: «лето → живой предмет», «лето → ментальное», «лето → растение», «лето → экзистенциальное», «лето → пространство», «лето → свет», «лето → информация», «лето → предмет». Наибольшее количество контекстов связано с моделью «лето → живой предмет» (14,67% употреблений). Наименьшее число примеров включают парадигмы «лето → растение» и «лето → информация» (по 4% случаев использования). Выявлены 3 обратные парадигмы, в которых слово *лето* выступает в качестве правого элемента модели: «живой предмет → лето», «информация → лето», «ментальное → лето». При этом наиболее значительный корпус текстовых примеров характерен для модели «живой предмет → лето» (33,33%). Наименьшее количество контекстов представлено в парадигме «ментальное → лето» (14,29%).

Самой высокой продуктивностью обладает парадигма «лето → живой предмет», включающая 9 образов. Свойство обратимости обнаруживают 3 модели: «лето → живой предмет», «лето → информация», «лето → ментальное».

Выявлены и проанализированы случаи усложнения образа, обусловленные его емкостью, лексическим воплощением модели (ядро или маргиналии) и усилением.

Согласно полученным данным употребление слова *лето* связано с менее объемным текстовым материалом по сравнению с другими названиями времен года. В то же время следует отметить, что

данная лексема функционирует в произведениях 54 авторов поэтических произведений. Наиболее часто рассматриваемое слово употребляется в стихотворных текстах таких известных поэтов, как Б. Поплавский, Б. Слуцкий, Ю. Мориц и др. Анализ динамики функционирования лексической единицы показывает, что наиболее активно она использовалась в период с 1921 по 1940 гг.

Полагаем, что результаты проведенного исследования позволят расширить и уточнить научные представления о семантике и функционировании слов, обладающих временным компонентом значения, а также дополнят сведения, касающиеся творческого осмысления действительности в процессе художественной коммуникации.

Список источников

1. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2003. 496 с.
2. Бадертдинова Л. А. Семантика и сочетаемость имен-названий времен и месяцев года в языке произведений И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2004. 23 с.
3. Баруздина С. А. Время как лингвокультурный концепт // Вестник Челябинского гос. университета, 2007. № 15. С. 20–26.
4. Михеева Л. Н. «Время» в русском языковом сознании // Научный результат. Педагогика и психология образования, 2016. Т. 2, №1. С. 57–63.
5. Борисова Л. В. Концептосфера «Времена года» в традиционной русской лингвокультуре // Вестник Вятского гос. гуманитарного университета, 2012. № 3-2. С. 6–12.
6. Евсеева О. А. Ассоциативно-смысловое поле концепта «Зима» (на материале стихотворений Давида Самойлова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016. № 9(63). С. 90–93.
7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (дата обращения: 23.09.21).
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.
9. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2002. 960 с.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.-Л.: АН СССР, 1957. Т. 6. 1462 с.
11. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
12. Борисова Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского гос. университета. 2009. № 35 (173). С. 20–26.
13. Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.

14. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Типография Россельхозакадемии, 1995. 491 с.

15. Хайрутдинова Г. А. Образный потенциал лексемы *месяц* (на материале поэтических произведений XIX–XXI веков) // Филология и культура. 2021. № 4 (66). С. 130–136.

16. Хайрутдинова Г. А., Ван Сяосюй. К проблеме образного потенциала лексемы *осень* (на материале стихотворных произведений XX–XXI веков) // Филология и культура. 2020. № 2 (60). С. 110–114.

17. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1995. 544 с.

References

1. Babenko, L. G. (2003). *Lingvisticheskii analiz hudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika: Uchebnik; Praktikum* [Linguistic Analysis of a Literary Text. Theory and Practice: A Textbook; Practicum]. 496 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
2. Badertdinova, L. A. (2004). *Semantika i sochetatsemost' imen-nazvanii vremen i mesyatsev goda v yazyke proizvedenii I. A. Bunina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics and Compatibility of Names-Nominations of Seasons and Months of the Year in the Language of I. A. Bunin's Works: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan, 23 p. (In Russian)
3. Baruzdina, S. A. (2007). *Vremya kak lingvokul'turnyi kontsept* [Time as a Linguocultural Concept]. Vestnik Chelyabinskogo gos. universiteta. No. 15, pp. 20–26. (In Russian)
4. Mikheeva, L. N. (2016). *“Vremya” v russkom yazykovom soznanii* [“Time” in the Russian Language Consciousness]. Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya. T. 2, No. 1, pp. 57–63. (In Russian)
5. Borisova, L. V. (2012). *Kontseptosfera “Vremena goda” v traditsionnoi russkoi lingvokul'ture* [The Concept Sphere of “Seasons” in the Traditional Russian Linguoculture]. Vestnik Vyatskogo gos. humanitarnogo universiteta. No. 3–2, pp. 6–12. (In Russian)
6. Evseeva, O. A. (2016). *Assotsiativno-smyslovoe pole kontsepta “Zima” (na materiale stihotvorenii Davida Samoilova)* [Associative and Semantic Field of the Concept “Winter” (based on David Samoilov's poems)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 9(63), pp. 90–93. (In Russian)
7. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (accessed: 23.09.21). (In Russian)
8. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Iu. (2007). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 Words and Idiomatic Expressions]. 944 p. Moscow, ООО “А ТЕМП”. (In Russian)
9. Kuznetsov, S. A. (2002). *Sovremennyyi Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 960 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)

10. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: In 17 Volumes]. Moscow, Leningrad, AN SSSR. (In Russian)
11. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. 896 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
12. Borisova, E. B. (2009). *O sodержanii ponjatii 'hudozhestvennyi obraz' i 'obraznost'' v literaturovedenii i lingvistike* [On the Content of the Concepts of 'Artistic Image' and 'Imagery' in Literary Studies and Linguistics]. *Vestnik Cheljabinskogo gos. universiteta*. No. 35 (173), pp. 20–26. (In Russian)
13. Jurina, E. A. (2005). *Obraznyi stroi yazyka* [The Figurative Structure of the language]. 156 p. Tomsk, izd. Tom. un-ta. (In Russian)
14. Pavlovich, N. V. (1995). *Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke* [The Language of Images. Paradigms of Images in the Russian Poetic Language]. 491 p. Moscow, Tipografiya Rossel'khozakademii. (In Russian)
15. Khayrutdinova, G. A. (2021). *Obraznyi potentsial leksemy mesyats (na materiale poeticheskikh proizvedenii XIX-XXI vekov)* [The Figurative Potential of the Lexeme *Moon* (based on the poetic works of the 19th–21st centuries)]. *Filologiya i kul'tura*. No. 4 (66), pp. 130–136. (In Russian)
16. Khayrutdinova, G. A., Van Syaosyuy (2020). *K probleme obraznogo potentsiala leksemy osen' (na materiale stihotvornyykh proizvedenii XX – XXI vekov)* [On the Problem of the Figurative Potential of the Lexeme *Autumn* (based on the poetic works 20th–21st centuries)]. *Filologiya i kul'tura*. No. 2 (60), pp. 110–114. (In Russian)
17. Vvedenskaya, L. A. (1995). *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Antonyms]. 544 p. Rostov-na-Donu, "Feniks". (In Russian)

The article was submitted on 22.05.2022
Поступила в редакцию 22.05.2022

Ван Сяосюй,
ассистент,
Вэйнаньский педагогический университет,
714099, Китай, Вэйнань,
Чаоян, 2.
382814943@qq.com

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна,
доктор филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Kgulshat@yandex.ru

Wang Xiaoxu,
Assistant Professor,
Weinan Normal University,
2 Chaoyang Str.,
Weinan, 714099, China.
382814943@qq.com

Hayrutdinova Gulshat Ahmathanovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Kgulshat@yandex.ru

УДК 165.3+81

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-12-17

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И МЕТАЯЗЫКОВЫЕ КОДЫ В ХРИСТИАНСКОЙ МИСТИКЕ АРЕОПАГИТИК

© Антон Ермошин, Наталия Николаева

LANGUAGE MEANS AND META-LANGUAGE CODES IN CHRISTIAN MYSTICISM OF THE CORPUS AREOPAGITICUM

Anton Yermoshin, Nataliya Nikolaeva

The paper deals with the epistemological dilemma of the knowledge of God in the theolinguistic discourse. This dilemma is a paradox of the knowledge of God with His incomprehensibility. The resolution of this paradox is to be found in a constructive conflict of cataphatic and apophatic methods of theology, which are excellently implemented in the Christian mysticism writings of the 5th century – the treatises from the Corpus Areopagiticum. These pseudo-epigraphs, inscribed with the name of the Apostle Paul's disciple Dionysius Areopagita, are a product of Christianized Neoplatonism in synthesis with the biblical tradition. We have analyzed the language reflection of the mentioned gnoseological dilemma, expressed in the linguistic innovation of Pseudo-Dionysius. The paper studies the lexical, word-forming, morphological and syntactic means used to resolve the specified conflict. The research is based on an inductive methodological approach – by selecting and describing specific linguistic facts to understand the essence of the phenomena behind them. Using concrete examples, we prove Pseudo-Dionysius' choice of the apophatic method over the linguistic units of the text. The cataphatic method is built mostly on lexical and morphological linguistic means, and the apophasis – on syntactic and word-forming means. Furthermore, the meta-linguistic codes, used by Pseudo-Dionysius the Areopagite, serve the realization of an important task of mystical texts: They conceal the sacred information from uninitiated readers but reveal it to chosen ones.

Keywords: Pseudo-Dionysius the Areopagite, knowledge of God, Christian mysticism, metalanguage cultural codes, theolinguistic discourse

В статье в теолингвистическом дискурсе рассматривается гносеологическая дилемма Богопознания: парадокс сочетания познания Бога с Его непостижимостью, а также разрешение этого парадокса в конструктивном конфликте катафатического и апофатического методов богословия, что превосходно реализовано в памятниках христианской мистики V века – сочинениях из Corpus Areopagiticum. Данные псевдоэпиграфы, надписанные именем ученика апостола Павла Дионисия Ареопагита, представляют собой продукт христианизированного неоплатонизма в синтезе с библейской традицией. Авторами проведен анализ языковой рефлексии заявленной гносеологической дилеммы, выразившейся в языковом новаторстве Псевдо-Дионисия. В статье анализируются лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические средства, примененные им для разрешения указанного конфликта. Исследование базируется на индуктивном методологическом подходе: через отбор и описание конкретных языковых фактов к осмыслению сущности стоящих за ними явлений. На конкретных примерах языковых единиц текста Ареопагитик авторами доказывается приоритетность для Псевдо-Дионисия в целом именно апофатического метода при предпочтении в катафатическом методе лексических и морфологических языковых средств, а в рамках апофазы – синтаксических и словообразовательных. Кроме того, метаязыковые коды, применяемые автором Ареопагитик, служат для реализации немаловажной задачи мистических текстов: они скрывают сакральное от непосвященных, но раскрывают его для избранных читателей.

Ключевые слова: Псевдо-Дионисий Ареопагит, Богопознание, христианская мистика, метаязыковые культурные коды, теолингвистический дискурс

В религиозной философии и теологии проблема Богопознания рассматривается в рамках гносеологической дилеммы: принципиальная невозможность познания Бога теоретическими и эмпирическими способами не исключает прибли-

жения к Нему с помощью утвердительного и отрицательного метода – катафатического и апофатического богословия. Вершиной применения той и другой методики в их сочетании считается корпус сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита,

христианского неоплатоника V века, оставившего ряд сочинений, посвященных иерархическому строению Вселенной («De Coelesti Hierarchia» и «De Ecclesiastica Hierarchia») и атрибуции Бога («De Divinis Nominibus» и «De Mystica Theologia»), а также несколько посланий (Epistulae). Эти сочинения, так называемый Corpus Areopagiticum, являются материалом настоящего исследования. В дальнейшем при ссылках на эти трактаты будут применяться их традиционные для научной литературы сокращенные наименования: СН, ЕН, DN, MTh, Ep. соответственно. Греческий текст Ареопагитик приводится по каноническому изданию Ж.-П. Миня в серии Patrologia Graeca [1], русский перевод – по изданию под редакцией Г. М. Прохорова [2].

Одной из важнейших граней данной гносеологической дилеммы в философии является ее языковая рефлексия как одновременно инструмент и результат ее осмысления. Это хорошо понимал автор Ареопагитик: его языковое новаторство вследствие необыкновенной яркости и несомненного эффекта воздействия на читателя признается всеми исследователями со времени введения корпуса в научный оборот. Изопренным словообразованием и риторически насыщенным текстом он достигал эффекта «выхода за слово» [3, с. 139], который создавал подобие трансцендентной реальности Божественного бытия и приближал к Богопознанию.

Основную проблему данной статьи в связи с этим можно сформулировать следующим образом: способен ли столь уникальный дискурс преодолеть рамки неопределенности в отношении Богопознания, склонив чашу весов в какую-либо сторону, дать однозначный ответ – не на вопрос, что есть Бог, а на вопрос, возможно ли Богопознание принципиально?

В связи с поставленной проблемой необходимо решить следующие частные вопросы. Во-первых, язык располагает лексическими, словообразовательными, морфологическими и синтаксическими средствами для выражения неопределенности, которую, в частности, предполагает указанная гносеологическая дилемма. В лексике и словообразовании это средства семантики лексической и словообразовательной соответственно: первая воплощается лексической единицей в целом, вторая – с помощью словообразующих морфем. В морфологии существует специфическая категория определенности и неопределенности, находящаяся в разных языках разное воплощение (артикли, глагольные формы и т. д.). В синтаксисе для выражения дополнительных значений применяются различные риторические фигуры. Задача состоит в том, чтобы узнать, ка-

кие из этих средств для автора корпуса предпочтительнее в целом.

Во-вторых, предстоит выяснить, одни и те же ли языковые средства он применяет для катафатических дефиниций и для апофатических.

Основной, третий, вопрос состоит в том, достаточно ли только языковых средств для разрешения гносеологической дилеммы в богословском дискурсе.

Поскольку исследование затрагивает прежде всего вопросы языковой репрезентации умозрительных построений, то ведущим методологическим подходом является когнитивный метод, подразумевающий междисциплинарную интеграцию частных методик гуманитарных наук. Междисциплинарный подход включает в данном случае ряд философских и лингвистических методик.

Из философских методов прежде всего используются методы эпистемологический и герменевтический, поскольку в центре исследования находится вопрос о познании (эпистемология), который реализуется в тексте (герменевтика); из лингвистических – метод синхронного описания, который включает в себя в том числе методику словообразовательного анализа, стилистического анализа, контекстного описания.

Катафатический метод Богопознания и языковые средства его выражения

Катафатическая теология – метод утвердительный. В сущности, сама идея написать трактат о Божественных именах предполагает априори перечисление и толкование известных – прежде всего из Священного Писания – Божественных атрибутов. В образно-символической терминологии Псевдо-Дионисия это в основном так называемые «подходящие образы». К ним относятся в первую очередь те имена, которые Бог открывает о Себе сам или через авторов книг Ветхого Завета (сообразуясь с общей идеей мистификации, автор, ученик апостола Павла, обращенный им во время пребывания апостола в Афинах, не может знать Нового Завета, который к концу I века нашей эры еще не был составлен [4, с. 29]). Это распространенные предикаты, которые войдут и в новозаветный канон: *ἀγαθός* ‘благой’, *φῶς* ‘свет’, *ἔρως* ‘любовь’, *ζωή* ‘жизнь’, *σοφία* ‘мудрость’, *νοῦς* ‘ум’, *λόγος* ‘слово’, *δύναμις* ‘сила’, *σωτηρία* ‘спасение’ и т. п., а также более редкие и сложные, типа: *ἥλιος δικαιοσύνης* ‘солнце правды’, *ἀστὴρ ἑῷος* ‘утренняя звезда’, *μύρον εὐωδίας* ‘миро благовонное’ и т. п.

Обращает на себя внимание, что в одном ряду могут рассматриваться такие Божественные имена, как *μέγας* ‘великий’ и *μικρός* ‘малый’;

ταὐτός ‘тот же’ и *ἕτερος* ‘другой’; *ὅμοιος* ‘подобный’ и *ἀνόμοιος* ‘неподобный’; *στάσις* ‘покой’ и *κίνησις* ‘движение’ и т. д. (например, в DN IX). Соположение антонимов становится лексическим средством разрешения гносеологического конфликта.

Катафатическое Богопознание не может, однако, игнорировать и «неподобные символы», о которых автор Ареопагитик упоминает во всех своих сочинениях. Это Божественные атрибуты типа *воздух* или *камень* (MTh III), *барс*, *медведица* или *червь* (CH II, 5). Значительный фрагмент Послания к Титу посвящен разъяснению, почему о Боге говорится (со ссылкой на Псалтирь), что Он упивается, пребывает в опьянении (*μεθύειν*) и в исступлении (*ἔκστασις*) и т. п. (Ер. IX, 5). Подобные именованья, в концепции апофатической антропологии Ч. Стэнга, одновременно являются знаком преисполненности Бога (как Причины всего) всем, что Он создал, и полной трансцендентности Его сущности, выходящей за пределы нашего понимания [5, с. 12]. В этом как раз и заключается парадокс принципиальной непостижимости Бога и возможности Его познания в полном погружении в трансцендентный «божественный сумрак» за пределами всякой осознанности, как это представлено в работе Б. Р. Зухлы [6, с. 110]. Кроме того, сопоставление подобных, часто откровенно пейоративных, характеристик с традиционными (типа *благой*, *свет*) создает контраст, подчеркивающий конфликт двух позиций в именовании и познании Бога.

До сих пор речь шла об именах в основном непроизводных. Но, по мысли автора, в соответствии с его неоплатонической мировоззренческой платформой более правильно было применять к Богу как к Причине всего сущего имена типа *αὐτοεἶναι* ‘само-по-себе-бытие’, *αὐτοζωή* ‘сама-по-себе-жизнь’, *αὐτοδύναμις* ‘сама-по-себе-сила’ и т. п. Данные словосложения в сопоставлении в пределах широкого контекста со своими производными («простыми» именами) также призваны вызвать у читателя вопрос: что точнее характеризует Бога? что ближе Его сущности? Конфликт, таким образом, нарастает.

Ярко выражена неопределенность в сфере Богоименования на морфологическом уровне. Там, где это возможно, автор Ареопагитик предпочитает придавать божественным предикатам грамматическую форму среднего рода (для этого он использует словообразовательный прием субстантивации прилагательных и инфинитивов). В итоге, для него предпочтительнее называть Бога не *ἀγαθός* ‘благой’, а *τὰγαθόν* ‘благое’; не *μέγας* ‘великий’, а *τὸ μέγα* ‘великое’; не *ὑπαρξίς* ‘бытие’, а *τὸ εἶναι* ‘быть’ (субстантивированный инфини-

тив глагола *быть*) – и таких примеров множество. По мнению В. Нейдла, это свидетельствует о том, что языковыми средствами невозможно выразить то, что по сути стоит вне категории рода [7, с. 19, 36]. Форма максимально отвлеченная и нейтральная грамматически передает только самое общее представление об объекте познания через именование.

Наконец, катафатический синтаксис выражается ярче всего в конструкциях с однокорневым повтором (*figura etymologica*), как, например, в DN VI, 3, где повторяется корень ζω- – ‘жизнь, живой’:

Ἦ γὰρ ὑπέρζωος ζωαρχικὴ ζωὴ καὶ πάσης ζωῆς ἐστὶν αἰτία καὶ ζωογόνος καὶ ἀποπληρωτικὴ καὶ διαιρητικὴ ζωῆς καὶ ἐκ πάσης ζωῆς ὑμνητέα κατὰ τὴν πολυγονίαν τῶν πασῶν ζῶν ὡς παντοδαπὴ ζωῆς πᾶσα ζωὴ θεωρουμένη καὶ ὑμνομένη καὶ ὡς ἀνεκδέης, μᾶλλον δὲ ὑπερπλήρης ζωῆς αὐτοζωὸς ζωῆς ὡς ὑπὲρ πᾶσαν ζωὴν ζωοποιὸς καὶ ὑπέρζωος ἢ ὅπως ἂν τις τὴν ζωὴν τὴν ἄφθεγκτον ἀνθρωπικῶς ἀνυμνήσοι [1, col. 857]. – Ибо сверхживая и живоначная Жизнь есть причина, оживительница, умножительница и разделительница всякой жизни и всякой жизнью должна быть воспеваема, соответственно плодородию всех живых, как всевозможная и вообще Жизнь, – созерцаемая и воспеваемая, – не как нечто нуждающееся в жизни, а как переполненное жизнью само-по-себе-живое, больше всякой жизни животворящее и сверхживущее, превышающее то, как человек может воспеть невыразимую Жизнь [2, с. 445].

Многократное повторение в разных комбинациях Божественного имени отражает в неоплатоническом духе многообразие эманаций того Божественного свойства, имя которому мы даем в соответствии с этими эманациями. Многословие одновременно и приоткрывает трансцендентную реальность, и отгораживает ее простоту от нашего познания.

Апофатический метод Богопознания и языковые средства его выражения

Апофатический путь – путь отрицания, или отъятия от объекта исследования ряда предикативных качеств, другими словами – это утверждение того, чем объект не является. Этот путь автор Ареопагитик считал для Богопознания более совершенным и продуктивным, чем катафатический, о чем он не раз упоминал в своих произведениях, особенно явно в «De Mystica Theologia».

Наиболее очевидным средством выражения апофазы являются грамматические конструкции с отрицанием, как, например, в MTh IV и V. В качестве иллюстрации приведем пример из 5-й главы этого трактата в переводе, полностью отражающем построение оригинального текста:

Далее восходя, говорим, что Она [Причина всего] не душа, не ум; ни воображения или мнения, или слова, или разума Она не имеет; и Она не есть ни слово, ни мысль; Она и словом не выразима и не уразумевается; Она и не число, и не порядок, не величина и не малость, не равенство и не неравенство, не подобие и не отличие; и Она не стоит, не движется, не пребывает в покое; не имеет силы и не является ни силой, ни светом; Она не живет и не жизнь; Она не есть ни сущность, ни век, ни время... [2, с. 759].

Мы видим, как в этом отрывке, во-первых, отрицаются те самые имена, которые прилагались Богу в катафатической части изложения (*свет, жизнь, слово, ум* и т. п.); во-вторых, лексические антонимы (типа *величина* и *малость, равенство* и *неравенство, подобие* и *отличие, движется* и *покоится* и т. п.), сопоставляясь теперь в этом поле отрицания, становятся логически равнозначимы, так как отрицаются одинаковым образом как неприменимые к именованию Бога, и только в отрицательном смысле они могут дать ключ к Богопознанию.

В апофатическом духе отрицаются и все грамматические характеристики слов для описания трансцендентности Божественного бытия, непричастного к физическим характеристикам тварного мира. Так, чтобы подчеркнуть вневременность Божественного бытия, Псевдо-Дионисий дает отрицательный ряд личных временных форм *verbum substantivum* (DN V, 4): *καὶ οὔτε ἦν οὔτε ἔσται οὔτε ἐγένετο οὔτε γίνεταί οὔτε γενήσεται, μᾶλλον δὲ οὔτε ἔστιν* [1, col. 817]. – *Его же Самого не было, не будет и не бывало, Он не возникал и не возникнет, и – более того – Его нет* [2, с. 413]. Признание несуществования Бога (в наших временных рамках) – вершина апофатических рассуждений автора.

Однако Псевдо-Дионисием используются не только очевидно подходящие для апофазы отрицательные языковые конструкции. По мысли автора, отрицание не только в том, чтобы исключить видимые и данные в чувственном и созерцательном опыте признаки, но и в том, чтобы языковыми средствами показать исключительность и принадлежность к иной реальности. Для этого он использует суперлатив – как грамматический, так и логический [8, с. 35–36], [9].

Грамматический суперлатив (или элатив) выражается формами превосходной, а чаще сравнительной степени прилагательных (в значении превосходной): *θειότερος* и *θειότατος* имеют в тексте Ареопагитик одинаковое значение, исключаящее всякое сравнение и подразумевающее превосходство и трансцендентность. Кроме того, элатив может передаваться с помощью предлога *ὑπέρ*

‘выше, больше, сверх’ (наряду с активным использованием его в качестве префикса), как, например, в следующем фрагменте (DN II, 10):

Καὶ μέτρον ἐστὶ τῶν ὄντων καὶ αἰὼν καὶ ὑπὲρ αἰῶνα καὶ πρὸ αἰῶνος, πλήρης ἐν τοῖς πλήρεσιν, ἄρρητος, ἄφθεγκτος, ὑπὲρ νοῦν, ὑπὲρ ζωήν, ὑπὲρ οὐσίαν. Ὑπερφυῶς ἔχει τὸ ὑπερφυές, ὑπερουσίως τὸ ὑπερούσιον [1, col. 648]. – Она [Божественность Сына] – мера всего сущего, она вечность, и она выше вечности и до вечности; она восполнение недостаточного и переполнение исполненного; она неизреченна, безмолвна, превышает ум, превышает жизнь, превышает сущность. Ей сверхъестественно свойственно сверхъестественное, сверхсущественно – сверхсущественное [2, с. 273].

Вообще именно словообразовательные средства весьма продуктивны в передаче логического элатива: кроме префикса *ὑπέρ-*, это и многочисленные образования с *ἀ-privativum*, и словосложения с начальным *παν-*, *ἀρχ(1)-*, *όλο-*, *πρωτο-*, *ἀει-*, *πολυ-*. Эти морфемы не только семантически маркируют слово как знак проявления трансцендентной реальности, но и становятся опорными конструкциями синтаксических построений, основой риторических фигур, эстетически укрепляющих идею непознаваемости Божественной сущности. В следующем фрагменте (DN I, 1) такую функцию выполняют префиксы *ἀ-privativum* и *ὑπέρ-*:

Καὶ πάσαις διανοίαις ἀδιανόητόν ἐστι τὸ ὑπὲρ διάνοιαν ἔν, ὑἄρρητόν τε λόγῳ παντὶ τὸ ὑπὲρ λόγον ἀγαθόν, ἐνὰς ἐνοποιὸς ἀπάσης ἐνάδος καὶ ὑπερούσιος οὐσία καὶ νοῦς ἀνόητος καὶ λόγος ἄρρητος, ἀλογία καὶ ἀνοησία καὶ ἀνωθυμία [1, col. 588]. – И никакой мыслью превышающее мысль Единое не постижимо; и никаким словом превышающее слово Добро не выразимо; Единица, делающая единой всякую единицу; Сверхсущественная сущность, Ум непомыслимый; Слово неизречаемое; Бессловесность, Непомыслимость и Безымянность [2, с. 211–213].

В этой же главе мы находим квинтэссенцию апофатического определения Бога как «сверхсущественной неопределенности» (*ἡ ὑπερούσιος ἀπειρία*).

Метаязыковые культурные коды в рефлексии Богопознания

Христианская мистика имеет, как правило, две противоположные цели: скрыть сакральное от непосвященных и открыть таинственное знающим. Для этого используются определенные метаязыковые культурные коды. В отношении Богопознания к таким кодам можно несомненно отнести постулат из Евангелия от Иоанна «Бога

не видел никто никогда» (Ин. 1:18). Это самый простой и очевидный код.

За Ареопагитиками стоит также внушительная традиция неоплатонической философии с ее теорией эманации, корректирующей наши познавательные возможности [10], [11]. Без применения такого рода ключей адекватное понимание текста невозможно, можно легко остановиться на катафатической ступени в очаровании типичной для автора многословности.

При этом следует учитывать, что христианский мистицизм базируется также на насыщенной символизмом и аллегоризмом ветхозаветной пророческой традиции. Так, в писаниях иудейско-израильских пророков можно встретить сравнения Бога (причем от Его же собственного лица) с *росою* (Ос. 14:6), *зеленеющим кипарисом* (Ос. 14:9), *львом, скимном, лишенной детей медведицей и львицей* (Ос. 13:7–8), *колесницей, нагруженной снопами* (Ам. 2:13) и т. п.

Синтез библейской письменности и неоплатонической философской традиции создал уникальный дискурс Ареопагитик, для раскрытия которого требуются три «ключа»: начитанность в Священном Писании (особенно Ветхого Завета), знание позднеантичной эллинистической философии и понимание христианского богословия с учетом, однако, ярко выраженной тенденции автора избегать демонстрации знания им церковной письменности, которой во время жизни подлинного Дионисия Ареопагита еще не существовало.

Интеллектуальная мистификация автора, скрывшегося под именем Дионисия Ареопагита, предполагает умение его читателей подобрать все три ключа к его сочинениям и одновременно включение в предложенные обстоятельства: произведения современника и ученика апостола Павла должны содержать христианское учение, не отягощенное развитой византийской церковной письменной традицией и тем более не знакомое с канонами Нового Завета, но по понятным причинам имеющее много эллинистических отголосков, которые вносят нюансы в христианскую картину мира автора, не намеренного это влияние скрывать.

Выводы

Как показывает фактический материал, автор Ареопагитик использует полный арсенал языковых средств для выражения гносеологической дилеммы: лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические. Для утвердительного метода более частотными являются средства лексические и морфологические. Словообразование и синтаксис менее наглядно вы-

ражают заявленный гносеологический конфликт. Для отрицательного метода, напротив, именно словообразование в сочетании с синтаксическими конструкциями играет первостепенную роль в передаче неопределенности и неопределимости Божественного бытия.

Стоит отметить специфические языковые средства для выражения основной идеи, реализуемые в феномене текста. Это соположение антонимов в узком контексте, что нивелирует их семантическую противоположность, делая их равнозначимыми Божественными именами как в катафатическом, так и апофатическом ключе. Можно сказать, что Бог велик и мал, но Он не велик и не мал одновременно. Такое парадоксальное мышление и создает в итоге дилемму в отношении Богоименования и Богопознания.

Специфическим в дискурсе Ареопагитик является также трансформация грамматического и словообразовательного значения элатива – от превосходства к трансцендентности. Однако собственно языковых средств недостаточно для полного раскрытия и адекватного восприятия этой категории. Языковая игра, парадокс, эксперимент скрывают сакральное от непосвященных, но открывают суть тем, кто подобрал правильный ключ к этим текстам. Так осуществляется интеллектуальный отбор читателя.

Список источников

1. *Sancti Dionysii Areopagitae. Opera omnia* // Patrologia Graeca. Paris, 1857. T. III. Col. 119–1125.
2. *Дионисий Ареопагит.* Т. Сочинения. Толкования Максима Исповедника / пер. с греч. Г. М. Прохорова. СПб.: Алетейя, 2002. 863 с.
3. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977. 320 с.
4. *Ермошин А. В.* Библейские цитаты в трех славяно-русских переводах Ареопагитик XVIII века (на материале трактата «О Небесной иерархии») // Филология и культура. 2021. № 1 (63). С. 27–33.
5. *Stang, Ch. M.* Apophasis and Pseudonymity in Dionysius the Areopagite: “No Longer I”. Oxford: Oxford University Press, 2012. 40 p.
6. *Suchla, B. R.* Dionysius Areopagita: Leben – Werk – Wirkung. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2008. 320 S.
7. *Neidl, W. M.* Thearchia: Die Frage nach dem Sinn von Gott bei Pseudo-Dionysius Areopagita und Thomas von Aquin. Regensburg: Habel, 1976. 509 S.
8. *Scazzoso, P.* Ricerche sulla struttura del linguaggio dello Pseudo-Dionigi Areopagita: Introduzione alla lettura delle opere pseudo-dionisiane. Milano: Società editrice vita e pensiero, 1967. 200 p.
9. *Николаева Н. Г.* Логический «суперлатив» и способы его передачи в славянском переводе Ареопагитик 1371 г. // Вестник СПбГУ, Сер. Филология, вос-

токоведение, журналистика. 2007. Вып. 3, ч. 2. С. 198–204.

10. Lilla, S. Dionigi l'Areopagita e il platonismo cristiano. Brescia: Morcelliana, 2005. 272 p.

11. Podolak, P. Positive and Negative Theologies: Theories of Language and Ideas in Dionysius // Dionysius the Areopagite between Orthodoxy and Heresy / ed. by Ivanović, F. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 13–43.

References

1. Sancti Dionysii Areopagitae (1857). *Opera omnia* [Collected Works]. Col. 119–1125. Patrologia Graeca, vol. III. Paris. (In Ancient Greek)

2. Dionisii Areopagit (2002). *Sochineniia. Tolkovaniya Maksima Ispovedika* [Writings. Interpretations of Maximus the Confessor]. 863 p. St. Petersburg, Aleteia. (In Russian)

3. Averintsev, S. S. (1977). *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

4. Yermoshin, A. V. (2021). *Bibleiskie tsitaty v trekh slaviano-russkikh perevodakh Areopagitik XVIII veka (na materiale traktata "O Nebesnoi ierarkhii")* [Bible Quotations in Three Slavonic-Russian Translations of the Areopagitica of the 18th Century (Based on the Treatise "On the Celestial Hierarchy")]. *Filologiya i kul'tura*, No. 1 (63), pp. 27–33. (In Russian)

5. Stang, Ch. M. (2012). *Apophysis and Pseudonymity in Dionysius the Areopagite: "No Longer I"*. 40 p. Oxford, Oxford University Press. (In English)

6. Suchla, B. R. (2008). *Dionysius Areopagita: Leben – Werk – Wirkung* [Dionysius the Areopagite: Life – Work – Effect]. 320 p. Freiburg; Basel; Wien, Herder. (In German)

7. Neidl, W. M. (1976). *Thearchia: Die Frage nach dem Sinn von Gott bei Pseudo-Dionysius Areopagita und Thomas von Aquin* [Thearchia: The Question of the Meaning of God in Pseudo-Dionysius the Areopagite and Thomas Aquinas]. 509 p. Regensburg, Habel. (In German)

8. Scazzoso, P. (1967). *Ricerche sulla struttura del linguaggio dello Pseudo-Dionigi Areopagita: Introduzione alla lettura delle opere pseudo-dionisiane* [Research on the Structure of Pseudo-Dionysius the Areopagite Style: Introduction to the Reading of the Pseudo-Dionysian Works]. 200 p. Milano, Società editrice vita e pensiero. (In Italian)

9. Nikolaeva, N. G. (2007). *Logicheskii "superlativ" i sposoby ego peredachi v slavianskom perevode Areopagitik 1371 g.* [Logical "Superlative" and Ways of Its Reflection in the Slavonic Translation of Corpus Areopagiticum of 1371]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika*, No. 3, Vol. 2, pp. 198–204. (In Russian)

10. Lilla, S. (2005). *Dionigi l'Areopagita e il platonismo cristiano* [Dionysius the Areopagite and Christian Platonism]. 272 p. Brescia, Morcelliana. (In Italian)

11. Podolak, P. (2011). *Positive and Negative Theologies: Theories of Language and Ideas in Dionysius*. P. 13–43. Ivanović, F. (ed.) *Dionysius the Areopagite between Orthodoxy and Heresy*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing. (In English)

The article was submitted on 19.05.2022
Поступила в редакцию 19.05.2022

Ермошин Антон Владимирович,
кандидат исторических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
старший преподаватель,
Казанский государственный медицинский
университет,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 49.
antoni_v@mail.ru

Николаева Наталия Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский государственный медицинский
университет,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 49.
natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

Yermoshin Anton Vladimirovich,
Ph.D. in History,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Assistant Professor,
Kazan State Medical University,
49 Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation.
antoni_v@mail.ru

Nikolaeva Nataliya Gennadievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan State Medical University,
49 Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation.
natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

УДК 81'33

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-18-23

МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ДВУЯЗЫЧНОЙ УЧЕБНОЙ ЛИНГВОГРАФИИ

© Гузель Каримуллина, Резеда Каримуллина

MEDICAL TERMINOLOGY IN BILINGUAL ACADEMIC LINGUOGRAPHY

Guzel Karimullina, Rezeda Karimullina

According to researchers, the development of academic linguography has been gaining momentum in recent years. As the main purpose of academic-type dictionaries is language learning (including language for specific purposes), the content and principles of such dictionaries' composition should take into account the age and educational characteristics of their addressees.

Our research is based on bilingual dictionaries of medical terms. The research relevance and novelty is due to the character of the sources involved: for the first time, we have carried out a comprehensive study of the information potential of academic reference books on medical terminology published in 2019 and 2020. The number of units they contain is representative for academic terminological dictionaries – 2300 and 3200 units.

We have studied the components referring to the macrostructure of language reference books (foreword, introduction, list of abbreviations, appendices, etc.), the selection and character of the vocabulary, the principle of their entries' arrangement, as well as the features of lexicographic presentation of the medicine-related terms within the entries, i.e. the microstructure components (an entry word, an accentological and grammatical characteristics and a translation equivalent).

The comprehensive analysis of sources enabled us to reveal a number of features and drawbacks in the linguographic description of the terms, such as the absence of words within the vocabulary, violations of the alphabetic order of words, non-uniformity of the descriptions of the material in different entries, omissions in the thematic groups of words, etc. The results obtained can be used in further editions of bilingual terminological dictionaries.

Keywords: dictionary, lexicography, linguography, vocabulary, terms, Latin language, terminology

Развитие учебной лингвографии, как отмечают исследователи, в последние годы становится все более актуальным. Поскольку основным назначением словарей учебного типа является обучение языку (в том числе и языку специальности), материал и принцип составления подобных словарей должен учитывать возрастные и образовательные особенности своего адресата.

Для данного исследования были привлечены двуязычные словари медицинских терминов. Актуальность и новизна определяется характером привлекаемых источников: впервые проведено комплексное исследование информационного потенциала учебных справочников по медицинской терминологии, изданных в 2019 и 2020 гг. Объем содержащихся в них единиц достаточно представителен для учебных терминологических словарей – 2300 и 3200 единиц.

Нами были рассмотрены компоненты, относящиеся к макроструктуре языковых справочников (предисловие, введение, список сокращений, приложения и т. д.), словник словаря, принцип расположения словарных статей, а также особенности лингвографической подачи терминов, связанных с медициной, внутри словарных статей, то есть компоненты микроструктуры (заголовочное слово, акцентологическая и грамматическая характеристики, переводной эквивалент).

Комплексный анализ источников позволил выявить ряд особенностей и недочетов в лингвографическом описании терминов, таких как отсутствие единиц в составе словника, нарушение алфавитного порядка слов, неоднотипность описания материалов в словарных статьях, пропуски в тематических группах слов и др. Полученные результаты могут быть использованы в последующих изданиях двуязычных терминологических словарей.

Ключевые слова: словарь, лексикография, лингвография, справочник языковой, термины, латинский язык, терминология

Словарь, как известно, один из оптимальных способов описания лексической системы языка. Благодаря синтезирующему, обобщающему характеру лингвистических исследований, реализуемых в словарях, лингвографические издания вполне заслуженно занимают ведущие позиции в различных науках. Как отмечают многие лингвисты, «в последнее время широко развивается учебная лексикография, содержанием которой являются теоретические и практические аспекты описания лексики в учебных целях» [1, с. 335]. Данное направление современной лексикографии¹ оформилось недавно – к середине XX века. Традиционно она предполагает следующую типологию языковых справочников:

1) словари для изучающих язык, включающие издания, предназначенные для изучения языка иностранными учащимися (учебная лексикография неродного языка) и его носителями (учебная лексикография родного языка);

2) словари для обучающихся языку, предполагающие издания для обучения носителей языка и для обучения иностранных учащихся (см.: [1]).

Учебные словари учитывают возрастные, образовательные, психологические особенности своего адресата. Они не создаются путем сокращения больших словарей, а komponуются с учетом единиц, которые представлены в учебниках, учебных пособиях и других материалах для учащихся. Поэтому учебную лексикографию по сравнению с академической можно определить как лексикографию меньших форм и большей обучающей направленности.

В отечественной лингвографии в настоящее время широко представлены разнообразные жанры учебных словарей, предназначенных для студентов. Особое место среди них занимают терминологические учебные справочники. Такого рода издания имеют важное значение при обучении, в частности в рамках изучения латинского языка студентами медицинских вузов (специальностей), поскольку за период обучения они должны усвоить до 2000 медицинских терминов и терминологических элементов на латинском языке.

Для анализа современного лингвографического оформления медицинских терминов нами было привлечено два учебных словаря, изданных в XXI веке.

1. «Словарь латинско-русский, русско-латинский для медицинских колледжей» (авторы А. А. Швырев, М. И. Муранова), 2-е издание 2019 года (далее – *Сл-1*) [3].

Словарь содержит 3200 слов и словосочетаний, необходимых для изучения анатомии и клинических дисциплин. Непосредственно словарная часть анализируемого источника включает следующие разделы: «Латинско-русский словарь медицинских терминов», «Русско-латинский словарь медицинских терминов», «Фармацевтическая лексика», «Клиническая терминология», «Медицинские термины», «Эпонимические термины, используемые в клинической и медицинской терминологии», «Латинские слова и выражения в медицине». Кроме того, содержатся краткие правила произношения и ударения, небольшой список существительных пяти склонений, прилагательных 1 и 2 разряда, а также клятвы Гиппократов.

2. «Учебный медицинский латинско-русский и русско-латинский словарь» (авторы Д. А. Рудавин, Е. В. Журавлева, Д. М. Сохин), изданный в 2020 году (далее – *Сл-2*) [4].

Как отмечено в аннотации, словарь охватывает анатомическую, клиническую и фармацевтическую терминологию, содержит 2300 терминов, ключевых терминологических элементов латинского и греческого происхождения, наиболее распространенные частотные отрезки, встречающиеся в названиях лекарственных средств. Справочник предназначен для студентов медицинских вузов и ссузов.

Издание включает «Латинско-русский словарь», «Русско-латинский словарь», «Латинско-русский словарь терминологических элементов», «Русско-латинский словарь терминологических элементов», «Ассоциативный словарь» и список международных непатентованных наименований лекарственных веществ. В словаре также представлен теоретический материал по фонетике латинского языка (раскрываются особенности произношения латинских букв и буквосочетаний, приводятся правила расстановки ударения в латинских словах).

В ходе исследования нами были использованы следующие *методы*: описательный – в процессе описания материалов учебных словарей, их особенностей; сравнительно-сопоставительный – при сравнении и сопоставлении данных различных лингвографических источников по медицинским терминам, отраженных в словарях; количественный – для статистических характеристик.

Анализ рассматриваемых словарей позволяет отметить, что не все элементы *макроструктуры* в них представлены.

¹ Наряду с широко известным термином *лексикография*, нами используется определение-синоним *лингвография*, под которым понимается 1) «междисциплинарная область языкознания, занимающаяся теорией и практикой составления языковых справочников <...>» [2, с. 8]; 2) совокупность языковых справочников (словарей) данного языка.

Так, в *Сл-2* отсутствует раздел, посвященный описанию данного словаря. На наш взгляд, подобный компонент особенно необходим в учебных словарях, поскольку он позволяет обозначить особенности предоставляемой информации. К примеру, в нашем случае – специфику словарного описания (словарной формы) латинских глаголов, имен существительных, прилагательных и др. Отсутствует здесь также список источников, на базе которых составлен словник словаря. В *Сл-1* разделы «Предисловие» и «Список источников» представлены, но особенности описания терминов не даны.

Приводится в обоих источниках «Список сокращений». Однако не все сокращения, используемые в словарях, включены авторами-составителями в приведенный ими список. К примеру, в *Сл-2* отсутствует сокращение *букв.* (=буквально): *lens, lentis f.* ‘хрусталик’ (*букв.: чечевица*).

Кроме того, нет помет, обозначающих род существительных на латыни: *m.* (*masculinum*), *f.* (*femininum*), *n.* (*neutrum*), но включены сокращения на русском языке: *м. р.* (мужской род), *ср. р.* (средний род), *ж. р.* (женский род), которые в словарных статьях не встречаются.

Некоторые пометы отражены в списке, но в словарных статьях функционирует как сокращение, так и слово целиком, см.: *Achilles, is m.* Ахилл (греческий герой) и *Atlas, antis m.* Атлант (греч. мифология).

В *Сл-1* приведены условные обозначения только на латинском языке. Встречающиеся в тексте словаря разнообразные сокращения русских слов расшифровки не получили, см. *нареч., предл., анат., клин., личн. местоим.* и др., которых нет в списке сокращений: *ego* (*личн. местоим.*) – я, *caverna, ae f.* – (*анат.* – ячейка, *клин.* – каверна (полость в органе, образующаяся в результате разрушения ткани).

Одним из важнейших компонентов языкового справочника является словник. Он включает в себя «все единицы, которые формируют область описания словаря, расположенные по определенной системе и являющиеся входами в словарь» [5, с. 75].

По мнению исследователей, ценность и качество словаря зависят от принципа отбора заголовочных единиц для словника и определения принципов подачи заголовочных единиц, то есть «качество словника в значительной мере предопределяет качество словаря» [6, с. 16].

При его составлении не последнюю роль играют субъективные факторы. Трудно предписать составителю, какие слова должны входить в состав словника. Однако ряд требований «по

включению замкнутых лексических групп, очень употребительных слов и т. п.» [2, с. 214] все же существует. Часто при формировании словника учебного словаря пользуются частотным языковым справочником. Однако данный способ отбора заголовочных слов в большинстве случаев не оправдан: в учебный словарь необходимо включать те единицы, которые необходимы для изучения языка на определенных этапах его освоения.

В исследуемых нами словарях ряд включаемых / не включаемых единиц, по нашему мнению, не всегда мотивирован.

К примеру, словник *Сл-2* содержит такие слова, как *Achilles* ‘Ахилл’, *amica* ‘подруга’, *amicus* ‘друг’, *amicitia* ‘дружба’, *thesaurus* ‘хранилище’ и др., которые не имеют отношение к медицинской терминологии.

И напротив, в нем отсутствуют следующие единицы:

- *glandularis* ‘железистый’, хотя есть *glandula* ‘железа’,
- *laryngeus* ‘гортанный’, но есть *larynx* ‘гортань’; а также *pharynx* ‘глотка’ и *pharyngeus* ‘глоточный’,
- *radicula* ‘корешок’ наряду с включенными *radix* ‘корень’, *caput* ‘голова’ и *capitula* ‘головка’, *fovea* ‘ямка’ и *foveola* ‘ямочка’, *lobus* ‘доля’ и *lobulus* ‘долька’,
- *duodenalis* ‘двенадцатиперстнокишечный’, но есть *duodenum* ‘двенадцатиперстная кишка’, *duodenojejunalis* ‘двенадцатиперстнотощекишечный’, *rectum* ‘прямая кишка’ и *rectalis* ‘прямокишечный’, *jejunum* ‘тощая кишка’ и *jejunalis* ‘тощекишечный’,
- *gastritis* ‘гастрит, воспаление слизистой желудка’, *cystitis* ‘воспаление мочевого пузыря’, но есть *bronchitis* ‘бронхит’, *peritonitis* ‘перитонит’, *thyreoiditis* ‘воспаление щитовидной железы’, *appendicitis* ‘аппендицит’ и др.

Как видно из примеров, не включенные в данный словарь единицы нельзя отнести к малоупотребительным или неактуальным для медицины терминам.

Авторы-составители *Сл-1* также не всегда последовательны в выборе медицинских терминов для своего словаря.

К примеру, в него включены слова *costa* ‘ребро’ – *costalis* ‘реберный’, *bucca* ‘щека’ – *buccalis* ‘щечный’, *dens* ‘зуб’ – *dentalis* ‘зубной’, но не попали единицы *mandibularis* – ‘нижнечелюстной’, *maxillaris* – ‘верхнечелюстной’, хотя существительные *mandibula* ‘нижняя челюсть’ и *maxilla* ‘верхняя челюсть’ имеются.

Так же, как и в *Сл-2*, в *Сл-1* непоследовательно представлены единицы с терминомэлементом -

itis: есть слова *bronchitis* ‘бронхит’, *peritonitis* ‘перитонит’, *gingivitis* ‘воспаление десен’, *appendicitis* ‘аппендицит’, *cystitis* ‘воспаление мочевого пузыря’, но нет *gastritis* ‘гастрит, воспаление слизистой желудка’, *dermatitis* ‘дерматит’, *colpitis* ‘кольпит’ и др.

Следует отметить, что в *Сл-2* в целом словники латинско-русских и русско-латинских частей практически идентичны (этот подход в описании единиц в бископальных справочниках довольно распространен и, безусловно, оправдан), то есть в латинско-русском словаре отражены те же единицы, что и в русско-латинском, за редким исключением. К примеру, в латинско-русской части отсутствует слово *radicula* (‘корешок’), но в русско-латинской части оно представлено; в русско-латинском словаре нет слов *внутренностный* (*splanchnicus*), *миозит* (*myositis*) и др., которые отражены в латинско-русской части.

В *Сл-1* словники латинско-русской и русско-латинской частей значительно различаются, особенно это заметно при анализе лексикографических классов. К примеру, в русско-латинском словаре приведены следующие названия масел:

масло какао – *butyrum Cacao*
масло камфорное – *oleum camphoratum*
масло касторовое – *oleum Ricini*
масло миндальное – *oleum*

Amygdalarum

масло оливковое – *oleum Olivarum*
масло персиковое – *oleum Persicorum*

[3, с. 151–152].

В латинско-русском словаре из них представлены только *oleum Olivarum* и *oleum Ricini*.

В этом справочнике также иногда нарушается алфавитный порядок расположения заголовочных единиц, что влияет на его информативность, поскольку искомая единица, находящаяся не на своем алфавитном месте, не может быть найдена пользователем. См. отрывки из словаря на букву E и D:

substantia eburnea seu dentionis, f
– связь, сплетение, соединение

ectropion, i n. – выворот (век, шейки матки)

eczema, atis n. – экзема [Там же, с. 45];

diploë, es f. – диплоэ <...>

dolichosephalia, ae f. – долихоцефалия

dolichocolon, i n. – долихоколон

diphtheria, ae f. – дифтерия

discipline, ae f. – дисциплина, наука, учение [Там же, с. 42].

Анализ *микроструктуры* языковых справочников предполагает анализ словарных статей, то

есть заголовочной единицы и ее описания. В. П. Берков выделяет следующие зоны словарной статьи двуязычного словаря: лемма, зона фонетической информации, зона грамматической информации, зона эквивалентов, отсылочная зона [6, с. 80]. Разумеется, не каждый словарь включает перечисленные зоны.

Словарная статья латинско-русской части *Сл-1* и *Сл-2* содержит заголовочную единицу (в *Сл-2* с ударением), грамматические сведения и переводной эквивалент, см. в *Сл-1*: *cutis, is f.* – ‘кожа’, *inferior, ius* – ‘нижний’; и в *Сл-2*: *amo, áre I* ‘любить’; *multus, a, um* ‘многочисленный, большой, значительный’; *oedéma, atis n.* ‘отек’.

Русско-латинская часть словарей зеркальна латинско-русской. В *Сл-1*: *кожа* – *cutis, is f.*, *нижний* – *inferior, ius*. В *Сл-2*: *любить amo, áre I*, *многочисленный multus, a, um*, *отек oedéma, atis n.*

В качестве заголовочной единицы в обоих словарях фигурируют как слова, так и составные лексические единицы. Следует отметить, что включение некоторых словосочетаний в качестве отдельной словарной статьи, на наш взгляд, не оправдано, так как все компоненты словосочетания в словнике отражены, а сами словосочетания образуются по общему правилу. См. в *Сл-1*: *ductus choledochus* – ‘желчный проток’, при наличии единиц *ductus, us m.* – ‘проток’ и *choledochus, a, um* – ‘желчный’. И в *Сл-2*: *nodus lymphaticus* ‘лимфатический узел’, хотя есть единицы *lymphaticus, a, um* ‘лимфатический’ и *nodus, i m.* ‘узел’.

При этом в обоих словарях в латинско-русской части отсутствует термин *vena portae* (‘воротная вена’, досл. – ‘вена ворот’), структура которого в русском и латинском языках различна: несогласованное определение (*portae*) переводится на русский язык именем прилагательным (*воротная*).

Не всегда корректно с точки зрения лингвографического описания оформляются словосочетания в русско-латинском словаре *Сл-2*: на первое место выносится прилагательное, хотя главным словом является существительное. К примеру: *тазобедренная область соха, ae f.*, *судебно-медицинское вскрытие* *sectio legalis*, *малоберцовая кость fibula, ae f.* и др.

В *Сл-1* подобные словосочетания описываются неоднотипно: в качестве первого слова может быть представлено как существительное, так и прилагательное:

• *кость копчиковая* – *os coccygis*, *кость локтевая* – *ulna, ae f.*, *кость лу-*

чевая – radius, i m.; но малоберцовая кость – fibula, ae f., большеберцовая кость – tibia, ae f.;

- нижняя челюсть – mandibula, ae f., и челюсть верхняя – maxilla, ae f., челюсть нижняя – mandibula, ae f.;

- кишка прямая – rectum, i n., но двенадцатиперстная кишка – duodenum, i n., слепая кишка – c(a)ecum, i n., ободочная кишка – colon, i n. и др.

В лингвографической практике принято подобные лексические единицы оформлять с помощью отсылочных статей от вторых компонентов, расположенных на своем алфавитном месте, типа

Кишка см. *ободочная кишка*,

Челюсть см. *нижняя челюсть*,

Кость см. *большеберцовая кость* и т.п.

Для некоторых латинских слов в *Сл-1* приводятся варианты написания, но они оформляются по-разному. Например: ca(e)cum, i n. – ‘слепая кишка’, (o)esophagus, i m. – ‘пищевод’, (o)esophagostomia, ae f. – ‘эзофагостомия’ и др. – по всей видимости, в скобки заключена буква, которая при написании может быть опущена. Иногда вариант слова приводится в скобках: esophagus (oesophagus), i m. – ‘пищевод’, gluteus, a, um (glutaeus, a, um) – ‘ягодичный’ и др. Безусловно, сходные элементы в словарях должны быть представлены однотипно.

Зона фонетических сведений (в нашем случае это акцентологическая характеристика) представлена только в *Сл-2*. Подобная характеристика имеет большую значимость для словарей в целом, и для учебных словарей в особенности.

Авторы-составители *Сл-2* отмечают, что «поскольку определить долготу / краткость латинского гласного достаточно сложно, кроме того, имеется много исключений из правила, в словаре в словах, состоящих более чем из двух слогов, проставлены знаки ударения» [4, с. 9]: mesentérium, i n. ‘брыжейка’, aegrótus, a, um ‘больной’, occipitális, e ‘затылочный’ и др.

Однако не всегда указанный принцип соблюдается. Так, встречаются трехсложные и четырехсложные слова, в которых знаки ударения отсутствуют, см.: splanchnicus, a, um ‘внутренностный’, probabilis, e ‘вероятный’, vitreus, a, um ‘стекловидный’, мудрость sapientia, ae f. и др. И наоборот, двусложные слова с проставленным ударением: Áether, ěris m. ‘эфир’, Línum, i n. ‘лен’, nítens, entis ‘блестящий’ и др.

Зона грамматической характеристики представлена в обоих словарях. Словарные формы существительных и прилагательных оформляются традиционно: для существительных указывается окончание родительного падежа и род слова; для прилагательных – окончания родовых форм и окончание родительного падежа (у прилагательных второго разряда одного окончания).

Наречия, местоимения, союзы и предлоги в *Сл-1* имеют соответствующую помету-указание, см.: male (нареч.) – ‘плохо’, sine (предл. с abl.) – ‘без’, se u – (союз) – ‘или, то есть’ и др.

В словарях особенности приводимой грамматической характеристики не оговорены. И поэтому не совсем ясно, почему в *Сл-2* для глагола указывается форма настоящего времени 1 л. ед. ч., окончание инфинитива и спряжение (традиционно словарная форма правильного глагола включает только форму настоящего времени и спряжение), см.: muto, áre I ‘менять, изменять’, tero, ěre III ‘тереть’ и др.

В зоне толкования в анализируемых двуязычных словарях чаще всего используется иноязычный (переводной) эквивалент – «языковая единица, используемая в качестве толкования или дефиниции определенной языковой единицы (ЗЕ, вокабулы и т. п.) в дву- и многоязычных словарях [1, с. 58]. Например: costa, ae f. ‘ребро’; transversus, a, um ‘поперечный’.

Нередко заголовочное слово переводится внешне сходными единицами, например, в *Сл-2*: Valeriana, ae f. ‘валериана’, pasta, ae f. ‘паста, peritonitis, idis f. ‘перитонит’ и др.

В ряде случаев подобные единицы сопровождаются толкованиями (пояснениями), например: zoonosis, is f. ‘зооноз’ (группа инфекционных заболеваний, передающихся человеку от животных); zymasa, ae f. ‘зимаза’ (совокупность ферментов спиртового брожения, выделяемых дрожжами); ganglion, i n. ‘ганглий’ (нервный узел); thalamus, i m. ‘таламус’ (зрительный бугор) и др.

Таким образом, структура современных учебных словарей медицинской терминологии довольно разнообразна: они включают не только латинско-русские и русско-латинские словари медицинских терминов, но и словарь терминологических элементов, тематические словари, список устойчивых выражений на латинском языке, связанных с медицинским делом, и т. п.

Проведенный анализ позволил выявить отсутствующие компоненты макроструктуры (предисловие, описание словаря для пользователя, список источников и др.); недочеты, связанные с неполнотой подачи информации в некоторых разделах (см. список сокращений), касающиеся

микроструктуры бископальных словарей (оформление заголовочных слов, орфографических вариантов, акцентологической характеристики и др.). От информационной наполненности этих компонентов в целом зависит уровень лингвографического описания, а также качество языковых справочников.

В целом, проведенное исследование медицинских терминов в составе современных двуязычных учебных словарей и выявленные в ходе него ошибки и недочеты свидетельствуют, с одной стороны, о важности структурированного, систематизированного представления терминологии в составе учебных лексикографических источников. На наш взгляд, это позволит сократить число несоответствий и несовпадений в подаче сходных элементов в подобных языковых справочниках. С другой стороны, выявленные недостатки указывают на необходимость более внимательного и обдуманного подхода составителей к формированию учебного терминологического двуязычного справочника, а также говорят о важности тщательного и серьезного исследования собственно языкового материала перед включением его в словарь.

Список источников

1. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка. М.: Наука: Флинта, 2009. 432 с.
2. Галиуллин К. Р. Русская и татарская лингвография: научно-информационное обеспечение: дис. ... д-ра филол. наук: Казань, 2000. 343 с.
3. Швырев А. А., Муранова М. И. Словарь латинско-русский, русско-латинский для медицинских колледжей. Изд. 3-е. Ростов н/Д.: Феникс, 2019. 288 с.

4. Рудавин Д. А., Журавлева Е. В., Сохин Д. М. Учебный медицинский латинско-русский и русско-латинский словарь. М.: Практическая медицина, 2020. 116 с.
5. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
6. Берков В. П. Двуязычная лексикография. М.: Астрель, 2004. 236 с.

References

1. Dubichinskii, V. V. (2009). *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian Language]. 432 p. Moscow, Nauka, Flinta. (In Russian)
2. Galiullin, K. R. (2000). *Russkaya i tatarskaya lingvografiya: nauchno-informatsionnoe obespechenie: dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian and Tatar Linguography: Scientific and Information Support: Doctoral Thesis]. Kazan', 343 p. (In Russian)
3. Shvyrev, A. A., Muranova, M. I. (2020). *Slovar' latinsko-russkii, russko-latinskii dlia meditsinskikh kolledzhei* [Latin-Russian, Russian-Latin Dictionary for Medical Colleges]. 288 p. Rostov na Don, Feniks. (In Russian)
4. Rudavin, D. A., Zhuravleva, E. V., Sokhin, D. M. (2020). *Uchebnyi meditsinskii latinsko-russkii i russko-latinskii slovar'* [Educational Medical Latin-Russian and Russian-Latin Dictionary]. 116 p. Moscow, Prakticheskaya meditsina. (In Russian)
5. Baranov, A. N. (2001). *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. 360 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)
6. Berkov, V. P. (2004). *Dvuyazychnaya leksikografiya* [Bilingual Lexicography]. 236 p. Moscow, Astrel'. (In Russian)

The article was submitted on 31.05.2022
Поступила в редакцию 31.05.2022

Каримуллина Гузель Нурутдиновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Guzel_Karimullina@list.ru

Каримуллина Резеда Нурутдиновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
re_ka@list.ru

Karimullina Guzel Nurutdinovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Guzel_Karimullina@list.ru

Karimullina Rezeda Nurutdinovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
re_ka@list.ru

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-24-31

РАЗГОВОРНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА)

© Елена Колосова, Ли Мэни

COLLOQUIAL VERBS IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE WORKS OF WOMEN'S PROSE OF THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURIES)

Elena Kolosova, Li Mengyi

Based on the works of women's prose of the late 20th–early 21st centuries, this article analyzes colloquial speech as a special kind of fictional language, its features in depicting the dynamics of the surrounding world and describing human life. The factual material for the study was selected from the collections of short stories by D. Rubina ("It Hurts Only When I Laugh"), L. Petrushevskaya ("Nobody Wants Me. I'm Free") and L. Ulitskaya ("Poor Relatives"). The leading research method is the descriptive method; the methods of contextual and stylistic analyses were used to analyze contextual examples. We selected examples by the continuous sampling method. These are the speech characteristics of characters and the linguistic means of describing the actions and states of a person's inner world that primarily attract us when we study the characteristics of colloquial speech in a literary text. In order to clarify the individual stylistic techniques of using colloquial speech at the level of verbal vocabulary, we analyzed contextual examples from short stories of women's prose. In the course of our study of the colloquial speech stylization techniques through the use of semantic and stylistic possibilities of Russian verbs in a literary text, we came to the conclusion that the creation of ease and special colloquiality of speech is primarily facilitated by the use of colloquial and common language elements, which enhance expression, as well as the use of occasional formations. The article notes that each representative of modern women's prose uses their own individual stylization techniques. Thus, D. Rubina is found to actively use onomatopoeic verbs and associative semantic connections; L. Petrushevskaya works with the semantics of colloquial verbs, using their figurative meanings; L. Ulitskaya creates colloquial expression by using colloquial, common language elements not only in the speech of her characters, but also in the speech of the author-narrator.

Keywords: Russian language, verb, literary text, women's prose, stylistics, colloquial style

Статья посвящена анализу разговорной речи как особой разновидности языка художественной литературы, ее особенностям в изображении динамики окружающего мира и описании жизни человека на примере произведений женской прозы конца XX – начала XXI вв. Фактический материал для изучения отбирался из сборников рассказов Д. Рубиной («Больно, только когда смеюсь»), Л. Петрушевской («Никому не нужна. Свободна») и Л. Улицкой («Бедные родственники»). Ведущим методом исследования является описательный метод, для анализа контекстных примеров также применялись методы контекстуального и стилистического анализа, отбор примеров осуществлялся методом сплошной выборки. При изучении характеристики разговорной речи в художественном тексте в первую очередь привлекают речевые характеристики персонажей, а также языковые средства описания действия и состояния внутреннего мира человека. С целью выяснения индивидуальных стилистических приемов использования разговорной речи на уровне глагольной лексики в произведениях женской прозы были проанализированы контекстные примеры из рассказов. В ходе исследования приемов стилизации разговорной речи в художественном тексте посредством использования семантико-стилистических возможностей русских глаголов авторы статьи пришли к выводу, что созданию непринужденности, особой коллоквиальности речи способствуют прежде всего употребление самих разговорных и просторечных элементов, которые усиливают экспрессию, а также использование окказиональных образований. Было отмечено, что каждый представитель современной женской прозы использует свои индивидуальные приемы стилизации. Так, у Д. Рубиной было отмечено активное использование звукоподражательных глаголов, проведение ассоциативных семантических связей; у Л. Петрушевской – работа с семантикой раз-

говорных глаголов, использование их переносных значений; у Л. Улицкой – создание разговорной экспрессии за счет использования разговорных, просторечных элементов не только в речи героев, но и в речи автора-повествователя.

Ключевые слова: русский язык, глагол, художественный текст, женская проза, стилистика, разговорный стиль

Разговорная речь в широком смысле является одной из разновидностей национального языка, используется в коммуникативном процессе и представляет собой устное, непринужденное действие, в которое могут быть включены любые языковые единицы: нейтральные, книжные, разговорные, просторечные, грубые и т. д. А в узком ее понимании разговорная речь трактуется как один из функциональных вариантов литературного языка, имеющий сниженную окраску.

Стиль художественной литературы часто определяется как совмещение всех стилей воедино, соответственно, язык художественной литературы вбирает в себя все элементы функциональных стилей, в том числе в нем широко используются элементы разговорного стиля. Могут употребляться языковые средства, находящиеся за пределами литературного языка, включаются жаргонизмы, диалектизмы, просторечия и т. д. Считается, что использование разговорных элементов в рамках художественного текста может быть связано с общей тенденцией по направлению к демократизации самого национального языка и языка художественной литературы в целом. Смена парадигмы в литературе обусловлена как национальными особенностями, так и историческими причинами развития.

Многие исследователи отмечают, что женская проза – это феномен, который транслирует миру особый взгляд женщин на себя и мир вокруг себя, «...возникающий в процессе освоения женщинами публичного пространства» [1, с. 1021]. В русской литературе конца XX – начала XXI вв. привлекает внимание творчество женщин-писательниц, активно отстаивающих право женщины на самостоятельный выбор своей судьбы, на достойное место в этом мире, поднимающих различные социальные темы, создающих в своих произведениях новую реальность. Наряду с признанными мастерами слова, такими как Т. Толстая, Виктория Токарева, Д. Улицкая, Дина Рубина, Л. Петрушевская, Г. Щербакова, появляются новые имена: Елена Чижова, Наринэ Абгарян, Гузель Яхина. В работах, посвященных анализу творчества представительниц женской прозы, существует точка зрения, что русская женская проза «...подчеркнуто индивидуальна, передает неповторимость языковой личности автора» [2, с. 4].

В данной статье анализируется использование элементов разговорного стиля на уровне глагольной лексики в произведениях женской прозы конца XX – начала XXI вв. Экспрессия русского глагола предоставляет писателям прекрасные возможности создавать точные, объемные картины повествования. «Речь, насыщенная глаголами, выразительно рисует стремительно разворачивающиеся события, создает энергию и напряженность повествования» [3]. Глагольная лексика и ее стилистические функции в художественных текстах являлись объектом изучения в многочисленных исследованиях. Теоретическими исследованиями этого явления занимались такие ученые, как И. Б. Голуб (1997, 2012), Е. В. Широкова (2005), В. А. Славина (2005), Л. А. Новиков (2001), И. Г. Зумбулидзе (2011) и др. Проблема исследования особенностей женской прозы конца XX – начала XXI вв. часто рассматривается с позиций гендерных особенностей «женского письма» и в целом женской литературной традиции, например, в исследованиях Ю. Л. Высочинной (2007), О. А. Бычковой (2008), Е. А. Плотниковой (2011), Л. Д. Титаревой (2015) и др. Основным методом исследования был описательный метод с использованием приемов наблюдения, а также применялись контекстуальный и стилистический анализы. Материалом исследования послужили произведения известных представительниц современной женской прозы, а именно рассказы Дины Рубиной (сб. «Больно только когда смеюсь» (2010)), Людмилы Улицкой (сб. «Бедные родственники» (1993)), Людмилы Петрушевской (сб. «Никому не нужна. Свободна.» (2018)).

Обратимся к произведениям одной из выдающихся представительниц современной женской прозы, талантливой писательницы Дины Рубиной. Дина Рубина заявила о себе, опубликовав в 16 лет в журнале «Юность» свой первый рассказ «Беспокойная натура» (1971). За время творческой деятельности эта представительница русскоязычной женской прозы зарекомендовала себя как великий мастер слова, владеющий всеми приемами создания экспрессии в тексте. В ее творческом багаже большое количество рассказов, повестей, эссе, вошедших в сборники «Когда же пойдет снег?» (1980), «Уроки музыки» (1996), «Несколько торопливых слов о любви» (2003), «Любка» (2009), «Окна» (2012) и др., а также ро-

маны «Синдром Петрушки» (2010), «Русская канарейка» (2014), «Наполеонов обоз» (2018-2019), «Маньяк Гуревич» (2021) и др. Оценки ее творчества в критике неоднозначны, но тем не менее они лишь подтверждают ее талант и умение создавать яркие картины повествования: «...в современной русской литературе не так много фигур, которые вызвали бы настолько полярные оценки, как Дина Рубина. Одни числят ее по разряду „массовой словесности“, отказывая в праве на сколько-нибудь серьезное отношение со стороны критики, другие полагают, что по мастерству сюжетостроения, колоритности персонажей, точности и сочности описаний у Рубиной сейчас мало соперников в отечественной прозе» [4].

В рассказе Дины Рубиной «Внесезонная книжка» встречаем следующий пример употребления разговорного стиля: *Я примчалась на грохот, увидела останки боевого товарища и пронзительно закричала, как певцы расппеваются: на «а-а-а-а»*. [5, с. 1]. По свидетельству словаря, глагол *распеться* (разг.) имеет следующие значения: 1. Начав петь, увлечься. *Дети распелись*. 2. Пропев некоторое время, начать петь хорошо. *Певец распелся*. || *распеваться* [6]. Здесь разговорный глагол помогает создать выразительную картинку, писательница иронически описывает действия героини, в то же время как бы озвучивает повествование, проводит параллели с хором певцов, не случайно приведено пояснение, как они расппеваются на «а-а-а-а», в то время как героиня рассказа пронзительно кричит, громко, на одной звуковой волне. В рассказе отмечаем общую стилизацию разговорной речи, поэтому частотность употребления разговорных элементов, в том числе глаголов, необходима: *И наутро под мои причитания мы поволокли компьютер в ремонтную мастерскую* [5, с. 1]. Дина Рубина в контексте употребляет просторечное приставочное образование от глагола *волочь* (ср. с *волочить* (нейтр.): *волочь* (прост.). То же, что *волочить* (в 1 знач.); *волочить* 1. Тащить, тянуть по земле. *В. мешок. Еле ноги в.* (идти с большим трудом). 2. Вытягивать металлические заготовки в нить (спец.). *В. проволоку*. [6]. Читатели понимают, что в данном случае глагол употреблен не только как указание на тяжелую ношу (использовано ядро глагольного значения «тащить, тянуть» с уточнением «с большим трудом»), но и вынужденную. Героиня рассказа не стала бы ремонтировать этот компьютер, а выбросила бы его, но там хранится все то, чем она занимается, вся ее творческая жизнь, поэтому восклицание совмещено с яркой экспрессией: «*Подарить старьевщикам?! – ахнула я. – Там внутри все мои книги!!!*» [5, с. 1]. Стилизация разговорности

в тексте довольно часто создается писателями за счет активного употребления звукоподражательных глаголов, которые изначально «работают» в разговорном стиле. Например, писательница для характеристики действия героини в авторских ремарках использует однократный вариант глагола *ахнуть* от *ахать* (разг.): *Выражать чувства (удивления, досады, сожаления), восклицая «ах!»*. || *однокр. ахнуть* [6]. Досада героини в реплике, обращенной к мужу, который не понимает ценность ее компьютера, передается именно звукоподражательной глагольной лексемой: она не просто крикнула, она ахнула, чтобы эмоционально выразить свою досаду, и так читатели могут интуитивно почувствовать изменения настроения и переживание персонажа. Дина Рубина продолжает повествование, не снижая экспрессию, вкрапляя в описание действий своих героев звукоподражательные глаголы, чтобы передать данную мизансцену. В ответ на крики жены муж реагирует следующим образом: *Он помолчал, похмыкал* [5, с. 14]. Писательница обращается к звукоподражательному глаголу, при этом использует префиксальный глагольный вариант, передающий интенсивность действия, повторяемость: *похмыкать*, ср. с глаголом *хмыкать* (разг.): Произносить «хм» в знак выражения недоумения, иронии, недоверия и других подобных чувств. *Неодобрительно х.* || *однокр. хмыкнуть* [6]. Здесь глагол *похмыкать* точно и экспрессивно описал психологическое состояние героя: был в нерешительности, не знал, как реагировать. Вообще приверженность к передаче звуковой стороны повествования, состояния героев, их действий характерна для Дины Рубиной, при этом надо отметить, что она обращается к этим глаголам именно для создания особого типа повествования, имитирующего обычную речь.

Встречаются в произведениях Дины Рубиной и примеры соединения разговорных элементов с высокой лексикой для создания иронии: *...Ну, грохнулись на эту землю, как вы там говорите, обетованную, поначалу здорово задницы отбили...* [5, с. 17]. Сопоставим (разг.) *грохнулись на землю* – (разг., груб.), *задницы отбили*, но: *обетованная земля, обетованный край* (высок.) – изобильный и счастливый край, место, куда кто-н. стремится попасть [6]. Несомненно, такое явное несоответствие коннотаций, мозаичность в употреблении языковых единиц характерны для разговорной речи, которую писательница умело воссоздает, дополнительно вкрапляя в реплику героини сниженные разговорные образования, которые часто используют в неподготовленной речи, такие как межфразовые скрепы *ну, там*.

Не менее ярким элементом в создании экспрессии в художественном тексте является просторечная глагольная лексика. Просторечие традиционно используется писателями для стилизации разговорной речи, оно характеризуется особым набором типичных черт, среди которых фонетические, лексические, синтаксические особенности. В рассказе Дины Рубиной «Разнообразно святой Иерусалим» отмечаем контексты: *Слышь, ну дело такое... надо бы обмыть...* [5, с. 48]. Здесь глагол *обмыть* как просторечие употребляется в переносном значении *выпить*: *обмыть* 1. То же, что *вспрыснуть* (во 2 знач.) (прост.). *О. премию. // 2. перен.* Отпраздновать что-н., выпив вина, устроив угощение (разг.). *О. попку* [6]. Использование просторечия создает особый настрой, подчеркивает намеренную разговорность в репликах героев. В контексте встречаются обороты-паразиты, которые часто фиксируются в речи носителей, например: *дело такое*. Сама фраза выстроена таким образом, чтобы как можно точнее передать интонации разговорной речи, поэтому используются так называемые маркеры разговорной речи, например, глаголы, которые должны привлечь внимание адресата к высказыванию. В контексте у Дины Рубиной использована форма повелительного наклонения во 2 л. ед. ч. с типичной разговорной редукцией *слышь* (ср. разг. *слушай, знаешь, видишь, смотри* и др.).

В данной статье мы проанализировали использование семантико-стилистических возможностей русского глагола в создании намеренной разговорности повествования в художественном тексте. Обратившись к творчеству еще одной представительницы современной русской литературы – Людмилы Улицкой, мы обнаружили достаточно большое количество примеров, подтверждающих использование разговорных глаголов для создания экспрессии повествования. Язык произведений Людмилы Улицкой характеризуется прежде всего тем, что она создала свой особый, уникальный художественный мир. Дебютная повесть «Сонечка» (1992), снискавшая популярность за границей, была напечатана в журнале «Новый мир». За время своего долгого творческого пути Людмила Улицкая создала много ярких образов в романах («Медя и ее дети» (1996), «Казус Кукоцкого» (2001), «Зеленый шатер» (2011) и др.), рассказах (сб. «Девочки» (2002), «Люди нашего царя» (2005), «О теле души» (2019) и др.), пьесах (сб. «Русское варенье и другое» (2008), «Бумажный театр: непроза» (2020) и др.). По ее произведениям сняты фильмы, она стала первой женщиной лауреатом литературной премии «Русский Букер».

В рассказах Л. Улицкой широко используется разговорная лексика, в том числе глаголы, для описания героев. Например, в рассказе «Счастливые» при описании фотографии сына главных героев на его могиле встречаем глаголы *ускользнуть, улетучиться*, призванные показать то, что осталась только в памяти, за кадром: *Все остальные выражения его широкого милого лица, мстя за то, что не они были выбраны для представительства, незаметно ускользнули и улетучились...* [7, с. 2]. В контексте используются глаголы-синонимы *ускользнуть* и *улетучиться* для передачи быстрой смены события, в данном случае изменения выражения лица ребенка. Кроме этого, указанные действия подкрепляются описанием совершения действия наречием *незаметно*. На наш взгляд, интерес вызывает именно работа писателя по созданию образа, глагол *ускользнуть* автор использует в переносном значении: 1. Скользнув, вырваться. *Рыбка ускользнула из рук. 2. перен.* Быстро и внезапно уйти, скрыться, исчезнуть; незаметно, тайно отправиться куда-н. (разг.). *У. из дома. У. к приятелю. Надежда ускользнула. 3. (1 и 2 л. не употр.), перен.* Остаться незамеченным. *Не ускользнуть от чьего-н. внимания* (быть замеченным). || *ускользать* [6]. При этом используется прием олицетворения, так как производят данные действия «выражения лица» на застывшем фото, они и мстят, и ускользают, и улетучиваются. У второго глагола еще более яркая экспрессия, здесь автор, на наш взгляд, совмещает значения, трансформирует их: *улетучиться* 1. (1 и 2 л. не употр.). Исчезнуть, обратившись в газообразное состояние. *Запахи улетучились. 2. перен.* Уйти, пропасть (разг. шутол.). *Деньги быстро улетучились. Куда-то улетучился кто-н.* (непонятно куда делся). || *улетучиваться* [Там же]. Данный пример свидетельствует о том, что Л. Улицкая использует семантические возможности разговорных элементов в речи автора-повествователя. Подобранные приставочные образования глаголов (ср. *лететь – улететь, скользнуть – ускользнуть*) подводят читателя к мысли о быстротечности всего вокруг: того, что ушло, вернуть нельзя, оно осталось где-то там: ускользнуло, улетучилось, ушло. В этом же рассказе можно встретить примеры использования разговорных глаголов для описания действий героев. Берта и Матиас – главные герои рассказа «Счастливые», супружеская пара – ведут себя как добрые и простые люди, у них уравновешенный характер, эмоции также выражаются спокойно, поэтому писатель применяет разговорные глаголы: *«Ничего, ничего», – пробормотал он, сильно и тяжело поворачивая к себе левой рукой отвернувшуюся жену* [7, с. 3].

Глагол *пробормотать* можно отнести к звуко-подражаниям, связанным с говорением: *пробормотать* (разг.) сказать быстро и невнятно, произнести бормоча [6]. Несмотря на то, что Матиас не знает, как успокаивать жену, он старается, пытается что-то говорить, но это еще что-то неясное, непонятное. Реплика героя носит разговорный характер, использование синтаксической конструкции с повторением слов для успокоения «ничего, ничего» воспринимается как яркий пример стилизации коллоквиальности речи, подкрепленный авторской характеристикой произведенного действия.

Стоит отметить, что в произведениях Людмилы Улицкой можно проследить связь между использованием разговорных глаголов и характеристикой самих персонажей, при этом происходит распределение всей глагольной лексики в рамках художественного текста. Например, в рассказе «Бедные родственники» писательница использовала разговорные и просторечные глаголы для описания действия и состояния Аси, а нейтральные лексемы употребляются ею для описания Анны. Благодаря такому яркому приему сравнения самих глаголов читатели чувствуют разницу между нормальными людьми и людьми с особенностями, не такими, как все: *Анна Марковна засмеялась...* [7, с. 7]; *...целуя Анечкину полную щеку и не переставая хихикать, избыточно и фальшиво говорила Ася...* [Там же, с. 5]. Глагол *засмеяться* совершенно нейтральный, обозначает начало действия: Начать смеяться (в 1 знач.). *Весело* з. [6], тогда как глагол *хихикать* относится к разговорному стилю, используется со значением «Смеяться тихо или исподтишка, со злорадством» [Там же]. Глагол *хихикать*, а также его однокоренные образования (однократный вариант гл. *хихикнуть*, сущ. *хихиканье*) не один раз появляются в тексте для описания улыбки героини: *...потому что по дурацкому хихиканью за дверью, да и по календарю, Анна Марковна должна была знать, что пришла Ася.* [7, с. 5]; *...а на губы была всегда натянута зачаточная улыбка, – готовая немедленно исчезнуть или рассыпаться искательным хихиканьем.* [Там же, с. 6]; *Говорят, попивает. – При этих словах Ася довольно уместно захихикала, а Анна Марковна продолжала* [Там же, с. 7]. Писательница, создавая образ своей героини, намеренно подчеркивает эту ее особенность – часто хихикать без смысла. В данном случае у читателя сразу возникает ассоциация с широко известной в русском языке вариацией перевода латинской фразы: *Смех без причины – признак дурачины* (ср. лат. *Per risum multum debes cognoscere stultum*). Когда автор описывает диалог между Анной и

Асей, то для характеристики действий Анны использует нейтральные глаголы: *спросила, сказала, отвечала нормально и спокойно*, а для описания Аси берутся глаголы сниженной окраски: *...понимаяще затрясла головой* [Там же, с. 6]; *Я купила несколько, – соврала она. – Очень красивые* [7, с. 6]. Глагол *соврать, совру, соврешь*; сов. (разг.) в авторской речи использован вместо книжного глагола *солгать* [6]. По отношению к Асе писатель не использует высокую, книжную лексику даже в ремарках, поэтому *затрясла головой, соврала* и под. Несмотря на то, что Ася немного не в себе, Анна всегда помогает ей, дружит с ней, она всегда терпелива. Через восприятие других героев можно понять, что только Анна по-доброму относится к Асе. Л. Улицкая при описании их отношения к Асе использует сниженную, просторечную глагольную лексику, например, при характеристике действия мужа Анны при виде Аси: *Увидев Асю, он кисло хмыкнул, спросил у нее, как дела, и, не дожидаясь ответа, ушел в смежную со столовой спальню, закрыв за собой двойную стеклянную дверь* [Там же, с. 6]. Очевидно, ему Ася не нравится, даже раздражает, потому что однократный вариант глагола *хмыкнуть* от глагола *хмыкать* (разг.), который связан с звукоподражанием «хм», используется в знак выражения недоумения, иронии, недоверия и других подобных чувств [6], а здесь выражает явное презрение. Но у Анны вообще другое отношение к Асе: *Наконец Анна Марковна спохватилась, что всего этого Асе знать вовсе не надо.* [7, с. 7]. По свидетельству словаря: *спохватиться* (разг.) внезапно заметить упущение, вспомнить о чем-нибудь забытом [6], то есть Анна в какой-то степени оберегает Асю, но в то же время не считает нужным ей все рассказывать в подробностях. Если в характеристиках самих героинь четко противопоставлены глаголы по стилю, то реплики Анны Марковны также не лишены разговорности: *Отец – домоуправ, инвалид. Говорят, попивает.* [7, с. 7]. Использование просторечного приставочного образования *по-пивает* вместо *вы-пивает* сразу вскрывает значение «понемногу, но часто пить вино» (прост.) [6], другими словами, пьет с удовольствием, пьянствует.

Людмила Петрушевская занимает особое место среди представительниц русской женской прозы. Современные критики называют ее рассказы «прозой новой волны», так как в них есть композиционная и стилистическая необычность, переосмысление известных произведений классики. Начало творческого пути Л. Петрушевской связано с драматическими произведениями (пьесы, сценарии), а в 1992 году была опубликована

ее первая повесть «Время ночь», которую часто называют вершиной ее прозаического творчества. Кроме этой повести, у Л. Петрушевской выходят романы, сказки, сборники рассказов, пьесы, она выступает как сценарист фильмов и мультфильмов для детей и взрослых: «Пуськи бятые» (цикл сказок, 1984), «Квартира Коломбины» (сборник пьес, 2007), «Два царства» (сборник рассказов и повестей, 2009), «Нас украли. История преступлений» (роман, 2017), «Никому не нужна. Свободна.» (2017) и др. Пьесы и рассказы Л. Петрушевской побуждают человека задуматься о жизни, о смысле и цели своего существования на земле.

В результате исследования произведений Л. Петрушевской мы пришли к выводу, что для создания экспрессии в художественном тексте, для стилизации разговорности повествования писатель обращается к семантике самих глагольных лексем, чаще всего употребляет их переносные значения. Благодаря употреблению лексики разговорного стиля она усиливает воздействие на читателя, так как использует разговорные и даже просторечные элементы при описании обычных событий в сюжетной линии, прежде всего в авторской речи: *Поволжец, кстати, принял в партию пятнадцатилетнего подростка Маяковского, после чего тот загремел в Бутырскую тюрьму и впоследствии из партии вышел.* [8, с. 11]. Глагол *загреметь* в этом контексте используется в его переносном значении: *загреметь* 1. Начать греметь. *Загремел гром.* 3. *посудой.* 2. Шумно упасть (прост.). 3. *с лестницы.* 3. Сразу лишиться высокого положения, должности (прост.). *Наш начальник загремел.* [6]. Это просторечное выражение при описании жизненных перипетий героя призвано вызвать у читателей полное понимание ситуации, ведь чаще всего это яркое экспрессивное выражение используется с негативной коннотацией. Кроме этого, глагол *загреметь*, по своему происхождению являясь звукоподражательным (производится громкий звук, подобно грому), получает особую разговорную экспрессию при контаминации 1 и 2 словарного значения. Л. Петрушевская для характеристики своего героя, старого большевика Вегера по кличке Поволжец, описывает в том числе его живое участие в жизни известной исторической личности – поэта Владимира Маяковского. Но использование глагола *загреметь* снижает созданный образ, одновременно поддерживая иллюзию разговорной речи, ведь повествование в рассказе ведется от 1-го лица.

Привлекает внимание функционал глагола в следующем контексте: *До сих пор московский транспорт тархтит по специально оставлен-*

ному историческому бульвару между площадью Восстания и метро «Баррикадная». [8, с. 11]. Используется глагол *тархтит* (разг.). 1. Производить шум и треск. *Колеса тархтят по бульвару.* 2. Трещать (в 3 знач.), тараторить [6]. На наш взгляд, писательница употребляет этот разговорный глагол *тархтит* не только для описания звука, производимого транспортом, когда тот движется по оставленному в исторической части Москвы бульвару, но и подчеркивает неизменность бытия, совмещение временных рамок: *до сих пор тархтит*, то есть существует и в наше время. Следовательно, можно отметить, что умение усиливать экспрессию, придавать некую разговорность всей фразе за счет употребления семантики глаголов – характерные творческие приемы создания выразительности в художественном тексте, которые умело использует Л. Петрушевская в своих произведениях.

Таким образом, в ходе проведенного исследования были выделены авторские приемы стилизации разговорной речи на уровне использования глагольной лексики в произведениях представительниц современной русской женской прозы. Надо отметить, что включение в художественный текст самих разговорных элементов не только усиливает экспрессию, но и создает особый колорит непринужденности, легкости повествования, близости к читателю. Важно подчеркнуть, что каждый писатель при использовании разговорной глагольной лексики обращается к разным приемам стилизации. Язык произведений Дины Рубиной характеризуется активным использованием звукоподражательных глаголов для создания законченности картины повествования, включая звуковую сторону действительности, порой писатель прибегает к созданию окказиональных употреблений, проводятся ассоциативные семантические связи между значениями глаголов. Людмила Улицкая создает особую разговорную экспрессию в своих произведениях за счет использования разговорных, просторечных элементов не только в речи героев, но и в речи автора-повествователя. Точная работа по использованию семантических оттенков в значениях разговорных и просторечных глаголов отмечена в произведениях Людмилы Петрушевской.

Список источников

1. Попова И. М., Любезная Е. В. Феномен современной женской прозы. // Вестник ТГТУ. Тамбов, 2008. Т.14. № 4. С.1020–1024.

2. Рабжаева М. В. Женская проза как социокультурный феномен. // Идеология студента. СПб, 2000. С. 3–16.

3. Использование глаголов в художественных текстах. Studexpo. URL: https://m.studexpo.ru/index.php?option=com_content&Itemid=106&id=130948&lang=ru&task=view (дата обращения: 15.02.2022).

4. Эдельштейн Михаил. Интервью с Диной Рубиной. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/215/edelshteyn.htm> (дата обращения: 15.02.2022).

5. Рубина Д. Больно только когда смеюсь. М.: Эксмо, 2010. 384 с.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 12.03.2022).

7. Улицкая Л. Бедные родственники: Рассказы. М.: Изд-во АСТ, 2018. 221 с.

8. Петрушевская Л. Никому не нужна. Свободна: сборник. М.: Изд-во «Э», 2018. 324 с.

References

1. Popova, I. M., Liubeznai, E. V. (2008). *Fenomen sovremennoi zhenskoj prozy. Vestnik TGTU*. [The Phenomenon of Modern Women's Prose]. Vestnik TGTU. T 14, No. 4, pp. 1020–1024. Tambov. (In Russian)

2. Rabzhaeva, M. V. (2000). *Zhenskaia proza kak sotsiokul'turnyi fenomen. Ideologiya studenta*. [Women's Prose as a Socio-Cultural Phenomenon. The Student's Ideology]. Pp. 3–16. St. Petersburg. (In Russian)

3. Ispol'zovanie glagolov v khudozhestvennykh tekstakh. Studexpo. [The Use of Verbs in Literary Texts. Studexpo]. URL: https://m.studexpo.ru/index.php?option=com_content&Itemid=106&id=130948&lang=ru&task=view (accessed: 15.02.2022). (In Russian)

4. Edel'shtein, Mikhail. *Interv'iu s Dinoy Rubinoi*. [Interview with Dina Rubina]. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/215/edelshteyn.htm> (accessed: 15.02.2022). (In Russian)

5. Rubina, D. (2010). *Bol'no tol'ko kogda smeius'*. [It Hurts Only When I Laugh]. 384 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

6. Ozhegov, S. I., Shvedova N. Yu. (1999). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. Rossiiskaia akademiia nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. Moscow, Azbukovnik. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (accessed: 12.03.2022). (In Russian)

7. Ulitskaya, L. (2018). *Bednye rodstvenniki: rasskazy*. [Poor Relatives: Stories]. 221 p. Moscow, Izd-vo AST. (In Russian)

8. Petrushevskaya, L. (2018). *Nikomu ne nuzhna. Svobodna: sbornik*. [Nobody Wants Me. I'm Free: A Collection of Stories.] 324 p. Moscow, Izd-vo "E". (In Russian)

Библиографический список

1. Бычкова О. А. Проблема симулякра в постмодернистской литературе (на материале произведений А. Битова, Т. Толстой, В. Пелевина): автореф. ... канд. филол. наук: Москва, 2008. 19 с.

2. Виноградов В. В. Современный русский язык. Морфология. М.: Просвещение, 1952. 349 с.

3. Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 63–112.

4. Высочина Ю. Л. Интертекстуальность прозы Татьяны Толстой: на материале романа «Кысь»: автореф... канд. филол. наук: Челябинск, 2007. 26 с.

5. Голуб И. Б. Русский язык и практическая стилистика. Справочник. М.: Юрайт, 2012. 464 с.

6. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. 448 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (дата обращения: 15.03.2022)

7. Земская Е. А. Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 230 с.

8. Зумбулидзе И. Г. «Женская проза» в контексте современной литературы // Современная филология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа: Лето, 2011. С. 21–23. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/409/> (дата обращения: 20.03.2022).

9. Кожина М. Н., Дускаева Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

10. Новиков Л. А. Развитие словесного образа в художественном тексте / Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. М.: Miscellanea. 2001. С. 166–176.

11. Плотникова Е. А. «Настоящие сказки» Л. С. Петрушевской в контексте традиционной культуры: дис. ... канд. филол. наук: Йошкар-Ола, 2011. 196 с.

12. Славина В. А. В поисках идеала. Литература, критика, публицистика первой половины XX века. М.: Издательство ФЛИНТА, 2005. 320 с.

13. Титарева Л. Д. Женская проза как феномен современной российской культуры (на примере Забайкальского края): дис... канд. культурологии: Чита, 2015. 158 с.

14. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

15. Широкова Е. В. Художественные эксперименты в русской женской прозе конца XX века: Поэтика языка и времени: дис. ... канд. филол. наук: Ижевск, 2005. 151 с.

References

1. Bychkova, O. A. (2008). *Problema simulyakra v postmodernistskoi literature (na materiale proizvedenii A. Bitova, T. Tolstoi, V. Pelevina): avtoref. ... kand. filol. nauk* [The Simulacrum Issue in Postmodern Literature

(based on the works of A. Bitov, T. Tolstoy, V. Pelevin): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 19 p. (In Russian)

2. Vinogradov, V. V. (1952). *Sovremenniy russkii yazyk. Morfologiya* [Modern Russian Language. Morphology]. 349 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

3. Vinokur, T. G. (1968). *Stilisticheskoe razvitie sovremennoi russkoi razgovornoj rechi* [Stylistic Development of Modern Russian Colloquial Speech]. *Razvitie funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo yazyka*. Pp. 63–112. Moscow, Nauka. (In Russian)

4. Vysochina, Yu. L. (2007). *Intertekstual'nost' prozy Tat'yany Tolstoy: na materiale romana "Kys"*: avtoref... *kand. filol. nauk* [Intertextuality of Tatyana Tolstaya's Prose: Based on the Novel "Kys": Ph.D. Thesis Abstract]. Chelyabinsk, 26 p. (In Russian)

5. Golub, I. B. (2012). *Russkii yazyk i prakticheskaya stilistika. Spravochnik* [Russian Language and Practical Stylistics. A Reference Book]. 464 p. Moscow, Yurait. (In Russian)

6. Golub, I. B. (1997). *Stilistika russkogo yazyka: Ucheb. posobie* [Stylistics of the Russian Language: A Textbook]. Moscow, Rol'f; Airis-press, 448 p. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (accessed: 15.03.2022). (In Russian)

7. Zemskaya, E. A. (1973). *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian Colloquial Speech]. 230 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

8. Zumbulidze, I. G. (2011). *"Zhenskaya proza" v kontekste sovremennoi literatury* ["Women's Prose" in the Context of Modern Literature]. *Sovremennaya filologiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, aprel' 2011 g.)*. Ufa, Leto, pp. 21–23. URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/409/> (accessed: 20.03.2022). (In Russian)

9. Kozhina, M. N., Duskaeva, R., Salimovskii, V. A. (2008). *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. 464 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

10. Novikov, L. A. (2001). *Razvitie slovesnogo obraza v khudozhestvennom tekste* [The Development of a Verbal Image in a Literary Text]. *Izbrannye trudy. T. 2. Ehsteticheskie aspekty yazyka*. Pp. 166–176. Moscow, Miscellanea. (In Russian)

11. Plotnikova, E. A. (2011). *"Nastoyashchie skazki" L. S. Petrushevskoi v kontekste traditsionnoi kul'tury: dis. ... kand. filol. nauk* ["Real Fairy Tales" by L. S. Petrushevskaya in the Context of Traditional Culture: Ph.D. Thesis]. Ioshkar-Ola, 196 p. (In Russian)

12. Slavina, V. A. (2005). *V poiskakh ideala. Literatura, kritika, publitsistika pervoi poloviny XX veka* [In Search of the Ideal. Literature, Criticism and Journalism in the Early 20th Century]. 320 p. Moscow, izdatel'stvo FLINTA. (In Russian)

13. Titareva, L. D. (2015). *Zhenskaya proza kak fenomen sovremennoi rossiiskoi kul'tury (na primere Zabaikal'skogo kraja): dis... kand. kul'turologi* [Women's Prose as a Phenomenon of Modern Russian Culture (based on the Trans-Baikal Territory): Ph.D. Thesis]. Chita, 158 p. (In Russian)

14. Khimik, V. V. (2000). *Poehtika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyi fenomen* [Poetics of the Low, or Vernacular as a Cultural Phenomenon]. 272 p. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPBGU. (In Russian)

15. Shirokova, E. V. (2005). *Khudozhestvennye ehksperimenty v russkoi zhenskoi proze kontsa XX veka: Poehtika yazyka i vremeni: dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic Experiments in Russian Women's Prose at the End of the 20th Century: Poetics of Language and Time: Ph.D. Thesis]. Izhevsk, 151 p. (In Russian)

The article was submitted on 04.04.2022

Поступила в редакцию 04.04.2022

Колосова Елена Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hkolosova@yandex.ru

Ли Мэни,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
limengyi8888@163.com

Kolosova Elena Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hkolosova@yandex.ru

Li Mengyi,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
limengyi8888@163.com

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА (ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© Анастасия Кротова

SPECIFICS OF NATIVE RUSSIAN SPEAKERS' PERCEPTION OF PHRASEOLOGICAL CALQUES (AN EXPERIMENTAL STUDY)

Anastasiya Krotova

The globalization of modern communicative processes, the universal accessibility of information, and the speed of its dissemination cause continuous replenishment of the Russian language vocabulary and phrasemes through explicit and implicit borrowings, which include phraseological calques.

The paper emphasizes that phraseological calques have been sufficiently well described as a linguistic, linguocultural, and translation phenomenon, while the anthropocentric specificity of these units has hardly been studied.

In the anthropocentric approach, we can define a phraseological calque as a foreign language formula that was collectively approved and accepted by native speakers and has become a model to be emulated. Various studies repeatedly note that phraseological calques are perceived as metaphorical formations of the mother tongue or as organic authentic units.

The study of calqued phrasemes as a cognitive and linguistic phenomenon is impossible without reference to the linguistic consciousness of native speakers. This paper describes and analyses the results of our experimental study aimed at determining the specifics of perception and identification of phraseological calques by native speakers (namely, students of philology). We assumed that the participants in the experiment, given their professional status, would be able to identify the foreign-language origin of phrasemes on the basis of their formal and substantive characteristics.

The results of the experiment did not support the hypothesis as only 9% of the answers indicated, in one way or another, the foreign origin of certain phrases, while the term "calque" was used only five times.

The main attributes that the respondents focused on, when identifying phraseological calques, were the composition of the phraseme, knowledge of its prototype, and the historical and cultural facts related to the expression.

Keywords: calque, phraseological calque, implicit borrowing, anthropocentrism, perception, experimental study, linguistic consciousness

Глобализация современных коммуникативных процессов, общедоступность информации и скорость ее распространения обуславливают постоянное пополнение лексико-фразеологического фонда русского языка за счет явных и скрытых заимствований, к которым относятся фразеологические кальки.

В работе подчеркивается, что фразеологические кальки достаточно хорошо описаны как лингвистический, лингвокультурный и переводческий феномен, в то время как антропоцентрическая специфика данных единиц практически не изучена.

В рамках антропоцентрического подхода фразеологическая калька может быть определена как коллективно одобренная и принятая носителями языка иноязычная формула, которая становится образцом для подражания. В различных исследованиях неоднократно отмечается, что фразеологические кальки воспринимаются как метафорические образования родного языка, как органичные аутентичные единицы.

Изучение калькированных фразем как когнитивно-языкового феномена невозможно без обращения к языковому сознанию носителей языка. В данной работе описаны и проанализированы результаты экспериментального исследования, направленного на определение особенностей восприятия и идентификации фразеологических калек носителями языка (студентами, обучающимися по специальности «Филология»). Было сделано предположение, что участники эксперимента, учитывая их

профессиональный статус, смогут определить иноязычное происхождение фразеологизмов, опираясь на их формальные и содержательные характеристики.

Результаты эксперимента гипотезу не подтвердили: только в 9% ответов так или иначе указывается на иноязычное происхождение некоторых фразем, при этом термин «калька» был использован только пять раз.

Основными признаками, на которые ориентировались испытуемые при определении фразеологических калек, являются компонентный состав фразеологизма, знание прототипического выражения и историко-культурных фактов, связанных с оборотом.

Ключевые слова: калька, фразеологическая калька, скрытое заимствование, антропоцентризм, процесс восприятия, эксперимент, языковое сознание

В эпоху интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий, стирающих границы и обеспечивающих высокую скорость распространения информации, процессы глобализации и интернационализации языков протекают особенно быстро, о чем свидетельствует постоянное увеличение числа заимствований и калек разного типа. В современных коммуникативных условиях проявления языкового контактирования претерпевают значительные качественные и количественные изменения [1, с. 129]: Е. В. Маринова отмечает, что в XXI веке наблюдается значительная активизация калькирования, или «скрытого» заимствования [2, с. 10]. По словам Н. Б. Мечковской, кальки, в отличие от собственно заимствований, представляют собой менее резкие, менее заметные инновации и поэтому появляются чаще. Они проникают в языки исподволь, в качестве едва ощутимой речевой небрежности или смелости и распространяются быстро [3, с. 227].

В. М. Мокиенко отмечает, что специфика фразеологической кальки определяется категориальными свойствами фразеологизма как особой языковой единицы, и особенно его экспрессивностью. Кальки фразеологические в основном «зациклены» на коннотативной номинации, характеризующей и оценивающей антропогенные семантические зоны. Последнее свойство чрезвычайно важно уже потому, что идеографическая карта фразеологических калек является универсальной, что во многом облегчает их быструю адаптацию в новой языковой среде [4, с. 9].

Несмотря на достаточно глубокое теоретическое осмысление калькирования как лингвистического, лингвокультурного и переводческого феномена (см. работы Ш. Балли, Г. Пауля, А. А. Реформатского, Л. П. Ефремова, Н. М. Шанского, А. В. Кунина, Л. П. Крысина, А. П. Араповой, В. М. Мокиенко, Ч. Апреотесей, С. В. Мухина, И. О. Наумовой, А. А. Гариповой и др.), некоторые его аспекты до сих пор требуют тщательного изучения. Как отмечает Л. П. Крысин, по сравнению с прямыми заимствованиями, калькированию посвящено меньшее

количество работ, что является следствием меньшего их числа и неразработанности критериев отличия калек как результата иноязычного влияния от собственного развития языка [5, с. 30–31]. При этом, по словам С. В. Мухина, фразеологические кальки находят свое место далеко не на периферии языковой системы, а в самом ее ядре, наравне с исконными фразеологизмами, наглядно демонстрируя значительную степень взаимопроникновения культур в области языка [6, с. 61]. Вместе с тем, как справедливо отмечает О. В. Матвеева, до сих пор без должного внимания остаются процессы интеграции кальки в лексической системе языка-реципиента, восприятия кальки носителями языка [7, с. 3].

Известно, что термин «калька» (*les calques*) впервые был введен швейцарским лингвистом Ш. Балли и определен им как единственный способ передачи идиоматических выражений из языка в язык. По его мнению, кальки – это выражения, созданные способом буквального перевода по образцу выражений, заимствованных из другого языка [8, с. 69].

Перевод как способ создания калек до сих пор считается одним из основных признаков данного явления, например: «Калька – образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [9, с. 211]; «фразеологическая калька – это устойчивое сочетание слов, возникшее в результате пословного перевода иноязычного фразеологизма» [10, с. 116]. По мнению Л. П. Ефремова, калька возникает только в результате перевода и как следствие перевода, что выделяет ее из сферы заимствования [11, с. 50].

В других определениях делается акцент на прототипическую, моделирующую функцию иноязычного слова или выражения при образовании калек. Так, по словам Э. М. Солодухо, фразеологическая калька возникает в результате точной или измененной передачи лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных прототипов средствами заимствующего языка [12, с. 136]. Д. Н. Шмелев отмечает,

что «сущность калькирования состоит в том, что для выражения понятия, неизвестного в том или ином языке, используется иноязычное слово как образец» [13, с. 175]. А. А. Гарипова определяет фразеологическую кальку как устойчивое выражение, вошедшее в лексико-фразеологическую систему языка в результате воспроизведения структуры и значения иноязычной фразеологической единицы средствами калькирующего языка [14, с. 6].

Румынский лингвист Ч. Апреотесей обращает внимание на социолингвистическую специфику кальки: «это явление языкового контакта, сознательное или стихийное, реализованное внутренними ресурсами по внешней модели, при котором более или менее точно перемещаются из одного языка в другой лексико-семантические, фразеологические или морфосинтаксические структурные элементы» [15, с. 85–86].

Лингвистическое, лингвокультурное и социолингвистическое описание фразеологических калек может считаться неполным без учета антропоцентрических особенностей данных языковых единиц. Являясь «достоянием языкового сознания» [16, с. 7], фразеологическое значение не просто фиксирует национально-культурные особенности, стереотипные представления, мировоззрение народа, но и формирует в психике человека «мыслительные образы экстралингвистического характера» [17, с. 71].

Следование принципам «человек во фразеологии» и «фразеология в человеке» позволяет по-новому взглянуть на проблемы калькирования и рассмотреть фразеологическую кальку как когнитивно-языковой феномен, за которым стоит человек [18, с. 365]. Процесс калькирования в таком случае может быть рассмотрен как коллективно одобряемое принятие носителями языка иноязычной формулы, которая становится прототипом / образцом для подражания. Этот процесс запускается в случае, если носители ощущают необходимость в новом наименовании, но не находят подходящую единицу в своем языке и / или воспринимают иностранное выражение как более точное, выразительное или просто модное. При этом, как отмечает О. А. Мещерякова, возможно заимствование как когнитивного содержания, так и его вербальной фиксации, хотя и с помощью своих языковых элементов [Там же].

В этой связи интересной и актуальной кажется проблема восприятия фразеологических калек носителями языка. Традиционно считается, что кальки воспринимаются как метафорические образования родного языка, созданные по его законам. Еще Н. М. Шанский отмечал, что иноязычность структуры фразеологических калек совер-

шенно не ощущается, поскольку по синтаксическим связям слов и их семантическим отношениям они не отличаются от исконно русских фразеологизмов [10, с. 119]. По мнению И. О. Наумовой, говорящие активно используют кальки, поскольку данные единицы имеют прозрачную внутреннюю форму, способствующую осознанному восприятию новых словесных комплексов и их быстрому запоминанию [19, с. 38]. Н. С. Арапова утверждает, что укрепившиеся в языке кальки воспринимаются носителями языка как исконные слова данного языка; их неорганичность ощущается лишь краткое время после их появления [20, с. 9]. О. А. Никитина и Д. Штеффенс считают, что прозрачная образность фразеологических калек облегчает «вживание» инноваций и они почти сразу же начинают восприниматься носителями языка как аутентичные [21, с. 40].

Думается, что, несмотря на подобную микроию, фразеологические кальки тем не менее могут обладать особыми характеристиками, которые позволяют носителям языка воспринимать их как скрытое заимствование. В собственно лингвистических исследованиях такие признаки называются и описываются. Например, кальки отличаются тем, что в них реализуются нехарактерные для данного языка формальные или содержательные черты. Кроме того, при определении кальки важно обратиться к внеязыковой действительности: если обозначаемое явление пришло к нам извне, то можно предположить, что его наименование либо заимствование, либо калька [22, с. 6].

По мнению И. О. Наумовой, исследовавшей фразеологические кальки английского происхождения, можно выделить специфические лингвистические и экстралингвистические признаки таких единиц, а именно:

- 1) наличие структурно-семантического аналога в иностранном языке;
- 2) факты, подтверждающие возникновение предполагаемого прототипа русской фраземы в иностранном языке (установление авторства, лексикографические источники, документы);
- 3) смысловая соотнесенность анализируемой единицы с иноязычной лингвокультурой (наименования реалий, особенности национальной культуры);
- 4) одновременное функционирование прямого заимствованного выражения и его пословного перевода, который поясняет иноязычный оборот;
- 5) дополнительные формальные признаки, сопровождающие в некоторых случаях введения в речь фразеологических калек: кавычки, ввод-

ные фразы и конструкции, метаязыковые комментарии, рефлексивы и т. п. [19, с. 16–18].

Вполне возможно, что описанные выше признаки действительно являются важными маркерами, помогающими носителям языка опознавать фразеологические кальки. Однако, как представляется, не все они имеют одинаковое значение для воспринимающего сознания. Думается, что наиболее яркими характеристиками, позволяющими заподозрить и идентифицировать фразеологическое калькирование, являются:

1) одновременное активное существование в узусе кальки и ее иноязычного прототипа (например, *all inclusive* и *все включено*; *Black Friday* и *черная пятница*);

2) наличие в составе фразеологизма компонента, прямо указывающего на иноязычное и инокультурное происхождение (*американская мечта*, *английский завтрак*, *испанский стыд*, *День благодарения*); причем такая подсказка не всегда связана с настоящим языком-источником (например, фразема *испанский стыд* – это перевод не испанского, а английского выражения *Spanish shame*);

3) необычная образная основа и / или структурная организация фразеологизма (*социальная бабочка*, *хромая утка*, *цифровые аборигены*; *быть в ресурсе*, *быть в моменте*).

Добавим, что, безусловно, самым надежным критерием для носителей языка является их собственное знание происхождения фразеологической единицы, однако далеко не все таким знанием обладают, а иногда такая информация бывает просто ошибочной и некорректной.

Кроме того, определенную роль может играть и временной фактор: современная единица скорее будет определена как калька, поскольку всем известна существующая тенденция к заимствованию, пусть даже и скрытому, из английского языка. Устаревшие или устаревающие единицы, как правило, плохо знакомы носителям языка (то есть являются по сути агнонимами) и потому не вызывают никаких ассоциаций, никаких предположений об их происхождении.

Итак, способны ли носители языка идентифицировать калькированные фраземы? Для того чтобы это выяснить, мы провели экспериментальное исследование, направленное на выявление особенностей восприятия и распознавания фразеологических калек.

В эксперименте приняли участие студенты 3–4 курсов, обучающиеся по направлению «Филология», в возрасте от 20 до 24 лет (всего 60 человек). Учитывая поставленные задачи и характер стимульного материала, профессиональная ориентация респондентов имеет немаловажное зна-

чение: гуманитарии (будущие филологи и журналисты) должны хорошо знать русскую фразеологию и процессы, происходящие в ней, обладать тонким языковым чутьем и потому наверняка способны относительно легко распознать скрытое заимствование (фразеологическую кальку). Стоит также подчеркнуть, что все респонденты имеют достаточный для эксперимента уровень владения английским языком (от A2 и выше).

В качестве стимульного материала использовались контексты, содержащие фразеологические кальки английского происхождения, часть из которых уже довольно давно существует в языке (*холодная война*, *голубая кровь*, *желтая пресса*, *синий чулок*); другие же возникли относительно недавно (*белые воротнички*, *черная пятница*, *когнитивный диссонанс*, *дорожная карта*, *испанский стыд*, *цифровые аборигены*). В контекстах отсутствовало указание на происхождение и значение кальки, однако в некоторых случаях фразеологизм был помещен в кавычки (дополнительный формальный фактор), например: «*Испанский стыд*»: *фанаты в шоке от выхода сборной Италии в финал ЕВРО* [23]. Респондентам предлагалось найти фразеологизм, определить значение, сделать предположение о происхождении и перечислить признаки, указывающие на его этимологию. Термин «фразеологическая калька» в инструкции намеренно не использовался.

Анализ полученных результатов показал, что:

1) 97% испытуемых обнаружили фразеологизмы в предложенных контекстах;

2) только в 9% ответов так или иначе фиксируется иноязычное происхождение некоторых фразем, при этом термин «калька» был использован всего пять раз;

3) описывая признаки, маркирующие иноязычное происхождение фразеологизмов, испытуемые отмечали следующие (в скобках указано количество ответов):

- знание соответствующего иноязычного выражения (8);
- знание исторических фактов, связанных с фразеологизмом (14);
- наличие представлений о культурной специфике той или иной страны (8);
- компонентный состав фразеологизма (14);
- необычное сочетание лексем в составе оборота (2);

4) значение фразеологических единиц определялось с разной степенью успешности. Больше всего затруднений вызвали фразеологизмы *синий чулок* и *дорожная карта*: первый, несмотря на

длительное существование в русском языке, имеет непрозрачную внутреннюю форму и книжную окраску; второй также является книжным фразеологизмом, используемым скорее в официальной коммуникации, и потому плохо знаком студентам. Непрозрачным для испытуемых является и значение фразеологизма *цифровые аборигены*: по всей видимости, это можно объяснить агнонимичностью компонента *аборигены*, незнание которого мешает определить основную фразему. Поскольку механизмы понимания фразеологических калек, отражения их значения в языковом сознании носителей языка и вопрос сопоставления с прототипическим значением требуют, на наш взгляд, отдельного внимательного изучения, в данной работе мы не будем подробно затрагивать этот аспект эксперимента.

Проанализируем ответы испытуемых по каждому из фразеологизмов.

Фразеологизм *холодная война* интересен тем, что 85% испытуемых при определении его происхождения указывали на противостояние СССР и США / Запада в XX веке, однако не уточняли, в каком языке появился этот оборот. 75% связывали его происхождение с тем или иным метафорическим или метонимическим переносом лексемы *холодная*: «холодное отношение стран друг к другу», «зима – холод – сложно воевать по-настоящему», «использование оружия – это горячая война, без оружия – холодная»; «холодная – без проявления агрессии, равнодушная»; «война, которая ведется холодным умом»; «война с применением холодного оружия». 80% испытуемых подчеркнули, что при определении происхождения опирались на свои знания истории и исторические факты, при этом только один человек (1,5% от общего количества участников эксперимента) ответил, что это калька с английского выражения *cold war*. Таким образом, даже знание происхождения фразеологизма не гарантирует идентификации его как кальки.

При определении происхождения фразеологизма *голубая кровь* 80% испытуемых опирались на символику цвета *голубой* и его метафорическое значение: «цвет королей», «цвет неба, возвышенный цвет, поэтому аристократический»; «цвет кожи у людей, которые не работают и не бывают на солнце»; «цвет крови у монархов, избранных богом, по мнению людей того времени»; «цвет, который ассоциируется с холодом, злостью аристократов». 3% отмечали, что голубой – это «цвет, противопоставленный красному в цветовом круге». Два человека отметили, что этот фразеологизм возник в Англии, но никак не пояснили свой ответ; также двое предположили,

что фразема появилась в Испании, потому что «там загар считался признаком низкого происхождения»; один испытуемый указал на Францию как страну происхождения, объяснив, что именно «во Франции живут настоящие аристократы с голубой кровью» (всего 8% испытуемых). Термин «калька» по отношению к данному фразеологизму не использовался.

Определить происхождение фразеологизма *желтая пресса* попытались 64% испытуемых, часть из которых (22%) в своих рассуждениях снова ориентировались на символику и метафору цвета. По их мнению, пресса стала желтой потому, что желтый – это цвет «неприятный», «безумный», «грязный», «цвет разложения, умирания, увядания», «привлекающий внимание цвет». 34% респондентов, опираясь на исторические факты, ответили, что это цвет бумаги, которую использовали газеты конца XIX века – начала XX века. Только 8% указали на иноязычное происхождение фразеологизма (США, английский язык), термин «калька» был использован один раз.

Происхождение фразеологизма *синий чулок* для большинства испытуемых неясно и трудноопределимо. Только 9% участников эксперимента попытались предположить, как возникло это выражение: «кто-то надел синие чулки, чтобы выделиться», «видимо, кто-то немодный носил синие чулки». Один человек вспомнил про «Общество синих чулок», еще двое упомянули поэму Байрона «Синие» (в целом 5% испытуемых). Термин «калька» использован не был.

При определении происхождения фраземы *белые воротнички* часть испытуемых (17%) ориентировалась на метонимический перенос: «часть костюма людей», «офисный дресс-код», «воротничок, как у священника»; другие (10%) связали происхождение фразеологизма с символикой цвета *белый*: «чистые», «незапятнанные», «ухаженные». На иноязычное происхождение фразеологизма обратили внимание 8% испытуемых: три человека отметили, что выражение возникло на Западе, и один из них предположил, что выражение похоже на заимствованное словосочетание, потому что «на Западе в офисной среде носят белые рубашки, в России это не так распространено». Один человек определил Англию как страну происхождения («именно там стали делить на воротнички»), другой – США. Один раз был предложен английский вариант *white-collar worker*, термин «калька» не использовался.

Иноязычное происхождение фразеологизма *черная пятница* отмечали 29% испытуемых, что является достаточно высоким показателем. Думаем, это связано, во-первых, со временем каль-

кирования (это не неофразама, но и не устаревший оборот); во-вторых, с общеупотребительным характером фразеологизма и, в целом, его актуальностью для молодых носителей языка. 22% участников эксперимента связали происхождение фразеологизма с США и традицией проводить распродажи перед Днем благодарения; 7% сопоставили русский оборот с английским прототипом *Black Friday*. Термин «калька» был упомянут два раза. Безусловно, испытуемые обращали внимание и на символику черного цвета при определении происхождения фразеологизма: «черная ночь, никто не видит, все можно покупать», «после распродажи оставались черные (пустые) полки», «черные дни для продавцов», «черные ценники», «закупались товарами на черный день», «черный – смерть, ликвидация» (всего 20% подобных ответов).

Компонентный состав фразеологизма *испанский стыд* ожидаемо повлиял на квалификацию данного оборота как иноязычного, пришедшего из испанского языка и связанного с испанской культурой (32% испытуемых). Участники эксперимента отмечали, что выражение связано «со стереотипным поведением испанцев, их менталитетом», «с испанскими сериалами», «с какой-то историей, произошедшей в Испании», «с горячей испанской кровью». При этом никто не упомянул настоящий язык-источник (английский), прототип (*Spanish shame*) и термин «калька». Также подчеркнем, что значение этого фразеологизма достаточно хорошо известно испытуемым, несмотря на его новизну.

Происхождение фразеологизма *цифровые аборигены* попытались определить 40% испытуемых, из которых только 2% связали его со странами Европы и иностранными языками. 17% испытуемых при определении происхождения отталкивались от слова *аборигены*, при этом не всегда правильно толкуя его значение («необычные люди», «отсталые люди», «нецивилизованные»); 21% испытуемых опирались на слово *цифровые*. Термин «калька» использован не был.

Происхождение фразеологизма *когнитивный диссонанс* 50% испытуемых связывают с психологической терминологией и научной сферой в целом; комментарии относительно страны и языка-донора отсутствовали. Остальные участники эксперимента определить происхождение затрудняются.

Происхождение фразеологизма *дорожная карта* попытались определить 30% испытуемых, и лишь 2% связали его с английским языком и выражением *road map* (термин «калька» был использован один раз). Остальные увидели в обороте метафору пути, дороги, дорожной разметки

и проездного билета. Как уже было отмечено, значение фразеологизма также плохо известно испытуемым: только 17% смогли определить его более или менее точно. Интересно, что эти результаты расходятся с нашим утверждением о популярности данного фразеологизма: в одной из работ мы отмечали, что фразему *дорожная карта* можно назвать концептуально значимой, обладающей яркой и понятной внутренней формой и отражающей актуальные тренды современной жизни [24, с. 236].

Представим результаты эксперимента в виде таблицы (см. таблицу 1).

Таблица 1

Результаты выполнения задания
«Определите происхождение фразеологизма»

Фразеологизм	Определили происхождение фразеологизма (в %)	Определили происхождение фразеологизма как иноязычное (в %)	Использовали термин «калька» (количество раз)
<i>Холодная война</i>	85	1,5	1
<i>Голубая кровь</i>	83	8	0
<i>Желтая пресса</i>	64	8	1
<i>Синий чулок</i>	9	5	0
<i>Белые воротнички</i>	27	8	0
<i>Черная пятница</i>	49	29	2
<i>Испанский стыд</i>	32	32	0
<i>Цифровые аборигены</i>	40	2	0
<i>Когнитивный диссонанс</i>	50	0	0
<i>Дорожная карта</i>	30	2	1

Итак, наше предположение относительно того, что испытуемые с профильным филологическим образованием смогут достаточно легко определить иноязычное происхождение фразеологических калек, не подтвердилось. По всей видимости, кальки действительно воспринимаются даже подготовленными носителями языка как аутентичные единицы, обладающие, как правило, понятной внутренней формой и кодирующие смыслы родной культуры.

Несмотря на то, что термин «калька» входит в поле лингвистической компетенции испытуемых, предложенные фразеологизмы не смогли активизировать данный смысловой узел. При этом после эксперимента участники отмечали, что «если бы им сказали, что там есть кальки, они бы их обязательно увидели».

Эксперимент показал, что как скрытое заимствование фразеологизма лучше распознается тогда, когда в нем есть явное, эксплицитное указание на инокультурное происхождение (*испанский стыд*). Кроме того, имеет значение сфера и частота использования фраземы, ее актуальность для носителей языка и, возможно, наличие и активное функционирование в воспринимающем языке выражения-прототипа (*черная пятница* и *Black Friday*). Знание происхождения единицы, истории ее возникновения далеко не всегда помогает носителям определять фразему как калькированную.

В заключение отметим, что «мягкая сила» фразеологических калек как скрытых заимствований не может быть оценена однозначно: с одной стороны, такие незаметные инновации спокойно воспринимаются носителями языка, не вызывают ожесточенных споров и отторжения, как обычные заимствования; однако с другой — их влияние на языковое сознание вполне очевидно, поскольку они способны исподволь трансформировать языковую картину мира, формировать новые лингвокультурные смыслы, установки и предпочтения, практически без ведома самих носителей языка.

Список источников

1. Сенько Е. В., Ленчина М. Р. Калькирование в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 128–133.
2. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: Элпис, 2008. 495 с.
3. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М.: Флинта: Наука, 2009. 584 с.
4. Мокиенко В. М. Фразеологические кальки как источник обогащения национальных языков // Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии. Коллективная монография. Greifswald: Universität Greifswald, 2020. С. 5–17.
5. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.
6. Мухин С. В. Лингвокультурологические модели фразеологического калькирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 9 (781). С. 60–66.
7. Матвеева О. В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Саратов, 2005. 24 с.
8. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 393 с.
9. Арапова Н. С. Калька // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 211 с.
10. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие. СПб.: Специальная литература, 1996. 192 с.
11. Ефремов Л. П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Алма-Ата, 1959. 24 с.
12. Солодухо Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп): монография. Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. 167 с.
13. Шмелев Д. Н. Современный русский язык: лексика. М.: Едиториал УРСС, 2004. 336 с.
14. Гарипова А. А. Системно-функциональный анализ фразеологических единиц, калькированных с русского языка на татарский: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: Казань, 2011. 22 с.
15. Апреотесей Ч. Кальки славянского происхождения в румынском языке // *Romanoslavica*. 1983. Т. 21. С. 85–95.
16. Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии (антропоцентрический и аксиологический аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Казань, 2007. 45 с.
17. Алефиренко Н. Ф. Антропоцентрическая фразеология: парадоксы и реалии // *Slovo. Tekst. Czas*. VIII. Человек во фразеологии и лексике славянских языков. Szczecin, 2005. С. 66–71.
18. Мещерякова О. А. Фразеологическая калька в системе изучения взаимодействия языков в когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 363–370.
19. Наумова И. О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики): монография. Харьков: ХНАГЧ, 2012. 214 с.
20. Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода: опыт словаря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 319 с.
21. Никитина О. А., Штеффенс Д. О номинативной функции новых именных фразеологизмов немецкого языка // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 36–41.
22. Багана Ж., Безрукая А. Н., Тарасова М. В. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2007. №1 (9). С. 5–10.
23. «Испанский стыд»: фанаты в шоке от выхода сборной Италии в финал ЕВРО // РИА Новости. Спорт. 2021. 07 июля. URL: <https://rsport.ria.ru/>

20210707/futbol-1740181040.html (дата обращения: 30.04.2022).

24. Кротова А. Г. Фразеологические неологизмы в современной речи, или Что такое «дорожная карта» // Лингвистика XXI века: традиции и новации: Сб. трудов по материалам международной научной конференции памяти профессора В. В. Лазарева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 229–237.

References

1. Sen'ko, E. V., Lenchina, M. R. (2020). *Kal'kirovanie v sovremennom russkom yazyke* [Calquing in the Contemporary Russian]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, Gramota. Tom 13. Vypusk 11, pp. 128–133. (In Russian)
2. Marinova, E. V. (2008). *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX – nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign Words in the Russian Speech of the Late 20th – Early 21st Centuries: Problems of Development and Functioning]. 495 p. Moscow, Elpis. (In Russian)
3. Mechkovskaia, N. B. (2009). *Istoriya yazyka i istoriya kommunikatsii: ot klinopisi do Interneta: kurs lektsii po obshchemu yazykoznaniyu* [The History of Language and the History of Communication: From Cuneiform to the Internet: A Course of Lectures in General Linguistics]. 584p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
4. Mokienko, V. M. (2020). *Frazeologicheskie kal'ki kak istochnik obogashcheniya natsional'nykh yazykov* [Phraseological Calquing as a Source of Enrichment of National Languages]. Slavianskaya frazeologiya: zaimstvovaniya i kal'ki v slavyanskoi frazeologii. Kollektivnaya monografiya. Greifswald: Universität Greifswald, pp. 5–17. (In Russian)
5. Krysin, L. P. (2002). *Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednikh desyatiletii* [Lexical Borrowing and Calquing in the Russian Language of the Last Decades]. Voprosy yazykoznaniya. No. 6, pp. 27–34. (In Russian)
6. Mukhin, S. V. (2017). *Lingvokul'turologicheskie modeli frazeologicheskogo kal'kirovaniya* [Linguoculturological Models of Phraseological Calquing]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. No. 9 (781), pp. 60–66. (In Russian)
7. Matveeva, O. V. (2005). *Leksicheskoe kal'kirovanie kak rezul'tat lingvokul'turnogo vliyaniya v usloviyakh mezhkul'turnoi kommunikatsii: avtoref. dis. . . . kand. filol. nauk* [Lexical Calquing as a Result of Linguocultural Influence in the Context of Intercultural Communication: Ph.D. Thesis Abstract]. Saratov, 24 p. (In Russian)
8. Balli, Sh. (1961). *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistics]. 393 p. Moscow, izd-vo inostrannoi literatury. (In Russian)
9. Arapova, N. S. (1998). *Kal'ka* [Calque]. Yazykoznaniye. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Gl. red. V. N. Yartseva. 211 p. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. (In Russian)
10. Shanskii, N. M. (1996). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie* [Phra-

seology of the Contemporary Russian Language]. 192 p. St. Petersburg, Spetsial'naya literatura. (In Russian)

11. Efremov, L. P. (1959). *Sushchnost' leksicheskogo zaimstvovaniya i osnovnye priznaki osvoeniya zaimstvovannykh slov: avtoref. dis. . . . kand. filol. nauk* [The Essence of Lexical Borrowings and the Main Features of Mastering Borrowed Words: Ph.D. Thesis Abstract]. Alma-Ata, 24 p. (In Russian)

12. Solodukho, E. M. (1982). *Problemy internatsionalizatsii frazeologii (na materiale yazykov slavianskoi, germanskoi i romanskoi grupp): monografiya* [Problems of Internationalization of Phraseology (based on the Languages of the Slavic, Germanic and Romance Groups): A Monograph]. 167 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russian)

13. Shmelev, D. N. (2004). *Sovremennyyi russkii yazyk: leksika* [The Contemporary Russian Language: Vocabulary]. 336 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)

14. Garipova, A. A. (2011). *Sistemno-funktsional'nyi analiz frazeologicheskikh edinits, kal'kirovannykh s russkogo yazyka na tatarskii: avtoref. dis. . . . kand. filol. nauk* [System-functional Analysis of Tatar Phraseological Units Calqued from Russian: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 22 p. (In Russian)

15. Apreotesei, Ch. (1983). *Kal'ki slavianskogo proiskhozhdeniya v rumynskom yazyke* [Slavic Origin Calques in the Romanian Language]. Romanoslavica. T. 21, pp. 85–95. (In Russian)

16. Bagautdinova, G. A. (2007). *Chelovek vo frazeologii (antropotsentricheskii i aksiologicheskii aspekty): avtoref. dis. . . . d-ra. filol. nauk* [A Person in Phraseology (Anthropocentric and Axiological Aspects): Doctoral Thesis Abstract]. Kazan', 45 p. (In Russian)

17. Alefirenko, N. F. (2005). *Antropotsentricheskaya frazeologiya: paradoksy i realii* [Anthropocentric Phraseology: Paradoxes and Realities]. Slovo. Tekst. Czas. VIII. Chelovek vo frazeologii i leksike slavianskikh iazykov. Pp. 66–71. Szczecin. (In Russian)

18. Meshcheriakova, O. A. (2019). *Frazeologicheskaya kal'ka v sisteme izucheniya vzaimodeistviya yazykov v kognitivnom aspekte* [Phraseological Calque in the System of Studying the Interaction of Languages in the Cognitive Aspect]. Kognitivnye issledovaniya yazyka. No. 38, pp. 363–370. (In Russian)

19. Naumova, I. O. (2012). *Frazeologicheskie kal'ki angliiskogo proiskhozhdeniya v sovremennom russkom yazyke (na materiale publitsistiki): monografiya* [Phraseological Calques of English Origin in Contemporary Russian (based on Massmedia): A Monograph]. 214 p. Khar'kov, KhNAGCh. (In Russian)

20. Arapova, N. S. (2000). *Kal'ki v russkom yazyke poslepetrovskogo perioda: opyt slovary* [Calques in the Russian of the Post-Petrine Period: The Experience of a Dictionary]. 319 p. Moscow, izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian)

21. Nikitina, O. A., Shteffens, D. (2018). *O nominativnoi funktsii novykh imennykh frazeologizmov nemetskogo yazyka* [About the Nominative Function of the New Nominal Phraseological Units of the German Language]. Poliparadigmnye konteksty frazeologii v

XX veke: materialy mezhdunar. nauch. konf. Tula, TPPO, pp. 36–41. (In Russian)

22. Bagana, Zh., Bezrukaia, A. N., Tarasova, M. V. (2007). *Kal'ka i zaimstvovanie kak rezul'tat inoyazychnogo vliyaniya* [Interrelation between Borrowings and Calques]. Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika. No. 1 (9), pp. 5–10. (In Russian)

23. *“Ispanskii styd”: fanaty v shoke ot vykhoda sbornoj Italii v final EVRO* [“Spanish Shame”: Fans Shocked by Italy's Progress to the EURO Final]. RIA Novosti. Sport. 2021. 07 iyulya. URL:

<https://rsport.ria.ru/20210707/futbol-1740181040.html> (accessed: 30.04.2022). (In Russian)

24. Krotova, A. G. (2016). *Frazeologicheskie neologizmy v sovremennoi rechi, ili Chto takoe “dorozhnaya karta”* [Phraseological Neologisms in the Contemporary Speech, or What a “Road Map” Is Like]. Lingvistika XXI veka: traditsii i novatsii: Sb. trudov po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati professora V. V. Lazareva. Pp. 229–237. Pyatigorsk, PGLU. (In Russian)

The article was submitted on 25.04.2022

Поступила в редакцию 25.04.2022

Кротова Анастасия Григорьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Новосибирский государственный
технический университет,
630073, Россия, Новосибирск,
Карла Маркса пр-т, 20.
anakrv@yandex.ru

Krotova Anastasiya Grigor'evna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Novosibirsk State Technical University,

20 Karl Marks Pr-t,
Novosibirsk, 630073, Russian Federation.
anakrv@yandex.ru

УДК 811.512.157'246.2:[316.334.52:028-053.2(571.56)]
DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-41-46

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ФАКТОР ЧТЕНИЯ КНИГИ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ СРЕДИ ШКОЛЬНИКОВ

© Ангелина Кузьмина

LANGUAGE COMPETENCE IN THE YAKUT LANGUAGE: SCHOOLCHILDREN READING A BOOK IN THE NATIVE LANGUAGE

Angelina Kuzmina

The article considers the problem of bilingualism and linguistic competence of the Sakha people in the current conditions of globalization, and reveals the role of knowledge of language and reading in the preservation of the Yakut language. We present the results of the sociolinguistic study of reading among children from the Republic of Sakha (Yakutia), conducted by the Children's Reading Center of the National Library of the RS (Y) together with the Research Institute of Reading NB RS (Y). 2,567 children and adolescents from 20 districts of the Republic of Sakha (Yakutia) took part in the survey. They were pupils from the 1st to the 11th forms from more than 100 settlements of Yakutia. The study contains the analysis of the data on the knowledge of the Yakut language, reading comprehension, reasons for the decrease in the number of readers, and reading motivation depending on gender, nationality and age.

The data obtained indicate that the relevance of the problem of a lack of motivation to read in the mother tongue among children and adolescents. The main reason for the decline in interest in reading is the difficulty of the reading process itself, due to poor knowledge of the mother tongue. The author develops a research strategy to find a solution to this problem. The article concludes that it is extremely important to take timely measures to preserve national languages as an integral part of the multinational Russian culture. It is necessary to carry out complex studies of the perception of the text for reading comprehension, the knowledge of the basics of psycholinguistic, the linguocultural features of the language, the mechanisms of getting the gist of the text, and the understanding of the lexical background of words.

Keywords: language competence, identity, globalization, culture, reading, Yakut language, sociolinguistic research, Republic of Sakha (Yakutia)

В статье рассматривается проблема двуязычия и языковой компетенции народа саха в современных условиях глобализации, раскрывается роль знания языка и чтения в сохранении якутского языка. Приведены результаты социолингвистического исследования чтения среди детей Республики Саха (Якутия), проведенного Центром детского чтения Национальной библиотеки РС (Я) совместно с Научно-исследовательским институтом чтения НБ РС (Я). В опросе приняло участие 2567 детей и подростков из 20 районов Республики Саха (Якутия). Участвовали школьники с 1 по 11 классы из более 100 населенных пунктов Якутии. По итогам исследования анализируются знание якутского языка, понимание читаемого текста, причины снижения количества читателей, мотивы чтения в зависимости от пола, национальности и возраста.

Полученные данные свидетельствуют о том, что проблема снижения мотивации к чтению на родном языке среди детей и подростков стоит очень остро. Основной причиной снижения интереса к чтению выступает трудность самого процесса чтения, связанная с незнанием родного языка. Автором разрабатываются стратегия исследования и поиск пути решения данной проблемы. Делается вывод, что крайне важно принять своевременные меры по сохранению национальных языков как неотъемлемой части многонациональной российской культуры. Учитывая указанные факты, необходимо провести комплексные исследования на предмет восприятия читаемого текста, знания основ психолингвистических, лингвокультурологических особенностей языка, искать механизмы извлечения основной информации, понимания лексического фона слов.

Ключевые слова: языковая компетенция, идентичность, глобализация, культура, чтение, якутский язык, социолингвистические исследования, Республика Саха (Якутия)

Введение

Республика Саха (Якутия) – исторически сложившийся поликультурный регион России, в котором веками вместе живут и трудятся представители разных народов. В условиях глобализации актуализируется проблема сохранения национальных языков. В настоящее время более распространенным, особенно среди молодежи, является недостаточное владение якутским языком. Проведенные исследования показали, что даже дома респонденты не говорят на якутском языке [1, с. 110–111].

Результаты Всероссийской переписи 2010 г. показали, что в целом по Республике Саха (Якутия) численность лиц, владеющих якутским языком, составляет 401240, эвенским – 3350, эвенкийским – 1179, чукотским – 272 и юкагирским – 289 человек [2]. При этом среди взрослого населения саха 13% респондентов ответили, что совсем не владеют якутским языком. Ситуация среди коренных малочисленных народов Севера была значительно хуже: среди эвенов – 77,6%, среди юкагиров – 77,4%, среди чукчей – 59,4%, среди эвенков – 94,3% населения не знали родного языка. Фактически данные языки относятся к исчезающим языкам.

Результаты социолингвистического исследования чтения детей

С 2013 года Национальная библиотека РС (Я) проводит мониторинг детского чтения в республике, который показывает, что количество детей, читающих на якутском языке и на языках коренных малочисленных народов Севера, ежегодно снижается. Постоянно читали на якутском языке только 26,7% детей и подростков, совсем не читали 27,1%, редко читали 42%. За последние 6-7 лет произошло снижение доли постоянно читающих на якутском языке детей и подростков на 18% и увеличение доли детей и подростков, совсем не читающих на родном языке, на 9,9% [3].

С учетом факта снижения количества читающих на родном языке необходимо проводить исследование на предмет знания основ этнолингвистических, психолингвистических, лингвокультурологических особенностей языка. На основании полученных результатов находить пути повышения языковой компетенции и информационной грамотности, разработать механизм извлечения основной информации из текста, усвоения лексического фона слов и письменной речи якутского языка. Необходима целенаправленная системная работа по исследованию современного состояния языка и понимания в текстах значений слов, глубинных смыслов в ком-

плексном плане для предупреждения снижения количества читателей на родном языке.

Целью работы является проведение социолингвистических исследований, поиск механизмов повышения языковой компетенции и продвижения чтения на якутском языке.

Методы исследования: анализ понимания восприятия текста, этнокультурных факторов, психолингвистических особенностей чтения; социолингвистический мониторинг для изучения состояния чтения на якутском языке, интересов, потребностей и мотивов читателей; синтетический метод, опознание слова как знакомого и незнакомого, запись субъективной дефиниции лексемы, значение которой кажется известным респондентам.

Исследование должно быть комплексным, нацелено на повышение престижа знания родного языка и чтения книги, предполагает организацию работы по развитию языковой, читательской компетенции, включающую:

- социолингвистическое исследование уровня владения родным языком среди населения РС (Я);
- изучение этнокультурных, психолингвистических, когнитивных, лингвокультурологических особенностей текстов;
- разработку методов работы с художественными и фольклорными текстами, усвоения лексического фона слов якутского языка, путей повышения и формирования языковой компетенции.

В октябре-ноябре 2021 года Центр детского чтения НБ РС (Я) совместно с Научно-исследовательским институтом чтения Национальной библиотеки РС (Я) провели мониторинговое социолингвистическое исследование на тему «Детское чтение в Республике Саха (Якутия)». В опросе приняли участие 2567 детей и подростков из более 100 населенных пунктов (20 районов) Республики Саха (Якутия) с 1 по 11 класс.

Региональные исследования роли чтения на родном языке, места национального языка в условиях глобализации показали, что постоянно читают лишь 72 ребенка, количество нечитающих респондентов занимает больше половины опрошенных, доля которых составляет 1356 детей, очень редко читают 581 ребенок и иногда читает 507 респондентов (см. табл. 1).

Таблица 1
Ответы на вопрос «Читаешь ли ты книги, журналы, новости на якутском языке?»

	Респондентов	%
Читаю постоянно	72	2,8%
Читаю иногда	507	19,8%
Очень редко читаю	581	22,6%
Не читаю	1356	52,8%

Другое	13	0,5%
Не ответили	38	1,5%
Итого	2567	100%

Результаты показывают, что у молодого поколения утрачивается понимание ценности родной литературы как одного из основных достояний народа, как явления национальной и мировой культуры. Как известно, читательскую среду ребенка формирует воспитание в семье, необходимо популяризировать современными методами семейные институты чтения на родном языке. Ю. И. Соловьева отмечает: «...знание родного языка, любовь к нему, это и есть приобщение детей к лучшим традициям своего народа, необходимое условие становления духовно и эстетически развитой личности» [4, с. 66].

Учет гендерного фактора в современном мире становится одним из важных показателей во всех социолингвистических исследованиях, в том числе в анализе детского чтения (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Читаешь ли ты книги, журналы, новости на якутском языке?» в зависимости от пола ребенка

	мальчики	девочки
Читаю постоянно	2,8%	2,9%
Читаю иногда	19,4%	20,6%
Очень редко читаю	23,8%	22,6%
Не читаю	53,6%	53,3%
Другое	0,4%	0,6%
Итого	100%	100%

Анализ опроса по чтению на родном языке в зависимости от пола показал, что особых гендерных различий в количестве читающих на якутском языке нет. Здесь требуется дальнейшее исследование в зеркале читательских предпочтений подростков. Если чтение на якутском языке рассматривать в зависимости от национальности и возраста ребенка, то дети саха больше всего читают в старших классах, доля постоянно и редко читающих составила 63,4%, в младших классах – 43,6%. Опрос показал, что на якутском языке читали дети и других национальностей, например, украинцы, буряты, киргизы; среди русских детей в средней школе в основном читали очень редко и иногда – 13,7%, в старших классах – 12,2%. Среди коренных малочисленных народов Севера доля читающих на якутском языке была достаточно высокой: так, среди школьников КМНС в средних классах постоян-

но, редко и иногда читали – 54,8%, в младших классах – 37,5%, в старших классах – 41,7%.

В целом социолингвистический опрос показал: доля детей саха, читающих редко и не читающих на якутском языке как на родном, растет, что отражает постепенное угасание интереса к чтению. А. В. Воронцов отметил: «Многие социологи считают, что именно на этапе школьного образования за последние годы мы теряем читающее поколение. А ведь совсем недавно, в 1970-е и вплоть до середины 1980-х г.г., наша страна считалась самой читающей страной в мире, 90–93% населения регулярно читали книги» [5, с. 28]. Автор выделяет и чисто педагогическую причину – несоответствие методик обучения чтению психологической конституции современных детей и подростков.

Далее детям, обучающимся на якутском языке в сельских поселениях, был задан вопрос «Какие слова из прочитанных текстов совсем непонятны?» (по произведениям П. А. Ойунского «Улуу Куданса», А. И. Софронова-Алампа «Куоратчыт», Н. Д. Неустроева «Ыйдаҥа», С. С. Яковлева-Эрилик Эристина «Хачыгыр»). Полученные ответы показали, что обучающиеся не знают: 1) лексемы, отражающие верования и традиционные представления, например: *эмэгэт* – ‘блуждающий дух, покровительствующий шаманам’, *баҕах* – ‘священный столб’, *кыаһаан* – ‘железные украшения-подвески на шаманском плаще, издающие звенящие звуки’, *куһэнэ* – ‘ритуальные украшения на плаще шамана’, *илбис* – ‘дух кровожадности, войны’, *былаайах* – ‘колотушка от шаманского бубна’, *ньаадьы* – ‘богиня-покровительница скота’ и т. д.; 2) лексемы, обозначающие названия конструктивных частей жилища, предметов внутреннего убранства, например: *үөлэс* – ‘дымовая труба’, *чуолбан* – ‘амбразура’, *титирик оһоһ* – ‘камелек, забранный снаружи жердями’, *биллэрик* – ‘первая от красного угла лавка у входа в юрту’, *оһоһ чанчыга* – ‘нижняя боковая часть камина’, *модьобо* – ‘порог, дверной порог’, *кэтэбэриин* – ‘противоположная ко входу сторона юрты’, *халбан* – ‘дверь, дверные створки’, *холумтан* – ‘шесток’, *көхө* – ‘прочный деревянный гвоздь, на который вешается одежда и другие предметы домашнего обихода, вешалка’ и т. д.; 3) лексемы, обозначающие утварь, посуду, пищу, например: *чабычах* – ‘небольшой берестяной сосуд’, *солуур* – ‘ведро’, *боччук куөс* – ‘небольшой горшок’, *чохоо* – ‘маленькая деревянная чашечка’, *буочу* – ‘внутренности забитой скотины’, *итир* – ‘тонкий слой жира на брюхе (рогатого скота)’, *симэһин* – ‘сок’ и т. д.; 4) лексемы, обозначающие части тела, например: *хоолдьук* – ‘первый шейный

позвонок (у человека и животного)', *сымыһах* – 'нижняя губа', *сөмүһэ* – 'указательный палец', *тамах* – 'вход из полости рта в глотку, зев', *окумал* – 'часть руки от локтя до плеча (у человека)', *сүүс* – 'лоб'; 5) слова, проникшие из русского языка до революции, современным детям незнакомые, например: *тээтэ* – 'от тятя – священник', *тэриэбэ* – 'от треба – приспособление для какого-либо занятия, утварь, снаряжение', *кырыбыайка* – 'гребень, гребёнка', *бэриинэ* – 'перина', *бырааба* – 'управа', *судаарыскай* – 'политический ссыльный, сударский', *хоруобуйа* – 'кровля'.

На вопрос «Употребляете ли в повседневной жизни указанное слово из текста произведений, если нет, то каким словом можно заменить данную лексему?» респонденты ответили, что многие слова не употребляют и заменяют словами русского происхождения или заменяют другим якутским словом из активной лексики: *сүргэтэ ыстаммыт* (настыряннаата суох), *куһ буолбут* (мөлтөөбүт, тугу да билбэт буолбут), *кынастаһа* (одуулуу), *көбүһэн* (үтүктэн), *курутуйар* (хомойор), *үөдэн-таһаа* (ыһыллаҕас), *солуур* (биедэрэ), *ыыстыһан* (кэһиэбирэн), *сыһайбытын* (сирэй-харах аспытын), *тоһун ылбыт* (кэһэйбит), *һылбэк* (тобук үрдэ), *ынтаһар* (иннэ кылгас), *тэскилэтэр* (куоттарар), *курутуһан* (хомойон), *туһах* (петля), *аартык* (суол), *үлүһүйэн* (увлекайсы гынан), *астаспытын кэннэ* (бодьуустаспытын кэннэ), *биллэбэ түстэ* (иһинэн сытта), *көмүллээтэ* (кирдэ), *биэтэһнээтэ* (качается), *өрүс үөһэ* (ортото), *ыгыһыйбыт* (ыксаабыт), *нэмийдэр-нэмийэн* (диринник), *нуһарыйан* (утуйан), *лабаххай* (сымала), *түүһпэх* (катышка), *кыһалҕа* (проблема), *өһүө*, *кытарах* (төрөөбөтөх), *кутурҕан* (соболезнование), *куруһ мас* (кураанах мас), *кыдьык* (зависимость, куһаҕан дьаллык), *бөрүкүтэ суох* (куһаҕан), *саппыйаан* (тири), *сылбах* (охтубут мас).

Обучающиеся испытывают сложность в понимании значений фразеологизмов, например: *унуоҕа халыр босхо барда* – 'поджилки трясутся у кого-л. от испуга'; *дьэбин уоһуй* – 'потемнеть лицом, помрачнеть'; *атах тэпсэн олорон* – 'поговорить по душам'; *кытта төрөөбүт кыдьыгым* – 'одержимый какой-л. страстью' и т. д.; образных, звукоподражательных слов; залоговых форм глаголов; диалектных слов; загадок, поговорок, скороговорок и т. д.

Полученные данные показывают, что значения культурных исторем совсем непонятны современным детям. Обилие историзмов является одной из причин потери интереса к чтению.

Для выявления причины потери интереса к чтению детей и подростков был использован вопрос «Если не читаешь на якутском языке или читаешь очень редко, напиши почему?». Как показывает опрос, не читают по причине неумения читать на якутском языке 34,0% респондентов; плохо понимают прочитанное – 27,0%; не нравится читать на якутском языке – 24,7%; трудно читать на якутском языке – 23,2% опрошенных. Некоторая доля респондентов указывает на то, что нет хороших современных книг на якутском языке – 15,8%. Также респондентами были даны другие ответы, доля которых составляет 6%, где указываются следующие причины: за них читает мама или бабушка; считают, что это пустая трата времени; в предметы обязательных экзаменов не входит; читают перевод; неинтересно, ленятся, не задумывались об этом, нет времени.

Интересными являются ответы, которые характеризуют нехватку или отсутствие в якутской литературе некоторых жанров литературы, которые современные дети предпочитают читать. Это манги, фантастика, произведения на современные темы. Дети часто указывают на то, что в домашней библиотеке больше всего книг зарубежной литературы, книг на якутском языке нет, что показывает заинтересованность родителей в глобальной литературе. Некоторые из важных проблем современного состояния знания родного языка в настоящее время затрагивают и такие ответы детей саха: «есть много слов, которых не знаю»; «очень длинные тексты»; «потому что якутский мы изучали 5 лет, но так ничему и не научились»; «я учусь в русскоязычной школе»; «меня почему-то не интересует якутская литература, но понимаю, что это мой язык и я должна развивать свою речь, кругозор, но не читаю, считаю скучным».

Во многих семьях дети читают только то, что задано на дом, в некоторых семьях благодаря воспитанию дедушек и бабушек проводятся семейные чтения. Как отмечают исследователи: «Формирование интереса к чтению предполагает использование различных мотиваций с учётом специфики (возрастной, территориальной, социальной) и предпочтений той или иной аудитории. Более того, при сформированности интереса, часто ещё неустойчивого, задействуются различные подходы, методы и приёмы работы с литературой как скрытое руководство чтением учащихся. Следует помнить, что круг чтения школьника должен быть индивидуальным, отражающим его читательский уровень и интересы» [6, с. 6–7].

В отчете Министерства образования и науки РС (Я) отмечено следующее положение изучения родных языков и литературы в школах: «В Рес-

публике Саха (Якутия) образовательная деятельность осуществляется на государственном языке Российской Федерации и в форме учебного предмета изучаются такие родные языки, как якутский, эвенский, эвенкийский, юкагирский, чукотский, долганский» [7]. Учителями на различных площадках по обсуждению развития и сохранения родных языков отмечена нехватка часов преподавания предметов «Родной язык» и «Культура народов РС(Я)» [8]. В связи с предоставлением права выбора родителями языка обучения в последнее время не все отдают предпочтение обучению на родном языке, где нагрузка увеличена на 1 час в неделю; кроме того, предпочтение отдается обязательным предметам, входящим в экзамены по ФГОС [9].

Учебное чтение обусловлено необходимостью выполнить определенные задания учителя. На наш взгляд, семейное и учебное чтение должно стать отправной точкой к чтению на родном языке для детей при условии грамотного подхода к этому. Как пишет Т. А. Филиппова: «Учитывая сложность, многослойность языка художественной литературы, преподавателю необходимо разработать систему заданий, позволяющих наиболее полно и всесторонне раскрыть замысел автора, смыслы, которые содержит произведение» [10].

Исследования показывают, что современные учащиеся потеряли способность понимать глубинный смысл текстов, лексического фона слов, умение рассказывать, свободно выступать перед аудиторией на родном языке.

Для того чтобы добиться плодотворного и продолжительного интереса к чтению на родном языке, важно: усилить словарную работу на уроках; пропагандировать активное использование родного языка; разработать эффективные приёмы, способы и средства интерпретации фольклорных и художественных текстов.

Заключение

Результаты исследования показывают, что в республике в последние годы снижается уровень владения родным языком, который приводит к обеднению словарного запаса учащихся. Считаем, что крайне важно принять своевременные меры по сохранению национальных языков многонациональной Российской Федерации. Необходимо выстраивать системную работу по комплексному научному исследованию для продвижения и повышения знания родного языка, мотивированную к творческой и читательской деятельности с использованием современных медиаинформационных технологий.

Таким образом, механизмами дальнейшей работы могут быть:

- исследование языковой картины мира саха, состояния владения родным языком школьников; разработка психолингвистических и лингвокультурологических методик работы для обогащения словарного запаса, заинтересованности в чтении и понимании читаемого;

- исследование литературы на якутском языке, читательской компетенции, информационной культуры; составление нового списка книг для обязательного чтения школьниками, куда необходимо включить произведения современных писателей;

- разработка современных средств и методов для изучения и популяризации родного языка с использованием IT-технологий;

- проведение мастер-классов для писателей по написанию литературы для современных детей; для родителей и учителей – по технологии смыслового чтения, скорочтения на родном языке;

- для урегулирования ситуации с обучением и чтением на родном языке необходимо разработать рекомендации для принятия мер со стороны власти.

Для получения более полной картины чтения на языке саха необходимы дальнейшие исследования, направленные на выявление понимания и восприятия текстов, формирование художественно-языковой компетенции школьников. Снижение читательского интереса – это общемировая тенденция. Как показывает мировая практика, сложившуюся картину можно улучшить, но в это важное дело должны подключиться государство и общество.

Список источников

1. Никифорова П. Г. Двужычие и проблема языковой компетентности народа саха в современных условиях // Вестник ЯГУ, 2008. Т. 5. № 4. С. 106–111.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644> (дата обращения: 19.11.2021).
3. Неустроева А. Б. Современное состояние и тенденции развития детского чтения в Республике Саха (Якутия) / А. Б. Неустроева, О. И. Афанасьева // Читатель, пользователь, клиент: новые модели библиотечного обслуживания: сборник статей / Российская национальная библиотека; составители: Л. В. Глухова, А. Г. Макарова, А. С. Степанова, В. В. Ялышева. Санкт-Петербург: Издательство РНБ, 2021. С. 116–127. URL: <http://nlr.ru/publ/ann1.php?id=397> (дата обращения: 18.11.2021)
4. Соловьева Ю. И. Традиции семейного чтения как фактор духовного развития ребенка // Вестник

ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология, 2005. Вып. 1. С. 66–74.

5. Воронцов А. В. Чтение как социальная проблема. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chtenie-kak-sotsialnaya-problema> (дата обращения: 10.11.2021).

6. Кутейникова Н. Е. Формирование читательской компетенции школьника. Детско-подростковая литература XXI века: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / Н. Е. Кутейникова, С. П. Оробий. М.: Просвещение, 2016. С. 6–7.

7. Отчет об итогах деятельности Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) в 2021 году и задачах на 2022 год. URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/Ob-ispolnitelynom-OGV-RS--/Otcheti-v-Pravitelystvo-RS--/publichnye-doklady-mo-rsja> (дата обращения: 03.03.2022)

8. ФГОС: Төрөөбүт тылы үөрэтии // газета “Кыым”, №5, 2022 г.

9. Правительство Республики Саха (Якутия): постановление от 30 июня 2005 г. №373 об утверждении базисного учебного плана для образовательных учреждений Республики Саха (Якутия), реализующих программы общего образования. URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/Antiterror/obschee-obrazovanie/bazisnye-uchebnye-plany-gos> (дата обращения: 12.02.2022)

10. Филиппова Т. А. «Попрыгунчики» разучились думать. URL: <http://agniyoganeverydaylife.desforumssirg.viewtipic.php=687=724> (дата обращения: 15.10.2021).

References

1. Nikiforova, P. G. (2008). *Dvuyazychie i problema yazykovoï kompetentnosti naroda saha v sovremennykh usloviyakh* [Bilingualism and the Problem of Language Competence of the Sakha People in Modern Conditions]. *Vestnik YaGU*, Vol. 5, No. 4, pp. 106–111. (In Russian)

2. *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g* [Results of the All-Russian Population Census of 2010]. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644> (accessed: 19.11.2021). (In Russian)

3. Neustroeva, A. B., Afanas'eva, O. I. (2021). *Sovremennoe sostojanie i tendentsii razvitiya detskogo chteniya v Respublike Saha (Yakutiya)* [The Current State and Trends in the Development of Children's Reading in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Chitateľ, pol'zovatel', klient: novye modeli bibliotechnogo obsluzhivaniya: sbornik statei. Ros. Nac. B-ka ; sost.: L. V. Gluhova, A.*

G. Makarova, A. S. Stepanova, V. V. Yalysheva. Pp. 116–127. St. Petersburg, izd-vo RNB. <http://nlr.ru/publ/ann1.php?id=397> (accessed: 18.11.2021) (In Russian)

4. Solovyova, Yu. I. (2005). *Traditsii semeinogo chteniya kak faktor duhovnogo razvitiya rebenka* [Traditions of Family Reading as a Factor of a Child's Spiritual Development]. *Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psihologija*, Issue 1, pp. 66–74. (In Russian)

5. Vorontsov, A. V. *Chtenie kak social'naya problema* [Reading as a Social Problem]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chtenie-kak-sotsialnaya-problema> (accessed: 10.11.2021). (In Russian)

6. Kuteinikova, N. E. (2016). *Formirovanie chitateľskoi kompetentsii shkol'nika. Detsko-podrostkovaya literatura XXI veka: ucheb. posobie dla obshheobrazovatel'nykh organizatsii* [Developing Students' Reading Competence. Children and Adolescents' Literature of the 21st Century: A Manual for General Education Institutions]. Pp. 6–7. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

7. *Otchet ob itogah deyatel'nosti Ministerstva obrazovaniya i nauki Respubliki Saha (Yakutiya) v 2021 godu i zadachah na 2022 god* [Report on the Results of the Activities of the Ministry of Education and Science of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2021 and Tasks for 2022]. URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/Ob-ispolnitelynom-OGV-RS--/Otcheti-v-Pravitelystvo-RS--/publichnye-doklady-mo-rsja> (accessed: 03.03.2022). (In Russian)

8. FGOS (2022) [Federal State Educational Standard]. Төрөөбүт тылы үөрэтии. Газета “Кыым”, No. 5. (In Yakut)

9. *Pravitel'stvo Respubliki Saha (Yakutiya) postanovlenie ot 30 iyunya 2005 g. №373 ob utverzhdenii bazisnogo uchebnogo plana dlya obrazovatel'nykh uchrezhdenii Respubliki Saha (Yakutiya), realizuyushhih programmy obshhego obrazovaniya* [The Government of the Republic of Sakha (Yakutia) Resolution No. 373 of June 30, 2005 on the approval of the Basic Curriculum for Educational Institutions of the Republic of Sakha (Yakutia) Implementing General Education Programs]. URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/Antiterror/obschee-obrazovanie/bazisnye-uchebnye-plany-gos> (accessed: 03.03.2022). (In Russian)

10. Filippova, T. A. “Poprygunchiki” razuchilis' dumat' [Have the “Jumpers” Forgotten How to Think?] URL: <http://agniyogaineverydaylife.desforumssirg.viewtipic.php=687=724> (accessed: 15.10.2021). (In Russian)

The article was submitted on 31.03.2022

Поступила в редакцию 31.03.2022

Кузьмина Ангелина Афанасьевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
ГКУ “Национальная библиотека РС(Я)”,
677000, Россия, Якутск,
пр. Ленина, 40.
angeli_kiim@mail.ru

Kuzmina Angelina Afanasyevna,
Ph.D. in Philology,
Senior Researcher,
“The National Library of the RS(Ya)”,
40 Lenin Ave.,
Yakutsk, 677000, Russian Federation.
angeli_kiim@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ *-УН* В РУССКОМ СУБСТАНДАРТЕ

© Елена Маклеева

WORD-FORMATION FEATURES OF NOUNS WITH THE SUFFIX *-UN* IN THE RUSSIAN SUBSTANDARD

Elena Makleeva

This article studies word-formation features of derivative nouns with the suffix *-un* in the Russian substandard. The relevance of the chosen topic lies in the fact that many specific issues, related to the formation and functioning of derivatives with different affixes in non-codified areas of speech, have not been studied in depth. The study is based on the “Big Dictionary of Russian Jargon” edited by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina and “Dictionary of Russian Dialects of the Volga-Sviyazhsk Interfluve” edited by M. F. Moiseenko. Using the continuous sampling method, we found 41 derivatives with the suffix *-un* in the first dictionary and 16 ones were found in the second. The scientific novelty of this work lies in the fact that these dictionaries have been used for the first time as sources for describing the word-formation of derivatives with the suffix *-un*. The purpose of this work is to study the functioning of the derivatives with the suffix *-un* in jargons and dialects. To achieve this goal, we describe the existing word-formation types with the suffix *-un*, taking into account data from various sources, and conduct a morphemic and word-formation analyses of these derived nouns.

The article proves that in both jargons and dialects the most productive formations with the suffix *-un* are verbal derivatives that have the meaning of the person - the doer of the action. Also, we have recorded some verbal derivatives, naming an inanimate object, in the jargon dictionary. Less productive are substantive and adjective formations. In the dictionary of jargon, there is one case of using an abbreviation as a stem word. In addition, according to the explanatory dictionary, we found that in the literary language and the substandard, derived nouns with the suffix *-un* may have different lexical meanings.

Keywords: word-formation, suffix, word-formation type, jargon, dialect, substandard

Статья посвящена изучению словообразовательных особенностей производных имен существительных с суффиксом *-ун* в русском субстандарте. Актуальность выбранной темы заключается в том, что многие частные вопросы, связанные с образованием и функционированием производных с разными аффиксами в неcodифицированных сферах речи, изучены недостаточно. Материалом исследования послужили «Большой словарь русского жаргона» под редакцией В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной и «Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья» под редакцией М. Ф. Моисеенко, в первом из которых с помощью метода сплошной выборки было обнаружено 41 производное существительное с интересующим нас суффиксом, во втором – 16 производных существительных. Научная новизна работы заключается в том, что данные словари впервые привлекаются в качестве источников для описания словообразования производных с суффиксом *-ун*. Цель работы – изучение функционирования их в жаргоне и диалектах. Для реализации этой цели с учетом данных различных источников были описаны существующие словообразовательные типы с суффиксом *-ун* и проведен морфемный и словообразовательный анализ данных производных существительных.

Установлено, что и в жаргоне, и в диалекте наиболее продуктивными образованиями с суффиксом *-ун* являются отглагольные производные имена существительные, имеющие значение лица – производителя действия. Подтверждена продуктивность данного словообразовательного типа не только в разговорной речи, но и в субстандарте. Также в словаре жаргона зафиксирован ряд отглагольных производных, называющих неодушевленный предмет. Менее продуктивными являются отсубстантивные и отадективные образования. В словаре жаргона отмечен единичный случай использования в качестве производящего слова аббревиатуры. Кроме того, при обращении к толковому словарю русского языка установлено, что в литературном языке и субстандарте производные имена существительные с суффиксом *-ун* могут иметь разное лексическое значение.

Ключевые слова: словообразование, суффикс, словообразовательный тип, жаргон, диалект, субстандарт

Суффиксация является одним из основных способов морфемного словообразования в русском языке. По проблемам русского словообразования каждый год появляется значительное количество научных статей, монографий и диссертационных исследований, однако многие частные вопросы, связанные с этой темой, до сих пор остаются не до конца изученными. В научной литературе полно и подробно охарактеризованы особенности словообразования разных частей речи, однако недостаточно изучено образование и функционирование производных с разными аффиксами в субстандарте. Между тем неcodифицированные сферы речи содержат богатый материал, который позволяет значительно расширить, обогатить и дополнить выводы, сделанные на основе изучения фактов литературного языка. В связи с этим обращение к жаргонам и диалектам как к источникам материала для анализа представляется нам весьма интересным с научной точки зрения.

Данная статья посвящена изучению функционирования производных с суффиксом *-ун* в русском жаргоне и диалектах. Суффикс *-ун* достаточно полно охарактеризован в научной литературе, однако, являясь продуктивным преимущественно в разговорной речи, он нуждается в дополнительном изучении и описании с привлечением материалов, выходящих за рамки литературного языка. Перед тем как перейти к анализу словарного материала, рассмотрим, какая характеристика дается этому суффиксу в разных источниках.

В Русской грамматике-80 суффикс *-ун*, образующий отглагольные производные имена существительные, охарактеризован следующим образом: производные с этим аффиксом могут называться как одушевленный, так и неодушевленный предмет, «производящий действие, названное мотивирующим словом, часто с оттенком „склонный к этому действию: бегун, прыгун, опекун, шалун, плясун“...» [1, с. 44], «преобладают слова со значением лица» [Там же]. Отмечается, что производные могут называть животных, орудия и части механизмов, виды грунтов и пород [Там же]. По данным Русской грамматики-80, этот словообразовательный тип является продуктивным главным образом в разговорной речи.

В качестве примеров слов, образованных с помощью непродуктивных словообразовательных типов, приведены производные имена существительные *толстун*, *слепун*, *вещун*, образован-

ные от имен прилагательных (значение «носитель признака») [Там же, с. 174], и *горбун*, *горюн*, *драчун*, образованные от имен существительных (значение «носитель предметного признака») [Там же, с. 196].

В. В. Лопатин и И. С. Улуханов выделяют следующие словообразовательные типы, по которым образуются производные существительные с суффиксом *-ун*: 1) предмет, характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим глаголом (6 подтипов), 2) предмет – носитель признака, названного мотивирующим прилагательным (3 подтипа), 3) одушевленный предмет, характеризующийся тем, что названо мотивирующим существительным (2 подтипа) [2, с. 664–665].

Также авторами вышеназванного словаря выделен суффикс *-ун* во втором значении: интенсивно проявляемое действие, названное мотивирующим словом [Там же, с. 665]. Данный словообразовательный тип является непродуктивным.

Т. Ф. Ефремова предлагает следующее описание аффикса *-ун*: словообразовательная единица, образующая: 1. «существительные со значением лица, которое характеризуется качеством или свойством, названным мотивирующим словом»; 2. существительные мужского рода, называющие «предметы – орудия действия, части машин, а также грунты и породы, характеризующиеся действием или качеством, названными мотивирующим словом»; 3. имена существительные – названия «животных по характерному для них признаку» [3].

Первым источником словарного материала, к которому мы обратились в своем исследовании, является «Большой словарь русского жаргона» под редакцией В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [4]. Данный словарь включает 25 тысяч слов и 7 тысяч устойчивых сочетаний, среди которых методом сплошной выборки было выявлено 41 производное имя существительное с суффиксом *-ун*, большинство из которых образованы по тем же моделям, что и в литературном языке.

В результате анализа словарного материала были сделаны следующие выводы. Установлено, что наибольшую продуктивность имеют отглагольные образования со значением лица – производителя действия. Таких производных нами было обнаружено 22: *шаркун* (угол. Подхалим) [Там же, с. 684], *дрейфун* (угол., пренебр. Пере-страховщик, трус) [Там же, с. 166], *свистун* (ирон. 1. угол., жрр. Лжец, обманщик. 2. мол. Милиционер. 3. арест. Политработник в ИТУ)

Таблица 1

Производные имена существительные с суффиксом *-ун*, зафиксированные в «Большом словаре русского жаргона» под редакцией В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной

Отглагольные производные со значением лица – производителя действия	Отглагольные производные, называющие неодушевленный предмет	Отсубстантивные производные со значением лица	Единичные производные, образованные другими способами
брехун вертун вещун грызун дрейфун ездун квакун крикун ласкун летун лизун пачкун ползун рыгун садун свистун скакун тирун топтун трясун тыхтун шаркун шептун	бормотун вертун визгун врун ласкун липун пачкун пердун ревун рыгун толкун торчун шипун щекотун	обэжун скрипун хвостун	грызун колотун модерун хатун

[Там же, с. 529], *глотун* (жрр., шутил.-ирон. Алкоголик, пьяница) [Там же, с. 127], *летун* (угол. 1. Вор-гастарбайтер. 2. Человек без определенного места жительства) [Там же, с. 314] и т. д.

Также в словаре зафиксированы 12 производных с суффиксом *-ун*, являющихся неодушевленными отглагольными образованиями: *толкун* (угол., мол. Вещевой рынок) [Там же, с. 590], *рыгун* (угол. 1. ирон. Репродуктор) [Там же, с. 517], *ревун* (морск. Звонок, сирена) [Там же, с. 506], *крикун* (2. жрр, шутил. Репродуктор, радиоприемник) [Там же, с. 292], *шипун* (угол., шутил. Самовар) [Там же, с. 690] и т. д.

Выявлены три производных, образованных от имен существительных и называющих лицо: *хвостун* (студ., шутил. Отстающий, неуспевающий студент) [Там же, с. 645] и *скрипун* (муз., шутил. Скрипач) [Там же, с. 544]. В производном *обэжун* (шк., шутил.-ирон. Учитель, преподаватель ОБЖ – основ безопасности жизнедеятельности) [Там же, с. 394] в качестве производящего слова выступает аббревиатура.

Производные имена существительные *модерун* (от *модератор*) [Там же, с. 352] и *хатун* (угол. Воровской притон) [Там же, с. 644] являются стилистически сниженными синонимами производящих слов. Данный факт весьма примечателен, поскольку указывает на потенциальные словообразовательные возможности суффикса *-ун*.

Производное имя существительное *тыхтун* (угол. Автомобиль; мотоцикл) [Там же, с. 606], по данным «Большого словаря русских поговорок», образовано от звукоподражания «тых-тых» [5].

Производное *грызун* (1. Комп. Манипулятор «Мышь») [4, с. 142] было образовано в результате семантического способа словообразования.

Словообразовательное значение производного *колотун* (мол., угол., неодобр. Холод, мороз) [Там же, с. 271] определяется В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым «как интенсивно проявляемое действие, названное мотивирующим словом» [2, с. 665].

Список всех проанализированных слов представлен в таблице 1.

Вторым источником, к которому мы обратились при проведении исследования, является «Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья» под редакцией М. Ф. Моисеенко. В данном диалектологическом словаре зафиксировано 16 производных имен существительных с суффиксом *-ун*, 12 из которых представляют собой отглагольные образования со значением лица – производителя действия: *брызгун* (человек, который при разговоре брызжет слюной) [6, с. 14], *рыскун* (тот, кто бежит без дела) [Там же, с. 120], *спорун* (спорщик, тот, кто любит спорить) [Там же, с. 130], *рыхтун* (медлительный человек, копуша) [Там же, с. 112], *толкун* (тот, кто толкает) [Там же, с. 138], *ползун I* (ребенок, когда он еще не умеет ходить, а ползает) [Там же, с. 99], *форсун* (тот, кто любит форсировать) [Там же, с. 144], и т. д.

Отдельно необходимо выделить несколько производных имен существительных, которые встречаются и в литературном языке, и в говорах, однако имеют разное лексическое значение: *болтун* (сплетник) [Там же, с. 13], *бормотун* (болтун) [Там же], *хвастун* (обманщик, вун) [Там же, с. 145], *шатун* (развратный мужчина) [Там же, с. 152]. Так, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой даны следующие определения данных слов: *болтун* – болтливый человек [7, с. 53], *бормотун* – человек, постоянно бормочущий или говорящий быстро и невнятно [Там же, с. 54], *хвастун* – хвастливый человек [Там же, с. 892], *шатун* – 1. человек, который любит шататься, ходить без дела, а также тот, кто ведет бродяжнический образ жизни [Там же, с. 925].

Кроме того, в «Словаре русских говоров Волжско-Свияжского междуречья» зафиксировано два отглагольных производных существительных, называющих животных по характерному действию: *пырун* (бодливый бык, козел) [6, с. 111], *сосун* (жеребенок, сосущий матку) [Там же, с. 130], и одно отглагольное производное существительное, называющее животное как объект действия: *стригун* (жеребенок до года) [Там же, с. 133].

Также в указанном словаре зафиксировано одно производное существительное, образованное от имени прилагательного и имеющее значение лица – носителя признака: *вялун* (медлительный, вялый, неповоротливый, неуклюжий человек) [Там же, с. 25], и одно производное существительное, образованное от глагола и называющее природное явление: *ползун II* (понижая мель) [Там же, с. 99].

Список всех проанализированных производных слов представлен в таблице 2.

Таблица 2

Производные имена существительные с суффиксом -ун, зафиксированные в «Словаре русских говоров Волжско-Свияжского междуречья» под редакцией М. Ф. Моисеенко

Отглагольные производные со значением лица – производителя действия	Отглагольные производные, называющие животное	Отглагольные производные, называющие явления природы	Отадъективные производные со значением лица – носителя признака
болтун бормотун брызгун ползун	пырун сосун стригун	ползун	вялун

пыхтун рыскун сапун спорун толкун форсун хвастун шатун			
---	--	--	--

Обобщим результаты проведенного исследования.

При работе с «Большим словарем русского жаргона» и «Словарем русских говоров Волжско-Свияжского междуречья» в общей сложности было выявлено 57 производных имен существительных с суффиксом -ун.

Установлено, что наиболее продуктивным в русском субстандарте является образование отглагольных производных имен существительных, имеющих значение лица – производителя действия (*брехун, летун, ползун, толкун, пыхтун, шатун, брызгун, брехун, вертун* и т. д.). Кроме того, в «Словаре русских говоров Волжско-Свияжского междуречья» зафиксированы три производных существительных, называющих животное по характерному действию (*пырун, сосун*) или животное как объект действия (*стригун*).

Таким образом, обращение к словарю жаргона и диалектному словарю позволяет подтвердить продуктивность словообразовательного типа, по которому образуются отглагольные существительные с суффиксом -ун со значением лица – производителя действия – не только в разговорной речи, но и в субстандарте.

В жаргоне также зафиксированы отглагольные производные, называющие неодушевленный предмет (*вертун, липун, толкун, шипун, визгун, толкун* и т. д.).

Встречаются единичные отсубстантивные (*обэжун, скрипун*) и отадъективные (*вялун*) производные имена существительные. В словаре жаргона зафиксировано единичное производное, в качестве производящего слова для которого выступает аббревиатура (*обэжун*).

Кроме того, значения некоторых производных в субстандарте и литературном языке могут отличаться (*болтун, бормотун, вун, хвастун* и т. д.).

Список источников

1. Русская грамматика: в 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука. 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.

2. Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник». 2016. 812 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык. 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 01.03.2022).
4. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: «Норинт», 2000. 720 с.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп. 2007. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (дата обращения: 01.03.2022).
6. Моисеенко М. Ф. Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2002. 158 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: Азъ LTD. 1992. 960 с.

References

1. *Russkaya grammatika: v 2 t.* (1980) [Russian Grammar: In 2 Volumes] . Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

2. Lopatin, V. V., Ulukhanov, I. S. (2016). *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Word-Building Affixes of the Modern Russian Language]. 812 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Azbukovnik". (In Russian)
3. Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory Derivational Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (accessed: 01.03.2022). (In Russian)
4. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2000). *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona* [A Large Dictionary of Russian Jargon]. 720 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)
5. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2007). *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Big Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, Olma Media Grupp. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (accessed: 01.03.2022). (In Russian)
6. Moiseenko, M. F. (2002). *Slovar' russkikh govorov Volzhsko-Sviyazhskogo mezhdurech'ia* [Dictionary of Russian Dialects of the Volga-Sviyazh Interfluv]. 158 p. Kazan, izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian)
7. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1992). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 72500 Words and 7500 Phraseological Expressions]. 960 p. Moscow, Az LTD. (In Russian)

The article was submitted on 31.3.2022
Поступила в редакцию 31.03.2022

Маклеева Елена Александровна,
кандидат филологических наук,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
elena.makleeva@hotmail.com

Makleeva Elena Aleksandrovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
elena.makleeva@hotmail.com

УДК 81.373

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-52-56

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЕКСЕМЫ *ДОМ* / *MAISON* В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

© Акила Омри, Наиля Фаттахова

CONCEPTUAL SPACE OF THE LEXEME *ДОМ* / *MAISON* (HOUSE) IN RUSSIAN AND FRENCH

Akila Omri, Nailya Fattakhova

The article studies the conceptual space of the lexeme *дом / maison* (house) as an element of the Russian and French national pictures of the world. The cultural and cognitive-linguistic analyses indicate that the concept of *дом / maison* (house) in the compared languages is characterized by a complex, multi-level structure, including a significant number of lexical units. We focus on the study of the interpretative layer, formed from structured constructions, actualizing the significant characteristics of the concept, primarily at the level of Russian and French phraseological units, sayings, proverbs and folk omens since the semantics of the lexeme is manifested only in the process of its functioning in more extensive constructions. The frame analysis has revealed the constitutive features of stable structures that allow creating a national idea of the *дом / maison* (house) as one of the significant concepts in the life of Russian and French people. The purpose of the study is to identify linguistic means that represent the conceptual space of the lexeme *дом / maison* (house) in the Russian and French pictures of the world and allow building a model of this word. We have found that in the Russian and French languages, the center, the core of the concept is objectified by the lexemes, reflected in dictionaries that fix certain differences in the semantic structure of lexemes. The interpretive field, representing the lexemes, is characterized by geographical, gender, social and other differences. At the same time, we have found that encyclopedic knowledge is not enough to understand a certain scheme or scenario of an event underlying stable structures.

Keywords: lexeme *дом/maison* (house), cognitive-linguistic analysis, comparative analysis, conceptual space of lexemes, proverbs and sayings, Russian and French languages

Статья посвящена исследованию концептуального пространства лексемы *дом* как элемента русской и французской национальных картин мира. Культурный и когнитивно-лингвистический анализы свидетельствуют о том, что концепты «дом» / «Maison» в сопоставляемых языках характеризуются сложной, разноуровневой структурой, включающей значительное количество лексических единиц. Поскольку семантика лексемы проявляется только в процессе функционирования в более обширных конструкциях, особый интерес представляет исследование интерпретационного слоя, формирующегося из структурированных конструкций, актуализирующих значимые характеристики концепта на уровне прежде всего русских и французских фразеологизмов, поговорок, пословиц, народных примет. Фреймовый анализ выявил конституирующие признаки устойчивых конструкций, позволяющие создать национальное представление о доме / Maison как об одном из значимых понятий в жизни русского и французского человека. Цель исследования – выявить языковые средства, репрезентирующие концептуальное пространство лексем *дом / Maison* в русской и французской картинах мира и позволяющие построить модель данного слова. Установлено, что в сопоставляемых языках центр, ядро концепта объективируется лексемами, нашедшими отражение в словарях, фиксирующих определенные расхождения в семантической структуре лексем. Интерпретационное поле, репрезентирующее лексемы, характеризуется различием в географическом, гендерном, социальном и др. своеобразии. При этом установлено, что энциклопедических знаний недостаточно для понимания определенной схемы или сценария события, лежащего в основе устойчивых конструкций.

Ключевые слова: лексемы *дом / Maison*, когнитивно-лингвистический анализ, сопоставительный анализ, концептуальное пространство лексем, пословицы и поговорки, русский и французский языки

Актуальность исследования устойчивых конструкций, таких как пословицы, поговорки, приметы, признана не только отечественной, но и мировой наукой, ориентированной прежде всего на описание и изучение национально-культурной специфики конструкций. Подробно описаны и изучены многие национальные концепты, основанные на интерпретации семантики, значения и структуры устойчивых конструкций как в одном конкретном языке, так и сопоставительном плане. Лексемы *дом* / *Maison* также неоднократно рассматривались исследователями с функциональной, структурно-семантической, лингвокультурологической точек зрения как на материале устойчивых конструкций, так и в художественном тексте (прозаическом и поэтическом) (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Дацкевич, М. Гаспаров, Л. А. Базылова, Е. А. Забродкина, Е. А. Кострубина, С. А. Тимошенко, Е. В. Филиппова и др.).

Лексему *дом* рассматривают как ядерную единицу концепта-артефакта, имеющего несколько уровней значений, отраженных в толковых словарях того или иного языка. При этом словарных описаний вполне достаточно для того, чтобы составить схему данного концепта, включающего от четырех до пяти уровней, четко структурирующих концепт и относительно совпадающих в разных языках, в частности в русском и французском. Сопоставительный анализ русских и французских пословиц и поговорок, ориентированный на выявление не только общего в способах отражения окружающей действительности, но и прежде всего на установление тонких нюансов смысла, различающих ассоциативные связи базовой лексемы, позволил установить как общее, так и различное в концептуальном пространстве лексем *дом* / *Maison*. Анализу подверглись 1425 русских паремий, отражающих концепт «дом», при этом в 316 паремий фокусируется внимание на доме как жилище человека (22,16% от общего количества паремий), а также 1316 французских паремий, в которых в 128 паремиях фиксируется лексема *Maison* в значении «жилище человека» (9,73% от общего количества паремий).

В русской национальной ментальности лексема *дом* определяется как «созданный человеком кров (здание), в котором проживают близкие (домочадцы) при общности их хозяйства и имущества (двор)» [1, с. 216]. Данное определение опирается на базовую оппозицию свой / чужой. Дом в национальном восприятии – это место, где живут близкие, родные, свои люди. Анализ толковых словарей (В. Даль, Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова), словарей синонимов

(З. Е. Александрова, Н. Абрамов, А. П. Евгеньева) свидетельствует о том, что слово *дом*, будучи многозначным, имеет ряд системных синонимов, которые образуют собственные семантические центры реализации того или иного значения лексемы. Во французском языке лексема *Maison* определяется как «Bâtiment construit pour servir d'habitation aux personnes; Bâtiment construit pour abriter une famille» [2, с. 640], то есть «здание, построенное специально для проживания людей; здание, построенное специально для приюта семьи» (здесь и далее перевод авторов. – А. О., Н. Ф.), включающее значение приюта: «временного убежища для слабых и несчастных, лишенных крова» [1, с. 177].

Для нас актуальными в данном исследовании являются синонимы к значениям «созданный человеком кров (здание)», «здание для проживания», репрезентирующие экстралингвистические знания. Интегральной семой для группы слов выступает сема «кров / здание», дифференциальными в русском языке являются семы а) *богатый / бедный* (дом, хоромы, терем, палаты // хижина, изба, избушка; б) *географическое расположение* (изба, хата); в) *целое и часть целого* (дом, изба // квартира, угол), г) *функциональное предназначение* (келья, повалуша, шалаш). Определения, данные во французских словарях, не фиксируют прямой отсылки к оппозиции *богатый / бедный*, однако при этом есть указание на дифференциацию по признакам *роскошный* (*demeure*) / *простой* (*légère*), *плохо построенный дом* (*Maison mal bâtie*). Значимыми для французской ментальности выступают признаки: а) *высокий / низкий* (*Tour, Edifice / Baraque, Chaumière*); б) *укрепленный / неукрепленный* (*Citadelle / Maison*); в) *целое / часть целого* (*Maison / Chambre*); г) *функциональное предназначение* (*Citadelle, Abri*).

Основное положение в первой группе занимает нейтральная лексема *дом* – «жилое здание», *Maison* – «здание для проживания». Сама группа лексемы *дом* в русском языке формируется на основе бинарной оппозиции *богатый / бедный*. Лексема *дом* – нейтральная в этом отношении, так как дом может быть как богатым, так и бедным. Дифференциация осуществляется на контекстуальном уровне, при этом семантика проявляется как в лексической сочетаемости самих слов, так и в семантическом согласовании денотатов и сигнификатов. Например, *Дом родной – хоть и гнилой, да свой* [3, с. 144]: сигнификат *гнилой* (дом) отсылает нас к понимаемому, что дом – бедный, однако это не умаляет его ценности для человека как хозяина этого дома. Пословица *Богатый строит себе дом годами, а бедный днями*

[Там же] основана на противопоставлении богатого и бедного домов, поскольку фиксирует время, затраченное на постройку дома. Лексемы *хоромы*, *терем*, *палаты* содержат интегративную сему «богатый», например, лексема *хоромы* определяется как «большой дом богатого владельца» [4, с. 867]; лексема *терем* трактуется как высокий «богатый дом с покатой крышей, с надворными постройками» [Там же, с. 795]; лексема *палаты* рассматривается как «большое, богатое здание, помещение (устар.)» [Там же, с. 489]: *Как терем ни высок, а своя хата лучше // Как терем ни высок, а повалуша лучше!* [5, с. 38] Уступительная семантика пословиц фиксирует ценность своего, собственного дома, пусть даже небогатого. Лексемы малочастотны и находятся на периферии концепта *дом*, в современном русском языке они приобрели иной смысл, который перевел их из пассивного в активный состав лексической системы русского языка, например, слово *палата* функционирует в значении «отдельная комната в больнице, лечебном стационаре» [4, с. 489].

Объективация семы «бедный» в лексемах *хижина*, *изба* / *избушка*, происходит как в словарях, на энциклопедическом уровне, так и в пословицах и поговорках, в которых она организуется архисемами, отражающими хозяйственно-бытовую специфику жизни русского человека. В словарях только лексема *хижина* содержит эксплицитное указание на сему «бедный», поскольку это «небольшой бедный домик» [4, с. 871]; лексема *изба* определяется как «деревянный крестьянский дом» [Там же, с. 237], при этом данное определение является нейтральным, поскольку крестьянский дом мог быть и богатым, и бедным. Нейтрализация снимается словом *избушка*, словообразовательно соотносимого с семантикой «маленькая, небольшая изба»: *Своя избушка – свой простор* [3, с. 142], *Избушка – на курьих ножках* [Там же, с. 143] или, например, в пословице *Изба ильинским тесом крыта* [6, с. 382] сема *бедный* выявляется не в денотате (поскольку изба может быть и бедной, и богатой), а скорее в сигнификате: *крыта тесом* (то есть соломой).

Вторая оппозиция связана с географическим расположением жилья, поскольку в словарных определениях нет прямого указания на ареал распространения данного слова, *изба* кажется не имеющей прямой привязки к конкретной территории, однако определения к слову в «Словаре русской ментальности» акцентируют и подчеркивают следующие признаки: «...рубленая, русская, старинная...» [1, с. 330]. В пословицах и поговорках таких прямых указаний практически

нет, на ассоциативном уровне возможно восстановление указания на территориальное расположение в пословицах типа: *Кошка да баба всегда в избе, а мужик да собака всегда на дворе*. Лексема *хата* характеризуется как: «на Украине, в Белоруссии, на юге России: крестьянский дом» [4, с. 860]: *В своей хате и углы помогают* [7, с. 251]; *Моя хата с краю, я ничего не знаю* [8, с. 304].

Третья оппозиция актуализирует такой признак, как целое и его часть, и включает лексемы *дом*, *изба* // *квартира*, *угол*. Квартира рассматривается как часть дома: «жилое помещение в доме, имеющее отдельный вход, обычно с кухней, передней» [4, с. 271]. Лексема малочастотна, поскольку пословицы и поговорки, имея длительную историю развития, были ориентированы не на городского, а сельского, деревенского жителя; лексема *угол*, имея значение: «Часть комнаты, сдаваемая в наём, вообще пристанище, место, где можно жить» [4, с. 824], достаточно активно используется в устойчивых конструкциях: *В родном углу всё по нутру* [9, с. 39].

Во французском языке наиболее частотны пословицы, включающие нейтральную лексему *Maison*, не имеющую указания на определенные дифференциальные признаки, отражающие общие, базовые характеристики, когда лексема имеет значение и «здания для проживания» людей, и «общественного здания»: *Maison* как «здание для проживания»: *Quand le chat est hors la maison, souris et rats ont leur saison* – «Когда кот выходит из дома, наступает сезон мышей и крыс» [10, с. 7]; *Les arbres font écran entre la mer et la maison* – «Деревья мешают видеть море из дома» [11, с. 34]; *Tout chien est lion dans sa maison* – «Всякий, каждый хозяин в своем доме» [10, с. 52]; *C'est la femme, qui fait ou défait la maison* – «Женщина может как построить, так и разрушить дом» [11, с. 109]; *Chacun est roi dans sa maison* – «Каждый король в своем доме» [12, с. 23]; *Denier sur denier la maison se bâtit* – «Грош за грошом строят дом» [Там же, с. 29].

Бинарная оппозиция *богатый* / *бедный* не имеет четкого прочтения во французском языке ни на уровне словарных определений, ни на уровне функциональной характеристики пословиц. Существует лишь отсылка к признаку «простое», «плохо построенное здание», формирующему пару *Château* / *Baraque*. *Baraque* (хижина): 1. Construction légère en planches (*простое строение из досок*) 2. Maison au confort rudimentaire, ou mal tenue (*дом с элементарными удобствами, или дом в плохом состоянии*) [2, с. 123]. Опора на признак *простой, с элементарными удобствами* позволяет нам констатировать

тот факт, что данный дом был жилищем для человека бедного, не имеющего возможности построить добротное здание. Слово *барак* было заимствовано в русский язык в значении «здание легкой постройки, предназначенное для временного жилья» [4, с. 36] и в современном русском языке ассоциируется с жильем, предназначенным для бедных, однако в пословицах оно нами не было зафиксировано.

Лексическое значение строится не только на основе устойчивых бинарных оппозиций, но и с учетом тех признаков, которые позволяют говорить о специфике национального исторического пути и национальной географии. Отсылка к эпохе средневековья, характеризующейся строительством дворцов, замков, крепостей, сохранилась и в ряде пословиц и поговорок, фиксирующих дифференциацию по признакам *высокий / низкий*. В частности, лексема *Tour* имеет несколько значений, однако основным остается значение *высокий*, которое фиксируется и в пословицах, например: *Les tours les plus hautes font les plus hautes chutes* – «С самых высоких башен случаются самые высокие падения» [12, с. 623]. Сравните со значением, данным в основных толковых французских словарях: *Tour* (башня): 1. Immeuble de grande hauteur – «очень высокое строение». 2. Bâtiment élevé de forme ronde ou carrée – «высокое здание круглой или квадратной формы» [13, с. 572]. *Tour* (башня): 1. Bâtiment de plan masse – «комплекс больших построек». 2. Toute construction en hauteur – «любая высокая конструкция» [2, с. 989].

Лексемы *Citadelle* – «крепость», *Château* – «дворец, замок» содержат базовое значение «укрепленный», «защищающий», например: *Citadelle* (крепость): 1. Ouvrage fortifié protégeant et commandant une ville – «укрепленное сооружение, защищающее город». 2. Centre de résistance – «центр сопротивления» [2, с. 227]. *Château* – «дворец, замок»: 1. Demeure féodale fortifiée, au Moyen Age – «укрепленная феодальная резиденция в средние века». 2. Résidence seigneuriale ou royale, entourée de jardins ou de parcs – «королевская резиденция, окруженная садами или парками». 3. Grande demeure somptueuse à la campagne – «большая роскошная резиденция в сельской местности» [Там же, с. 210]: *C'est par la pioche et par la pelle qu'on bâtit et qu'on renverse les citadelles* – «С помощью кирки и совка можно построить крепости, а можно и разрушить» [14, с. 17]; *Construire des châteaux en Espagne* – «Строить замки в Испании» [Там же, с. 377].

Таким образом, перенесение в фокус внимания особенностей функционирования лексемы *дом / Maison* с ее парадигматическими вариан-

циями в пословицах и поговорках позволяет выявить специфически организованные знания о мире, отражающие национальное мировосприятие прошедших эпох. Построение определенной структуры, соответствующей идентифицируемым лексемам *дом / Maison* в сопоставляемых языках, основывается на сложившейся картине мира в русском и французском языках. При этом учет как количественных, так и качественных характеристик позволяет нам говорить о том, что лексемы получили неравнозначное отражение в пословицах данных народов. В русском языке пословиц, включающих лексему *дом* в значении «здание, жилище человека» с ее синонимами, количественно больше, чем во французском языке, что позволяет говорить об особом значении дома в русской национальной картине мира. Учет взаимодействия энциклопедических и языковых знаний свидетельствует о функционировании разных бинарных оппозиций в корпусе пословиц, о разной ценностной ориентации пословиц. Если в русском языке значимой является оппозиция *богатый / бедный*, то во французском – *высокий / низкий, укрепленный / неукрепленный*, поскольку в пословицах отражаются прежде всего реальные условия существования носителей того или иного языка, их традиции и обычаи, ориентированные на определенную историческую эпоху.

Список источников

1. Колесов В. А., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2-х т. Т.1. А – О. С.-Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.
2. Le Petit Larousse illustré. Dictionnaire Encyclopédique. Paris: Larousse, 1991. 1750 p.
3. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 736 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
5. Пословицы и поговорки Брянской области / сост. В. Д. Глебова. Брянск: РИО БГУ, 2008. 325 с.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа. Том 2. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. 480 с.
7. Пословицы. Поговорки. Загадки / сост. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М.: Современник, 1986. 512 с.
8. Словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко [и др.]; отв. ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ, 2008. 381 с.
9. Русские пословицы и поговорки / отв. ред. В. Аникин; предисл. В. Аникин; сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
10. Критская О. В. Французские пословицы и поговорки. М.: Высшая школа, 1963. 95 с.

11. Козыт В. И. Французские пословицы и поговорки и их русские эквиваленты: Словарь французских пословиц и поговорок. СПб.: Издательство «Антология», 2015. 240 с.

12. Ripet P. Dictionnaire des maximes dictons et proverbes français. Paris: d'Actualité de l'Histoire SARL, 2000. 379 p.

13. Dictionnaire Hachette Encyclopédique Poche. 50000 mots. Paris: Hachette livre, 2006. 805 p.

14. Maloux M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes. Paris: Ouvrage Couronné par l'Académie Française, 2002. 628 p.

References

1. Kolesov, V. A., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality.]. V 2-kh t. T. 1. A – O. 592 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

2. *Le Petit Larousse illustré. Dictionnaire Encyclopédique* (1991) [Illustrated Petit Larousse Encyclopedic Dictionary]. 1750 p. Paris, Larousse. (In French)

3. *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazhenii* (2012) [Dictionary-Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings and Apt Phrases]. 736 p. Moscow, AST-PRESS KNIGA. (In Russian)

4. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions] . 4-ye izd. dopolnennoye. 944 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

5. *Poslovitsy i pogovorki Bryanskoy oblasti* (2008) [Proverbs and Sayings of the Bryansk Region]. Sost. V. D. Glebova. 325 p. Bryansk, RIO BGU. (In Russian)

6. Dal', V. I. (1996). *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Tom 2. 480 p. St. Petersburg, TOO "Diamant". (In Russian)

7. *Poslovitsy. Pogovorki. Zagadki* (1986) [Proverbs. Sayings. Riddles]. Sost. A. N. Martynova, V. V. Mitrofanova. 512 p. Moscow, Sovremennik. (In Russian)

8. *Slovar' russkikh poslovits* (2008) [Dictionary of Russian Proverbs]. V. M. Mokiyenko [i dr.]; otv. red. V. M. Mokiyenko. 381 p. Moscow, Astrel', AST. (In Russian)

9. *Russkiye poslovitsy i pogovorki* (1988) [Dictionary of Russian Proverbs]. Otv. red. V. Anikin; predisl. V. Anikin; sost. F. Selivanov, B. Kirdan, V. Anikin. 431 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)

10. Kritskaya, O. V. (1963). *Frantsuzskiy poslovitsy i pogovorki* [French Proverbs and Sayings]. 95 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

11. Kogut, V. I. (2015). *Frantsuzskiy poslovitsy i pogovorki i ikh russkiye ekvivalenty: Slovar' frantsuzskikh poslovits i pogovorok* [French Proverbs and Sayings and Their Russian Equivalents: Dictionary of French Proverbs and Sayings]. 240 p. St. Petersburg, izdatel'stvo "Antologiya". (In Russian)

12. Ripet, P. *Dictionnaire des maximes dictons et proverbes français* (2000) [Dictionary of French Maxims Sayings and Proverbs]. 379 p. Paris, d'Actualité de l'Histoire SARL. (In French)

13. *Dictionnaire Hachette Encyclopédique Poche* (2006) [Hachette Encyclopedic Pocket Dictionary]. 50000 mots. 805 p. Paris, Hachette livre. (In French)

14. Maloux, M. (2002). *Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes* [Dictionary of Proverbs, Aphorisms and Maxims]. 628 p. Paris, Ouvrage Couronné par l'Académie Française. (In French)

The article was submitted on 04.06.2022
Поступила в редакцию 04.06.2022

Акила Омри,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
akila1973a@mail.ru

Фаттахова Наиля Нурийхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Akila Omri,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
akila1973a@mail.ru

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ИМЕНУЕМОМУ ЛИЦУ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «ЧЕРНЫЙ ГОРОД»: МОРФОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

© Ирина Паневина

WAYS OF EXPRESSING ATTITUDE TO THE NAMED PERSON IN B. AKUNIN'S NOVEL "THE BLACK CITY": MORPHOLOGY AND WORD-FORMATION

Irina Panevina

The article deals with ways of expressing attitude to the named person in the novel "The Black City" by Boris Akunin. The article focuses on the proper names as the most informative lexical units in the space of a literary text. A poetic proper name is known to perform a characterizing function, even used without any special means of expressiveness. If it is supplemented by any of these means, they increase its characterizing possibilities and power of influence on the reader. Consequently, the proper name in a fiction text performs not only a distinctive, but also a meaningful role. So to better understand the author's intention, it is important to interpret onyms in a fiction text in terms of poetics and linguistics. In this regard, we have chosen the syncretic approach, including literary and linguistic methods of research, to fully and comprehensively analyze the issue of interest. Taking into account the fact that each level of language has a certain set of ways and means of expressing attitude to the object of speech, the studied material was divided into parts, depending on the level of language the named object manifests its characteristic features at. In this work, we identify the groups belonging to the morphological and word-formation levels and analyze the means, used to characterize the object, within each group. In some cases, the analysis is supplemented with extra-linguistic and literary information. At the end of the article, we make conclusions, allowing us to evaluate in fiction the role of characterizing elements used mainly in relation to proper nouns.

Keywords: proper name, mode, characterization, emotion, evaluation, language level, morphology, word formation, relation to the object of speech, literary text, Boris Akunin

В статье рассматриваются способы выражения отношения к именуемому объекту в романе Бориса Акунина «Черный город». Основное внимание уделено именам собственным как наиболее информативно наполненным лексическим единицам в пространстве художественного текста. Известно, что поэтическое имя собственное выполняет характеризующую функцию, даже если употребляется без особых средств экспрессивизации. Если же оным дополнен каким-либо из этих средств, его характеризующие возможности и сила воздействия на читателя увеличиваются. Следовательно, имя собственное выполняет в художественном тексте не только смысловозначительную, но и смыслообразующую функцию, поэтому для более глубокого понимания авторского замысла не последнюю роль играет интерпретация онимов художественного текста с точки зрения как поэтики, так и лингвистики. В этой связи в целях полного и всестороннего анализа интересующего нас вопроса был выбран синкретичный подход, включающий литературоведческие и лингвистические приемы исследования. Принимая во внимание то, что каждый уровень языка располагает определенным набором способов и средств выражения отношения к объекту речи, исследуемый материал был разделен на части в зависимости от того, на каком уровне языка проявляется характеристика именуемого объекта. В данной работе были выделены группы, относящиеся к морфологическому и словообразовательному уровням, внутри каждой группы проведен анализ используемых для характеристики объекта средств. В ряде случаев анализ дополнялся экстралингвистической и литературоведческой информацией. В конце статьи приведены выводы, позволяющие оценить роль характеризующих элементов в художественном тексте, использованных преимущественно по отношению к именам собственным.

Ключевые слова: имя собственное, характеристика, эмоция, оценка, уровень языка, морфология, словообразование, отношение к объекту речи, художественный текст, Борис Акунин

Антропоцентрический подход, характерный для гуманитарной науки последних десятилетий, способствовал привлечению внимания к вопросам, касающимся эмоциональной сферы человеческой деятельности. Думаю, мы не ошибемся, если скажем, что при взаимодействии с миром людей и вещей человек ежеминутно испытывает те или иные эмоции, оценивает окружающий мир, преломляя его через свой внутренний мир. Не случайно слова *оценка* и *ценность* имеют общее происхождение. Оценить кого-то или что-то – это испытать по отношению к объекту определенные эмоции, пропустить через внутренний фильтр ценности и выразить результат вербально, причем необязательно высказавшись вслух, ведь мысль – то же слово, но не произнесенное. Этот феномен изучают разные науки: психология, философия, социология и др. Конечно, не проходит мимо данной проблемы и лингвистика, так как человек стремится описать при помощи слов все, что с ним происходит, и эмоциональная сфера также находит отражение в языке.

В современной лингвистике существует узкое и широкое понимание эмоций. В первом случае их считают компонентом коннотации, иногда совместно с эмоциональностью и экспрессивностью, во втором эмотивность – это все средства, имеющиеся в языке, которые способны выразить эмоции, чувства, отношение к объекту действительности. В нашем исследовании мы придерживаемся широкого подхода к данной проблеме.

Язык располагает большим арсеналом средств и способов выражения отношения к называемому объекту. Они отмечаются на всех уровнях языка, начиная от фонетики и заканчивая синтаксисом. Особенная интонация, ударение, произнесение слова, морфологическая форма, суффиксы и приставки, семантика слова и его лексическое окружение, а также многое другое говорит об эмоциях, чувствах автора текста. Устная речь имеет и невербальные средства коммуникации, часть которых трудно передать на письме, но в большинстве случаев письменный текст не уступает устному в возможностях отражения авторской позиции.

Тексты разных функциональных стилей неодинаковы по своему эмоционально-экспрессивному наполнению. Известно, что наименее выразителен в этом смысле язык науки, тогда как публицистика, разговорная речь и художественная литература обладают большим набором

средств и способов выражения субъективного отношения к объекту речи.

В зависимости от части речи и разряда лексические единицы языка также неравномерно передают эмоциональный заряд. Так, среди неполнозначных слов союзы и предлоги, например, менее выразительны, чем междометья. В большой группе полнозначных слов каждый разряд отмечен своей особенностью.

В настоящей работе основное внимание мы уделим именам собственным (ИС) как языковым единицам, способным не только называть объекты, но и накапливать внеязыковую информацию о них. В последние десятилетия лингвисты все больше говорят о том, что онимы – это не просто ярлыки, их функции гораздо шире, а информативные возможности очень велики. Это обусловлено включенностью проприальной лексики в этнокультурное пространство (см. [1], [2]) и ее бытованием в нем в качестве этнокультурных маркеров языкового сознания [3]. Эти особенности онимов открывают в них неисчерпаемые художественно-выразительные возможности, которые по-разному раскрываются в том или ином функциональном стиле, на том или ином языковом уровне, в рамках той или иной части речи и того или иного разряда.

Особую роль играют ИС в художественном тексте, где они могут, кроме названной роли, выполнять стилистическую, смысло- и текстообразующую функции. «В художественном произведении нет неговорящих имен. <...> Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно» [4, с. 269]. Безусловно, только стилистической функцией возможности онимов не исчерпываются. Различные их разряды составляют как бы каркас художественного произведения, так как называют место, время, действующих лиц. С помощью ИС мы погружаемся в вымышленный текст как в знакомую и привычную нам среду, где есть привязанность к определенной хронотопонимической реальности, где действуют некие объекты. И все эти объекты – места, люди, организации и т. д. – названы какими-либо именами, пусть и непривычными, вымышленными, даже состоящими из цифр и букв, как в романе Е. Замятина «Мы». Проприальная лексика не только организует вокруг себя сюжет произведения, она в сжатой форме может передавать большие объемы информации, экономя языковые ресурсы и придавая тексту большую выразительность. Умелое использование

онимов способно создать смысловую многослойность произведения, рассчитанного на читателей разного уровня подготовленности. Особенно актуально это замечание для литературы, написанной в традициях постмодерна. В этой связи изучение ИС литературного произведения представляется весьма значимым для более полного понимания замысла автора.

Изучением ономастической лексики художественного произведения занимается литературная ономастика. Это относительно молодая наука, ее бурное развитие относится ко второй половине XX века, хотя предпосылки для ее возникновения отмечаются еще в античности (см. [5]). В настоящее время в исследованиях литературных имен преобладают два направления: первое опирается на стилистику и поэтику текста, второе – на лингвистику текста. В связи с этим различаются функции ИС в тексте. В поэтико-стилистическом направлении выделяется информационно-стилистическая и эмоционально-стилистическая функции онима, а в лингвистическом ИС выступают в качестве смысловой веши, фона повествования или факультативного элемента [6, с. 466]. Мы полагаем, что лингвистический и литературоведческий подходы к изучению материала дополняют друг друга, поскольку в ткани художественного произведения эти аспекты неразрывно связаны, поэтому наше исследование будем проводить в синкретичном русле, так как литературная ономастика – наука пограничная.

Наше исследование проведено на материале романа Бориса Акунина «Черный город». И хотя роман на первый взгляд написан в классической традиции, он, безусловно, тесно связан с эстетикой постмодерна с присущей ему многослойностью смыслов, аллюзиями и подтекстом. Важная роль в этой игре смыслов отводится ИС. Наиболее ярко возможности онимов раскрываются на семантическом уровне, но вносят свою лепту также морфология и словообразование. На указанных языковых уровнях не столько передается смысл, сколько указывается оценка называемого объекта.

Итак, в фокусе нашего внимания находятся преимущественно ИС романа «Черный город». Мы анализируем те из них, с помощью которых тем или иным способом передается отношение говорящего к называемому объекту.

Как уже отмечалось, каждый уровень языка располагает своими эмоционально-экспрессивными средствами. В данной работе мы акцентируем внимание на возможностях морфологии и словообразования, представленных в тексте в ка-

честве инструментов характеристики именуемых лиц.

На морфологическом уровне Б. Акунин нашел оригинальное решение для выражения отношения при помощи категории рода. Известно, что в русском языке слова согласуются друг с другом в соответствии с этой категорией. Нарушение согласования считается ошибкой. В романе «Черный город» автор из разряда ошибок переводит это нарушение в разряд лингвистических приемов. Этот прием был бы зауряден, если бы просто использовался как атрибут речи иностранца, говорящего на русском языке, но к нему добавлен и эмоциональный посыл: гочи (разбойник) Гасым, говоря по-русски, сознательно употребляет мужской род для объектов, которые считает хорошими, а женский – для тех, которые ему не нравятся. Сам он так объясняет свои морфологические предпочтения:

– Слушай, ты по-русски говоришь хорошо, только мужской и женский род все время путаешь. Это что, самое трудное?

– Зачем трудное? Хорошее слово всегда «он», плохое слово – «она». Я женщины не уважаю. Вся зло от них [7, с. 126].

Этот способ характеристики используется Гасымом по отношению не только к людям, но и ко всем называемым объектам:

– Перед засада Хачатур ходила к большой русский человек. Имя чудной – Дятел. <...> Я спрашиваю: «Где эта Дятел?» Немножко плечи тряс – а из Левана душа ушел [Там же, с. 165].

Как уже упоминалось, кроме оригинальности, описанный прием добавляет в текст национального колорита. Гасым – представитель восточной культуры, говорит на иностранном для него языке, ошибки в речи подчеркивают его «нерусскость». Как выясняется в конце романа, спекуляция малограмотностью (наряду с нарочито «горским» поведением и бытом) была для разбойника прикрытием, чтобы обмануть Фандорина. Таким образом, ошибочное употребление категории рода выступает не в своей прямой грамматической функции, а как литературный прием, выражает отношение говорящего к тому, о ком или о чем он говорит. Кроме того, намеренное использование определенного рода для выражения отношения к объекту речи дополняет образ Гасыма, однако речь его становится грамматически правильной, когда гочи раскрывает свое истинное лицо. Грамотность речи предавшего Фандорина разбойника также можно рассматривать как художественный прием.

На словообразовательном уровне традиционно значительное место для передачи эмоций занимают суффиксы. При анализе ономастической лексики в романе мы встречаем деминутивные и пейоративные образования, первые значительно преобладают.

Со значением ласкательности используются суффиксы *-очк-* (*Кларочка*), *-чик-* (*Левончик*), *-уш-* (*Туралуш*, *Эрастуш*):

Кларочка-ханум. – Не обращая внимания на племянника, Месроп Карапетович приложился к ручке звезды. – Это праздник для нас! [Там же, с. 96]

Ваш протеже думает, что Арташесов хочет пограбить любимому племяннику: «На тебе денежки, Левончик-джан, купи себе игрушку» [Там же, с. 97].

Когда шла с Туралом по улице и он начинал шалить, говорила ему слабым голосом: «Ах, Туралуш, что-то голова кружится. Возьми маму за руку, а то она упадет» – и малыш сразу чувствовал себя мужчиной, защитником [Там же, с. 173].

Отметим, что деминутивы *Кларочка* и *Левончик* употребляет нефтяной магнат Месроп Карапетович Арташесов, его речь наполнена восточным колоритом и ярко украшена, она такова по отношению ко всем, кто входит в близкий круг магната или кому он благоволит. Однако ряд невербальных признаков, на которые указывает автор романа, наталкивает на мысль, что деминутивные номинации в устах Месропа Арташесова – больше привычка, чем выражение истинных эмоций.

Вызывает интерес модель образования ласкательных имен, используемая героиней романа Саадат Валидбековой. Она прибавляет к именам дорогих ей мужчин суффикс *-уш*, в результате чего образуются не вполне привычные для русскоговорящего человека формы личных имен *Туралуш*, *Эрастуш*. Так как говорит героиня на русском языке (хотя и не является русской), предположим, что она использует русский ласкательный суффикс *-уш(а)* / *-юш(а)* (он образует формы имен типа *Танюша*, *Илюша*), но в усеченном варианте (без окончания *-а*). Если наше предположение верно, таким способом Б. Акунин добавляет восточной нотки в речь героини. К тому же имена Турал и Эраст довольно сложные для суффиксации, а другие распространенные морфы со значением ласкательности звучат в сочетании с названными антропонимами не столь «мужественно», как предложенный Акуниным вариант (например, *Туральчик*, *Туралушка*, *Эрастик* и др.) Если говорить о мотивировке использования ласкательных форм, то важно от-

метить, что Турал – это единственный сын Саадат Валидбековой, и нежность матери к нему закономерно выражается в аффективном обращении. А вот *Эрастушем* Фандорина называть Саадат стала не сразу, а только после того, как поняла, что влюблена в сыщика: смена отношений привела к смене формы ИС.

Немногочисленные пейоративы, обнаруженные в тексте, образованы при помощи суффикса *-к-*. Он придает ИС, к которому присоединяется, значение пренебрежения, уничижения, отражает злость говорящего по отношению к именуемому. В более «мягком» варианте формы онимов с таким суффиксом характеризуются как фамильярные, вульгарные, грубо просторечные. В тексте романа мы встречаем два ИС с суффиксом *-к-*: *Юшка*, *Сенка*.

В первом случае интересен не сам способ пейоративизации, а имя собственное, к которому присоединен суффикс. *Юшка* – это Юсуф, имя в честь пророка Юсуфа (библейского Иосифа). Как указывает А. Гафуров, это имя для мусульман (а в романе оно принадлежит мусульманину) является синонимом прекрасного юноши: в религиозных преданиях пророк Юсуф описан как юноша необычайной красоты [8, с. 15]. В «Черном городе» это имя носит неудачливый игроман, «невысокий человек с мятым лицом, на котором болезненным блеском сияли черные, воспаленные глаза» [7, с. 258]. Называть себя Юшкой, несмотря на протест Фандорина, завсегдатай казино просит сам:

– Как вас называть?

– Юшкой.

Эраст Петрович поморщился:

– Нет уж, вы представьтесь как-нибудь пообстоятельней.

– Бывали времена, когда я звался Юсуфом Абдуррахмановичем и даже Юсуф-агой. Если колесо фортуны повернется, потребую, чтобы меня вновь величали со всем почтением, а пока – Юшка и на «ты», большего не заслуживаю [Там же, с. 259].

Перед нами пример автохарактеристики посредством уничижительной формы ИС, подкрепленной диссонансом внешности носителя имени и его ассоциативного фона. Заметим попутно, что после крупного выигрыша Юшка осуществил свое намерение и вернул себе уважительные формы имени, о которых упоминал.

Оним *Сенка* – обращение Масы к Сеньке Скорику, бывшему хитровцу, с которым они находятся в приятельских отношениях. Здесь суффикс *-к-* не выражает пренебрежения, его по большому счету нельзя даже назвать пейоративным. В устах Масы это сниженная форма обра-

щения, характерная для неофициального приятельского общения, но японец не имеет намерения унизить или оскорбить своего собеседника, напротив, он дружески к нему настроен.

Используются в тексте и возможности национально специфичных образований, характерных для культуры армян, азиатских тюркоязычных стран, Японии. Причиной такого культурного отбора является то, что основное действие романа происходит в Баку, отсюда армянские и тюркские элементы; кроме того, слуга Фандорина Маса – японец, жизнь самого Эраста Петровича тесно связана с этой страной, поэтому японский колорит также присутствует в произведении.

Рассмотрим компоненты *джан*, *ханум*, *ага*, *муаллим*, употребляемые в романе жителями города Баку. Оговоримся, что эти компоненты не являются в полной мере словообразовательными формантами, а представляют собой некую переходную форму от лексемы к морфеме, поскольку в прошлом, а в некоторых случаях и в настоящем, они способны на самостоятельное бытование и даже функционирование в качестве имени собственного. Мы анализируем их в рамках словообразовательного уровня по той причине, что они присоединяются к ИС подобно «вежливым» суффиксам японского языка, но допускаем, что их прозрачная семантика позволяет рассматривать их и на синтаксическом уровне как приложения.

Компонент *джан* как обращение и как часть имени используют армяне, а также некоторые тюркоязычные народы. Везде он имеет приблизительно одинаковое значение «душа», «жизнь», «близкий, дорогой, как душа» и положительную коннотацию, придает имени, к которому добавляется, «оттенок ласкательности и одновременно уважительности» [8, с. 39].

– Левончик-джан! – сказал Арташесов, продолжая глядеть на Фандорина. – Ай, молодец, что привез дорогих гостей [7, с. 96].

В приведенном примере Месроп Арташесов для выражения симпатии использует возможности сразу двух языков: русского (суффикс *-чик-*) и армянского (компонент *-джан*). Такая избыточная экспрессивность, цветистость речи, как уже говорилось, характерна для нефтяного магната, но скорее как своеобразная манера речи, нежели реальное выражение чувств. Даже в этом коротком примере видно, что «сладкая» речь дяди, обращенная к племяннику, не подкрепляется поведением: Арташесов не смотрит на Левона,

он озабочен прибытием Фандорина, а ласково говорит с ним «по привычке».

Заметим, что ни Месроп Арташесов, ни другие герои романа не используют компонент *джан* по отношению к Эрасту Петровичу Фандорину. Возможно, так проявляется неприятие его в круг «своих», демонстрация уважительного, но скрыто негативного к нему отношения. В конце произведения становится понятно, что сыщик находился в центре заговора, где каждый был с ним неискренен, относился к нему или настороженно, или враждебно, прячась за маской приличия.

Широко распространенный в восточной традиции компонент *ханум* употребляется по отношению к женщинам. А. Гафуров описывает исторический путь, который прошла интересующая нас лексема: от исключительно мужского титула «хан» (Средняя Азия X века н. э., затем Иран, Афганистан и Индия), бывшего привилегией верховного правителя (Средняя Азия), и до трансформации в именование женщин из гарема правителя (например, *бегим* – ‘мой бек’ (господин), *султаным* – ‘мой султан’, *ханим* – ‘мой хан’, *шахим* – ‘мой шах’). Со временем эти слова стали присоединять к именам и менее знатных женщин [8, с. 34–35], выражая таким образом почтение говорящего к именуемой особе. Интересующая нас лексема *ханум* (варианты: *хатун*, *хотун*, *ханим*) при обращении к женщине или добавлении к имени стала означать «госпожа, повелительница» [Там же, с. 204]: *Какой почет, какое небесное счастье и для Клары-ханум, и для этого дома!* [7, с. 96]; *Забирай Саадат-ханум*, [Там же, с. 361]. *уезжайте очень далеко, на другой конец света*

Слово *ага* также имеет древнюю историю. Оно переводится как «большой брат» [9, с. 48], являясь архаичным титулом. В ряде восточных стран титул *ага* является формой обращения к старшему по рангу, к уважаемому человеку: *А про пожилого, прижав ладонь к груди и благоговейно понизив голос, сказал: «Его превосходительство трижды почтеннейший Гаджи-ага Шамсиев, два с половиной миллиона пудов»* [7, с. 98].

В приведенном примере почтительность к Гаджи Шамсиеву подчеркивается не только добавлением к его имени компонента *ага*, но и экстралингвистическими средствами: Арташесов говорит о компаньоне, «прижав ладонь к груди и благоговейно понизив голос». Называют Шамсиева и *Гаджи-ага-муаллим*, последний компонент еще больше увеличивает учтивость номинации, так как обозначает авторитетного, уважаемого человека, учителя.

Б. Акунин в фандоринском цикле довольно большое место отводит описанию японской культуры. Не стал исключением и роман «Черный город», в нем, как и в других произведениях цикла, автор описывает японские привычки Фандорина, в том числе ведение дневника на японский лад. Некоторая доля лингвокультурной традиции Японии передана в тексте посредством обращений, которые использует слуга Эраста Петровича. Представленные в тексте национально специфичные элементы, добавляемые Масой как носителем японской культуры к именам при обращении, образуют как гоноративы, так и нейтральные обращения, при этом не теряя возможности передавать отношение к именуемому лицу.

Как отмечает В. М. Алпатов, правила языкового этикета в Японии в прошлом были очень строгими и стандартизированными [10, с. 96], а для картины мира японца и в прошлом, и в настоящем очень большое значение имеет противопоставление «свой – чужой», которое проявляется в формах вежливости японского языка. Связано с ним еще одно столь же значимое для японского общества иерархическое противопоставление «высший – равный – низший» [11, с. 138–140].

В романе «Черный город» слуга Фандорина Маса является носителем и наиболее ярким выразителем японской культурной традиции (здесь мы не берем в расчет японские привычки Эраста Петровича). Одно из проявлений этих традиций – это обращения, которые использует японец по отношению к разным действующим лицам романа. Маса, подобно старым английским слугам, гордится своим положением и проводит очень четкие иерархические границы между людьми. Для выражения разной степени вежливости он использует разные суффиксы, добавляя их к имени адресата. По их значению можно хорошо понять отношение Масы к собеседнику и то положение, которое японец отводит для партнера по коммуникации в системе «высший – равный – низший». Так, подчеркнуто вежливое и отстраненное обращение как к «чужой» выражает суффикс *-сан*, добавленный к имени гражданской жены Фандорина Кларе Лунной. Слуге известно, что хозяин разлюбил ее, их связь тяготит Эраста Петровича, а для Масы интересы господина превыше всего. Неглупый, прозорливый японец давно понял суть Клары, но допустить неуважения к ней он не может: она жена господина. Однако и в речи, и в поведении слуга холодно вежлив и подчеркнуто держит дистанцию:

– Маса, милый, как я вам рада! – сказала, приблизившись, Клара.

Лицо японца будто окаменело. Он церемонно поклонился.

– Курара-сан... [7, с. 67–68].

Суффикс *-сан* является нейтрально-вежливым, близким по функции к обращению по имени и отчеству в русском языке. Как указывает М. С. Цыбенова, форма суффикса *-сан* произошла от суффикса *-сама* путем фонетической модификации, она является менее формальной и уважительной, а в мужской речи используется в отношении высших чужих или равных чужих [12, с. 239–240], образуя гоноративные формы обращения.

Удостаивается суффикса *-сан* и Гасым, так как тяжело раненный Маса видит его своим преемником рядом с господином:

– Очень прошу, Гасыму-сан. Нудзью хоросё забочиться о господзине. Очень прошу!

Японец порывисто, что было сил, поклонился. И потерял сознание от резкого движения – повалился вбок, обмяк [7, с. 168].

Один и тот же элемент *-сан* выражает оттенки значения, которые проступают при анализе поведения японца в ситуации коммуникации. Если при общении с Кларой Маса «каменеет», кланяется церемонно, отдавая дань уважения не столько ей, сколько ее положению жены господина, то в обращении к Гасыму он вкладывает последние силы, здесь и уважение, и просьба беспомощного человека. Оба адресата для слуги «чужие», но по-разному. Клара заискивает, желая вернуть расположение Масы, он же отстранен и подчеркнуто вежлив, независим, а от Гасыма японец находится в зависимом положении: ввиду своего тяжелого ранения он не может заботиться о Фандорине и просит об этом гочи.

Совершенно иное значение имеет суффикс *-кун*, широко распространенный в мужской речи по отношению к низшим (своим или чужим) либо равным своим, имеющий значение «товарищ», «приятель» и являющийся негоноративной формой [12, с. 240, 242], [13, с. 49]. Его Маса присоединяет к имени бывшего мелкого хитровского уголовника Сеньки Скорика, ныне продюсера и друга Фандорина:

Масе гость низко поклонился, а японец важно кивнул – такой у них был ритуал. Потом оба просияли.

– Сенка-кун! Какой старый стар, морозец, – похвалил Маса. – Морсина на рбу [7, с. 55].

Японец воспринимает месье Симона, несмотря на его нынешний статус, как приятеля, равно-

го себе. Маса подчеркивает такое отношение не только обращением, но и поведением: он «присял», поздоровавшись с другом, не забыл и про дружеский ритуальный кивок. Ранее мы уже упоминали, что японец использует по отношению к Симону форму имени *Сенка* с пейоративным суффиксом *-к-*, но в данном случае в общении старых приятелей нет пренебрежения, скорее так выражена простота общения между ними. В этом примере совместились русская и японская традиции дружеской неформальной номинации.

Можно заметить, что отношение Масы к людям, как правило, отражает отношение его господина: вежливо-холодное – к Кларе, несколько отстраненное, но уважительное – к Гасыму, дружеское – к Симону (Сеньке Скорику). И если Фандорин весьма сдержан в проявлении эмоций как внешне, так и в лингвистическом смысле, то слуга (тоже сдержанный в духе японской культуры) при помощи элементов родного языка демонстрирует отношение к именуемым лицам.

Аффективная лексика романа Б. Акунина «Черный город» разнообразна и функционал ее широк. Как и в любом художественном произведении, героями которого являются люди, в тексте романа находят отражение чувства и эмоции его действующих лиц. Мы рассмотрели некоторые возможности морфологии и словообразования для выражения отношения к именуемому объекту в романе «Черный город». Важно отметить, что неслучайно в центр исследования было поставлено имя собственное. Оним, являясь своеобразным аккумулятором экстралингвистической информации, не может не быть «говорящим» в тексте литературного произведения, где его художественные возможности, поддержанные сюжетной линией, способны раскрыться с наибольшей силой. Выступая не столько знаком, сколько смысловой вехой, концентратом разнообразной экстралингвистической информации, имя собственное позволяет применять широкую палитру для написания образа литературного героя. Используя те или иные особенности проприальной лексики, автор может высветить нужные ему стороны именуемого объекта посредством онима, использовать его огромный кумулятивный потенциал. Проприальная лексика является частью системы языка и вследствие этого включается в те же отношения, что и номинативная (за некоторым исключением: на лексическом уровне, например, ИС не вступают в синонимические отношения, имеются и другие особенности). Будучи заведомо информативно и эмоционально насыщенными, литературные имена способны ярко передавать эмоции и чувства гово-

рящего. В романе Борис Акунин применяет как традиционные, так и оригинальные способы для передачи отношения героев к событиям и лицам. Так, интересным решением выглядит намеренно ошибочное употребление категории рода одним из персонажей произведения для выражения своей оценки объекта речи. На словообразовательном уровне привычная суффиксация с целью деминутивизации или пейоративизации ИС соседствует с использованием иноязычных элементов, характерных для традиционных культур, представленных в романе (*джан, хатун, ага, муаллим, сан, кун*). Это не только добавляет национального колорита в произведение, позволяет лучше почувствовать атмосферу многонационального Баку начала XX века, но и раскрывает характеризующие возможности антропонимов. В романе сталкиваются разные культуры и традиции, но, благодаря органичному использованию автором элементов речи, свойственных для введенных в произведение культур, это смешение не выглядит бутафорским, натянутым, напротив, создает неповторимую атмосферу многонационального восточного города начала XX века. Во многом этому способствует поликультурная ономастическая лексика романа, дополненная национальными компонентами обращения. Заметим, что описанными средствами не исчерпываются характеризующие возможности онимов «Черного города», поэтому перспективным представляется изучение лексического окружения ИС романа и роли этого окружения в экспрессивизации проприальной лексики.

Список источников

1. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 532 с.
2. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М.: Гнозис, 2006. 304 с.
3. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М.: Гнозис, 2005. 472 с.
4. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
5. Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопросы ономастики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. №1. С. 108–120.
6. Салихова О. К. Особенности текстообразующей функции онимов во французском комиксе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №2. С. 465–469.
7. Акунин Б. Черный город. М.: Захаров, 2012. 368 с.

8. Гафуров А. Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М.: Наука, 1987. 224 с.
9. Древнетюркский словарь / А. Боровков, В. Неделеяев, Д. Насилов, Э. Тенишев, А. Щербак. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677с.
10. Алпатов В. М. Заметки о переводах с японского языка и на японский язык // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2016. №1. С. 93–99.
11. Алпатов В. М. О языковой картине мира японцев // Историческая психология и социология истории. 2008. №1. С. 133–141.
12. Цыбенова М. С. Употребление суффиксов вежливости в японском языке // Вестник Челябинского государственного университета, 2003. №1. С. 238 – 242.
13. Сычева Е. С. Проблема перевода обращений и именных суффиксов в современной массовой культуре Японии (на примере аниме и манга) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. №1. С. 46–55.

References

1. Berezovich, E. L. (2000). *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Terms]. 532 p. Ekaterinburg, izd-vo Ural'skogo universiteta. (In Russian)
2. Rylov, Iu. A. (2006). *Aspekty yazykovoï kartiny mira: ital'ianskii i russkii yazyki* [Aspects of the Language Picture of the World: Italian and Russian]. 304 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)
3. Privalova, I. V. (2005). *Interkul'tura i verbal'nyi znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii)* [Interculture and the Verbal Sign (linguistic and cognitive foundations of intercultural communication)]. 472 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)
4. Tynyanov, Iu. N. (1977). *Literaturnyi fakt* [A Literary Fact]. Tynyanov, Iu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. 574 p. Pp. 255 – 270. Moscow, Nauka. (In Russian)

5. Fomin, A. A. (2004). *Literaturnaya onomastika v Rossii: itogi i perspektivy* [Literary Onomastics in Russia: Outcomes and Prospects]. Voprosy onomastiki. Ekaterinburg, izd-vo Ural'skogo universiteta. No. 1, pp. 108–120. (In Russian)
6. Salikhova, O. K. (2021). *Osobennosti tekstoobrazuiushchei funktsii onimov vo frantsuzskom komikse* [Peculiarities of the Text-Forming Function of Onyms in French Comics]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 2, pp. 465 – 469. (In Russian)
7. Akunin, B. (2012). *Chernyi gorod* [The Black City]. 368 p. Moscow, Zakharov. (In Russian)
8. Gafurov, A. (1987). *Imya i istoriya: ob imenakh arabov, persov, tadzhikov i tyurkov* [Name and History: About Names of Arabs, Persians, Tajiks and Turks]. Slovar'. 224 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
9. *Drevnetiurkskii slovar'* (1969) [Ancient Turkic Dictionary]. Bоровков, А., Неделеяев, В., Насилов, Д., Тенишев, Е., Щербак, А. 677 p. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russian)
10. Alpatov, V. M. (2016). *Zametki o perevodakh s iaponskogo yazyka i na yaponskii yazyk* [Notes on Translations from and into Japanese]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. No.1, pp. 93 – 99. (In Russian)
11. Alpatov, V. M. (2008). *O yazykovoï kartine mira yapon'tsev* [On the Japanese Language Picture of the World]. Istoricheskaja psikhologija i sotsiologija istorii. No. 1, pp. 133 – 141. (In Russian)
12. Tsybenova, M. S. (2003). *Upotreblenie suffiksov vezhlivosti v yaponskom yazyke* [The Use of Politeness Suffixes in Japanese]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 1, pp. 238 – 242. (In Russian)
13. Sycheva, E. S. (2015). *Problema perevoda obrashchenii i imennykh suffiksov v sovremennoi massovoi kul'ture Yaponii (na primere anime i manga)* [The Problem of Translating Addresses and Noun Suffixes in Contemporary Japanese Mass Culture (Using Anime and Manga as Examples)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. No. 1, pp. 46 – 55. (In Russian)

The article was submitted on 08.04.2022

Поступила в редакцию 08.4.2022

Паневина Ирина Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Военная академия войсковой
противовоздушной обороны Вооруженных
Сил Российской Федерации имени Маршала
Советского Союза А. М. Василевского,
214027, Россия, Смоленск,
Котовского, 2.
ira_twin@mail.ru

Panevina Irina Anatolievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Russian Federation Army Air Defense Military
Academy named after the Marshal of the Soviet
Union A. M. Vasilevsky,
2 Kotovsky Str.,
Smolensk, 214027, Russian Federation.
ira_twin@mail.ru

УДК 811.111

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-65-70

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДИСКУРСОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

© Нина Трибунская

FEATURES OF DISCOURSE INTERACTION IN POLITICAL COMMUNICATION

Nina Tribunskaya

This article studies discursive structures in politicians' statements found in social networks. In our research, discursive heterogeneity, which actualizes the features of interdiscursivity and polydiscursivity of political communication, is demonstrated based on messages containing environmental issues. The purpose of this study is to comprehend the process of discourse interaction in English-language political communication. Our analysis is based on J. Biden's messages on Twitter from January 1, 2021 to January 1, 2022. We use the methods of observation and description, comparative and contextual analyses and a discourse analysis. The article analyzes the situation components of Setting and Scene, Participants, Ends, Act Sequence, Key, Instrumentalities, Norms and Genre with the help of the linguistic concept S-P-E-A-K-I-N-G of the American scientist D. Hymes. Being part of the media discourse and demonstrating the features of the Internet genre, the politicians' messages are concise and compressed. The same communicants, depending on the context, participate in various types of discourse, their interaction occurring on the basis of the "subject of communication" component. Simultaneously, the subjective type of interdiscursivity is actualized. One of the politicians' implicit goals is to form a certain evaluative opinion among the readership, an attitude towards ongoing events.

Keywords: political communication, social media, discursive heterogeneity, interdiscursivity, polydiscursivity

Статья посвящена изучению дискурсивных структур в высказываниях политиков в социальных сетях. На примере сообщений, содержащих экологическую проблематику, демонстрируется дискурсивная гетерогенность, актуализирующая черты интердискурсивности и полидискурсивности политической коммуникации. Цель настоящего исследования заключается в попытке осмыслить процесс взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации. Материалом для анализа послужили сообщения Д. Байдена в Twitter в период с 1 января 2021 года по 1 января 2022 года. Автором используются методы наблюдения и описания, сравнительно-сопоставительный метод, контекстуальный анализ, дискурс-анализ. При помощи лингвистической концепции американского учёного Д. Хаймса S-P-E-A-K-I-N-G проводится анализ компонентов ситуации Setting and scene, Participants, Ends, Act Sequence, Key, Instrumentalities, Norms, Genre. Являясь частью медиадискурса и демонстрируя черты интернет жанра, сообщения политиков отличаются лаконичностью, компрессией и сжатостью. Одни и те же коммуниканты в зависимости от контекста становятся участниками различных типов дискурсов, взаимодействие которых происходит на основе составляющей «субъект коммуникации». При этом актуализируется субъектный тип интердискурсивности. Одной из имплицитных целей политиков является формирование у читательской аудитории определенного оценочного мнения, отношения к происходящим событиям.

Ключевые слова: политическая коммуникация; социальные сети; дискурсивная гетерогенность; интердискурсивность; полидискурсивность

Введение

В XXI веке в условиях бурной цифровизации общества стремительно развивается виртуальная коммуникация, в том числе в сфере политики. Цифровые технологии, общение в глобальной сети Интернет оказываются в фокусе исследова-

тельского интереса. Особую актуальность приобретает изучение социальных сетей, микроблогов, различных коммуникативных каналов связи. Владение информационными ресурсами становится мощным оружием, позволяющим интер-

претировать те или иные события, а также оказывать влияние на общественное сознание.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, в том числе работы, посвященные критическому дискурсу-анализу и дискурсивным исследованиям [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7]; интердискурсивности [8], [9]; политическому дискурсу [10]; массмедийному и интернет-дискурсу [11], [12], [13], изучению контекста [14] и др.

Цель настоящего исследования заключается в попытке осмысления процесса взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации (на примере социальной сети Twitter). Автором использовались различные научные методы: описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстуальный анализ, методы контент-анализа, дискурс-анализа, а также наблюдения. Выборка сообщений производилась исходя из соображений актуальности и релевантности.

Были проанализированы высказывания Д. Байдена в Twitter в период с 1 января 2021 года по 1 января 2022 года. Тексты размещены на официальном аккаунте президента США [15]. В связи с последними событиями в мире данный информационный ресурс был заблокирован на территории нашей страны, однако результаты исследования в данной области сохраняют свою значимость и актуальность, так как показывают существующие тенденции в развитии социальных сетей для публичного мгновенного обмена сообщениями, а также позволяют проследить особенности массмедийных цифровых информационных технологий в сфере политической коммуникации, включая связанные с их использованием преимущества и риски.

Рассмотрим дискурсивные структуры, возникающие в англоязычной политической коммуникации в процессе взаимодействия различных типов дискурсов, на примере экологического дискурса, представленного в высказываниях политиков. Существуют многосторонние взаимосвязи между дискурсами, с помощью которых можно проследить полидискурсивность (когда в рамках одного высказывания одновременно присутствуют несколько типов дискурсов) и интердискурсивность (когда один дискурс строится по законам другого) текстов социальных сетей. В процессе взаимодействия дискурсов субъектная доминанта политической коммуникации выдвигается на первый план, так как от интенции автора зависит во многом, каким образом будут освещены те или иные события, а также какая взаимосвязь проявится между принимающим и сопутствующими дискурсами.

Ход исследования

Для проведения более глубокого дискурсивного анализа обратимся к модели ситуации американского лингвиста Д. Хаймса S-P-E-A-K-I-N-G [16, с. 55–62]. Эта модель включает в себя восемь компонентов: *Setting and scene* (обстановка, обстоятельства), *Participants* (участники), *Ends* (цели коммуникации, результаты), *Act Sequence* (последовательность действий), *Key* (атмосфера происходящего), *Instrumentalities* (набор языковых средств), *Norms* (специфика норм и правил), *Genre* (жанровый состав).

Рассмотрим первый элемент модели Д. Хаймса – *Setting and scene* (обстановка, обстоятельства). В нашем случае коммуникативная ситуация разворачивается в виртуальном информационном пространстве Интернет, на платформе Twitter президента США. Сообщения представлены короткими статьями, содержащими, помимо вербальных средств передачи информации, визуальные. К последним можно отнести фотографии и видеоматериалы. Кроме того, активно используются различные элементы и символы, характерные для интернет-жанра (гиперссылки, хэштеги, слэш и др.). Ряд исследователей отмечают гипертекстуальность и креализованность (поликодовость) текста в сети Интернет.

Высказывания в Twitter публикуются в хронологическом порядке, указывается дата и время сообщения. Репрезентация отдельных фактов и событий направлена на привлечение внимания и интереса со стороны простых граждан, а также продвижение политических идей. Виртуальный канал для быстрого публичного обмена сообщениями позволяет читателю оставлять свои комментарии, отзывы, лайки, репосты и таким образом ощущать себя значимым участником происходящего. Сам формат короткой беседы располагает к активному взаимодействию дискурсов и проявлению полидискурсивности и интердискурсивности политической коммуникации.

Рассмотрим второй элемент модели Д. Хаймса – *Participants* (участники). Высказывания в Twitter публикуются от имени главы государства – президента Соединённых Штатов Америки, то есть автор-отправитель сообщений известен. Как правило, для передачи информации используется прямая речь, повествование от первого лица, в отдельных случаях размещаются цитаты и ссылки на авторитетное мнение коллег или политических деятелей.

Следует отметить, что в зависимости от контекста высказываний одни и те же участники становятся представителями различных дискурсов [6, с. 125]. Так, участники переходят из одного дискурса в другой либо одновременно вовле-

чены сразу в несколько дискурсов. Например, в нижеприведенных примерах президент США Д. Байден является участником политического, экологического, а также экономического дискурсов: *When I think of climate change, I think about jobs* [15, 04.08.21]; *I'm signing an executive order with a target of electrifying 50% of all vehicles sold by 2030* [Там же, 05.08.21] (здесь и далее разрядка наша. – Н. Т.). Таким образом, актуализируется полидискурсивность политической коммуникации. При этом важной составляющей в медиадискурсе является характеристика субъекта. На субъект высказывания в данном случае указывает личное местоимение *I*, для усиления роли говорящего используется приём лексического повтора *I think*.

Причастность власти к происходящим событиям может передаваться при помощи личного местоимения *we*: *We're seeing devastating impacts of the climate crisis every day – and we need to act* [Там же, 21.07.21]; *We have to leverage a whole-of-government effort...* [Там же, 05.08.21].

Среди иных участников экологического дискурса можно выделить: американцев (*Americans, Every single American*): *Americans across the country can see and feel the devastation of climate change* [Там же, 27.08.21]; *Every single American deserves clean drinking water, but that's not the reality for millions of people around the country* [Там же, 05.08.21]; простых людей (*people, Folks*): *Folks, this Bipartisan Infrastructure Deal is going to make a gigantic difference for people. It's going to eliminate all lead pipes in America, so people have clean drinking water* [Там же, 04.08.21]; рабочих (*workers*): *We have to leverage a whole-of-government effort to lift up workers and strengthen American leadership in the clean cars of the future* [Там же, 05.08.21] и др. Неформальное обращение *Folks* в вышеприведенном примере призвано сократить дистанцию между политиками и простыми людьми, что позволяет отнести политическое высказывание президента Д. Байдена к разговорному стилю и свидетельствует о проявлении интердискурсивности политической коммуникации (когда в политическом дискурсе присутствуют черты бытового дискурса). Другими словами, субъект коммуникации в медиадискурсе посредством подобных высказываний наделяется характеристиками субъекта коммуникации в бытовом дискурсе. Таким образом, взаимодействие дискурсов происходит на основе составляющей «субъект коммуникации», что свидетельствует об актуализации субъектного типа интердискурсивности.

Перейдем к анализу следующего компонента модели ситуации Д. Хаймса S-P-E-A-K-I-N-G –

Ends (цели коммуникации, результаты). Коммуникация в Twitter представляет собой виртуальную форму мгновенного обмена публичной информацией дипломатами, политиками, общественными деятелями, органами государственной власти со своими потенциальными избирателями, простыми гражданами. Другими словами, данный формат взаимодействия предполагает вовлечение широкого круга общественности в вопросы политики. Политический дискурс, представленный в социальных сетях, имеет два основных предназначения: информирование аудитории и формирование у нее определенного оценочного мнения, отношения к происходящим событиям.

Рассмотрим включение элементов экологического дискурса в состав политического в рамках модели ситуации *Ends*. Высказывания президента США Д. Байдена привлекают внимание граждан к таким проблемам в сфере экологии, как разрушительные последствия экологического кризиса: *We can't wait any longer to deal with the climate crisis*. [Там же, 08.07.21]; необходимость введения новых стандартов чистой электроэнергии: *My Build Back Better Agenda will provide tax cuts for businesses and consumers who invest in clean energy technologies – and set a clean electricity standard...* [Там же, 08.07.21]; обеспечение каждого американца чистой питьевой водой: *Every single American deserves clean drinking water, but that's not the reality for millions of people around the country* [Там же, 05.08.21]; разработка автомобилей с нулевым уровнем выбросов *zero-emission* в атмосферу: *We have to leverage a whole-of-government effort to lift up workers and strengthen American leadership in the clean cars of the future* [Там же, 05.08.21].

Таким образом, риторика высказываний политиков в социальных сетях, имеющих экологическую направленность, преследует решение экологических проблем и вопросов загрязнения окружающей среды. Однако, помимо открыто заявленных целей сообщения, содержат манипулятивный элемент, призванный сформировать определенный взгляд читателя на те или иные события, либо отвлечь внимание общественности от острых социальных, экономических или военных проблем.

Рассмотрим следующий элемент модели Д. Хаймса – *Act Sequence* (последовательность действий). В высказываниях президента в Twitter довольно часто употребляется группа времен Simple, в частности Present Simple (при этом используются глаголы *want, makes, do, remember and honor, deserves, think, have*), реже – Past Simple (*had, passed, made, moved, did*) или Future Simple (*They will play, that will help, will fix*).

Для обозначения последовательности действий применяются параллельные конструкции: *My Build Back Better Agenda will help us meet the moment by providing clean energy tax credits, creating a new Civilian Climate Corps, and investing in new technologies to fight climate change* [Там же, 21.07.21]. Среди группы длительных времен чаще всего употребляется Present Continuous, так как у автора существует потребность отобразить определенный процесс или действие в настоящем: *We're seeing devastating impacts of the climate crisis every day – and we need to act...* [Там же, 21.07.21].

Нередко в рамках одного высказывания используются сразу несколько различных времен, например, Present Simple и Present Continuous: *We have to leverage a whole-of-government effort to lift up workers and strengthen American leadership in the clean cars of the future. To set that all-out effort into motion, I'm signing an executive order with a target of electrifying 50% of all vehicles sold by 2030* [Там же, 05.08.21]. Это в свою очередь характеризует общение в Twitter, поскольку в коротком сообщении должен быть выражен большой объем информации, содержащей различные аспекты и темы, благодаря чему общение в социальных сетях характеризуется быстрой и частой сменой дискурсов.

Описанию последовательности действий и установлению причинно-следственных связей способствуют модальные глаголы, выражающие в текстах отношение говорящего к происходящему. При этом подчеркивается возможность, вероятность или необходимость совершения какого-либо действия: *We have to leverage a whole-of-government effort to lift up workers and strengthen American leadership in the clean cars of the future* [Там же, 05.08.21]. В построении придаточных предложений участвуют такие слова, как *what*, *who*, *that*. Отрицание в предложениях выражается при помощи конструкции *isn't* (*This isn't about politics* [Там же, 10.08.21]), отрицательной частицы *not*, в том числе с использованием союза *but*: *Every single American deserves clean drinking water, but that's not the reality for millions of people around the country* [Там же, 05.08.21].

Таким образом, последовательность действий может выражаться при помощи параллельных конструкций, а в ряде случаев она оказывается нарушенной. Формат высказываний в Twitter не предполагает подробного изложения событий, акцент делается на определенных фактах или деталях происходящего.

Перейдем к анализу компонента ситуации *Key* (атмосфера происходящего). Общение в Твиттер имеет формат короткой беседы, что пре-

допределяет некоторые особенности высказываний. Среди них попытка создания доверительной атмосферы между автором сообщений и читателями. Часто это выражается в понижении регистра коммуникации и проявлении интердискурсивности политической коммуникации. В текстах может быть нарушен порядок слов для придания большей выразительности, используются сокращения, неформальные обращения.

Особую атмосферу коммуникации в Twitter придают вопросительные и восклицательные предложения, что не характерно для официально-деловых документов. Кроме того, в текстах используются символы (*#*, *&*, *@*) и гиперссылки, характерные для интернет-жанра. Таким образом проявляется интердискурсивность политических текстов.

Рассмотрим следующий элемент модели Д. Хаймса – *Instrumentalities* (набор языковых средств). Что касается стилистических приемов, в сообщениях часто используется лексический повтор, который позволяет усилить отдельные части текста, расставить акценты: *Folks, this Bipartisan Infrastructure Deal is going to make a gigantic difference for people. It's going to eliminate all lead pipes in America, so people have clean drinking water. It's going to bring high-speed internet to every home* [Там же, 04.08.21]. В указанном примере трижды употребляется конструкция *to be going to*, выражающая намерение говорящего, планы на будущее. В следующем высказывании дважды используется выражение *I think*, что больше характерно для разговорного стиля: *When I think of climate change, I think about jobs* [Там же, 04.08.21]. В высказываниях замечено употребление степеней сравнения прилагательных (*best*), а также порядковых и количественных числительных (*first*, *50%*, *by 2030*).

Проанализируем следующий элемент модели Д. Хаймса – *Norms* (специфика норм и правил). Бурное развитие информационных технологий и появление каналов быстрого обмена информацией во многом меняет привычный способ общения политика с избирателями. Новый способ коммуникации в социальных сетях позволяет сообщениям политиков мгновенно достигать своих реципиентов. При этом современная интернет-аудитория не ограничивается молодежью, растет количество пользователей старшего поколения. В связи с существующими ограничениями объема текстовых сообщений возникает необходимость экономии языковых средств, поэтому высказывания политиков в социальных сетях отличаются компрессией и сжатостью. В ряде случаев для достижения быстрого эффекта восприятия применяется визуализация. Очевидно, что для

расшифровки подобных коротких сообщений реципиенту требуется владеть общим контекстом происходящих событий, достраивая в своем сознании недостающие элементы.

Что касается особенностей текстов, очень часто мы наблюдаем нарушение языковых норм, в том числе не прямой порядок слов в предложениях, пропуски лексических или грамматических единиц, использование разговорного стиля в высказываниях политиков, употребление аббревиатур и символов, характерных для интернет-жанра. Кроме того, в некоторых случаях замечен пропуск знаков препинаний, а также случайные либо намеренные грамматические ошибки, опечатки.

Проанализируем последний компонент модели Д. Хаймса – *Genre* (жанровый состав). Высказывания в Twitter представлены в виде личного микроблога президента США и по своим жанровым характеристикам отличаются от традиционного письменного текста, испытывают тяготение к законам устной речи. Коммуникация осуществляется в глобальной информационной сети и представляет в широком смысле медиатекст, отличающийся спонтанностью, мгновенностью передачи и прочтения информации.

Таким образом, политические высказывания в социальных сетях во многом содержат интерпретацию, оценку событий и действий. Анализ сообщений экологического дискурса, входящего в состав политического, позволил выявить явления полидискурсивности и интрэдискурсивности языка политики. С помощью восьмикомпонентной модели ситуации Д. Хаймса удалось установить ряд закономерностей политической коммуникации. Все сообщения содержат информацию о дате и времени и обладают свойством публичности. Формат высказываний в Twitter не предполагает подробного изложения событий, акцент делается на определенных фактах или деталях происходящего. В зависимости от контекста высказывания одни и те же участники (президент, люди, американцы, рабочие) переходят из одного дискурса в другой и становятся представителями различных дискурсов. Часто в сообщениях президента США Д. Байдена используется такой стилистический приём, как лексический повтор, позволяющий расставить необходимые акценты в тексте.

Высказывания политиков в сети интернет отличаются от стилистики официально-деловых документов. Взаимодействие дискурсов в социальных сетях происходит на основе составляющей «субъект коммуникации», которая в медиадискурсе наделяется характеристиками субъекта коммуникации бытового дискурса. При этом актуализируется субъектный тип интрэдискурсивности. Автором предпринимается попытка соз-

дать образ доверительной беседы с читателями. Помимо открыто заявленных целей, тексты содержат манипулятивный элемент, призванный сформировать определенный взгляд реципиента на те или иные события.

Список источников

1. Dijk T. A. van. (2008) Discourse and Context. A sociocognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press. 267 p. URL: https://www.academia.edu/5345314/Discourse_and_Context_Teun_A_van_Dijk (дата обращения: 02.04.2022)
2. Dijk T.A. van. (1998) What is Political Discourse Analysis? URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse%20Analysis.pdf> (дата обращения: 02.04.2022)
3. Fairclough N. & Wodak R. (1996) Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol.2. Discourse as Social Interaction. L., 1996.
4. Chilton P., Schäffner C. Discourse and Politics // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. I / ed. by Teun A. van Dijk. L., Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998: 206–229.
5. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. URL: <http://philjournal.ru/upload/2021-1/FullVersion2021-1.pdf>. (дата обращения: 02.04.2022)
6. Трибунская Н. А., Шевченко В. Д. Дискурсивные структуры в политической коммуникации // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Том. 27, № 3. С. 118–127.
7. Шевченко В. Д. Введение в теорию интерференции дискурсов: монография. Самара: СамГУПС, 2008. 203 с. URL: <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/tipolog/shevchenkomon.pdf> (дата обращения: 02.04.2022)
8. Белоглазова Е. В. О вариативности проявления дискурсивной гетерогенности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С.15–19. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/845/files/332-015.pdf> (дата обращения: 02.04.2022)
9. Плотницкий Ю. Е. Реализация категории «интрэдискурсивность» в англоязычном песенном дискурсе. // Эволюция и трансформация дискурсов: Сборник научных статей. Самара: Центр периодических изданий, 2020. Вып 5. С. 104–115.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена; 2000. 174 с.
11. Crystal D. (2011) Internet Linguistics: A Student Guide. NY: Routledge, 2011. 192 p.
12. Ахренова Н. А. Интернет-лингвистика: новая парадигма в описании языка интернета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016 № 3. С. 8–14.
13. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта,

2019, 264 с. URL: <https://rucont.ru/efd/244207>. (дата обращения: 02.04.2022)

14. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 437 с.

15. Biden, Joe "President Biden @POTUS" (46th President of the United States) Twitter.com. URL: <https://twitter.com/potus>. Ссылка активна на 03.03.2022.

16. Hymes D. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania; 1974: 260 с.

References

1. Dijk, T. A. van. (2008). *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge, Cambridge University Press. 267 p. URL: https://www.academia.edu/5345314/Discourse_and_Context_Teun_A_van_Dijk (accessed: 02.04.2022). (In English)

2. Dijk, T. A. van. (1998). *What Is Political Discourse Analysis?* URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse%20Analysis.pdf> (accessed: 02.04.2022). (In English)

3. Fairclough, N., Wodak, R. (1996). *Critical Discourse Analysis*. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. Discourse as Social Interaction. L. (In English)

4. Chilton, P., Schäffner, C. (1998). *Discourse and Politics. Discourse as Structure and Process*. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. I, ed. by Teun A. van Dijk. L., Thousand Oaks. Pp. 206–229. New Delhi, Sage Publications. (In English)

5. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2021). *Tendentsii razvitiya sovremennogo diskursa* [Trends in the Development of Modern Discourse]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. No. 1, pp. 14–31. URL: <http://philjournal.ru/upload/2021-1/FullVersion2021-1.pdf>. (accessed: 02.04.2022). (In Russian)

6. Tribunskaya, N. A. and Shevchenko, V. D. (2021). *Diskursivnyye struktury v politicheskoi kommunikatsii* [Discursive Structures in Political Communication]. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. Vol. 27, No. 3, pp. 118–127. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-118-127>. (In Russian)

7. Shevchenko, V. D. (2008). *Vvedeniye v teoriyu interferentsii diskursov: monografiya* [Introduction to the

Theory of Discourse Interference: A Monograph]. 203 p. Samara, SamGUPS. URL: <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/tipolog/shevchenkomon.pdf> (accessed: 02.04.2022). (In Russian)

8. Beloglazova, E. V. (2010). *O variativnosti proyavleniya diskursnoy geterogenosti* [On the Variability of the Manifestation of Discursive Heterogeneity]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 332, pp. 15 - 19. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/845/files/332-015.pdf> (accessed: 02.04.2022). (In Russian)

9. Plotnitsky, Yu. E. (2020). *Realizatsiya kategorii "interdiskursivnost'" v angloyazychnom pesennom diskurse* [Implementation of the Category "Interdiscursiveness" in the English-Language Song Discourse]. Evolyutsiya i transformatsiya diskursov: Sbornik nauchnykh statei. Samara, Tsentr periodicheskikh izdaniy. Vyp. 5, pp. 104–115. (In Russian)

10. Sheigal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. 174 p. Volgograd, Peremena. (In Russian)

11. Crystal, D. (2011). *Internet Linguistics: A Student Guide*. 192 p. NY, Routledge. (In English)

12. Akhrenova, N. A. (2016). *Internet-lingvistika: novaya paradigma v opisaniy yazyka interneta* [Internet-linguistics: A New Paradigm of the Language Description]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. No. 3, pp. 8–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-8-14. (In Russian)

13. Dobroslonskaya, T. G. (2019). *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Medialinguistics: A Systematic Approach to the Study of the Media Language (Modern English Media Language)]. 264 p. Moscow. URL: <https://rucont.ru/efd/244207> (accessed: 02.04.2022). (In Russian)

14. Kasavin, I. T. (2008). *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedeniye v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyka* [Text. Discourse. Context. An Introduction to the Social Epistemology of Language]. 437 p. Moscow, Canon+. (In Russian)

15. Biden, Joe "President Biden @POTUS" (46th President of the United States) Twitter.com. <https://twitter.com/potus> (accessed: 03.03.2022). (In English)

16. Hymes, D. (1974). *Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach*. 260 p. Philadelphia, University of Pennsylvania. (In English)

The article was submitted on 11.04.2022

Поступила в редакцию 11.04.2022

Трибунская Нина Александровна,
старший преподаватель,
Самарский государственный медицинский
университет,
экстерн,
Самарский университет,
443099, Россия, Самара,
Чапаевская, 89.
dahati@mail.ru

Tribunskaya Nina Alexandrovna,
Assistant Professor,
Samara State Medical University,
extern,
Samara University,
89 Chapaevskaya Str.,
Samara, 443099, Russian Federation.
dahati@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 8.821.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-71-76

ФАКТОРЫ «РИТМИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ» И «ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ» В ДНЕВНИКЕ БОРИСА РАЙСКОГО («ОБРЫВ» И.А.ГОНЧАРОВА)

© Гульзада Багаутдинова

FACTORS OF “RHYTHMIC PROSE” AND “ORNAMENTAL PROSE” IN BORIS RAISKY’S DIARY (“THE PRECIPICE” BY I. GONCHAROV)

Gulzada Bagautdinova

The article, for the first time, analyzes the rhythm-forming means in Boris Raisky’s diary from the novel “The Precipice” by I. Goncharov. Boris Raisky, as a writer, has been studied earlier, but his diary has never been the subject of special scientific research. We believe that Raisky as a writer and Goncharov as a writer belong to different artistic systems, so the differences between them are manifested at the level of poetics. As a result of our observations, we have come to the conclusion that Boris Raisky’s diary, the representation of his creative process by the author-narrator (I. Goncharov), is extremely rhythmic, whereas the word of “The Precipice” creator is more “prosaic”. I. Goncharov endows his character and “co-author” with the gift of creating the rhythm of prose. We have come to this conclusion taking into account other parts of the “unwritten novel” by Boris Raisky, which also reveal rhythm-forming factors. The rhythmicity of the narrator Boris Raisky’s style in his “novel” and the lack of rhythm in the prose of the author-narrator is one of the criteria that allows us to distinguish their styles. It is for the first time in I. Goncharov studies, that the terms polyrhythmic prose and ornamental prose have been used and some of their features have been revealed. We believe that polyrhythmicity and ornamentation are the most important features of the writer’s poetics.

Keywords: I. Goncharov, narrator Boris Raisky, diary, poetics, “rhythmic prose”, “ornamental prose”, polyrhythmic prose

В статье впервые предпринята попытка анализа ритмообразующих средств в дневнике Бориса Райского – персонажа романа И. А. Гончаров «Обрыв». Автор статьи рассматривает Бориса Райского не только как одного из главных героев романа И. А. Гончарова, но и как сочинителя романа «Вера», который в свою очередь входит в структуру «Обрыва». Борис Райский как литератор рассматривался и ранее, однако его дневник не был предметом специальных научных изысканий. Автор статьи считает, что Б. Райский как литератор и И. Гончаров как писатель принадлежат к разным художественным системам, поэтому отличия между ними проявляются и на уровне поэтики. В результате наблюдений исследователь пришел к выводу о том, что дневник Бориса Райского, воспроизведение его творческого процесса автором-повествователем (И. А. Гончаровым), предельно ритмизировано, тогда как слово создателя «Обрыва» более «прозаично». И. А. Гончаров наделяет своего персонажа и «соавтора» даром создания ритма прозы. К такому выводу автор статьи приходит, опираясь и на другие части «ненаписанного романа» Бориса Райского, в которых также обнаруживаются ритмообразующие факторы. Ритмизованность стиля повествователя Бориса Райского в его «романе» и отсутствие ритма прозы у автора-повествователя является одним из критериев, позволяющих разграничить их стиль. Впервые применительно к прозе И. А. Гончарова употребляются термины «полиритмическая проза» и «орнаментальная проза», выявляются некоторые их признаки. Автор статьи считает, что полиритмичность и орнаментальность являются важнейшими чертами поэтики писателя.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, повествователь Борис Райский, дневник, поэтика, «ритмическая проза», «орнаментальная проза», полиритмическая проза

Серьёзными научными вехами для понимания основного структурного принципа романа И. А. Гончарова «Обрыв» в XX веке явились изыскания Т. И. Райнова, Н. И. Пруцкова. Т. И. Райнов заметил, что «„Обрыв“ разработан как некоторое содержание, которое частью отражается, частью должно отразиться в зеркале будущего романа Райского» [1, с. 40]. Н. И. Пруцков отметил важность посреднической роли Райского в романе И. А. Гончарова «Обрыв»: «В романе есть и наблюдатель жизни, художник Райский, и романист Гончаров. (...) Так возникло „два потока“ в течении повествования. Они то гармонически сливаются, то расходятся, споря» [2, с. 157]. Современные исследователи так или иначе развивают эту важную мысль Н. И. Пруцкова.

Как известно, роман И. А. Гончарова «Обрыв» по своей структуре представляет собой «текст в тексте», или, по словам известного литературоведа, «роман в романе» [3, с. 393]. Художественная структураромана «Обрыв» неоднородна так же, как и жанровая структура романа Бориса Райского «Вера». Реконструкция романа Бориса Райского «Вера», его анализ позволил Г. Г. Багаутдиновой в 2018 г. написать о том, что «Обрыв» И. А. Гончарова является метароманом [4, с. 149]. Современные исследователи также склоняются к подобной точке зрения [5, с. 155].

Предполагаемое произведение Бориса Райского можно разделить на три части: собранные им материалы, рамочный текст, основной текст. В своём завершённом виде роман Бориса Райского состоит лишь из рамочного текста, основные компоненты которого воспроизводятся в XXIII главе V части романа И. А. Гончарова «Обрыв»: автор – Борис Райский; название – «Вера»; указан жанр – «роман»; обозначена композиция – «в двух частях»; приводится эпиграф из стихотворения Гейне; написан текст «Посвящения» русским женщинам.

Основной текст состоит лишь из одного слова «Однажды...» [6, с. 764]. Кроме того, из содержания романа И. А. Гончарова мы узнаем о том, что основной текст должен включать в себя очерк «Наташа»: «Между кипами литературных опытов, стихов и прозы, он нашел одну тетрадь, в заглавии которой стояло: «Наташа» (...). Думая впоследствии о своем романе, он предполагал выработать этот очерк и включить в роман как эпизод» [Там же, с. 109–110]. Несмотря на то, что рамочный текст и основной текст романа Бориса Райского «Вера», его записки были предметом изучения (см. например: [4], [7]), одной из актуальнейших задач в изучении «Обрыва» является разграничение слова автора-повествователя

и повествователя Бориса Райского. Главная задача – анализ ритма. Методологической базой послужила теория «ритмической прозы» В. М. Жирмунского [8], научные работы об «орнаментальной прозе» Д. С. Лихачева [9] и Н. А. Кожевниковой [10], монография по стилистике и поэтическом синтаксисе Б. В. Томашевского [11].

Графическая маркировка дневника Райского дана в четвёртой части, четвёртой главе «Обрыва»: «Он стал писать дневник», – сообщает нам автор-повествователь [6, с. 542]. Мотивом к написанию дневника служит страсть Райского к Вере. В своей статье мы исходим из того, что в структуре романа И. А. Гончарова «Обрыв» являются два автора: Гончаров (далее – автор-повествователь) – создатель «Обрыва» и персонажа этого же романа Бориса Райского, и автор Борис Райский (далее – повествователь Райский) – сочинитель предполагаемого романа, названного им впоследствии «Вера». Думается, что прямое авторское слово создателя «Обрыва» и «чужое» слово Бориса Райского в структуре романа И. А. Гончарова разграничиваются через прямую речь, несобственно-прямую речь и кавычки.

По мнению М. Ф. Начинковой, «языковой облик Райского не настолько маркирован, чтобы переход на его точку зрения в плане фразеологии <...> всегда был отчетливо заметен» [7, с. 255]. На наш взгляд, представляется возможным говорить о том, что маркировка есть, но осуществляется на уровне художественных компонентов: существенное отличие между Гончаровым-писателем и Райским-писателем проявляется в их художественной манере – поэтике. В отличие от нейтрального повествования автора-повествователя, повествование Бориса Райского ритмизовано и «украшено»: в его дневнике прослеживаются факторы «ритмической прозы» и «орнаментальной прозы».

1. «Ритмическая проза»

О содержании дневника мы узнаём со слов автора-повествователя: *Полились волны поэзии, импровизации, полные то нежного умиления и поклонения, то живой ревнивой страсти и всех её бурных и горячих воплей, песен, мук, счастья* [6, с. 542].

В этом предложении обнаруживаются следующие признаки «ритмической прозы»:

- а) параллелизм словосочетаний, образованных разными однородными членами предложения, дважды соединёнными повторяющимся союзом «то..то» и соединительным союзом «и»;
- б) перечисление однородных дополнений (*поэзии, импровизации, умиления, поклонения;*

страсти, воплей, песен, мук, счастья); определений (*живой, ревнивой; бурных, горячих*);

в) аллитерация звуков [п],[л],[в],[н],[р]. Наиболее частотным в этом ряде созвучий является звук [н] – он повторяется девять раз; наименее частотен звук [р] – повторяется пять раз. Ритмичность, а значит, и упорядоченность текста проявляется и в том, что три звука – [п], [л], [в] – повторяются в этом предложении семь раз; ассонансы тоже создают ритмический рисунок, но они менее частотны и вариативны, в отличие от созвучия согласных;

г) наряду с аллитерирующими согласными, наблюдаются ассонансы [э] – звук повторяется шесть раз, а также созвучие [о], частотность которого составляет пять ритмических единиц.

Таким образом, проанализированное предложение представляет собой несобственно-прямую речь – слово, созданное Гончаровым как писателем, но «переданное» своему персонажу, занимающемуся творческой, сочинительской деятельностью, что позволяет прийти к выводу о том, что Гончаров намеренно ритмизировал фрагменты, «переданные» Райскому как писателю.

«Высший» [8] уровень «ритмической прозы» создает параллелизм предложений:

Изменялись краски этого волшебного узора, который он подбирал как художник и как нежный влюбленный, изменялся беспрестанно он сам, то падая в прах к ногам идола, то вставая и громя хохотом свои муки и счастье. Не изменялась только нигде его любовь к добру, его здравый взгляд на нравственность [6, с. 543].

В данном фрагменте параллелизм простых предложений создается при помощи анафорического зачина словоформ сказуемого «изменяться» (*изменялись, изменялся, не изменялся*). Ритмичность подчеркивается тем, что предложения построены по типу инверсии. Наряду с параллелизмом предложений обнаруживается параллелизм частей предложения, подчеркиваемый повторяющимися союзами и однородными членами предложений: *как художник и как нежный влюбленный, / то падая, то вставая и громя / его любовь, / его здравый взгляд*.

Ритм также создают ассонансы – [а], [о], аллитерации – [н], [к], [л], [д], [в], [т]. Наиболее частотным является повтор [н] – 15 раз, семь раз встречается [д], девять раз – [л]. В звукописи повествователь Райский также стремится к упорядоченности: многие звуки повторяются одинаковое количество раз (по восемь раз повторяются [к], [в], [т]).

2. «Орнаментальная проза»

Автор-повествователь стремится к усложнению ритмического рисунка, даже в пределах одного предложения он использует разные риторические фигуры: симплоку (*Самую любовь он обставлял всей прелестью декораций, / какую обставляла ее человеческая фантазия...* [6, с. 542]; эпифору: *...осмысливая ее нравственным чувством / и полагая в этом чувстве...* [Там же, с. 543]; кольцо: *...как в разуме, «и, может быть, тут именно более, нежели в разуме» (писал он)...* [Там же].

Рассмотрим еще один ритмический фрагмент из дневника Бориса Райского, предварительно разбив его на ритмические синтагмы:

Женщина – венец создания, – да, но не Венера только. // Кошка коту кажется тоже венцом создания, / Венерой кошачьей породы! // Женщина – Венера, пожалуй, / но осмысленная, одухотворённая Венера, // сочетание красоты форм с красотой духа, / любящая и честная, / то есть идеал женского величия, / гармония красоты! [Там же].

Ключевыми лексемами (всего их 40) являются: *женщина* (повторяется трижды), *Венера* (4 раза), *кошка* (3 раза), *красота* (3 раза). Тавтологическая вариация лексем, а также их смысловая «вязь» с другими словами создают тематический, смыслообразующий, ритмический рисунок этого фрагмента.

В гончароведении утвердилась мысль о том, что комическое является одной из определяющих особенностей поэтики произведений писателя. Применительно к романам писателя преимущественно речь идёт о юморе [12]. Наряду с ним, в «Обрыве» встречаются и другие виды комического. Не вдаваясь в интерпретацию образа Венеры Милосской, заметим лишь, что высказывание-хиазм Бориса Райского о том, что *кошка кажется коту Венерой кошачьей породы*, весьма саркастично: проводится параллель между эталонным образом «человечьей» женской красоты, воплощенным в древнегреческой скульптуре, и идеалом такой же красоты в кошачьем мире.

Таким образом, ритм осуществляется как средствами «ритмической прозы», так и факторами «орнаментальной прозы». Перечисляются однородные члены предложения: *осмысленная, одухотворённая, любящая, честная*; создается параллелизм двусоставных предложений, состоящих из одинаковых подлежащих и именных сказуемых с нулевой связкой: *женщина – венец создания // Женщина – Венера*. В свою очередь, подлежащие представляют собой анафорический зачин, а трехкратный повтор лексемы *Венера*,

двукратный повтор слова *красота*, а также словосочетания *венец созданий* образуют эпифору; двукратный повтор лексем *красоты*, *Венера* создаёт фигуру кольца.

3. Полиритмическая проза

«Великая любовь неразлучна с глубоким умом: / широта ума равняется глубине сердца /— оттого крайних вершин гуманности достигают только великие сердца /— они же и великие умы!» — проповедовал он [6, с. 543].

Доминантным художественным приёмом в данном фрагменте является эпифора, которая образуется трижды при помощи разных слов: в первом и четвертом предложениях эпифора создается при помощи слов *умом*, *умы*; в концовке второго и третьего предложений двойной повтор лексемы *сердца* создаёт эпифору; в третьем и четвертом предложениях образуется эпифора со словом *великие*. Повторяются одни и те же слова, но в разной грамматической вариации, вследствие чего и возникают разнообразные фигуры речи: анафора и эпифора лексем *великая* и *великие* создают фигуру кольца; повтор слов *умом*, *ума* на стыке первого и второго предложений порождает фигуру «стык», или «подхват».

Тавтологический повтор слов в разном семантическом контексте создает «смысловую плетенку», по мнению одного из теоретиков «орнаментальной прозы» Д. С. Лихачева [9], являющуюся одним из ритмообразующих признаков «орнаментальной прозы». В данном контексте трижды повторяется слово *великий*, но в сочетании с разными существительными: *любовь*, *сердца*, *умы*.

Рассмотрим другой фрагмент дневника Райского:

«Честная женщина! — писал он. — Требовать этого — значит требовать всего. Да, это всё! Но не требовать этого — Значит, тоже ничего не требовать...» [6, с. 543].

Ритм «орнаментальной прозы» в этом фрагменте создают следующие риторические фигуры: эпифора — во втором и третьем предложениях со словами *всё* и *всего*; кольцо — повтор лексемы *требовать* в начале и в конце второго предложения; утроение создается словоформами *это*, *этого*. Достаточно часто в прозе И. А. Гончарова встречается хиазм: в данном контексте он образуется в результате стилизованной игры со словом *требовать* в его утвердительном значении и употреблением этого же слова, но с отрицательной частицей — *не требовать*.

Таким образом, словоупотребление одной и той же лексемы *требовать*, но в разных грамматических конструкциях образует два ритмообразующих приёма: кольцо и хиазм. Как сочинитель на уровне ритмики Борис Райский весьма прихотлив: используются разные ритмообразующие средства в пределах даже небольшого фрагмента текста.

Рассмотрим еще один значимый фрагмент:

«Веруй в Бога, знай, что дважды два четыре, и будь честный человек, говорит где-то Вольтер, — писал он, — а я скажу — люби женщина кого хочешь, люби по-земному, но не по-кошачьи только и не порасчету, и не обманывай любовью!» [6, с. 543].

Композиционно ритмические средства в данном фрагменте, написанном в форме прямой речи, можно разделить на две части: первая часть представляет собой цитату из Вольтера, вторая — монолог Райского. В первой части высказывания ритм образуется перечислением однотипных предложений с зачинами-сказуемыми, представленными в форме глаголов повелительного наклонения *веруй*, *знай*, *будь*. Во второй части отрывки предложения построены по типу антитестического параллелизма: грамматически соизмеримы повелительные предложения, связанные анафорическим сказуемым *люби*, ритм которых подчеркивается перечислением однородных обстоятельств образа действия, соединённых союзами *но*, *и*. Кроме того, ритм усиливают повторы анафорического союза *и*, отрицательной частицы *не*. Двукратный анафорический повтор лексемы *люби* и концовка последнего предложения с вариацией этого же корня — *любовью* образуют риторическую фигуру кольца. Тематически и структурно концовка сложного предложения соотносится с зачином: сказуемые выражены глаголами повелительного наклонения, семантика которых выражается словами этической направленности. Если соединить первое и последнее предложения, то получится следующее: *веруй в Бога — и не обманывай любовью*. Таков идейно-тематический пафос воззрений Бориса Райского на любовь.

Таким образом, основной (внешний) ритм в данном фрагменте создаётся простыми одноставными предложениями, зачин которых представляют собой глаголы повелительного наклонения, к которым присоединяется тот или иной второстепенный член предложения. Вследствие небольшого объема определённо-личных предложений ритм в них также ощущается отчётливее.

Итак, и несобственно-прямая речь, и прямая речь ритмизованы. На художественном уровне

носителем и создателем обоих высказываний является повествователь Борис Райский. Речь автора-повествователя «Обрыва», в отличие от письменных высказываний Бориса Райского, не ритмизована: ... *всё это глубокомыслие сбывал Райский в дневник, с надеждой прочесть его при свидании Вере, а с ней продолжал меняться коротенькими дружескими записками* [6, с. 543].

После этого «прозаического» абзаца автора-повествователя следует несобственно-прямая речь его, воспроизводящая творческую деятельность Бориса Райского:

От пера он бросался к музыке и забывался в звуках, прислушиваясь сам с любовью, как они пели ему его же страсть и гимны красоте. Ему хотелось бы поймать эти звуки, формулировать в стройном создании гармонии [Там же].

Основным ритмообразующим фактором в этих предложениях является звукопись: ассонансы [а] – повтор звука осуществляется шесть раз, [э] – четыре раза; аллитерации: наиболее частотен звук [с] – его повтор осуществляется одиннадцать раз, звуки [н] и [п] – по шесть раз. Ритм свойственен и другим фрагментам «Обрыва», которые принадлежат Борису Райскому, например, его очерк «Наташа» [4, с. 105].

Таким образом, ритмический рисунок весьма сложен: Борис Райский как литератор использует различные факторы ритмообразования прозы. Речь идет о «ритмической прозе» и «орнаментальной прозе». Как правило, ритмический рисунок создается одновременно обоими видами художественной прозы. Однако зачастую бывает затруднительно однозначно идентифицировать художественный ритмический приём, поскольку он выделяется и на уровне языковой структуры («ритмическая проза»), и на семантическом уровне – лексические повторы, что присуще более «орнаментальной прозе». Однако, в отличие от «орнаментальной прозы», в дневнике Бориса Райского ассоциативное слово обрамляется графически чёткой прозой, поэтому создается эффект не ассоциативной прозы, а структурированной.

«Ритмическая проза» преимущественно создаётся грамматической симметрией, а своеобразие ритма прозы, написанной Борисом Райским, состоит в том, что она одновременно в пределах небольшого фрагмента и грамматически, и орнаментально украшена. Однако орнаментальность прозы создаётся не столько смысловыми «плётками», повторяющимися мотивами и лейтмотивами, не тем, что повторяющиеся лексемы создают новый смысл, а предложениями, образованными разнообразными риторическими фигу-

рами: хиазмом, симплокой, кольцом и пр. Причём усложнённый ритмический рисунок создаётся вариациями небольшого вокабуляра. Употребление различных ритмообразующих средств позволяет прийти к выводу о полиритмичности дневника Бориса Райского. Анализ других произведений Бориса Райского, которые он намеревался включить в роман «Вера», также подтверждают мысль о полиритмичности.

Таким образом, анализ «ритмической прозы» и «орнаментальной прозы» в дневнике Бориса Райского позволяет разграничить точку зрения автора-повествователя и повествователя Бориса Райского – автора ненаписанного романа «Вера», который входит в структуру романа И. А. Гончарова «Обрыв».

Список источников

1. Райнов Т.И. «Обрыв» Гончарова как художественное целое // Вопросы теории и психологии творчества. Т. VII. Харьков: Типография «Мирный труд». 1916. С. 32–75.
2. Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 230 с.
3. Краснощёкова Е. А. И. А. Гончаров. Мир творчества. СПб.: «Пушкинский фонд», 2008. 480 с.
4. Багаутдинова Г. Г. Искусство и художник в романах И. А. Гончарова. Йошкар-Ола: РИЦ МарГУ. 2018. 176 с.
5. Начинкова М. Ф. Мисеенабyme в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 2. С. 154–170.
6. Гончаров И. А. ПСС и писем: в 20 т. Т. VII. СПб.: Наука, 2004. 772 с.
7. Начинкова М. Ф. Записки Бориса Райского и роман И. А. Гончарова «Обрыв» // Летняя школа по русской литературе. 2020. № 3–4. С. 248–263.
8. Жирмунский В. М. Теория стиха. М.: Советский писатель, 1975. 664 с.
9. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
10. Кожеевникова Н. А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 1. С. 55–66.
11. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л.: Учпедгиз. 535 с.
12. Отрадин М. В. Борис Райский в свете комического // Гончаров после «Обломова». Санкт-Петербург; Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. С. 143–161.

References

1. Rainov, T. I. (1916). "Obryv" Goncharova kak *hudozhestvennoe tseloe* [Goncharov's "The Precipice" as a Work of Art]. *Voprosy teorii psikhologii tvorchestva*. T. VII, pp. 32–75. Har'kov, izd. "Mirnyitrud". (In Russian)

2. Prutskov, N. I. (1962). *Masterstvo Goncharova-romanista* [The Skill of Goncharov as a Novelist]. 230 p. Moscow, Leningrad, izd. AN SSSR. (In Russian)
3. Krasnoshchyokova, E. A. (2008). *I. A. Goncharov. Mir tvorchestva* [I. A. Goncharov. The World of Creativity]. 480 p. St. Petersburg, "Pushkinskii fond". (In Russian)
4. Bagautdinova, G. G. (2018). *Iskusstvo i khudozhnik v romanakh I. A. Goncharova* [Art and Artist in I. A. Goncharov's Novels]. 176 p. Yoshkar-Ola, RITS MarGU. (In Russian)
5. Nachinkova, M. F. (2021). *Mise en abyme v romane I. A. Goncharova "Obryv"* [Mise en abyme in Ivan Goncharov's Novel "The Precipice"]. *LetnyayashkolapoRusskoi literature*, Vol. 17, No. 2, pp.154–170. (In Russian)
6. Goncharov, I. A. (2004). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 tomah* [Complete Works: 20 vol.] Vol. VII. 772 p. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)
7. Nachinkova, M. F. (2020). *Zapiski Borisa Rajnskogo i roman I. A. Goncharova "Obryv"* [Boris Rayskiy's Notes and Ivan Goncharov's Novel "The Precipice"]. *Letnyaya shkola po Russkoi literature*. No. 3–4, pp. 248–263. (In Russian)
8. Zhirmunskiy, V. M. (1975). *Teoriya stikha* [The Theory of Verse]. 664 p. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)
9. Likhachev, D. S. (1979). *Poetika drevnerusskoi literatury* [The Poetics of Ancient Russian Literature]. 360 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
10. Kozhevnikova, N. A. (1976). *Iz nablyudenii nad neklassicheskoi ("ornamental'noi") prozoi* [From Observations of Non-Classical ("Ornamenta") Prose]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, Vol. 35, No. 1, pp. 55–66. (In Russian)
11. Tomashevskii, B. V. (1959). *Stilistika i stihoslozhenie* [Stylistics and Versification]. 535 p. Leningrad, Uchpedgiz. (In Russian)
12. Otradin, M. V. (2015). *Boris Raiskii v svete komicheskogo* [Boris Raisky in the Light of the Comic]. *Goncharov posle "Oblomova"*. Pp. 143–161. St. Petersburg; Tver', izdatel'stvo Mariny Batasovoi. (In Russian)

The article was submitted on 26.06.2022
Поступила в редакцию 26.06.2022

Багаутдинова Гульзада Гадильяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
докторант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
gbagautdinova@yandex.ru

Bagautdinova Gulzada Gadulyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Doctoral student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
gbagautdinova@yandex.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-77-88

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ТРУДАХ ИРАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

© Ринат Бекметов, Казем Нежад Дахкаи Седиге

LEO TOLSTOY IN THE WORKS OF IRANIAN RESEARCHERS

Rinat Bekmetov, Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh

Among the problems of modern Russian and foreign Tolstoy Studies, it is necessary to highlight the issue related to the reception of Leo Tolstoy's life and work in the works of Iranian writers, literary critics, publicists and philosophers. This article, of a selective review type, demonstrates the process of perception of Leo Tolstoy by prominent Iranian authors. The collected statements fall within the period between the 1970s and 2010s, with a brief digression to an earlier period that predetermined the direction of judgments about Leo Tolstoy.

Our analysis shows that the Iranian authors not only reflected the facts of the biography and the worldview of the Russian classic writer, but also, to a certain extent, created the image adapted for Persian readers. This image was embedded in the traditional Iranian ideas about a person of high moral and spiritual strength. He was viewed through the prism of key figures of Persian cultural history (Jalaladdin Rumi, Abu Hamid al-Ghazali, Mulla Sadra, etc.). Leo Tolstoy was interesting to the Persian reading public not so much as a master of words, although the important aspect of his work in the Iranian-speaking environment is evidenced by numerous translations of Leo Tolstoy's works into Farsi. Tolstoy was interesting as a moralist philosopher and a preacher, "an ideological person" ("persona ideologica"). It is by no means accidental that there was a discussion in Iranian intellectual circles about whether or not Leo Tolstoy actually accepted Islam at a late stage of his life.

Keywords: Leo Tolstoy, Iran, Persian reception, biography, creativity, image

Среди многих проблем современного отечественного и зарубежного толстоведения необходимо выделить вопрос, связанный с рецепцией жизни и творчества Л. Н. Толстого в трудах иранских писателей, критиков, литературоведов, публицистов и философов. В статье, носящей выборочно-обзорный характер, продемонстрирован процесс и результат восприятия Л. Н. Толстого видными иранскими интеллектуалами. Хронология собранных высказываний – в промежутке между 1970-ми и 2010-ми годами с кратким экскурсом в более ранний период, предопределивший основной вектор суждений о Л. Н. Толстом.

Проведенный анализ показывает, что иранские авторы не только отражали факты биографии и мировоззренческую систему русского писателя, но и в определенной мере создавали его образ, адаптированный для персидских читателей. Он вполне органично встраивался в структуру традиционных представлений о человеке бескомпромиссной нравственно-духовной силы и неординарного ума. Его рассматривали сквозь призму ключевых фигур персидской национально-культурной истории (Джалаладдин Руми, Абу Хамид ал-Газали, Мулла Садра и др.). Л. Н. Толстой был интересен персидской читательской публике не столько в качестве художника слова, творца великой литературы, хотя о важности этой грани творчества писателя в ираноязычной среде свидетельствуют многочисленные разновременные переводы толстовских произведений на фарси, сколько в качестве крупного философа-моралиста и проповедника веры, которая объединяет людей, «человека идеологического» («persona ideologica»). Далеко не случайным выглядит тот факт, что в иранских просвещенных кругах на первых порах освоения ими Л. Н. Толстого шла дискуссия о том, принял ли в действительности он ислам в поздний этап своей жизни, стал ли он тем самым для Ирана «своим» и по системе религиозных убеждений.

Ключевые слова: Лев Толстой, Иран, персидская рецепция, биография, творчество, образ

Имя Л. Н. Толстого – одно из известных русских имен в иранской культуре наряду с именами А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова.

С Толстым персидский читатель познакомился в начале XX века благодаря тому, что художественное творчество великого яснополянца и в особенности его моральная философия активно

распространялись по всему миру. О Толстом персидский читатель узнавал прежде всего через литературные переводы. Они публиковались – на раннем этапе освоения – по преимуществу в газетах и журналах; позднее стали выходить в свет отдельные книжно-печатные издания. Вместе с тем переводы не были единственным источником знакомства персидского читателя с Толстым. Огромную роль в его адаптации на персидской культурной почве играли (играют и поныне) статьи иранских критиков, филологов-литературоведов, публицистов, философов и богословов. Их тексты содержали не только разбор произведений Толстого, в них излагались его биография и мировоззрение.

В иранской культуре сложился особый образ Толстого, тесно связанный с константами персидской картины мира. Чрезвычайно интересно понять, как этот образ формировался, какими смыслами наполнялся, как трактовался – одним словом, в каком подвижном соотношении находились в этом образе объективно-биографические детали, о которых писали иранские толстоведы, и национально-культурные факторы, с помощью которых происходила постепенная адаптация Толстого в просвещенной иранской среде. Чтобы прояснить этот вопрос, попробуем дать краткий обзор трудов на персидском языке (в период с 1970-х по 2010-е годы), посвященных взглядам Толстого. Это в основном аналитические работы, в содержательном плане находящиеся на грани философских размышлений, литературоведческих штудий, религиозной критики и публицистики. Для восточного мышления подобная недифференцированность привычна, ибо в нем господствует установка на синтетическое постижение чужого миропредставления, и, пожалуй, для Толстого она более чем справедлива, оправданна (вспомним его категоричное и обоснованное нежелание ограничивать «Войну и мир» рамками исторического романа или иными жанровыми и стилевыми модификациями, так что подходящим словом для определения формы текста стала бы хотя и зыбкая и слишком обобщенная, но достаточно четко применимая к курсам толстовского сознания лексема «книга»).

Надо сказать, что иранскую читательскую публику – во всяком случае, в самый ранний период знакомства – интересовал Толстой не как целостный и завершенный феномен, а как явление, состоящее из разных граней. Персидского читателя привлекали в Толстом духовные искания, и, как правило, рассказ об этом аккуратно внедрялся в канву последовательного биографического повествования. Так, уже в статье «Молодые годы Толстого» ирано-курдского историка,

переводчика, лингвиста и поэта Рашида Йасеми (1895–1951)¹, написанной в 1931 году и опубликованной в журнале «Восток», заданы некоторые параметры конструирования персидского образа Толстого [1]. Автор выборочно перечисляет вехи ранней жизни Толстого: не упоминая по какой-то причине факта его учебы на восточном отделении Императорского Казанского университета, он пишет о службе Толстого на Кавказе, его участии в Крымской войне, деятельности, связанной с открытием крестьянских школ в Ясной Поляне, свадьбе Толстого и подробно останавливается на духовном кризисе писателя 1880-х годов, что находится в определенном диссонансе с названием статьи и ее основной темой. Автор обходит стороной вопрос об индивидуальной причине этого кризиса, а также историческом фоне, на котором он протекал. Он лишь лаконично констатирует, что Толстой искал Бога. Это и не удивительно, поскольку тема богоисканий в персидской культуре является основополагающей, стержневой. Р. Йасеми, в частности, пишет: «Толстой, не найдя ответов на свои вопросы, обратился к опыту мировых религий. Среди множества суеверий, про-

¹ Голам-Реза Рашид Йасеми (العرضا رشیدی اسمی), Gholamreza Rashid Yasemi) родился 19 ноября 1895 года в городке Гехваре (Геваре), расположенном на западе Ирана, в провинции Керманшах (в ее национальном составе преобладали курды). Начальное образование получил в Керманшахе – одноименном административном центре этой области, после чего уехал в Тегеран. В столице он продолжил образование (франкоязычная католическая миссионерская школа), после чего активно публиковался в местной газетно-журнальной периодике. В 1917 году вместе со своими друзьями-единомышленниками основал иранское литературное общество «Данешкаде» (انجمن ادبی دانشکده) Daneshkadeh Literary Society). Через год у него появился собственный орган печати – ежемесячный журнал «Данешкаде» («Факультет»), главную задачу которого редакторы видели в распространении литературных новинок на персидском языке без нарушения традиционных канонов, установленных прославленными мастерами прошлого, – иными словами, цель определялась синтезом проблемно-тематических новаций с утвержденными художественными нормами. В журнале имелся отдел критики, издавались переводы произведений западноевропейской классики (Ж. Лафонтен, Ф. Шиллер, А. Дюма и др.). Несмотря на то что журнал просуществовал недолго (в 1920 году он был закрыт в силу финансовых трудностей, общий тираж составил около 500 экземпляров, каждый выпуск в объеме – от 50 до 70 страниц), его влияние на литературную жизнь Ирана носило заметный характер. В целом творчество Р. Йасеми лежит на границе двух знаковых систем: модернистской поэтики и классического наследия. Умер Р. Йасеми 9 мая 1951 года в Тегеране, похоронен там же.

низывающих религиозное сознание, он нашел свет надежды и сказал, что религия связывает бесконечное с конечным. Вся деятельность творений связана с Творцом, и эта связь демонстрирует единство вселенной, мира»² [Там же, с. 280]. Для Толстого, по мысли автора, религия – ответ на сущностные вопрошания человеческого ума, форма преодоления его несовершенств. В ней наиболее внятно актуализирован момент бессмертия души, так что «разрушение тела не делает человека смертным», «смысл жизни и путь спасения заложен исключительно в основных религиозных учениях» [Там же, с. 281]. Все это относимо к содержанию хорошо изученных взглядов Толстого; сюда, кстати, можно включить и то суждение писателя, в соответствии с которым человеку Востока нет необходимости искать истину на стороне: она так или иначе заложена в той традиции, к которой он принадлежит по природе, естественному праву, в силу своего рождения в ее недрах. Тем не менее важен акцент на религиозно-философской составляющей толстовских представлений, созвучных иранской нации.

Мысль о приоритетности богоискательства в творчестве Толстого была подхвачена Мохаммадом Али Эслами Нодушаном (род. в 1925 году), иранским поэтом, критиком и литературоведом³, в статье с характерно-символическим названием «Толстой – Мевлана новой эпохи», изданной по-

очередно тремя частями в журнале «Извлеченное богатство» в 1974 году [3], [4], [5].

В этой статье автор соотносит Толстого с Джалаладдином Руми (Мевланой), средневековым персидским поэтом-суфием, но правильнее было бы сказать, что он прочитывает Толстого, интерпретирует его картину мира сквозь призму своих знаний о жизни и творчестве Руми.

В начале большой статьи М. Эслами Нодушан подчеркивает парадоксальность такого сближения. Он указывает на то, что русского и персидского классиков разделяет не только культурно-географическое пространство – они находятся на заметно ощутимой историко-хронологической дистанции. «Возможно, читатели будут удивлены тем странным обстоятельством, что я сравниваю два имени, Толстого и Джалаладдина Руми. По времени они разделены более чем шестью веками; один из них принадлежит славянской ветви европейской культуры, которая является продуктом синтеза греческой мысли и христианской религиозности, а другой связан с мусульманской культурой Ирана; один из них был свидетелем развития промышленной цивилизации и тех последствий, которая она несла миру, а другой жил в эпоху расцвета средневековья. Теперь зададимся вопросом: в чем заключается сходство этих титанов, кроме их величия? Согласимся, что величие само по себе – немалое сходство, независимо от того, где и когда оно возникает...» [3, с. 703]. Отвечая на этот вопрос, М. Эслами-Нодушан пишет, что и Толстой, и Руми искали истину. Оба они были – «беспокойными гениями» («بی‌قرارانِ آراء»). Их интересовала истина в наднациональном и сверхкультурном значениях этого слова. По М. Эслами Нодушану, Толстой не знал о Руми и не читал его произведений⁴. Основа для их сближения лежит не в за-

² Все приводимые и анализируемые в данной статье труды иранских авторов-толстоведов до сих пор на русский язык не переводились. Здесь и далее подстрочный перевод с фарси – Казем Нежад Дахкаи Седиге, обработка в соответствии с правилами русской грамматики – Р. Ф. Бекметова.

³ Мохаммад Али Эслами Нодушан родился в городке Нодушан провинции Йезд (центральная часть Ирана). Учился сначала в Йезде – одноименном административном центре этого региона страны, затем в Тегеране, получив по завершении учебы на юридическом факультете местного университета степень бакалавра. Продолжил образование в Парижском университете Сорбонны, защитил там докторскую диссертацию и вернулся в Иран, проработав несколько лет в должности судьи, после чего оставил службу и переключил все внимание на преподавательскую и исследовательскую (филологическую) деятельность. С конца 1960-х годов читал в Тегеранском университете множество курсов по теории и истории литературы (не только персидской, но и мировой). В Иране его знают как специалиста-литературоведа, хотя под псевдонимом «М. Дидевар» он публиковал и художественные тексты. Отдельные произведения автора переводились на русский язык, см.: [2, с. 136]. Основатель культурного фонда «Персия Фирдоуси».

⁴ Это, разумеется, не так. Как показали современные иранские литературоведы, отдельные рассказы «Русских книг для чтения» восходят к древним персидским текстам, о которых Толстой, владея европейскими языками, знал из вторичных литературных обработок. Так, Н. Насири установила, что сюжет толстовской басни «Лев, Осел и Лисица» заимствован из соответствующей дидактической новеллы первой книги «Маснави Манави» Руми [6, с. 80]. Кроме того, исследователи Ирана аргументированно пишут о том, что пересказ Толстым в письме к священнику Ивану Ильичу Соловьеву от 8 июля 1908 года фрагмента «одной арабской поэмы» на самом деле является подробным объяснением поэтической притчи Руми «Моисей и Пастух» (об этом косвенно: [7, с. 18–19]). Напомним, что в письме к И. И. Соловьеву Толстой делился соображениями о том, как следовало бы воспринимать его, автора «Войны и мира», окружающими людьми – в качестве человека, имеющего обо всем

имствований Толстого из Руми, а в едином источнике их обращений – древней индийской философии. «Мы не уверены, – признается автор, – что Толстой вообще знал Руми по имени. Его знакомство с его интеллектуальными трудами, а именно с мистическими сочинениями также для нас неясно. Единственный общий источник мысли, который можно обнаружить, – это мистические и религиозные идеи Индии; они, с одной стороны, через явление иранского мистицизма повлияли на мировоззрение Руми, а с другой –

несовершенное представление, которое, однако, в «глазах» Бога оценивается высоко, потому что целиком проистекает от сердца, диктуется душевными порывами и не содержит ничего плохого, злого или темного. В подтверждение необходимости такого восприятия себя Толстой привел «легенду» о том, как Моисей, странствуя в пустыне, встретил пастуха, который молился, прося Бога о снисхождении и обращаясь к Нему как к человеку, то есть наделяя Его антропологическими чертами и качествами («я обувал бы тебя, я мыл бы твои ноги и целовал бы их, я расчесывал бы тебе волосы, стирал бы тебе одежду, убирал бы твоё жилище и приносил бы тебе молоко со своего стада»). Моисей был возмущен подобным богохульством, настойчиво, с жаром говоря, что Бог бестелен, Он – Создатель, Творец и по определению ни в чем не нуждается. Пастух растерялся: он понимал Бога по-своему... Когда же Моисей оставил пастуха, Бог обратился к пророку, сказав ему, что тот поступил дурно и неблагоприятно, поскольку пастух в своем отношении к Нему был искренен и чистосердечен. Важнее не слова, которыми человек пользуется, а сердце, с которым он молитвенно взывает к Нему [8, с. 178–179]. Эту «легенду» Толстой позднее включил в «Путь жизни» с указанием на ее арабской происхождение («Есть такой арабский рассказ...») [9, с. 63]. Она была извлечена им из VI главы «Московского сборника» за 1897 год (издание К. П. Победоносцева). При этом следует отметить, что здесь в начале повествования о Моисее и пастухе имя Руми упоминается! Автор проповеди («Московский сборник» представляет собой их собрание), не называя поэму, приписывает создание притчи «учителю Джелалледину»: «В одной арабской поэме встречается такое поучительное сказание знаменитого учителя Джелаледина...» [10, с. 163]; «арабское» тут, по-видимому, подразумевает все, что написано арабскими буквами, не обязательно являясь творением арабского народа, это синоним «мусульманского». Более того, в следующей, VII главе Руми «аттестован» по всем правилам справочно-информативной литературы («Древний Персидский Поэт Мухаммед Руми (13 столетие. – Р. Б., К. Н. Д. С.)» – автор знаменитой поэмы *Маснави*) с выборкой отрывка о молитве, которая достойна верующего (упоминание Бога само по себе служит фактом Его присутствия в сердце человека, «в одном твоём слове „о, Господи“ множество отзывается голосов: „Я здесь с тобою“») [10, с. 163–164].

Толстой, знакомясь, наслаждался ими, получал гносеологическое удовольствие» [3, с. 703–704]. При этом если для Руми как человека своего времени был принципиален мистический элемент индийских учений, то Толстой как личность с просветительскими взглядами отрицал его значимость, вернее – признавал несущественность мистики и того пути существования, который ставился ею во главе угла, настаивая на том, что поскольку она в корне не познаваема, то лучше жить просто, не думая о ней и в каждодневной практике на добрую и непосредственную полагаясь любовь к ближнему, без ненужных, уводящих далеко в сторону, «спекулятивных» абстракций⁵.

Вместе с тем не только индийская философия повлияла на Толстого. Весь культурный Восток был освоен им (начало этого процесса, по М. Эслами Нодушану, было положено в кавказский период жизни писателя). Ненасильственный путь противостояния злу – следствие как внутреннего перелома, произошедшего в душе Толстого, так и серьезного изучения им основополагающих канонов индуизма, буддизма, древнекитайской философско-религиозной системы по версии Конфуция. В поздние годы Толстой активно переписывался с интеллектуалами Индии, Китая и Японии. Идеи Толстого, не забывает сказать иранский автор, были заимствованы Махатмой Ганди и другими деятелями современной русскому писателю индийской культуры, которые утверждали, что, если бы Толстой родился в Индии, он обязательно стал бы воплощением Пуруши или Кришны.

⁵ Позиция Толстого, между прочим, не исключала его необычного отношения к снам как форме интуитивного постижения мира. Так, если не брать во внимание художественные опыты писателя и ограничиться его высказываниями о снах, зафиксированными близким кругом современников, то создается картина понимания Толстым важности сновидений в судьбе человека. В. Ф. Булгаков в своем дневнике сохранил свидетельства этого, см.: «Лев Николаевич рассказывал о сне, который видел в ночь сегодня...» (сон описывал убийство Толстого железным колом как отступника веры, «еретика», что не мешало писателю «воскреснуть» и убежденно проповедовать «свое»; В. Ф. Булгаков, правда, не описывает эмоционального состояния Толстого во время этого рассказа, реакции слушающих на него, сразу переходя на темы, как ему кажется, значительные: «Были за обедом разговоры и более серьезные»), «Заговорили о снах <...>. Сны – это удивительное явление, – говорил Лев Николаевич. – Совершенно справедливо изречение Паскаля, что если бы сны шли в последовательности, то мы не знали бы, что – сон, что – действительность» [11, с. 71, 80].

Касается М. Эслами Нодушан и отдельных биографических моментов. Так, он пишет, что в юности Толстой вел разгульный образ жизни, увлекался азартными играми и женщинами легкого поведения, участвовал в военных действиях, однако в зрелый период понял, что жил неправильно. Осознание подлинного смысла жизни привело его к «опрощению». Толстой стал «стыдиться своего аристократизма и богатства» [3, с. 706], вместо роскошных одежд предпочитал простую холщовую рубашку, умерял себя в еде, ходил пешком. Руми так же, будучи по происхождению членом благородного семейства, вел аскетический образ жизни («отказался от семейной привязанности и обратился к поэзии» [Там же, с. 707]), пропагандировал его: не отягощая себя лишними вещами, человек, по убеждению Руми, может быть ближе к Богу, способен слышать, чувствовать Его. Примечательна в обоих случаях неожиданность духовного поворота-преображения: как Толстой внезапно для внешнего наблюдателя отказался от привычек того сословия, к которому принадлежал по рождению, так Руми круто изменил судьбу на пике славы, уйдя в странное затворничество, протекавшее в форме опьяненных танцев, хлопанья в ладоши и писания аллегорических стихов [4, с. 12]. И Толстого, и Руми нередко, особенно на первых порах их внутреннего перелома, воспринимали в качестве безумцев.

Любопытно портретное сравнение, которое проводит М. Эслами Нодушан. Главное сходство он усматривает в том, что и Толстой, и Руми испытывали недовольство своим внешним видом. «Толстой, с широким носом, большими ушами, впалыми щеками, маленькими глазками и пухлыми губами, считал себя некрасивым и воображал, что счастье не придет к тому, у кого такой нос, такие губы и такие глаза, и сам признавался, что был когда-то готов отдать все, лишь бы стать красивым» [3, с. 708]. Руми, судя по традиционным описаниям, был высок и строен. Тем не менее излишне овальное лицо и худощавость тела его очень смущали.

Требуется разъяснения схожесть одной «ситуации», на которую указывает М. Эслами Нодушан. Он пишет: «В своих воспоминаниях о детстве Толстой рассказывает, что, когда его раздели догола для купания и поместили в таз, он впервые заметил, какое у него слабое костлявое тело. Чем-то это признание похоже на рассказ Руми, в котором повествуется о том, как однажды он пошел в баню и там, взглянув на собственное тело, проникся жалостью к нему: таким немощным оно показалось Руми. Он сказал:

„Всю жизнь я никого не стеснялся, но сегодня мне совестно за свое худое тельце“» [3, с. 708].

В случае Толстого речь, конечно, идет о незаконченном автобиографическом очерке «Моя жизнь» (1878). В нем писатель вспоминал об ощущениях первых пяти лет жизни. В представленных отрывках поражает то, с какой тщательностью он воспроизводит положения, относимые к области бессознательного и потому трудно выражимые в словах. «Я сижу в корыте, и меня окружает странный, новый, не неприятный кислый запах какого-то вещества, которым трут мое голенькое тельце. Вероятно, это были отруби, и, вероятно, в воде и корыте меня мыли каждый день, но новизна впечатления отрубей разбудила меня, и я в первый раз заметил и полюбил мое тельце с видными мне ребрами на груди, и гладкое темное корыто, и засученные руки няни, и теплую парную страшную воду, и звук ее, и в особенности ощущение гладкости мокрых краев корыта, когда я водил по ним ручонками» [12, с. 470]. Толстой, однако, констатируя малый размер детского тела и грудные ребра, не переживает чувства жалости или сострадания к себе. Его рефлексия более глубинна и первозданна, она связана с экзистенциальным самопознанием и самоузнаванием, с тем прикосновением к бытию в его конкретном выражении, которое столь тонко и обостренно осязается в детские годы, когда мир открывается в ракурсах нескончаемого удивления. Не случайно Толстой в продолжение отрывка размышляет над самим феноменом жизни и приходит к выводу, что наличный мир – это пространственно-временная форма, к которой вынужденно приспособляется все живое, подчиняется, находясь в ней, по всеобщему и непреложному закону и от которой оно освобождается, когда человек умирает. В этом плане парадоксально, что рождение (от зародыша до новорожденного) и смерть – две перекликающиеся точки онтологической цепи, в них громкогласно заявляет о себе бестелесность, небытие, откуда человек приходит и куда он уходит, когда живое прекращает пребывать, располагаться в нем⁶.

⁶ У Толстого об этом написано так: «... вся жизнь наша есть большее и большее подчинение себя этим формам и потом опять освобождение от них» [12, с. 470]. В близком словесном ряду эту мысль высказывала Толстому его двоюродная тетка Александра Андреевна Толстая, находившаяся с ним в длительной переписке. В письме от 18 апреля 1858 года она, делясь впечатлением от прочитанной рукописи рассказа «Три смерти» и одновременно подвергая его разбору, поясняла, что смерть мужика-бобыля (в тексте, написанном на французском языке, он упорно назван ею по-русски – «извозчиком»), может быть, бу-

Не преминул М. Эслами Нодушан сказать о физической силе и выносливости двух гениев. Толстой обладал на редкость крепким телосложением, служил в армии, был охотником и прекрасным наездником (в последнем случае – до преклонных лет); будучи пожилым человеком, он катался на коньках, ездил на велосипеде, играл в теннис и лапту, занимался гимнастикой и плавал, пешие прогулки по утрам стали для него родом молитвы. Аналогично Руми был легок на подъем, энергичен, ловок и быстр; это проявилось в его умении подолгу и самозабвенно кружиться в суфийском танце во время зикра – обряде поминания Аллаха.

Затронул М. Эслами Нодушан вопрос о том, почему Толстой ушел из Ясной Поляны. С его точки зрения, это событие могло случиться потому, что Толстой чувствовал, как велико различие между его словом и делами, представлением о правильной жизни и ее реальным соответствием праведному идеалу. Этот кризис, поясняет иранский литературовед, лежал в сфере психологических состояний. Схожий кризис пережил Руми, который оставил дом и отправился в далекий путь, чтобы не терять ощущения постоянной близости к Богу. «Две великие смерти, – заключает М. Эслами Нодушан, – Толстого и Руми, похожи они или нет, объединяет то, что обе они отличались от смертей других людей» [5, с. 73].

Статьи М. Эслами Нодушана о Толстом являются методологическими: они задавали главные ориентиры понимания Толстого для последующих иранских авторов.

Например, та же линия на русско-персидское сравнение представлена в статье современного литературоведа Можгана Мохаммади (род. в 1963 году) «Ал-Газали и Толстой в поисках смысла жизни», опубликованной в журнале «Философия и калам» в 2007 году [15]. З. Мохаммади отмечает, что и Толстой, и ал-Газали, выдающийся персидский средневековый богослов, создали «личную религию» путем трансформации сложившихся религиозно-философских воззрений. Эта «личная религия» была их образом жизни, а не только упорядоченной системой взглядов. Она возникла в результате душевного переворота. Для ал-Газали таким импульсом стали размышления о тщетности земного, убежденность о том, что до сих пор он жил, растративая отпущенное Богом драгоценное

время, впустую. Для Толстого выбор нового пути развития носил ярко выраженный экзистенциальный характер, и он обуславливался биографическими фактами: смертью старшего брата Николая, которого Толстой любил, смертью преступника на гильотине, которую писатель наблюдал вблизи, находясь в Париже, куда он приехал по педагогическим делам. Интересное уточнение дается в статье к понятиям «веры» и «верующего человека». Толстой, по мнению З. Мохаммади, считал, что «если у верующего имеется осмысленная жизнь, он спокоен и полностью свободен от забот и тревог, которыми обуреваем неверующий. Отсюда – Толстой не считал истинно верующими тех, кто был верующим, но при этом боялся смерти, страданий и лишений» [15, с. 29]. Толстой старался достичь истины эволюционным методом, комплексно, используя весь арсенал знаний, находившихся в его распоряжении. Но наука только усиливала его сомнения, утверждает иранский автор, усугубляла разлад вместо того, чтобы внести тишину и гармонию. Точно так же ал-Газали обретал истину жизни: в мучительном поиске, через преодоление чувства ее бессмысленности и расширение эпистемологических границ, когда разумному скепсису подвергается совокупность позиций, считающихся в общественном сознании неизблемыми, оваянными пеленой, туманом традиционализма. Как и Толстой, ал-Газали стремился жить в уединении, сосредоточенно, исполняя ту единственную цель, которую возложил на него Бог, – любить ближнего и раскрываться во всей полноте этой всеблаготворной любви.

В коллективной статье современных иранских литературоведов «Сравнительное изучение образов в произведениях Дж. Руми и Толстого», напечатанной в журнале «Литература и языки» в 2014 году, контуры исследовательской линии М. Эслами Нодушана обрисованы более явно [16]. Авторы берут на анализ конкретные произведения двух писателей: притчу Руми «Спор четырех человек о винограде» и рассказ Толстого «Где любовь, там Бог». Они находят много сходного в этих сочинениях и прежде всего в основной идее: различие людей – всегда мнимое, как бы ни отличались люди внешне и по произносимым ими словам, «врата истины» открыты для всех без исключения, и они, эти «врата», располагаются в сердце; нет ничего выше любви к ближнему. «В своей притче Руми объясняет, что люди отличаются друг от друга по речам и наружности. Но там, где врата <двери> истины открыты для людей, различия устраняются, и воцаряется спокойствие. Толстой в своем рассказе также проводит различие между верованиями.

дучи никак не отрефлексированной, уподоблена «концу животного – из небытия вышел, в небытие возвращается» («Autrement il a l'air de finir comme une brute – sorti du néant et retombant dans le néant») [13, с. 106], см. также: [14, с. 282].

Он считает, что разница эта не имеет прочной основы, потому что все люди поклоняются одному и тому же Богу и верят в одну и ту же истину» [Там же, с. 123]. Центральный принцип толстовской морали состоит в том, что «люди, любящие истину, никогда не должны настаивать на различиях между религиями и несовершенстве каждой из них, но должны подчеркивать их единство как залог мира, порядка в нем» [Там же, с. 124]. Руми в притче указывает на то, что социальные конфликты проистекают от незнания, невежества, суть проблемы – в них. Кроме того, первостепенное значение для Руми имеет эзотерическое чувство, делающее сердце человека чистым, как полированное зеркало («сердце, очищенное от пятен эгоизма» [Там же, с. 125]).

В статье Мерзийе Яхьяпур⁷ «Взгляд на эволюцию мировоззрения Льва Николаевича Толстого (по мотивам „Анны Карениной“» (журнал «Научное исследование» за 2000 год [18], см. сокращенный вариант на русском языке: [19]) показана динамика перемен в воззрениях Толстого, приведших его к кризису, необходимости пересмотра прежних взглядов на мир и человека. По утверждению автора, это произошло в период написания романа «Анна Каренина» и отразилось в архитектонике произведения. М. Яхьяпур делит роман на две условные части. В первой дается развернутое представление о жизни (быте, семье, людских отношениях) с точки зрения Толстого как человека и сочинителя, во второй продемонстрирован ход его суждений о героине, писатель в деталях изучает причины, которые подвели женщину к нравственной катастрофе и страшной физической гибели. Статья содержит большие выжимки из биографии Толстого, свидетельствующие в числе прочего о том, что в 1870-е годы Толстого увлекали морально-философские вопросы, а политические были отодвинуты на значительно более позднее время.

Ничего принципиально нового в работе М. Яхьяпур, пожалуй, нет. Ее исследование внутреннего мира романа укладывается в хрестоматийные схемы, хотя одну параллель из ряда религиозно-культурных целесообразно при-

вести, ибо она – производная общекультурной логики иранских читателей. Демонстрируя лежащую на поверхности текста линию интерпретации, М. Яхьяпур пишет о «семейной мысли» романа, двух противопоставленных сюжетно-фабульных линиях (семействах Карениных и Левиных), автобиографическом подтексте в изображении Левина, понимании Толстым брака и счастья («женщина – хранительница семейного очага, и ее главная обязанность – быть матерью и растить детей» [18, с. 7]), отдельное внимание уделяется образу Анны Карениной и тому греховному поступку, который она совершила. Приведем характерную цитату, которая выдает специфически восточную оценку толстовской героини. «В романе Толстой изображает постепенное изменение душевного состояния Анны и демонстрирует разрушительную, деструктивную силу ее чувственного, плотского вожделения. Если в начале романа, до встречи с Вронским, Анна – самодостаточная в позитивном смысле женщина, целомудренная, довольная жизнью, любящая своего сына Сережу мать, то после знакомства с Вронским Анна решительно меняется. Она превращается в дурную женщину, беспечную мать, ее распутство оборачивает любовь в ненависть. Толстой объясняет это <действием> силы греховной любви» [18, с. 8]. Любви, основанной на эгоизме, противостоит «чистая супружеская любовь», связанная с религиозно освященным долгом [18, с. 8]. Примером женщины, которая сохраняет этот высокий долг, является Кити, жена Левина: она – человек, который «придерживается семейно-родовых корней и хранит вековые традиции», «мудрая, опытная, целомудренная жена», соблюдающая «непреклонные социальные и моральные законы» [18, с. 9–10]. Анна, таким образом, их нарушает. Тем не менее «Анна Каренина» – это роман о семейном счастье и способах его достижения. Счастье, объясняет М. Яхьяпур, возможно в результате совместных усилий, обоюдного свободного стремления супругов к высшей духовной связи, за которой «сияет подлинная вера в Бога» [18, с. 12].

В контексте сказанного интерес вызывает та мусульманская параллель к толстовской идее о единстве веры независимо от того, к какой конфессии люди принадлежат по формальному критерию, которую исследовательница приводит. Она обнаруживает ее в 165 аяте второй коранической суры «Аль-Бакара» («Корова»), а также в 27 и 31 аятах четвертой суры «Ан-Ниса» («Женщины»).

Поводом для обращения к данным сурам стали слова Левина, сказанные самому себе, во

⁷ Мерзийе Яхьяпур (род. в 1957 году) – женщина-профессор кафедры русского языка и литературы, заместитель декана по учебной работе факультета иностранных языков и литературы Тегеранского университета, главный редактор «Исследовательского журнала русского языка и литературы» («*نمونه‌ای از ادبیات ایران و*» («*образцы литературы Ирана и*»)), член редакционных коллегий многих иранских научных журналов, автор многочисленных статей и монографий (в том числе на русском языке), переводчик русской классической литературы на фарси. О ней см.: [17].

внутреннем монологе по выходе из детской комнаты после короткого разговора с Кити (часть VIII, главы XVIII и XIX). М. Яхьяпур ограничивается лишь одной фразой из этого монолога, между тем важен как общий психологический план появления и развития левинских мыслей, так и их сцепленность друг с другом, логическая и этическая взаимозависимость. Толстой описывает ночное небо⁸, на котором Левину сначала, когда он шел в детскую, проходя через террасу, открылись две звезды, а потом, когда он вышел и остановился, облокотившись на перила террасы, – приближающиеся тучи с далекой молнией и громом. Глядя на небосклон («свод, который я вижу, не есть неправда»), Левин пытается додумать то, что он от себя скрывает: можно ли в самом деле соединять добро только с церковно-христианским учением? Ведь на свете живут буддисты и мусульмане, которые в аналогичной мере исповедуют добро, больше того – претворяют его в конкретных делах. Размышляя, герой приходит к выводу: добро, благодаря которому человек сопряжен с миром, универсально, добро есть всеобщий нравственный закон, оно безотносительно к формам веры; добро подобно небу, о звездах которого можно сказать, что для наблюдателя они движутся вокруг неподвижной земли; как небо – объект созерцания «для миллионов людей в продолжение веков», благодаря чему осуществляется сокровенная связь единичного человека с теми поколениями, которые жили до и будут жить после него, так добро одинаково для всех, хотя Левину его смысл и был открыт в христианском каноне («... евреи, магометане, конфуцианцы, буддисты – что же они такое?... Неужели эти сотни миллионов людей лишены того лучшего блага, без которого жизнь не имеет смысла?») [20, с. 395–397]. Показательно, что эти размышления, несомненно, связанные с духовно-творческим кругозором самого Толстого, завершают роман, придавая финалу яркое «мажорное» звучание и широкую концептуальную перспективу (искренность верующего – человека пути, постоянных и напряженно протекающих поисков с неизбежными заблуждениями, возвратом к исходной точке и новому, очередному витку движению-подъему – много выше его конфессионально-религиозной принадлежности).

В 165 аяте второй суры Корана говорится: «Встречаются среди людей такие, кто поклоняется идолам помимо Аллаха и любит их так же, как любит Его. Но сильнее любит Всевышнего тот, кто уверовал. О, если бы нечестивцы могли

знать, – а узнают они это, когда постигнет их наказание <в день Судный>, – что могущество принадлежит одному Аллаху, что суров Он в наказании» [21, с. 29]. Чтобы было правильно понято мнение М. Яхьяпура, надо пояснить: этот аят провозглашает полное единобожие, он отвергает язычество как ошибочную дорогу жизни, что, с одной стороны, как будто находится в противоречии с толстовской убежденностью в едином характере человеческого существования; поэтому, с другой стороны, вернее было бы дополнить 165 аят 170-ым, в котором сказано о приоритете скептического отношения к тем истинам, которые кажутся неизменными, поскольку они впитаны с молоком матери и как будто автоматически, априорно должны быть непреложными, доказанными: «Когда говорят им <многобожникам, „нечестивцам“>. – Р. Б., К. Н. Д. С.: „Следуйте тому, что Аллах ниспослал <вам>“, – они отвечают: „Нет! Следовать будем тому, на чем заставляли отцов наших“. А если не разбирались ни в чем отцы их и не ведали пути истинного?» (курсив наш. – Р. Б., К. Н. Д. С.) [21, с. 29]. В 27 и 31 аятах четвертой суры Корана рассказывается об одержимой страсти, которая владеет человеком и создает зримые контуры его поступков в реальном жизненном пространстве; преодоление страсти лежит в русле раскаяния, за что Бог дарует милость и всепрощение (образ Анны Карениной): «Хочет Господь простить вас. А страстолюбцы пытаются уклонить вас как можно дальше <от прямого пути>... Если будете избегать вы грехов больших, которые запрещены вам, то простим Мы прегрешения ваши <мелкие> и введем вас чрез врата благословенные <„введем в рай“>» [21, с. 80–81].

В последовательном компаративном ключе освещают философию жизни и смерти / бессмертия Толстого и Муллы Садры авторы статьи «Сравнительная оценка взаимосвязи бессмертия и смысла жизни в представлениях Льва Толстого и Муллы Садры» (журнал «Философия и калам» за 2017 год [22]). В этом по-своему оригинальном научном тексте затрагиваются актуальные вопросы, имеющие значение для понимания сущности экзистенциальных тем, которые разрабатывались в русской антропологической философии и персидском богословии. Обращение к фигуре Муллы Садры в этом плане, несмотря на хронологическую дистанцию, представляется и обоснованным, и знаменательным.

Садр ад-Дин Мухаммад Кавами аш-Ширази (1571–1636), более известный в Иране как Мулла Садра, – средневековый философ-мистик, основная заслуга которого состоит в том, что он сумел синтезировать идеи античной философии неоп-

⁸ Бесспорно, этот любимый Толстым образ – один из первостепенных в художественном мире писателя.

латонического и перипатетического толка с мусульманской идеологией суфийского направления. В статье довольно подробно излагается система его трансцендентных воззрений. Авторы отмечают, что для Садры любая жизнь (жизнь всякого существа) телеологична, то есть содержит смысл и, как следствие, цель. Смысл – не размытая, хаотичная величина, она структурируется по вертикали, от низшего к высшему. Человек как субъект организованного сознания и воли в этой модели должен тянуться к божественному, преодолевая животное, чувственно-плотское начало в себе. Одним из таких средств может стать аскетический опыт, полно и всесторонне реализующийся в ситуации безбрачия. «Двигателем» жизненной практики, ее «мотором» является добро, которое человек свободно претворяет в разнообразных формах. Добро дает основу для самосовершенствования. Знание о том, что такое добро, помогает воплотить его в наглядно-зримом аспекте. Бессмертие, согласно Садре, «необходимое условие смысла жизни» [22, с. 118], фундамент духовного блаженства (счастья). Человек появляется на свет как тело, но это не означает, что он обязан находиться в прямой зависимости от него. Человеку по силам пройти этапы душевного роста, венцом которого и является бессмертие (этот пункт философии Садры дает отсылку к мистическому, сверхлогическому преображению человека, когда он научается познавать Бога и – самое главное – жить с Ним и в Нем). Бессмертие придает жизни новое измерение, благодаря которому видимая бессмысленность существования «аннигилируется», перестает быть частью сознания, его определяющим моментом. Бог – не внешняя по отношению к человеку сила, Он – в душе, именно там его и надо искать. Это чувство поиска Бога заложено в человеке с рождения, вернее, по Садре, даровано людям как чистое благо и ориентир в море непрекращающегося коловращения живого вещества. Человек есть странник, он, если пользоваться терминами европейской экзистенциалистской философии, «заброшен в мир». Однако в этой поистине драматической «заброшенности-в-мир» нет ничего окончательно и бесповоротно предопределенного, свобода воли была и остается механизмом внутренней трансформации, которая придает происходящему смысл и цель, нужно только тонко настроить «струны» души на правильный лад.

Ровно в такой же степени Толстой полагал, что настоящее бессмертие обретается человеком духовно. Смерть его страшила, он осмыслял ее – в период кризиса, «арзамасского ужаса» – как завершение всего что ни есть, растрату индивиду-

альных усилий, конец всему тому, что обыкновенно называется «удовольствием», откликом на темную, низменную природу; это известно.

И все-таки в статье иранских авторов недостаточно прояснен «слой» толстовских взглядов на смерть, бессмертие и смысл жизни. Внимание уделено образу Садры, а он и без того прекрасно знаком иранскому читателю; Толстой же остался на периферии освещения темы. Так, совсем не акцентировано положение о просветительских суждениях Толстого о душе, в которых мистический элемент не занимал столь значимого места, как это было в средневековой восточной, да и западной, традиции. Кроме того, остались вовсе не затронутыми сугубо внешние, биографические факты, коррелятивно сближающие двух писателей-философов. Садра, как повествуется в его канонических житиях, прошел три периода жизни (ученичество, отшельничество и наставничество), подобно Толстому, если вспомнить его «Исповедь» (1879–1882) и автобиографические заметки. Совпадения лежат и в нарративной сфере, в том, как и что излагали Садра и Толстой в своих сочинениях, посвященных контексту обращения к духовному.

Приведем один текстовый локус из труда Садры «Трансцендентная мудрость в четырех умственных странствованиях»⁹, в котором он объясняет, почему отказался от блеска Севефидского двора и стал жить затворником в удаленной деревне, обменяв роскошь, почет и достаток на захолустье Кахака, крохотного селения в нескольких километрах от города Кума: «Когда я понял, что эпоха мне враждебна, что в наше время возрастают низкие и невежественные люди, что день ото дня все больше разгорается пламя невежества и заблуждения, все больше распространяется подлость, мне не оставалось ничего другого, как отвернуться от мира и отрешиться от мирских дел. Я ушел из бесчувственного, застывшего и неблагодарного мира, нашел себе прибежище в отдаленном углу, где и уединился в безвестности и бедности. Я отказался от всех желаний и вместе с людьми с разбитым сердцем обратился к выполнению обязательного». И далее: «Страшась общения с людьми этой эпохи и всецело предаваясь уединению и продолжительному размышлению и воспоминанию, я достиг того, что моему слабому и болезненному уму открылось множество тонких смыслов и возвышенных проблем, которые в большинстве своем очень далеки от того образа мыслей, который распространен среди людей» [23, с. 32–34].

⁹ Труд целой жизни этого философа состоит из 9 объемистых полноформатных томов.

Мы видим, что персидский мистик с тщательностью в подборе слов выражает и характеризует краеугольные пункты кризисного состояния сознания: недовольство расхожей социальной моралью и людьми, сосредоточенными на материальных ценностях. Он подчеркивает то, как вызревал в нем бунт потаенного, скрытого человека и как он пришел к осознанию необходимости обновленного видения мира, причем Садр находит для себя возможным объять палитру обостренных переживаний в умном самонаблюдении. Примерно о том же писал Толстой в «Исповеди». Это, во-первых, указывает на архетипичность, универсализм, человекообразность подобных чувств, поэтому временной дистанцией здесь уместно пренебречь, и, во-вторых, дает основание для изучения переключек текстуального свойства, чтобы на фоне общего были обнаружены и раскрыты черты своеобразия, диктуемые исторической эпохой, культурными обстоятельствами, национальным контекстом, личностными предпочтениями и психологическими темпераментами. Все это авторы, владеющие материалом, могли бы широко и убедительно осветить...

Подведем итоги.

Наш обзор показал, что иранские авторы не только отражали канву биографии и мировоззренческие установки Толстого, но и конструировали его образ путем «приспособления» к картине мира персидских читателей. Этот образ (что естественно) бережно встраивался в устоявшиеся представления о нем как о человеке нравственной чистоты и гражданского мужества. Его рассматривали сквозь призму крупнейших личностей персидской культурной истории. Толстой был интересен персидской аудитории не столько в качестве художника слова, хотя эта грань Толстого ничуть не затухала и играла положительную роль в процессе его рецепции (достаточно сказать, что в последнее время именно она выдвинулась на авансцену иранских толстоведческих штудий, можно указать и на то, что, к примеру, роман Толстого «Анна Каренина» многократно переводился на персидский язык, мы насчитали 12 полных разновременных его переводов, их перечень см.: [24, с. 96]), сколько в качестве моралиста и проповедника. Известно, что в иранских интеллектуальных кругах шла небезынтересная дискуссия о том, принял ли в действительности Толстой ислам в поздний период жизни. Многие критики полагали, что он был на пути к принятию новой веры, но смерть помешала ему этот выбор вербализовать, ясно выразить в словах. Нужно ли говорить о том, что это свидетельство трепетного отношения иранцев к

Толстому, его восприятия почти как «своего», «родного», а не «чужого», близкого и понятного?..

Список источников

1. Йасеми Р. Молодые годы Толстого // شرق (Восток). 1931. № 5. С. 276–281.
2. Никитенко Е. Л. Персидская проза XX–XXI веков в русских переводах. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 160 с.
3. Эслами Нодушан М.А. Толстой – Мевлана новой эпохи // (فیغم) Извлеченное богатство. 1974. Т. 306. № 1. С. 703–710.
4. Эслами Нодушан М. А. Толстой – Мевлана новой эпохи // (فیغم) Извлеченное богатство. 1974. Т. 307. № 2. С. 9–16.
5. Эслами Нодушан М.А. Толстой – Мевлана новой эпохи // (فیغم) Извлеченное богатство. 1974. Т. 308. № 2. С. 65–75.
6. Насири Н. Мотивы «Маснави Манави» Мовлана Джалаледдина Руми в русских книгах для чтения Л. Н. Толстого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1. С. 79–83.
7. Карими-Мотаххар Джанолах, Шаабани Мехрнуш. Джалал ад-Дин Руми (Мевлана) и Л. Н. Толстой // Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах: Материалы XXXV Международных Толстовских чтений. Тула: Изд-во ТГПУ имени Л. Н. Толстого. 2016. С. 18–27.
8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 78: Письма. 1908. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 457 с.
9. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 45: Путь жизни. 1910. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 598 с.
10. Московский сборник / изд. К. П. Победоносцева. М.: Синодальная типография, 1897. 331 с.
11. Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М.: Правда, 1989. 448 с.
12. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 23: Произведения. 1879–1884. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 582 с.
13. Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857–1903). М.: Наука, 2011. 974 с.
14. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии (с 1855 по 1869 год). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.
15. Мохаммади З. Ал-Газали и Толстой в поисках смысла жизни // (فیلسوفه و الهم) Философия и калам. 2007. № 43–44. С. 27–55.
16. Мохаммади Бадр Н., Паямани Б., Хаджи-Али Ф. Сравнительное изучение схожих образов в произведениях Руми и Толстого (на материале притчи Руми «Спор четырех человек о винограде» и рассказа Толстого «Где любовь, там и Бог») // (لیثات و نثرها) (Литература и языки). 2014. № 4. С. 118–128.

17. Яхьяпур Марзие (Marzieh Yahyapour), профессор Тегеранского университета // URL: <https://ffil.ut.ac.ir/documents/54448535/111939313/Dr-yahyapour.pdf> (дата обращения: 24.03.2022).

18. Яхьяпур М. Взгляд на эволюцию мировоззрения Льва Николаевича Толстого (по мотивам «Анны Карениной») // علمی پژوهشی (Научное исследование). 2000. № 3. С. 1–10.

19. Яхьяпур М. Тема женщины и семьи в творчестве Л. Толстого // Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных практиках: Материалы XXXV Международных Толстовских чтений. Тула: Изд-во ТГПУ имени Л. Н. Толстого. 2016. С. 28–31.

20. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 19: Анна Каренина. Части V–VIII. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1935. 517 с.

21. Коран: перевод с арабского и комментариев М.-Н. О. Османова. М.; СПб.: Диля, 2009. 576 с.

22. Сафар С., Расули Шарбиани Р., Аклаг М. Сравнительная оценка взаимосвязи бессмертия и смысла жизни в представлениях Льва Толстого и Муллы Садра // فلسفه و کلام (Философия и калам). 2071 № 2. С. 777–721.

23. Сохраби-фарр М. Т. Разум и любовь: очерк жизни и идей Муллы Садры Ширази / пер. с персид. Д. А. Бибаева. М.: Дизайн. Информация. Картография: Феория, 2010. 128 с.

24. Бекметов Р. Ф., Казем Нежад Дахкаи Седиге. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в переводе на персидский язык: о стратегии Казара Симоняна // Филология и культура. Philology and culture. 2021. № 2 (64). С. 94–102.

References

1. Jasemi, R. (1931). *Molodyye gody Tolstogo* [Tolstoy's Early Years]. شرق (Orient). No. 5, pp. 276–281. (In Persian)
2. Nikitenko, E. L. (2020). *Persidskaya proza XX–XXI vekov v russkikh perevodakh* [Persian Prose of the 20th–21st Centuries in Russian Translations]. 160 p. Moscow, izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian)
3. Eslami Nodushan, M. A. (1974). *Tolstoy – Mevlana novoi epokhi* [Tolstoy – Mevlana of the New Era]. (Extracted Wealth). Vol. 306. No. 1, pp. 703–710. (In Persian)
4. Eslami Nodushan, M. A. (1974). *Tolstoy – Mevlana novoi epokhi* [Tolstoy – Mevlana of the New Era]. (Extracted Wealth). Vol. 307. No. 2, pp. 9–16. (In Persian)
5. Eslami Nodushan, M. A. (1974). *Tolstoi – Mevlana novoi epokhi* [Tolstoy – Mevlana of the New Era]. (Extracted Wealth). Vol. 308. No. 2, pp. 65–75. (In Persian)
6. Nasiri, N. (2016). *Motivy “Masnavi Manavi” Movlana Jalaleddina Rumi v russkikh knigakh dl'a chteniya L. N. Tolstogo* [Motives of “The Manavi Masnavi” by Movlana Jalal Ad Din Rumi in the Russian Books for Reading by Leo Tolstoy]. Vestnik Rossiiskogo

universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. No. 1, pp. 79–83. (In Russian)

7. Karimi-Motakhhkar Dzhanolakh, Shaabani Mekhrnush (2016). *Dzhalal ad-Din Rumi (Mevlana) i L. N. Tolstoi* [Jalal al-Din Rumi (Mevlana) and Leo Tolstoy]. Dуховное наследие Л. Н. Толстого v sovremennykh kul'turnykh diskursakh: Materialy XXXV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii. Pp. 18–27. Tula, izd-vo TGPU imeni L. N. Tolstogo. (In Russian)

8. Tolstoi, L. N. (1956). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [The Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. 78, 457 p. Pis'ma. 1908. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian)

9. Tolstoi, L. N. (1956). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [The Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. 45, 598 p. Put' zhizni. 1910. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian)

10. Moskovskii sbornik (1897) [Moscow Collection]. Izd. K. P. Pobedonossteva. 331 p. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. (In Russian)

11. Bulgakov, V. F. (1989). *L. N. Tolstoi v poslednii god ego zhizni* [Leo Tolstoy in the Last Year of His Life]. 448 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

12. Tolstoi, L. N. (1957). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [The Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. 23, 582 p. Proizvedeniya. 1879–1884. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian)

13. L. N. Tolstoi i A. A. Tolstaya (2011). *Perepiska (1857–1903)* [Correspondence (1857–1903)]. 974 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

14. Gusev, N. N. (1957). *Lev Nikolaevich Tolstoi: materialy k biografii (s 1855 po 1869 god)* [Leo Tolstoy: Materials for a Biography (from 1855 to 1869)]. 915 p. Moscow, izd-vo AN SSSR. (In Russian)

15. Mokhammad, Z. (2007). *Al-Gazali i Tolstoi v poiskakh smysla zhizni* [Al-Ghazali and Tolstoy in Search of the Meaning of Life]. فلسفه و کلام (Philosophy and kalam). No. 43–44, pp. 27–55. (In Persian)

16. Mokhammad Badr N., Payamani B., Khadzhiali F. (2014). *Sravnitel'noye izuchenie skhozhihkh obrazov v proizvedeniyakh Rumi i Tolstogo (na materiale pritchi Rumi “Spor chetyrekh chelovek o vinograde” i rasskaze Tolstogo “Gde ljubov', tam i Bog”)* [Comparative Study of Similar Images in the Works of Rumi and Tolstoy (based on the material of Rumi's parable “The Dispute of Four People about Grapes” and Tolstoy's story “Where Love Is, There Is God”)]. ادبیات و زبان (Literature and languages). No. 4, pp. 118–128. (In Persian)

17. Iakhiapur Marzie (Marzieh Yahyapour), professor Tegeranskogo universiteta [Professor at the University of Tehran]. URL: <https://ffil.ut.ac.ir/documents/54448535/111939313/Dr-yahyapour.pdf> (accessed: 24.03.2022). (In Russian)

18. Iakhiapur, M. (2000). *Vzgl'ad na evoliutsiju mirovozzreniya L'va Nikolaevicha Tolstogo (po motivam “Anny Kareninoi”)* [A Look at the Evolution of Leo Tolstoy's Worldview (based on “Anna Karenina”)]. علمی پژوهشی (Scientific research). No. 3, pp. 1–10. (In Persian)

19. Iakhiapur, M. (2016). *Tema zhenschiny i sem'i v tvorchestve L. Tolstogo* [The Theme of Women and Family in the Works of Leo Tolstoy]. *Dukhovnoe nasledie L. N. Tolstogo v sovremennykh kul'turnykh diskursakh: Materialy XXXV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii*. Tula, izd-vo TGPU imeni L. N. Tolstogo. Pp. 28–31. (In Russian)
20. Tolstoi, L. N. (1935). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Collection of Works in 90 Volumes]. T. 19: Anna Karenina. Chasti V–VIII. 517 p. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo “Khudozhestvennaya literatura”. (In Russian)
21. *Koran* (2009) [The Koran]. *Perevod s arabskogo i kommentarii M.-N. O. Osmanova*. 576 p. Moscow, St.Petersburg, Dilya. (In Russian)
22. Safar, S., Rasuli Sharbiani, R., Aklagi, M. (2017). *Sravnitel'naya otstenka vzaimosvyazi bessmertiya i smysla zhizni v predstavleniyakh L'va Tolstogo i Mullы Sadra* [Comparative Assessment of Relationship between Immortality and the Meaning of Life in the Ideas of Leo Tolstoy and Mullah Sadr]. *فقه و الم* (Philosophy and kalam). No. 2, pp. 777–721. (In Persian)
23. Sokhrabi-farr, M. T. (2010). *Razum i l'ubov': ocherk zhizni i idei Mullы Sadry Shirazi* [Reason and Love: An Essay on the Life and Ideas of Mullah Sadra Shirazi]. *Per. s persid. D. A. Bibaeva*. 128 p. Moscow, Dizain. Informatsiya.. Kartografiya: Feoriya. (In Russian)
24. Bekmetov, R. F., Kazem Nadzhad Dakhkai Sedige (2021). *Roman L. N. Tolstogo “Anna Karenina” v perevode na persidskii yazyk: o strategii Kazara Simon'yana* [Leo Tolstoy's Novel “Anna Karenina” Translated into Persian: On Kazar Simonyan's Strategy]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (64), pp. 94–102. (In Russian)

The article was submitted on 28.03.2022

Поступила в редакцию 28.03.2022

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор,
руководитель Центра по изучению наследия
Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Казем Нежад Дахкаи Седиге,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sedi_k_2012@yahoo.com

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor in Philology,
Professor,
Head of Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

Kazem Nejad Dahkaei Sedigheh,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sedi_k_2012@yahoo.com

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗЕ ГАЯЗА ИСХАКИ «КӘЖҮЛ ЧИТЕК»

© Дина Гатина-Шафикова, Эльза Набиуллина

ETHNOGRAPHIC IMAGES IN GAYAZ ISKHAKI'S "MAGIC BOOTS"

Dina Gatina-Shafikova, Elza Nabiullina

The article examines the role of ethnographic images in revealing the picture of the Tatar community's everyday world in the early twentieth century. The study is based on the story "Magic Boots" by Gayaz Iskhaki, first published in 1916 in the 9th issue of the magazine "An". The work of G. Iskhaki was well studied by Tatar literary critics both during the lifetime of the writer and after his death. The novelty of our research lies in the study of ethnographic images in a historical context. We analyze the characters' perception of objects and details of everyday life to better understand the images, ideas and problems, introduced by the author in his story. The article systematizes the depth and scope of the study of this work in Tatar literary criticism and briefly describes the features characterizing this type of footwear in the Tatar environment. We prove that G. Iskhaki strives for ethnographic accuracy in creating an artistic whole.

Keywords: Tatar literature, G. Iskhaki, national picture of the world, everyday life, life, traditional costume, artistic image

В статье изучается роль этнографических образов в раскрытии картины повседневного мира татарского сообщества начала XX века. Материалом для изучения послужил рассказ Гаяза Исхаки «Кәжүл читек» («Сафьяновые сапожки»), впервые опубликованный в 1916 году в 9 номере журнала «Аң». Творчество Г. Исхаки довольно хорошо изучено татарскими литературоведами как при жизни писателя, так после его ухода из жизни. Новизна нашего исследования состоит в изучении этнографических образов в историческом контексте и анализе восприятия предметов и деталей повседневной жизни героями произведения для общего понимания введенных автором образов, идей и проблемы рассказа. В работе систематизирована степень изученности данного произведения в татарском литературоведении. В статье кратко охарактеризованы особенности бытования этого вида обуви в татарской среде. Доказано, что Г. Исхаки стремится к этнографической точности в создании художественного целого.

Ключевые слова: татарская литература, Г. Исхаки, национальная картина мира, повседневность, быт, традиционный костюм, художественный образ

Творчество Г. Исхаки подробно изучено татарскими литературоведами: как современниками писателя (Дж. Валиди [1], Г. Ибрагимов, Г. Губайдуллин, Ф. Амирхан), так и нашими современниками после возвращения творческого наследия писателя на родину (Л. Гайнанова, И. Нуруллин, М. Хасанов [2], Ф. Мусин [3], Х. Миннегулов [4], Р. Харрасова [5] и др.). В фокусе внимания лингвистов Ф. Сафиуллиной [6], В. Хакова [7], Т. Хайрутдиновой [8] и др. оказались языковые особенности рассказа «Кәжүл читек» («Сафьяновые сапожки»). Литературовед Л. Мингазова восхищается мастерством Г. Исхаки в изображении психологии ребенка [9]. В статьях А. Закирзянова [10], Ф. Гафурова [11] содержится ряд методических рекомендаций по изучению этого произведения в школе. Изуче-

нию особенности бытования этого произведения на татарской сцене посвящен ряд работ ([12], [13], [14]). Новизна нашего исследования состоит в изучении роли этнографических деталей в реализации авторского замысла.

При знакомстве с жизнью, трудами и творчеством классика татарской литературы Гаяза Исхаки (1878–1954) невольно возникает вопрос: почему такая личность с энциклопедическими познаниями и широким кругозором, организатор и участник масштабных мероприятий в сфере политики, образования и печати, как Гаяз Исхаки, обращал внимание, казалось бы, на первый взгляд малозначимые детали обыденной, повседневной и рутинной жизни. Прежде всего он понимал, что, обладая знаниями культурного кода, познанием менталитета народа сквозь призму

отдельных личностей, возможно найти подход и решение к такому глобальному вопросу, как сохранение идентичности в меняющемся мире.

Еще современники говорили об уникальности и новизне творчества Гаяза Исхаки, признавая его основоположником новой реалистической литературы начала XX века. Так, известный литературный критик Джамал Валиди, хорошо знакомый с творческой лабораторией писателя, в своей статье «Гаяз эфэнде» для газеты «Вақыт» (5 марта, 1913 года) говорит: «Г. Исхаки – писатель из народа, <...> он описывает жизнь в повседневном потоке, создает яркие типы, собирая характеры из каждодневной рутины» [1].

В годы перестройки, в период возвращения литературного наследия писателя на родину, Ф. Мусин обратил внимание на смелость писателя в разработке злободневных проблем: «Главной целью его творчества становится раскрытие болезненных явлений в татарском мире. Автор входит в полемику с лживыми „патриотами“, которые стараются показывать жизнь нации, приукрашая и скрывая ее болезненные стороны» [3, с. 19] (здесь и далее подстр. пер. наш. – Д. Г.-Ш., Э. Н.).

В своих незатейливых историях Исхаки рассказывал о бытовой повседневности татар рубежа XIX–XX веков, никого не осуждая и ничего не приукрашивая. Одним из таких произведений автора является детский рассказ «Сафьяновые сапожки» («Кәжүл читек», 1916) [15]. Исследователь в области татарской детской литературы Лейля Мингазова отмечает, что этот рассказ уникален тем, что он является редким экземпляром татарской прозы начала XX века, где объектом повествования является личность ребенка, его внутренний мир и переживания [9, с. 157].

В литературном произведении отражается субъективная жизнь автора, образ мышления человека, жизненный взгляд героя как представителя определенной эпохи, общества и нации. Необходимо отметить, что у современного читателя при знакомстве с произведениями классиков могут возникнуть сложности в понимании предметов, отдельных деталей будничной жизни героев, вокруг которых, возможно, строится сюжет, композиция произведения. Это связано с тем, что одним из важнейших качеств повседневности является и с т о р и ч н о с т ь. Литературовед Т. Г. Струкова говорит: «Историчность повседневности иногда приводит к тому, что читателю бывает трудно понять обыденность иного времени не только потому, что культурные реалии разных исторических периодов отличаются, но и потому, что у читателя другой эпохи индивидуальное культурное поле будет иным, к примеру, сужен-

ным. И тогда аутентичное декодирование текста становится почти недостижимым» [16, с. 22]. Таким образом, вопросы, затрагиваемые авторами, могут стать непреодолимой проблемой для восприятия и понимания смысла, поскольку непосредственным потребителем является поколение, которое, как и их родители, не являлись пользователями описываемого, что приводит к общему недопониманию контекста воспроизводимого. Как результат – произведение интерпретируется читателем через призму современной реальности, его потенциал полностью не раскрывается.

Обращая внимание на детали, разговор, одежду, прическу героев, читатель раскрывает глубину и многогранность, начинает лучше чувствовать изложенное автором. В русской культурологии об этом впервые заговорил Ю. М. Лотман: «Чтобы понимать смысл поведения живых людей и литературных героев прошлого, необходимо знать их культуру: их простую, обычную жизнь, их привычки, представления о мире, одежде» [17, с. 10]. Следовательно, для объективного восприятия бытового мира, описываемого Исхаки, нужны научные знания традиционной этнографии, раскрывающие вещественный мир традиционной культуры татар конца XIX – начала XX века: труды Н. И. Воробьева [18], Н. А. Халикова [19], Р. Г. Мухамедовой [20], С. В. Сусловой [21] и др.

В небольшом рассказе для детей «Кәжүл читек» Гаяз Исхаки представляет чувства и переживания маленького мальчика, сына деревенского муллы Ахмадуллы, который с нетерпением ждет праздника Курбан-байрам. Весь год малыш лелеял мечту получить в подарок на праздник новые кожаные ичиги (*кәжүл читек*), параллельно дразня своих приятелей рассказами о желанном подарке. Сюжет произведения строится вокруг образа ичигов, благодаря им же раскрывается характер главного героя.

Необходимо разобраться, почему данная обувь была так привлекательна для ребенка и представляла для него статусную вещь, которой возможно хвастаться среди своих сверстников. Относительно наименования таких желанных *кәжүл читек*, самого материала производства и формы сапог, исследователь Л. И. Саттарова пишет: «...разнообразие видов „азиатской“ обуви, производимой в Казани, впечатляет. Здесь были „ташкентские“ мужские вытяжные ичиги черного цвета – бараньи и козловые» [22, с. 22]. Далее она описывает и сам вид данного изделия, что дает нам возможность представить, о каком типе обуви говорил мальчик: «Своеобразие кроя вытяжных мужских ичигов состоит в том, что они шились из единого куска юфти темного цвета с

двумя подкройными деталями: фигурным задником из среднеазиатской зеленой шагрени и отворотом коричневого или красного цвета, который пришивался к полукруглому срезу голенища» [Там же, с. 22–23].

Ахмадулла рассказывает всем, что сегодня его папа привезет из Казани угощение (*саплы калач*) и ичиги (*читек*), подробно описывая каждую деталь заветного дара:

«Өр-яңа читек. Аның саурысы синең апаңның намазлык чигә торган үрнәге кебек чәчәкле була. Аның олтаны – болгар олтаны, кырыеннан киселгән. Ярып ук киселгән. Үзе кып-кызыл төсле... Аның балтыры шадраланып тора, чем-кара» (курсив наш. – Д. Г.-Ш., Э. Н.) [15, с. 301]. – «Совершенно новые ичиги. Их саури (кожа, выделанная из шкуры лошадей) будет таким же цветочным, как и образец для вышивания намазлыка (подстилка для чтения молитвы-намаза) твоей сестры. Их подошва – болгарская подметка, срезанный с краев. Полностью срезаны. Сами они ярко-красные... Их голенища шероховатые, черные» (здесь и далее перевод наш. – Д. Г.-Ш., Э. Н.).

Таким образом, открываются новые подробности: когда их надевали, как украшали и носили. Кожаные сапоги были как на твердой подошве или каблуке, так и на мягкой подошве, которые обычно носились в помещении. Что касается чтения намаза в подобной обуви, то сама практика была включена в издание «Кустарная промышленность Татарстана» 1931 года, где Г. М. Залкинд находит связь кроя и формы татарской кожаной обуви и религии мусульман: «Они с давних пор на всем мусульманском Востоке получили некоторую связь с обрядами ислама. Так, в Туркестане ичиги всегда называются еще и „масх“, т. е. им приписывается необходимость для ритуального жеста, которое заменяет для каждого мусульманина омовение ног» [23, с. 26]. Известный исследователь и этнограф Н. И. Воробьев по поводу особенностей и деталей мужской обуви отмечал, что «у богатых ичег на верхней части голенища устраивается отворот из цветного, чаще красного или зеленого сафьяна. Материалом для мужских ичег большинстве случаев служит обычная юфть и только у богатых они изготавливаются из сафьяна. Мужские ичиги шьются преимущественно черного цвета, и только в задник вставляется кусок из кожи средне-азиатского происхождения (сауре) из кожи зеленого цвета» [18, с. 350–351]. Необходимо также упомянуть и о самом узоре, раз автор специально подчеркивает его особенность. Современные авторы не единожды указывают на древность истоков татарской кожаной обуви, обращаясь к болгарскому наследию, мастерам, сла-

вившимся превосходной обработкой кожи, и неслучайно хорошо выделанные сафьян, юфть в Средней Азии именуют «булгари», у алтайцев – «пулгарай», у венгров – «багария» [24, с. 171]. Для полного понимания, необходимо соотнести описание и с музейными коллекциями. Подобного типа пара мужской обуви казанских татар, хранится в Российском этнографическом музее (РЭМ) под номером РЭМ 8762-24630/1,2.

Следующий, не менее важный момент, на который указывает Ахмадулла, – одежда, которую он наденет и которая подчеркнет его статус наравне с обувью:

«Миңа иртәгән гаеткә киеп барырга әби чапан тегә, минем чапан жем-жем итеп тора. Әби әйтә: „Мондый чапанны бохар падишасының угылы гына киядер, – ди. – Саранжы“, – ди» [15, с. 301]. – «Мне бабушка к завтрашнему празднику сошьет чапан, мой чапан блестит. Бабушка говорит: „Такой чапан носит только сын бухарского падишаха, это саранчы“».

Возникает новый термин – «чапан», обозначающий верхнюю одежду с прямой спинкой, со сквозным вертикальным разрезом и открытым воротом, с пришитыми к полам клиньями, усиливающими запах. Н. И. Воробьев в «Материальной культуре казанских татар» упоминал, что «чапаны в большинстве случаев носят духовенство и редко богатые татары, для хождения в мечеть и на торжественные обеды (меджлис)» [18, с. 324]. К. Насыри детально описывал также и ткани, используемые для пошива, когда «для его изготовления используют адрас, бикасап, саранчу, бенарис. Как и джилян, он шьется на подкладке и по краям обшивается шелковым шнурком» [25, с. 22].

Головной убор являлся не менее важной деталью, которая была включена в произведение:

«Мулла абый миңа иртәгә чалма чалып бирә» [15, с. 301]. – «Дядя мулла завтра мне повяжет чалму».

Мальчик указывает, что его старший брат повяжет ему особенный головной убор. Для общего понимания необходимо указать, что чалма носилась татарскими священнослужителями – муллами, представляя собой прямоугольный кусок ткани, обычно белого цвета, обмотанного вокруг основы (нижнего головного убора).

Как было указано ранее, кожаная обувь на мягкой подошве носилась только в помещении, а при выходе на улицу использовались, соответственно, кожаные калоши, которые также встречаются в тексте. К примеру, Ф. Х. Валеев писал,

что «при выходе на улицу на них (сапоги без подошвы. — прим. автора) всегда надевались специальные башмаки из толстой кожи с острыми и загнутыми кверху носами» [26, с. 75]. Автор также описывает и способы ухода и обновления обуви, включающие в себя обработку кожи гусиным жиром:

«Минем *кәвешем* эле өр-яңа. Мин аны кимәгәнә, эзрәк кибеп киткән. Әби эле аны суга салып куйды. Аннан соң әби аны каз мае белән майлай, ул өр-яңа була» [15, с. 302]. — «Мои калоши еще совсем новые. Я их не носил, поэтому они слегка засохли. Бабушка положила их в воду. Потом она их почистит гусиным жиром, и они станут совершенно новыми».

Наступает долгожданный предпраздничный вечер, когда каждый член семьи получает от отца заветный подарок.

«Әнә, Рәбига тәрзәдә, кулына нәни генә *каймалы читекләр* тоткан» [Там же, с. 303]. — «Вон Рабига стоит у окна, держит в руках маленькие ичиги с каймой».

В отличие от сестры, по ходу сюжета Ахмадулла остался без ичигов, так как, по словам отца, мастер не успел пошить их в срок по причине болезни и обещал подготовить их к Ураза-байрам. Расстроенный мальчик весь в слезах, не сбылась его заветная мечта:

«Минем читегем юк, минем *кәжүл* читегем юк!» [Там же, с. 305]. — «У меня нет ичигов, у меня нет кожаных ичигов».

Мама предлагает ему надеть свои ичиги. Необходимо понимать, что женская обувь отличалась от мужской обилием декоративных деталей в виде мозаичного узора со стачным швом, расположенным практически по всему периметру обуви. Мальчик прекрасно понимал, что существует разница между мужской и женской обувью, поэтому для него было унижительно слышать такое предложение:

«Мин катымшамыни хатыннар читеген кияргә!» [Там же, с. 306]. — «Я что вам женоподобный что ли, носить женскую обувь?!»

Уставший, изнедавший разные эмоции: радость ожидания, разочарование, горечь потерь (ведь заветная мечта была совсем рядом) — Ахмадулла отправляется спать, утешаемый бабушкой, которая обещает ему сшить за ночь новые ичиги:

«Бар да тәмам. Өр-яңы чапан, тәймәсен генә тагасы бар. Иртәгә менә *читек* тә өлгертәм» [Там же]. —

«Все готово. Новый чапан, нужно только пуговицы пришить. Назавтра подготовлю и ичиги».

Проснувшись утром, мальчика окружают, всячески отвлекают взрослые члены семьи и готовятся к праздничному намазу:

«Күлмәкне алай-болай киеп, кыска *жиңле* казакины кия-кия түргә чыктым. Анда әби чапан тоткан. Мулла абый чалма тоткан. Әби әллә кайдан *балтыр чүпрәкләр* белән *читек* алып килде» [Там же, с. 307]. — «Быстренько натянул рубаху, надел казакин с короткими рукавами и вышел в зал. Там бабушка держит в руках чапан. Дядя мулла чалму. Бабушка откуда-то приволокла портянки и ичиги».

Мальчика пытаются отвлечь от ичигов и не дают даже взглянуть на них:

«Мин тагы аягымны, *кәжүл* читекле аягымны карарга башымны бордым. Мулла абый тагын: „Тик тор!“ — диде» [Там же, с. 308]. — «Я снова повернул голову, чтобы взглянуть на свои ноги, на которых были надеты ичиги. Дядя мулла снова сказал, приказал: „Стой ровно!“».

В назначенный день Ахмадулла испытывает чувство гордости, радости, так как долгожданный час настал, и сейчас он предстанет перед сельским обществом нарядно одетым, а главным показателем отличия от всех, его привилегированного положения будет наличие необыкновенных ичиг. Кульминация переживаний главного героя передается через столкновение ожидания и реальности: радость от того, что настал его «звездный час», и глубокое переживание по поводу того, что он мог лишиться доверия друзей, того, что могло бы выделить его среди сверстников:

«Әбинсә: — Бәйрәм мөбарәк булсын, угылым! — дип аркамнан кагуына мин акырып елап йибәрдем» [Там же, с. 310]. — «Бабушка только успела похлопать по спине и поздравить со светлым праздником, как я разревелся».

М. М. Хабутдинова, А. Р. Мотигуллина, Л. Ф. Замалиева так определяют замысел Г. Исхаки: «Ахмадулла целый год провел в ожидании получения ичигов, которые для него сродни чуду, ассоциируются с новым этапом взросления, обретения нового статуса». «Ичиги Ахмадуллы сродни шинели из одноименной повести Н. Гоголя. Г. Исхаки, создавая этот рассказ, стремился художественно воплотить идею духовного преобразования человека: избавляясь от меркантильности, его маленький герой открывает для себя ценности духовной культуры» [12, с. 232].

Этнографические детали в рассказе «Кәжүл читек» («Сафьяновые сапожки»), с одной сторо-

ны, позволяют писателю добиться реалистичности в изображении эпохи, с другой, позволяют глубже раскрыть характер ребенка, в основе сознания которого лежат глубоко этнические факторы. Г. Исхаки прибегает к ним сознательно, чтобы раскрыть бытовой уклад татарского народа, выпукло показать особенности культурной традиции, этикета. Этнографические детали делают рассказ выразительней, самобытней. Они позволяют писателю вывести читателя к пониманию нравственного идеала татарского народа.

Список источников

1. Жәләй. Гаяз әфәнде // Вақыт. 1913. 5 май (№1145).
2. Заһидуллин А. Библиография // Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жыентык. Казан: Жыен, 2011. Б. 739–915.
3. Мусин Ф. Гаяз Исхакий (Тормышы һәм эшчәнлеге). Казан: Тат. кит. нәшр., 1998. 191 б.
4. Миннегулов Х. Гаяз Исхакийның мөһажирлектәге ижаты. Казан: Тат. кит. нәшр., 2004. 367 б.
5. Харрасова Р. Әдәби бәйләнешләр яктылыгында. Казан: РПФ «Гарт», 2002. 261 б.
6. Сафиуллина Ф. Г. Исхакийның хикәяләү осталыгы // Гаяз Исхакий һәм татар дөньясы. Казан, 2000. Б. 229–256.
7. Хаков В. Г. Исхакий һәм XX гасыр башында татар әдәби теле мәсьәләләре // Гаяз Исхакий һәм татар дөньясы. Казан, 2000. Б. 223–229.
8. Хайретдинова Т. Г. Исхакий әсәрләрендә тормыш-көн күреш лексикасының чагылышы // Гаяз Исхакий ижаты: хәзерге караш. Казан, 2008. Б. 291–296.
9. Минһажева Л. Г. Исхакийның «Кәжүл читек» әсәрләндә психологизм // Гаяз Исхакий ижаты: хәзерге караш. Казан, 2008. Б. 157–162.
10. Закиржанов А. Г. Исхакий – мәктәптә // Гаяз Исхакий һәм татар дөньясы. Казан, 2000. Б. 281–286.
11. Гафурова Ф. «Кәжүл читек» һәм «Сөннәтче бабай» әсәрләрен мәктәптә өйрәнү // Гаяз Исхакий ижаты: хәзерге караш. Казан, 2008. Б. 339–344.
12. Хабутдинова М. М., Мотигуллина А. Р., Замалиева Л. Ф. Наследие Г. Исхаки в репертуаре современного татарского театра // «Филология и культура. Philology and Culture». 2018 № 4 (54) С. 229–236.
13. Хәбетдинова М. М. Спектакль-могжиза // Сәхнә. 2019. № 2. Б. 28–31.
14. Nureeva G. I, Mingazova L. I, Khabutdinova M. B. The personality of children's dramaturgy by Galimjan Gylmanov // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. Vol. 9, Is. P. 2353–2359.
15. Исхакий Г. Кәжүл читек // Әсәрләр. 15 томда. 2 том. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. Б. 301–310.
16. Струкова Т. Г. Феномен повседневности в литературе XX века. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2013. 208 с.

17. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. СПб: Азбука-Аттикус, 2016. 544 с.

18. Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань: Издание Дома татарской культуры: Издание Академического Центра ТНКИ, 1930. 480 с.

19. Халиков Н. А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1995. 235 с.

20. Мухамедова Р. Г. Татары – мишари: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). М.: Наука, 1972. 248 с.

21. Суслова С. В. Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала. Казань, 2000. 312 с.

22. Саттарова Л. И. Казанская узорная кожа. Казань: Культура и традиция, 2004. 160 с.

23. Залкинд Г. М. Кустарная промышленность Татарстана. История и процесс производства обуви и головных уборов. Казань: ТАТИЗДАТ, 1931. 64 с.

24. Валеева-Сулейманова Г. Ф., Шагеева Р. У. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. Москва: Советский художник, 1990. 248 с.

25. Насыри К. Избранные произведения. Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. 254 с.

26. Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф. Татарское народное декоративное искусство (XVIII – начало XX в.). Истоки и традиции: монография. Казань: Тат. кн. изд-во, 2020. 217 с.

27. Доница Л. Н., Рамазанова Д. Б. Словник названий элементов татарского костюма. Казань, 2007. 120 с.

References

1. Жәләй. (1913). *Gayaz әfәnde* [Mr. Gayaz]. *Vakyt*. 5 mai (No. 1145). (In Tatar)
2. Zahidullin, A. (2011). *Bibliografiya* [Bibliography]. *Gayaz Iskhaki: tarikhi-dokumental' juyentyk*. Pp. 739–915. Kazan, Jyeny. (In Tatar)
3. Musin F. (1998). *Gayaz Iskhaki (Tormyshy һәм эшчәнлеге)* [Gayaz Iskhaki (Life and Activities)]. 191 p. Kazan, Tat. kit. nashr. (In Tatar)
4. Minnegulov, Kh. (2004). *Gayaz Iskhakiyınñ möhäjirlektäge ijayatı* [Gayaz Iskhaki's Work in Exile]. 367 p. Kazan, Tat. kit. nashr. (In Tatar)
5. Kharrasova, R. (2002). *Әдәби бәйләнешләр яктылыгында* [In the Light of Literary Connections]. 261 p. Kazan, RPF "GarT". (In Tatar)
6. Safiullina, F. G. (2000). *Iskhakiyınñ khikayalaw ostalygy* [Iskhaki's Storytelling Skills]. *Gayaz Iskhaki һәм татар dөн'asy*. Pp. 229–256. Kazan. (In Tatar)
7. Khakov, V. G. (2000). *Iskhakiy һәм XX gasyr bashynda tatar әдәби tele мәс'әләләре* [Iskhaki and the Problems of the Tatar Literary Language in the Early Twentieth Century]. *Gayaz Iskhakiy һәм татар dөн'asy*. Pp. 223–229. Kazan. (In Tatar)
8. Khairtdinova, T. G. (2008). *Iskhakiy әсәрләрендә tormysh-könkyresh leksikasynın chaglyshy* [The Lan-

guage of Life in Iskhaki's Works]. Gayaz Iskhakiy iǵaty: khəzerge karash. Pp. 291–296. Kazan. (In Tatar)

9. Minhaǵeva, L. G. (2008). *Iskhakiyınñ “Kəǵyl chiteK” əsərendə psixologizm* [Psychologism in Iskhaki's “Magic Boots”]. Gayaz Iskhakiy iǵaty: khəzerge karash. Pp. 157–162. Kazan. (In Tatar)

10. Zakırǵanov, A. G. (2000). *Iskhakiy – məktəptə* [Iskhaki at School]. Gayaz Iskhakiy həm tatar dən'yasy. Pp. 281–286. Kazan. (In Tatar)

11. Gafurova, F. (2008). “*Kəǵyl chitek” həm “Sənnəche babai” əsərləren məktəptə öirəny* [Studying the Works “Magic Boots” and “Grandpa Sunnatchy” at School]. Gayaz Iskhakiy iǵaty: khəzerge karash. Pp. 339–344. Kazan. (In Tatar)

12. Khabutdinova, M. M., Motigullina, A. R., Zamalieva, L. F. (2018). *Nasledie G. Iskhaki v repertuare sovremennogo tatarskogo teatra* [Iskhaki in the Repertoire of Modern Tatar Theater]. “*Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*”. No. 4 (54), pp. 229–236. (In Russian)

13. Khəbetdinova, M. M. (2019). *Spektakl'-mogǵıza* [A Miracle Performance]. Səkhñə. No. 2, pp. 28–31. (In Tatar)

14. Nureeva, G. I., Mingazova, L. I., Khabutdinova, M. (2020). *The Personality of Children's Dramaturgy by Galimjan Gylmanov*. International Journal of Criminology and Sociology. Vol. 9, Is. Pp. 2353–2359. (In English)

15. Iskhakiy, G. (1998). *Kəǵyl chitek* [Magic Boots]. Əsərlər. 15 tomda. 2 tom. Pp. 301–310. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

16. Strukova, T. G. (2013). *Fenomen povsednevnosti v literature XX veka* [The Phenomenon of Everyday Life in the Literature of the Twentieth Century]. 208 p. Voronezh, Voronezh. gos. ped. un-t. (In Russian)

17. Lotman, Yu. M. (2016). *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva* [Talks about Russian Culture: Life and Traditions of Russian Nobility]. 544 p. St. Petersburg, Azbuka-Attikus. (In Russian)

18. Vorob'ev, N. I. (1930). *Material'naya kul'tura kazanskikh tatar (opyt etnograficheskogo issledovaniya)* [Material Culture of the Kazan Tatars (experience of ethnographic research)]. 480 p. Kazan', izdanie Doma

tatarskoi kul'tury: Izdanie Akademicheskogo Tsentra TNKP. (In Russian)

19. Khalikov, N. A. (1995). *Khozyaistvo tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX v.)* [The Economy of the Tatars from the Volga Region and the Urals (mid-19th - early 20th centuries)]. 235 p. Kazan'. (In Russian)

20. Mukhamedova, R. G. (1972). *Tatary – mishari: istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Tatars - Mishars: A Historical and Ethnographic Study of Material Culture (mid-19th - early 20th centuries)]. 248 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

21. Suslova, S. V. Mukhamedova, R. G. (2000). *Narodnyi kostyum tatar Povolzh'ya i Urala* [The Folk Costume of the Tatars from the Volga Region and the Urals]. 312 p. Kazan'. (In Russian)

22. Sattarova, L. I. (2004). *Kazanskaya uzornaya kozha* [Kazan Patterned Leather]. 160 p. Kazan', Kul'tura i traditsiya. (In Russian)

23. Zalkind, G. M. (1931). *Kustarnaya promyshlennost' Tatarstana. Istoriya i protsess proizvodstva obuvi i glavnykh uborov* [Handicraft Industry of Tatarstan. The History and the Production Process of Shoes and Hats]. 64 p. Kazan', TATIZDAT. (In Russian)

24. Valeeva-Suleimanova, G. F., Shageeva, R. U. (1990). *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo kazanskikh tatar* [Decorative and Applied Art of the Kazan Tatars]. 248 p. Moscow, Sovetskii khudozhnik. (In Russian)

25. Nasyri, K. (1977). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. 254 p. Kazan', Tat. kn. izd-vo. (In Russian)

26. Valeev, F. Kh., Valeeva-Suleimanova, G. F. (2020). *Tatarskoe narodnoe dekorativnoe iskusstvo (XVIII – nachalo XX v.)* [Tatar Folk Decorative Art (the 18th - early 20th centuries)]. Istoki i traditsii: monografiya. 217 p. Kazan', Tat. kn. izd-vo. (In Russian)

27. Donina, L. N., Ramazanov, D. B. (2007). *Slovník nazvaní ehlementov tatarskogo kostyuma* [Glossary of the Names of the Tatar Costume Elements]. 120 p. Kazan'. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Гатина-Шафикова Дина Фасыховна,
научный сотрудник,
Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ,
420111, Россия, Казань,
Батурина, 7.
golocen@yandex.ru

Набиуллина Эльза Ринатовна,
аспирант,
ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ,
420111, Россия, Казань,
Батурина, 7.
segedet@gmail.com

Gatina-Shafikova Dina Fasykhovna,
researcher,
Sh. Mardzhany Institute of History,
Tatarstan Academy of Sciences,
7 Baturin Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
golocen@yandex.ru

Nabiullina Elza Rinatovna,
graduate student,
G.Ibragimov Institute of Language, Literature
and Art, Tatarstan Academy of Sciences,
7 Baturin Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
segedet@gmail.com

УДК 882.09-1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-95-99

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОВЕСТИ Ю. АЛЕШКОВСКОГО «НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ»

© Эльвира Зайнуллина

THE IMAGE OF THE SOVIET STATE IN THE NOVEL “NIKOLAI NIKOLAEVICH” BY Y. ALESHKOVSKY

Elvira Zainullina

The article analyzes the novel “Nikolai Nikolaevich” (1970), written by the dissident writer Yu. Aleshkovsky who was one of the brightest representatives of underground Soviet literature. The purpose of this article is to describe and conceptualize the image of the Soviet state, which is built by the writer in his work. The article examines the methods and techniques of constructing the image of the Soviet state. The problematic level of the work is presented through the analysis of the relationship between the authorities and not-quite-a-Soviet person – the former prisoner Nikolai Nikolayevich. At the level of poetics, we analyze the techniques aimed at creating the images of the “material and bodily bottom” and carnivalization, which oppose the “official” culture. As a result of the study, we conclude that the model of the Soviet state is presented through the consciousness of a former convict who was “lucky” to be engaged in Soviet science. Aleshkovsky created a caricature of the Soviet state system in order to expose the cynicism of the authorities. It is important for the writer to show the need to realize the value of freedom as a condition for preserving man in a man; without it, the personal fate and the history of the people are meaningless. The language of Y. Aleshkovsky, with its taboo elements, serves the purpose of exposing the contrast between the foul language and the rotten language of the Soviet state.

Keywords: Yuz Aleshkovsky, dissidence, image of the USSR, carnival, grotesque, absurdity

Статья посвящена анализу повести «Николай Николаевич» (1970), написанной писателем-диссидентом, одним из ярчайших представителей андеграундной советской литературы Ю. Алешковским. Целью данной статьи является описание и концептуализирование образа советского государства, который выстраивается писателем в произведении. Автором рассматриваются способы и приемы конструирования образа советского государства. Проблемный уровень произведения представлен в статье анализом отношений между властью и не совсем советским человеком – бывшим заключенным Николаем Николаевичем. На уровне поэтики анализируются приемы, направленные на создание образов «материально-телесного низа», карнавализации, противостоящих «официальной» культуре. В результате исследования были сделаны выводы о том, что модель советского государства представлена через сознание бывшего зэка, которому «посчастливилось» быть приобщенным к советской науке. Алешковский создал шарж на советскую государственную систему, чтобы обнажить циничность власти. Писателю важно было показать необходимость осознания ценности свободы как условия сохранения человека в человеке, без чего личная судьба и история народа бессмысленны. Язык Ю. Алешковского с его табуированными элементами служит цели обнажения контраста между матерщиной и гнилым языком советского государства.

Ключевые слова: Юз Алешковский, диссидентство, образ СССР, карнавальность, гротеск, абсурд

Во второй половине XX века в СССР наблюдается противопоставление двух типов культур: официальной и неофициальной. Под жесткий идеологический контроль попадало все искусство. Творцы коллективно пытались создавать свою собственную литературу.

На волне скандального альманаха «Метрополь» в неподцензурную прозу языком сарказма,

язвительности и дерзости входит запрещенный советской литературой писатель Юз Алешковский (1929–2022). О. Ю. Осьмухина справедливо замечает, что Ю. Алешковский, имея репутацию «антисоветчика», развивал запрещенные официальной литературой темы: «лагерная жизнь, демифологизация советской государственной системы, разоблачение антисемитизма» [1, с. 67]. По

выражению Сергея Бочарова, в своем дописменном, свободном творчестве писатель «послал весь этот наш советский порядок на то самое» [2, с. 180]. Поэтому целью данной статьи является описание и концептуализирование образа советского государства, а точнее – сталинской и хрущевской эпохи, выстроенной Ю. Алешковским в повести «Николай Николаевич» (1970).

Начнем с общей характеристики повести. По точному замечанию А. Битова, «...мини-роман „Николай Николаевич“ обладает всеми параметрами литературного памятника и по изначальной утрате оригинала, и по необязательности имени автора, и по праву первой ночи регистрации ЖИВАГО языка...» [2, с. 52]. Действительно, язык Алешковского с его табуированными элементами служит цели обнажения контраста между матерщиной и гнилым языком советского государства. Подчас здесь кульминацию создает не сюжет, а столкновение лексики разных стилей, которая призвана обнажить конфликт между глоссами.

Эта неподцензурная повесть, распространявшаяся в самиздате, до сих пор привлекает читателей и исследователей творчества Ю. Алешковского особенностями сюжета, языка и идейным содержанием, в том числе и конструированием образа советского государства. Ю. Алешковский, придерживаясь бахтинской модели эпоса-романа, создал, пожалуй, самый необычный, гротескный и смеховой эпос советской истории. Вся поэтика повести строится на разрушении стереотипов массового сознания – сознания «правильного» советского человека. Бывший вор Николай Николаевич выбран Ю. Алешковским для обнажения и приговора ненормативности советского мира. Через воровское сознание Николая Николаевича пропускаются все деяния политических тиранов и псевдонаучных исследователей.

По сюжету повести, Николай Николаевич – бывший зэк – во времена жесткой критики псевдонаучных теорий Лысенко устраивается донором спермы в советский НИИ. В повести изображается период борьбы с «вейсманизмом-морганизмом» в СССР, поэтому мы можем сделать вывод о том, что настоящее время в романе представлено началом 1960-х гг. Вся советская наука высмеивается Ю. Алешковским уже в самом заглавии – «Научная повесть»: Николай Николаевич не смыслит ничего в молекулярной биологии, в которой он принимает самое непосредственное участие. Во время обысков он не смог дать внятных объяснений по поводу того, чем занимается лаборатория: «*Что сказал академик относительно сталинского определения*

нации?» [3, с. 25], «*Кто с уважением отзывался о космополитах?»* [Там же, с. 26]. На все вопросы у главного героя был только один ответ: не знаю, первый раз слышу. Однако научный мир не является основным предметом авторской иронии и сарказма: приемами пародии, гротеска и фантастики выписана вся советская государственная деятельность.

В призме карнавала видятся все фантомные образы советского государства и науки (причем не только настоящего, но и уже ставшего недалеким прошлым): Сталин, Суслов, Троцкий, Лысенко, Хрущев, Мендель, Морган. Мы видим, что герой, упоминая политические лица и важные события в стране, движет историю своего рассказа от послевоенного времени к современным ему 1960-м годам, но данная динамика мнимая. В сознании Николая Николаевича все лица советской власти создают единый негативный образ. По мысли главного героя (а он является, как мы понимаем, выразителем идей самого писателя), все псевдоученые и политические деятели несут насилие, все они не имеют моральных принципов и совести. В каждом эпизоде звучит негодование в адрес советской идеологии.

Саркастично представлены не только верхушка политического аппарата СССР: на страницах повести появляются, к примеру, продажные доносчики, кормящиеся от политбюро:

«Сосед тебя в институт к себе берет. Лаборантом будешь. И завязывай <с воровством. – Э. З.> Скоро срока увеличат. Мой сказывал, а у него брат на Лубянке шпионов ловит. Все знает прямо от Берии» [Там же, с. 6].

Иронизируя над особенностями трудоустройства времен СССР, Алешковский описывает блат, которым пользовались люди, «приближенные» к власти: родственники, друзья, сослуживцы. Автор саркастично относится к советским людям, вынужденным прогибаться под номенклатурные структуры ради социальных привилегий. Самой властью преследовались подкупы милиции, судей, велась борьба с очередями, однако «своим» людям все позволялось, для таких «теплые» места всегда были. Так и в приведенном эпизоде: под покровительством родственницы «блатной» Николай был принят на работу. Тетка переживала за его воровской образ жизни, так как через «свои» каналы была осведомлена о готовящемся на государственном уровне ужесточении наказания за преступления. Вместе с тем она, будучи любовницей одного из чиновников, смогла и прописать своего племянника в Москве. Все метафоры и гиперболы Алешковского – об извращениях ценностей советской

жизни. Автор ставит в один ряд такие понятия, как «враги народа», «каратели», «стукачи», «партия». Эти «элементы» живут изолированно от простых людей, по обособленным правилам, пользуются неограниченной поддержкой и покровительством высших представителей советской власти.

Переходя от проблемно-тематического уровня повести к осмыслению способов создания ее художественного мира, нужно обратить внимание на поэтику карнавала, в которой раблезианский код играет ключевую роль. Карнавализация в повести «обслуживает» множество эпизодов, в том числе и связанных с феноменом конструирования образа советского государства. Очень показательным в этом плане является эпизод с воспоминанием Николаем Николаевичем похорон Сталина:

«А тут Сталин дал дубаря. Пробрался я к международному урке. <...> Свесились из окна, косяка на толпу давим. Ну и народу! Каша. Один к одному. Я бы в такой каше обогатился» [Там же, с. 37].

Обращает на себя внимание позиция героя, наблюдающего *сверху* за толпой людей, провожающих генералиссимуса в последний путь. Важно его наглядное противопоставление безропотному советскому народу. Это говорит о рефлексии героя, его враждебном чувстве к генсеку, убийце и палачу. Восприятие главного героя, бунтующего против официальной власти, напоминает сознание персонажей Ф. Рабле, восстающих против мировоззренческих установок Средневековья. Народ Николай Николаевич называет «толпой» и «кашей» неслучайно: этим он демонстрирует свою иную по отношению к ним позицию, другую идеологическую платформу.

Эпизод похорон Сталина является важным еще и потому, что именно здесь четко фиксируется мировоззренческий слом главного героя. В начале повести перед нами предстает освободившийся из тюрьмы маргинал, который и после освобождения вел хулиганский образ жизни. Затем устроился на работу в лабораторию. Его сознание было низовым и площадным, он был с народом (не являясь, конечно, при этом самым лучшим его представителем). К концу истории Николай Николаевич изменился, ему даже материться вовсе не хочется, и обценная лексика встречается все реже:

«На что я способен, просидев полжизни в лагерях и <...> столько лет в институте? <...> Сапожником пойду работать. <...> А материться больше не буду. Надоело» [3, с. 48].

Теперь-то главный герой понял:

«<...> все они стараются прилгать, чтобы казалось нам самим и в ЦК: ох, и приличная жизнь в советской нашей стране. Ох, и работают на совесть рабочие и крестьяне. Еще смена не кончилась, а они уже вздыхают: скорей бы утро – снова на работу! <...> Меня-то не проведешь за нос» [Там же, с. 46].

Перемена, произошедшая с главным героем, напрямую смертью Сталина не объясняется. Положение над толпой не делает Николая Николаевича диссидентом – скорее, он выступает его сутью, солью, оказывается мудрым выразителем потаенного сознания народа. Кроме того, изменяется и характер его иронии: теперь главный герой иронизирует даже тогда, когда повествует о самых неприятных и тяжелых моментах своей жизни. Рассказывая о себе и курьезных ситуациях, он умело уводит читателя от описания беспорядка в стране, тем самым сглаживая острые углы своего повествования.

Вместе с тем в язвительной форме высмеивает Алешковский мышление российского обывателя, доноительство, гонения на генетиков, псевдонаучность и гуманность советского режима, в каждой главе возмущаясь уродством советской жизни. Именно маргинал Николай с его незамутненным сознанием позволяет читателю увидеть всю подноготную СССР. Из реплики международного урки можно услышать, как ненавистно советскому народу это бюрократической системы:

«Хороший ответ, молодец. Вот если бы так в райсобесе отвечали, то и никакой бюрократии в государстве бы не было. А то с пенсией тянут, тянут. Патриотизма в них ни на грош» [Там же, с. 23].

Советская власть все захватила в свои клешни: и доступные рабочие места, и продукты высшего качества, и справедливость советских судов.

Общеизвестно, что физиологичность также является важной чертой поэтики карнавала. По М. Бахтину, плоть – это реакция на аскетизм Средневековья. Плоть у Ю. Алешковского всегда вступает в противоборство с властью и торжествует над ней. Карнавальная эстетика с ее непочтительностью к авторитетам находит отражение в повести в неистовом антирежимном пафосе. Герой повести воюет с системой за свое человеческое достоинство.

Секс в поэтике Алешковского не скрывается, а наоборот, является двигателем сюжета, развязкой и кульминацией. В «Николае Николаевиче» половой гигант, донор спермы, обаятельный вор-

карманник Николай становится непобедимо жизнестоек и удачлив в силу своего природного дарования, его физиология неподотчетна никакому государственному гнету. По справедливому замечанию Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, «в серьезно-смеховом мире Алешковского есть только одна, но зато освященная древней традицией, сила, <...> свободная по своей сути – это величественные и простые законы природного существования, жизни Плоти» [4, с. 164].

Некоторые персонажи повести стесняются своего тела, другие наоборот – гордятся, выставляют его напоказ. Так, у Николая Николаевича в самом начале повести новость о способе заработка и необходимости обнажения вызывала смех, удивляла и смущала героя:

«Прихожу утром на работу, стараюсь, чтобы не смеяться. Стыдно немного...» [3, с. 9].

Однако потом, разумеется, своего тела он уже не стесняется:

«Я пошел в одну гостиницу <...> Там в прихожей зеркало было во весь рост. Подхожу, вынимаю, и <...> цветное кино! Яйцо-то мое все серо-бурмалиновое» [Там же, с. 32].

Раблезианским апогеем демонстрации своей плоти становится эпизод, когда Николай Николаевич, пытаясь схулиганить и ожидая, что его вновь посадят в тюрьму, помочился со сцены, но, к своему удивлению, вызвал лишь уважение к себе и взрыв аплодисментов. В самых невероятных ситуациях Николай Николаевич карнавално противостоит режиму, всячески демонстрируя свою неприязнь ко всему, что связано с государством.

Поэтикой телесного низа у Ю. Алешковского пропагандируется само существование (здесь будет уместной цитата М. М. Бахтина: «материально-телесный субстрат гротескного образа (еда, вино, производительная сила, органы тела) носит *глубоко положительный характер* <курсив наш. – Э. З.>. Материально-телесное начало торжествует, ибо в итоге всегда оказывается избыток, прирост» [5, с. 74]. Импотенция, облучения, фригидность, выкидыши и другие патологии людей – это, по авторской мысли, последствия беззакония со стороны советской власти. Фригидность Влады объясняется тем, что Кимза не смог ее удовлетворить, получив облучение на секретном производстве (стал импотентом). Следовательно, оба пострадали от системы. Николай делится с другом – Кирюхой:

«Влада Юрьевна еще до войны, студентами, крутила роман с Кимзой <...> Тут война <...> Года через два появляется он весь облученный» [3, с. 28].

Академик, Кимза, Влада близки миру главного героя, и именно они и Николай ведут бесконечный спор с советской властью¹.

Ю. Алешковский в своей повести демонстрирует, как власть СССР парализовала в человеке самое ценное – способность к здоровой жизни, к ее продолжению. Именно поэтому сексуальные ощущения являются в произведении показателями глубинного состояния героев. Половая функция Николая Николаевича напрямую зависит от его психики, поэтому он так реагирует на произведения, предлагаемые ему. Телесный низ в произведении создает свою утопию, которую не одолеть никаким тоталитарным режимом. Эта утопия торжествует в конце повести. И здесь прослеживается генеральная идея Ю. Алешковского – стремление к самоидентификации, сохранению себя благодаря знанию собственных инстинктов. Сатира Алешковского направлена на отстаивание нормального человеческого существования и необходимой общественной свободы. Только полная свобода человека и соблюдение его моральных прав может быть условием для возможного по-настоящему разумного и счастливого общества.

Таким образом, советский миф не имеет власти над сознанием любимых героев Ю. Алешковского. Поэтику повести составляют телесный низ, эксцентричность сюжета и стиля, бахтинские «трущобный натурализм», «исключительная свобода образов и их сочетаний, свобода от всех речевых норм, от всей установленной речевой иерархии» [4, с. 162]. В исследуемой повести-анекдоте Сталин, Хрущев и другие угнетатели народа выглядят самодурами, политическими «демонами». Ю. Алешковский создал шарж на советскую государственную систему, чтобы обнажить циничность несправедливой власти. Автору важно показать необходимость осознания ценности свободы как условия сохранения человека в человеке, без чего личная судьба и история народа бессмысленны.

¹ Влада, жившая с замдиректора Молодиным, стала абсолютно безразличной к мужчинам, детей у них не было. Узнав о лабораторных опытах жены-«морганистки», Молодин обозвал ее «извращенкой» и тут же выгнал из дома. А Кимза открыто ненавидит бесчинствующий режим, на него периодически сыплются доносы, что он голосует на собрании не так, как необходимо, что его опыты бесчеловечны. Все это происходит потому, что академик открыто ненавидит советскую науку и весь марксизм-ленинизм в целом.

Список источников

1. Осьмухина О. Ю. Поэтика повести Юза Алешковского «Синенький скромный платочек» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 4. С. 66–79.
2. Юз!: чтения по случаю 75-летия Юза Алешковского / под ред. П. Майер и А. Свиридовой. М.: Три квадрата, 2005. 192 с.
3. Алешковский Ю. Собрание сочинений: в 3 томах. Т. 1. М.: Рипол Классик, 2001. 672 с.
4. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература 1950–1990-е годы. В 2 т. Т. 2. М., 2006. 688 с.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

References

1. Osmukhina, O. Yu. (2019). *Poetika povesti Yuza Aleshkovskogo "Sinen'kii skromnyi platochek"* [Poetics of Yuz Aleshkovsky's Story "The Little Blue Modest Kerchief"]. *Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal*. No. 4, pp. 66-79. (In Russian)
2. *Yuz!: chteniya po sluchayu 75-letiya Yuza Aleshkovskogo* (2005) [Yuz! Readings on the Occasion of the 75th Birthday of Yuz Aleshkovsky]. 192 p. Moscow, Tri kvadrata. (In Russian)
3. Aleshkovsky, Yu. (2001). *Sobranie sochinenii: v 3 tomah* [Collected Works: In 3 Volumes]. Vol. 1, 672 p. Moscow, Ripol Classic. (In Russian)
4. Leiderman, N. L., Lipovetsky, M. N. (2006). *Sovremennaya russkaya literatura 1950-1990-e gody* [Contemporary Russian Literature of the 1950-1990s. In 2 Volumes]. T. 2, 688 p. Moscow. (In Russian)
5. Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Works of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. 543 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Зайнуллина Эльвира Азатовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
zainullinaelvira77@gmail.com

Zainullina Elvira Azatovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
zainullinaelvira77@gmail.com

УДК 82.091

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-100-106

«ПАВЕЛ ЧЖАН И ПРОЧИЕ РЕЧНЫЕ ТВАРИ» ВЕРЫ БОГДАНОВОЙ: ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФУТУРОЛОГИИ

© Илья Ничипоров

“PAVEL ZHANG AND OTHER RIVER CREATURES” BY VERA BOGDANOVA: THE EXPERIENCE OF FICTIONAL FUTUROLOGY

Il'ya Nichiporov

The article addresses the latest literary material – the novel “Pavel Zhang and Other River Creatures” by V. Bogdanova (2021) and studies its problems, the system of characters and the peculiarities of the style. We focus on the concept of fictional time, depicting the future destinies of Russia in the middle of the current century in the space of Eurasian civilization. The article analyzes the mythopoetic imagery of the work, which combines the elements of Chinese mythology with the neo-myths born of modernity and the individual imagination of the characters. We thoroughly study the artistic understanding of the origins and forms of manifestation of the characters’ personal and social traumas, which go back to ancestral memory, childhood impressions, experiences of intimate and family life, and are aggravated by the growing alienation of the individual from historical time. The author of the novel sees public life in a bizarre combination of rapid technological progress, the devaluation of the individual, the degradation of civil institutions and the strengthening of the neo-imperial state apparatus, which has achieved unlimited electronic control over people, including their physical condition. The novel searches for a new “hero of time” who is able not only to reflect on the pressure of the digital age, feeling like a victim, but also, at the cost of personal well-being, to offer ethics of resistance to its destructive impact.

Keywords: modern novel, artistic futurology, trauma, mythopoetics, hero of time, digital era, ethics of resistance

Статья обращена к новейшему литературному материалу – роману В. Богдановой «Павел Чжан и прочие речные твари» (2021). Рассмотрены проблематика, система персонажей, особенности стиля произведения. Главное внимание уделено концепции художественного времени, ориентированного на изображение будущих судеб России середины текущего столетия в пространстве евроазиатской цивилизации. Проанализирована мифопоэтическая образность произведения, соединяющая элементы китайской мифологии с рожденными современностью и индивидуальным воображением персонажей неомифами. Подробно рассмотрено художественное осмысление истоков и форм проявления переживаемых персонажами личных и социальных травм, которые восходят к родовой памяти, детским впечатлениям, опыту интимной, семейной жизни и усугубляются растущим отчуждением индивида от исторического времени. Общественная жизнь увидена автором романа в причудливом сочетании стремительных технологических прорывов с обесцениванием личности, деградацией гражданских институций и усилением неоимперского государственного аппарата, добившегося неограниченного электронного контроля в том числе за физическим состоянием людей. В романе осуществляется поиск нового «героя времени», способного не только рефлексировать о давлении цифровой эпохи и ощущать себя ее жертвой, но и ценой личного благополучия предложить этику сопротивления ее разрушительному воздействию.

Ключевые слова: современный роман, художественная футурология, травма, мифопоэтика, герой времени, цифровая эпоха, этика сопротивления

Роман Веры Олеговны Богдановой (род. в 1986) «Павел Чжан и прочие речные твари» (2021) стал заметным литературным событием, попал в финал премии «Нацбест», в длинные списки «Большой книги» и «Ясной поляны». Заимаясь художественным моделированием отно-

сительно недалекого будущего поры 2049 года, автор обращается к древним пластам китайской мифологии и накладывает на них рожденные современностью неомифы. Как отмечали рецензенты, при некоторой «декоративности» будущего, в котором действуют «придуманные, сконструир-

рованные» [1] персонажи, этот текст «вышел и фантастическим, и социальным, и приключенческим» [2], здесь «мастерски прорисован фэнтезийный фон» [3], а «антиутопия оборачивается психологическим романом о тайнах и травмах прошлого, об одиночестве и социальных страхах» [4].

Путешествие в новые времена предваряется мифопоэтическим прологом, вводящим сквозную для романа «речевую символику воды» [5] и повествующим о бедном рыбаке с берега Янцзы, который вступает в неравное противоборство с духом утопленника – мирового зла. Эта сила существует в надысторическом измерении, ищет нескончаемых жертв, ради чего жаждет вселиться в «новое тело» [6]¹ и посягает на самостоятельное бытие рыбака и его семьи.

Ось магистрального сюжета составляют перипетии судьбы молодого программиста Павла Чжана – «разбирающегося в IT героя-изгоя» [7], который захвачен бурлением московской офисной среды и конкурирует со своим сослуживцем по компании «Диюй» (слово, означающее преисподнюю в китайской мифологии) за вожделенную перспективу работы в главном офисе Пекина. Рельефно выведенный образ технократической цивилизации складывается из мелькающих медиафасадов, множества взглядов, направленных «в камеру на турникете», из оптических эффектов специальных очков, перекрывающих естественное изображение «зеленой сеткой допреальности» и навязывающих жителю Москвы миражное созерцание того, как «на фоновом слайд-шоу покачивался Пекин». В офисном небоскребе «мраморное чрево туалета» напоминало «гробницу с акустикой Большого театра», а ведущие интеллектуальные ресурсы были нацелены на серийное производство чипов нового поколения с бесконечно расширяющимися функциями оповещения, отслеживания, «контроля за состоянием носителя» и, разумеется, снижения «риска возникновения эпидемий».

В новых условиях общественная жизнь редуцирована в романе до квазиполитических ритуалов, являющих нерушимое единение китайского председателя Лина и российского президента Енисеева. Тем не менее в публичный дискурс исподволь прорываются анонимные несанкционированные голоса, предупреждающие о губительной «сетевой зависимости», высвечиваются плакаты «Скажи нет слежке», «Мы не собаки и не скот. Остано-

вите чипизацию», а на периферии информационного потока маячат новости о суде над членами подпольной группы «Контрас», которые «*понури сидели на скамье за решеткой в зале суда, осунувшиеся и бледные, всем около двадцати, не больше*».

Стремление угнаться за головокружительными ритмами современности вызывают в главном герое – «трудоголике без страха и упрека» [2] – ощущение, «*будто у него не тело, а пружина*», внушают иллюзию легкого совершения прыжка «до самой стратосферы». Но бессознательные импульсы увлекают Павла в сферу смутных припоминаний прошлого «предсуществования» в «подводном» мире, ему порой казалось, что голос шефа «*словно доносился из-под речной воды*» и над ним «*не солнце, а речная рыба*». Вырываясь из удущья офиса, асфальта, нависающих высоток, московских пробок (не побежденных и в эпоху суперкомпьютеров), он дорожит личностным восприятием пространства и времени, понимает, что «*чем дальше от Москвы, тем медленней шло время, замерло в кризисных двадцатых, как муха в янтаре*».

За эффективным, выдержанным в стиле фэнтезийного живописания изображением высокотехнологичной реальности и социальной гиперактивности персонажей в романе разворачивается анамнез их неизжитых травм, комплексов, отягощающих современное сознание страхов. В душевно соразмерном Павлу «окраинном» ландшафте коммуналки (подарок государства при выпуске из детдома), где он мог предаваться «*холостяцкому эстетству*», проступает болезненно-смутный, но и манящий его мир детства, которое «*было на дне, утоплено в сизой воде, и даже синеватый свет от лампы пробивался сквозь водяную толщу*». С затаенным страданием воскрешая в памяти «свой детдом» и царивший там «*закон сиротских джунглей*», он возит нынешним детдомовцам пакеты с вещами и подарками, чтобы, словно обратив вспять течение времени, стать для них «*тем, кого сам хотел бы встретить в детстве*».

Востребованная сегодняшней литературой тема детско-юношеских психологических травм [8], [9] раскрывается в кропотливых воспоминаниях героя о том, как детдомовская воспитательница Борисовна «*низводила всех до мелких швалей*», занималась «*торговлей детьми*», что повлекло за собой длинную череду трагических историй, а сам Павел при ее прямом участии регулярно становился жертвой извращенного насилия со стороны внешне уважаемого дельца и примерного семьяни-

¹ Текст романа В. Богдановой здесь и далее приводит-ся по указанному изданию.

на Краснова. Практика систематического унижения и насилия оказалась для него не только сгустком болевых переживаний — она, подобно монстру-утопленнику из Янцзы и зловредному чипу, внедрилась в глубины его подсознания. Презрительное детдомовское прозвище материализуется в *«воспаленное клеймо»* и предстает в виде мифопоэтического существа, уверенно обосновавшегося в нем самом и вытесняющего его подлинное «я»:

«Шваль внутри Павла разрослась, надела его тело, как костюм, и вкрадчиво шептала <...>. Это Шваль первой пустила в ход зубы и кулаки, не Павел. Это Шваль избивала одноклассника, а после еще пару пацанов. Не он. Павел был умным парнем, он бы не стал так подставляться».

Перед насильником Красновым бывший беззащитный детдомовец *«чувствовал себя живым бессловесным товаром»*, в его голове *«сидел и множился вирус Краснова»*, и даже последующее социальное возвышение, отслеживание обидчика и мстительная расправа над ним не упразднили темной, возвращенной детдомом грани его личности. Шваль *«осталась в нем»*, не утонула в пруду вместе с брошенным туда Красновым, а разрослась до *«суперэго главного героя»* [10], выступила его проворной соучастницей в убийстве:

«Шваль помогла ему немного, трамбовала ногой, радостно вздрагивая, когда получался острый хруст... Шваль покурила, обдумывая, как привязать гири. Решила примотать одну к шее, вторую к ногам. Затянула хорошенько узлы, чтобы не развязались точно, а после ушла, оставив Павлу труп, кучу окурков, которые следовало собрать, вкус крови на языке и пустоту. И ничего особо не изменилось, просто стало тихо. Мыслей не было. Павел словно выполз из темной и мерзлой норы».

Художественное исследование «социальных фобий и ментальных мифологем» [10] сопряжено в романе Богдановой с прозрением фатального отчуждения частных судеб персонажей от исторического времени. Последнее утрачивает здесь процессуальный характер, принимает облик окаменевших эклектичных изваяний вроде сталинок с неоновой рекламой, гранитных, с суровыми лицами «вождей» Лина и Енисеева *«на фоне прятных куполов Кремля»* или вовсе растворяется в каскаде слоганов и псевдоновостей: в Кремле то *«менялась власть каждые полгода»*, то назойливо *«жужжали»* про *«внешних западных врагов»* и *«необходимую цензуру в интернете»*.

На абсурдистском фоне в романе прочерчен надрывной пунктир

жизненных историй персонажей — с их сиротством, бездомностью, кочевьем, болезненной уязвимостью перед натиском современности, но и потенциалом сопротивления.

Трагически отрывочны, омрачены тягостными видениями воспоминания Павла о коротком счастливом детстве с отцом и матерью, проведенном в деревне близ Коломны. Его отец Чжан Шэньюань, доктор наук из Шанхайского университета, специалист по русской литературе, приехал сюда за два года до рождения Павла, работал в местной школе и не просто привил сыну вкус к чтению, научил *«говорить на обоих языках ровно, без акцента»*, но и приоткрыл ему разноликость мировой культуры, своеобразие Китая, о чем спустя годы напомним присланный бывшей отцовской ученицей *«сборник китайской философии от неизвестного автора»*.

Странное исчезновение отца, который однажды *«сел на электричку до Москвы и не вернулся»* и, как позднее узнает Павел, по политическому обвинению был экстрадирован в Китай и умер здесь в заключении в 2033 году, формирует нарратив болезненной беспочвенности в его картине мира и авторском повествовании о нем. Сгинувшая вслед за отцом и мать, от чьей легкомысленной жизни и недолговечного *«блогерского счастья»* сохранилось лишь сетевое отражение — *«ее аккаунт в давно заброшенном Инстаграмме»* — остается в памяти героя как последнее и навсегда утраченное основание детского прошлого. В детдомовских потрясениях и позднее Павел будет недоумевать, почему все-таки отец *«уехал один»*, конструировать в воображении те *«места, где он бы хотел пожить»*, мечтать о Пекине как *«земле обетованной»*, убеждать себя, что непременно *«он будет там, он попадет в Китай»*. В своих кошмарах, когда чувствовалось, как *«над головой смыкается река»*, герой видел *«карна с человеческой головой»*, интуитивно предвосхищал свое будущее правдоискательство, переживал мистическую встречу с отцом, прозревал его пребывание в тюрьме, как *«в землистой тьме сидит отец в строгом костюме... в котором он однажды вышел и пропал»*.

Композиционной параллелью к исканиям главного героя служит история Игоря Лыкова — его коллеги и конкурента по компании «Диюй». За его карьерными амбициями и столичным лоском баловня судьбы, который *«словно был рожден для обожания»* и *«будто вылез из рекламы люксового бренда»*, таились, как и у

Павла, непростые воспоминания о детстве в родном Забайкальске – городе *«старых дворов с разбитым асфальтом у подъездов, осыпавшихся, чуть просевших балконов»*. Травма его личного сиротства в результате гибели родителей на пожаре предстает в широкой социальной перспективе, сквозь нее обозреваются природные и техногенные катастрофы в прошлом и настоящем, диагностируется неуклонное обесценивание людских жизней в приграничном *«Забайкальске образца безденежных двадцатых»*:

«В поселке только хоронили, что ни день, то похороны. Люди в гробах уже не походили на себя. Они напоминали набитых таксидермистом чучел, пародию на тех, кто жил, а некоторых, включая папу с мамой, вообще провожали с закрытыми крышками, и Игорю запретили их приподнимать. Каждый день он узнавал, кого еще не стало: привычных людей, шапочных знакомых вытерло из реальности, как вытирают буквы ластиком. <...> Родной город <...> незримо существовал в параллельной с Игорем вселенной, как волшебная детская страна. <...> Он изредка прорывался сполохами лесных пожаров, которые показывали в новостных роликах в сети. Огонь из Забайкальска полз в Москву, на запах Игоря, попутно выедавая в тайге дыры».

Примечательно и «географическое» пересечение Лыкова с Павлом. Именно в Коломне Лыков, стараясь не растерять остатки родовой памяти, заботится о своей бабушке, затем перевозит ее в Скиф. В этом же городе он обустроивает «Читальню» – оригинальный гибрид библиотеки, книжного магазина и кофейни. Он мыслит это пространство как прибежище для неформального человеческого общения, оставляющее возможность сохранить индивидуальный стиль, ведь, в самом деле, *«был элемент эстетства в том, чтобы сидеть за шатким столиком, с хрустом корешка разламывать томик Пришвина и вчитываться в строки на пожелтевших пористых страницах, попивая латте. Понравившуюся книгу можно было купить или же взять с возвратом по абонементу...»*. Однако автор далекой от приоритетов современности социальной инициативы оказывается бессильным перед настойчивыми предложениями влиятельных лиц города о закрытии и продаже этого бизнеса, перед последовавшим за тем арестом якобы за распространение наркотиков, перед *«быстрым и заочным»* увольнением с надежной и перспективной, как он рассчитывал, работы...

Драма Павла Чжана получает дополнительное освещение и в сюжетной линии Сони Снегиревой – администратора розничного магазина, помогавшей детдомом и собиравшейся поступать в мед-

институт. В их знакомстве, со «старомодными» приглашением в кино, прогулкой по ВДНХ, доверительными беседами и спорами, ощутимо стремление персонажей сберечь атмосферу не устаревающей и в цифровую эпоху человечности. При этом установка Павла на то, что *«семью в России он заводит не собирався»*, обрекает их на травматичную «невозможность коммуникации» [4], механистическую заданность интимных отношений, сводившихся к *«недолгому, похожему на давно изученный танец сексу»*.

Жертвенная, готовая к самоотверженному общественному служению натура Сони предстает изначально придавленной неблагополучием в родительской семье: тяжкими последствиями того, что *«папин бизнес прогорел»*, угрозами и нашествиями коллекторов, превращением доброго, но непутевого брата в *«долговязого гаденького мужика без определенных занятий и взглядов на жизнь»*. Она ужасается происходящему вокруг расчеловечению, наблюдает повсеместную сакрализацию неоимперского стиля с выработанной властными элитами квазирелигией, в согласии с ритуалами которой *«с высоты птичьего полета лидеры государств благословляют нашу землю»*, а *«крестный ход»* к памятнику князю Владимиру возглавлял *«какой-то кандидат в депутаты в рясе, расшитой золотом»*.

Восставая против господствующего миропорядка и неотвратимой чипизации, героиня размещает баннеры подпольной антиглобалистской сети, заботится о пациентах реабилитационного центра «Благие сердца», которые видятся ей жертвами современности, *«сломанными механизмами»*, поскольку теперь *«люди стали ресурсом. <...> каждый миг их жизни был разворован соцсетями»*. В условиях официально восхваляемой интеграции страны в Союз Азиатских Государств и скорого введения *«гражданских чипов»*, необходимых для бесплатного медицинского страхования, перед ее глазами проходят выброшенные на обочину жизни судьбы жертв всеобщей виртуализации – от 17-летней девушки, на свою беду прельстившейся знакомством по электронной переписке, до популярного рекламщика со сломанной психикой и даже священника в измочаленной, потерявшей всякий вид и форму рясе, который *«освящал криптовалюты и новые игры для арок, потом пропал куда-то; как оказалось, проиграл все имущество в онлайн-казино и скрывался от кредиторов на церковном чердаке»*. В апокалиптической футурологии Сони близкий к своему окончательному оформлению мир глобального тоталитаризма окажется разделенным по одну сторону на сотни подобных цен-

тров, где будут *«не люди уже – скот, с рождения пронумерованный, всегда онлайн»*, а по другую – на *«тюрьмы с теми, кто был против»*.

Примечательна, однако, попытка героини преодолеть калечащее влияние действительности, через индивидуальные религиозные усилия приблизиться к тому, чтобы *«неисправность внутри нее расправлялась»*. Не отказываясь от обрядовых проявлений веры, она в период испытаний *«ходила на каждую службу, просто так, садилась на скамью в углу и выпускала в ладанный полумрак всю тяжесть дня»*, насыщала молитву интонациями живого разговора с непосредственным адресатом:

«Богородица держала на колене упитанного Спасителя и смотрела на Соню с легкой усталостью, а из ранки на ее подбородке вытекала рубиновая капля. Спокойный лик, красивый. И почему Соня раньше этого не замечала? – И что ты посоветуешь мне? – спросила Соня. – Ты, покровительница слабых, что посоветуешь?»

Емко запечатленные в романе правдоискательские побуждения ключевых персонажей позволяют представить их в качестве героев времени, которые стремятся интеллектуально осмыслить и в меру сил превозмочь тупики цифровой диктатуры, выработать альтернативные сценарии личного и общественного развития. Подобное правдоискательство фокусируется и достигает наивысшего напряжения в итоговой сюжетной линии отъезда Павла Чжана в Китай, его гибели и таинственного бессмертия.

В поисках «обетованной земли», пропавшего отца и ради нового обретения себя Павел покидает *«милую теплую Соню»* и с Павелецкого вокзала, включив *«лекции о китайской мифологии»*, отправляется в Благовещенск, а затем на автобусе перебирается через Амур на китайскую сторону. Обнесенный колючей проволокой центр сортировки и чипизации иммигрантов под велемечивым названием «Школа адаптации и патриотического воспитания» выведен как антиутопическая модель будущего социума, пребывающего под массовым гипнозом политической индоктринации, что угнетает личную волю психофизическим воздействием. Вживание чипа рождает у Павла иллюзию того, что *«свет и краски стали ярче»*, ведет к запутыванию сознания в бесконечных *«инфослоях»*, жестко ограниченных, впрочем, *«аккаунтами разре-*

шенных соцсетей» и дозволенным сверху набором *«поисковиков»*.

Пребывание главного героя в Хэйхэ, а затем в Пекине, который *«сшиб его с ног»*, сопровождается поначалу растерянностью перед сюрреалистичным наложением эпох и стилей. Он чувствовал, как собственное сознание капитулирует перед навязанными извне картинками, которые *«не умещались в голове»*; неустанно *«в наушниках бубнили новости»*, а электронные очки *«тут же сообщили, что воздух весьма опасен для здоровья, показали цифры индекса и посоветовали надеть маску»*. Целенаправленную атаку на самостоятельное мышление он распознает в наплыве сбивающей с толку и невротизирующей рецепиента квазиинформации, в разрушающих интеллект однотипных офисных функциях, мнимых общественных ориентирах, сводящихся к повышению социального рейтинга и повальному искусственному культу *«генетически идеальных детей»* – *«божков»*, которые *«казались слегка ненастоящими»*.

Символически значимое усилие героя по взламыванию и «перепрошивке» искажающего картину действительности чипа продиктовано надеждой из последних сил не позволить собственному миру, *«с таким трудом склеенному из осколков, опять развалиться на части»*. В противовес грезящей стерильным цифровым будущим эпохе Павел совершает восстановление родовой истории, докапывается до истинных обстоятельств исчезновения и гибели отца, зорко вглядывается в хитросплетения современности и во внезапной смерти оппозиционного китайского писателя, *«десятках похожих смертей»* выявляет действие новейших чипов, способных «отключать» жизнедеятельность организма под влиянием внешних сигналов, видит себя и борцом с технократической системой, и ее обреченным заложником, на чьей *«шее будто замер лазерный прицел... как никогда остро он ощущал собственный чип, сидящий у него под кожей»*.

Апокалиптический образ людских масс, бесправных перед социальными экспериментами и отключениями от источников жизнеобеспечения, открывается герою в эпизоде намеренного обесточивания мегаполиса, который сразу же *«остановился весь»* и вместе с *«единым многоликим, многогоим организмом»* погрузился в *«донную тьму»* – *«работало лишь уличное оповещение, меланхолично просящее всех сохранять спокойствие»*. Загадочным уходом героя увенчивается пульсирующий пунктир повествования, где на сцену задержания и допроса Павла накладываются его исповедальные признания,

сиротские раздумья о канувшей в речную глубину матери, отчаянное противостояние изнутри уничтожающей его Швали, создание видеозаписи со своей историей и героический запуск во всемирную сеть вируса против свежеизобретенных чипов.

На контрасте идиллии и трагедийного звучания построен эпилог романа. Семейный союз выпавших из прежних социальных связей Игоря и Сони, их уединенная жизнь в деревне под Коломной, посвященная воспитанию Павла-младшего, домашним радостям и заботам, рисуются как, возможно, не вовсе безнадежная попытка «выжить в хаосе» наступающего со всех сторон мира. А Павел Чжан прогремел своим видеообращением, периодически появляется на неофициальных баннерах, стал легендарной фигурой, «героем разоблачительного сериала», «в новостях его клеймили террористом, в сети называли святым», в своем «темно-синем деловом костюме» он таинственно появляется у коляски маленького сына...

По сделанному в послесловии авторскому признанию, рефлексия о разнообразных гримах насилия и порожденных им травмах послужила отправной точкой для построения сюжета и идейно-художественной архитектуры данного произведения. В романе В. Богдановой искусно сложенная мозаика судеб персонажей, пространственно-временных планов соединила «органическую силу эмоционального заряда» с «выверенной красотой композиции» [11] и выдвинула в качестве предмета художественного исследования «нового героя нового времени» [10], его этику «сопротивления на всех уровнях» [3], обнаружила разнообразные истоки травматического синдрома современного человека и пути его преодоления. В футурологическом ракурсе увиденны здесь как сфера индивидуальных реакций, страхов, комплексов, страстей, творческих и религиозных озарений, устремлений к подвигу, так и социальная жизнь, все дальше уходящая от идеала личной и общественной свободы, реальной конкуренции политических взглядов и на новом витке научной революции все безнадежнее впадающая в зависимость от массовых манипуляций и высокотехнологичного насилия.

Список источников

1. Сенчин Р. Вера Богданова «Павел Чжан и прочие речные твари». URL: <http://www.natsbest.ru/award/2021/review/vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari-2630/> (дата обращения: 16.05.2022).
2. Васильева Е. В. Вера Богданова. Павел Чжан и прочие речные твари. URL:

<https://magazines.gorky.media/zvezda/2021/5/vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari.html> (дата обращения: 16.05.2022).

3. Бугославская О. Вера Богданова: «Павел Чжан и прочие речные твари». URL: <https://sovlit.ru/articles/tpost/6e1j8d5eh1-vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-re> (дата обращения: 16.05.2022).

4. Пискарева Е. Мир будущего без будущего. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/02/mir-budushchego-bez-budushchego> (дата обращения: 16.05.2022).

5. Родионов И. Строгая форма воды: «Павел Чжан и прочие речные твари». URL: <https://godliterary.ru/articles/2021/05/11/strogaia-forma-vody-pavel-chzhan-i-drugie-rechnye-tvari> (дата обращения: 16.05.2022).

6. Богданова В. О. Павел Чжан и прочие речные твари. М., Издательство АСТ, 2021. 178 с.

7. Сиротин С. Китайский ад. Вера Богданова. Павел Чжан и прочие речные твари. URL: <http://noblit.ru/node/3761> (дата обращения: 16.05.2022).

8. Ничипоров И. Б. Детство как травма в современной русской литературе (повесть Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом») // Art logos (Искусство слова). Научный журнал. СПб., 2019. № 1 (6). С. 47–51. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/185498111/> (дата обращения: 16.05.2022).

9. Ничипоров И. Б. Современность глазами подростка: повесть Р. Сенчина «Чего вы хотите?» // Stephanos. Мультиязычный научный журнал филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2022. Т. 52. № 2. С. 20–27. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/447762790/> (дата обращения: 16.05.2022).

10. Сухарников Е. Как закалялась Шваль. URL: https://www.ng.ru/lit/2021-07-07/13_1085_hero.html (дата обращения: 16.05.2022).

11. Юзefович Г. И эмоциональный, и продуманный. URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/77197-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari-roman-very-bogdanovoj-o-nedalekom-buduschem-v-kotorom-rossiya-okazalas-pod-kontrolem-kitaya> (дата обращения: 16.05.2022).

References

1. Senchin, R. (2021). *Vera Bogdanova "Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari"* [Vera Bogdanova "Pavel Zhang and Other River Creatures"]. URL: <http://www.natsbest.ru/award/2021/review/vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari-2630/> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)
2. Vasil'eva, E. V. (2021). *Vera Bogdanova. Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari* [Vera Bogdanova. Pavel Zhang and Other River Creatures]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2021/5/vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari.html> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)
3. Bugoslavskaya, O. (2021). *Vera Bogdanova: "Pavel Chzhan i prochie rechnye tvari"* [Vera

Bogdanova: “Pavel Zhang and Other River Creatures”]. URL: <https://sovlit.ru/articles/tpost/6e1j8d5eh1-vera-bogdanova-pavel-chzhan-i-prochie-re> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

4. Piskareva, E. (2021). *Mir budushhego bez budushhego* [The World of the Future without the Future]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/05/02/mir-budushchego-bez-budushchego> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

5. Rodionov, I. (2021). *Strogaya forma vody: “Pavel Chzhan i prochie rechnye tvori”* [The Strict Form of Water: “Pavel Zhang and Other River Creatures”]. URL: <https://godliterary.ru/articles/2021/05/11/strogaia-forma-vody-pavel-chzhan-i-drugie-rechnye-tvari> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

6. Bogdanova, V. O. (2021). *Pavel Chzhan i prochie rechnye tvori* [Pavel Zhang and Other River Creatures]. 178 p. Moscow, izd. AST. (In Russian)

7. Sirotin, S. (2021). *Kitaiskii ad. Vera Bogdanova. Pavel Chzhan i prochie rechnye tvori* [Chinese Hell. Vera Bogdanova. Pavel Zhang and Other River Creatures]. URL: <http://noblit.ru/node/3761> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

8. Nichiporov, I. B. (2019). *Detstvo kak travma v sovremennoi russkoi literature (povest' Pavla Sanaeva “Pohoronite menya za plintusom”)* [Childhood as a Trauma in Modern Russian Literature (Pavel Sanaev's Novella “Bury Me behind the Baseboard”)]. Art logos (Iskusstvo slova). Nauchnyi zhurnal. St. Petersburg, No. 1 (6), pp. 47–51. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/185498111/> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

9. Nichiporov, I. B. (2022). *Sovremennost' glazami podrostka: povest' R. Senchina “Chego vy hotite?”* [Modernity through the Eyes of a Teenager: R. Senchin's Novel “What Do You Want?”]. Stephanos. T. 52, No. 2, pp. 20–27. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/447762790/> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

10. Suharnikov, E. (2021). *Kak zakalyalas' Shval'* [How the Trash Was Tempered]. URL: https://www.ng.ru/lit/2021-07-07/13_1085_hero.html (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

11. Yuzefovich, G. (2021). *I emotsional'nyi, i produmannyi* [Both Emotional and Thoughtful]. URL: <https://www.livelib.ru/critique/post/77197-pavel-chzhan-i-prochie-rechnye-tvari-roman-very-bogdanovoj-o-nedalekom-buduschem-v-kotorom-rossiya-okazalas-pod-kontrolem-kitaya> (accessed: 16.05.2022). (In Russian)

The article was submitted on 17.05.2022

Поступила в редакцию 17.05.2022

Ничипоров Илья Борисович,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1, стр. 51.
il-boris@yandex.ru

Nichiporov Ilya Borisovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
B. 51, 1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
il-boris@yandex.ru

УДК 82-31

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-107-115

ОБРАЗ РОССИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

© Вера Новикова

THE IMAGE OF RUSSIA IN ENGLISH LITERATURE ON THE RUSSIAN CIVIL WAR

Vera Novikova

Based on the novels about the Russian Civil War (1918–1922), the paper discusses stereotypical perceptions of Russia in the public consciousness of Great Britain. The paper recalls “the myth of Russia”, which has gained its content over the centuries: a cold space of a despotic state inhabited by the slave population. This myth was destroyed in the first decades of the twentieth century when the British displayed a deep interest in Russian culture and a positive attitude towards it, called “Rusomania”. The study claims this position is reflected in the first works about the Revolution of 1917 and the Civil War, which show these events as an explosion that destroyed the real Russia. However, a new transformation of stereotypes is taking place at the beginning of the 21st century. Our article analyzes the image of post-revolutionary Russia in James Meek’s novel “The People’s Act of Love” (2006). Its events take place in Siberia in 1919 in the village of Yazyk, the habitat of the skoptsy (castrates) sect. Here, a clash arises between the Czechs and the Bolsheviks. The author offers several “Russian” narratives, associated both with the idea of love and with the approval of violence in the name of love. Thus, the Russia image is made up of an endless severe Siberian frost and snow, the worldview of castrates as the foundation of Russian mentality, bloodshed and innocent victims. The conclusion is made that James Meek clearly returns to the myth of Russia that had been created in Great Britain by the 16th century and significantly enhances its negative components, which seem to have been overcome in the twentieth century, rejecting the idea of the true spirituality of the country.

Keywords: image of Russia, Civil War, English novel, James Meek

В статье рассматриваются стереотипы восприятия России в общественном сознании Великобритании на материале романов о Гражданской войне (1918–1922). Автор напоминает, что в течение столетий сложился «миф о России», в котором страна предстает как огромное холодное пространство деспотичного государства с населением-рабами. В первые десятилетия XX века этот миф был разрушен, поскольку для англичан был свойственен глубокий интерес к русской культуре и позитивное отношение к ней, получившее название «русомания». В ходе исследования констатируется, что эта позиция отражается в первых произведениях о революции 1917 года и Гражданской войне, показывающих эти события как взрыв, уничтоживший подлинную Россию. Однако к началу XXI века происходит новая трансформация стереотипов. В статье анализируется роман Д. Мика «Декрет о народной любви» (2006). Действие романа происходит в 1919 году в сибирском селе – месте обитания секты скопцов. Здесь происходит столкновение чехов и большевиков. В повествовательной структуре романа выявлены те нарративы, которые писатель называет «русскими». Каждый из них утверждает необходимость насилия во имя любви. Образ России складывается из холода сибирской зимы, мировоззрения скопцов как одной из основ русского менталитета, большого количества крови, невинных жертв. В результате предпринятого исследования делается вывод о том, что современный английский писатель не только возвращается к старому мифу о России, но и заметно усиливает его контрасты, отказывается от идеи подлинной духовности страны.

Ключевые слова: образ России, Гражданская война, английский роман, Джеймс Мик

Специфика образа России в литературах зарубежных стран является одной из самых значимых проблем имажологии. Значительное внима-

ние уделяется ей в отечественной англистике. Образ нашей страны формировался в Англии на протяжении многих столетий. Н. П. Михальская,

явившаяся одним из основоположников самого направления имагологии в данной области [1], в своей монографии «Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв.» определила фундаментальную основу представлений о России, сложившуюся уже к XVI веку, как определенный миф, с отчетливо выраженными составляющими: «Страна не просто большая, но огромная; богатство несметное, нищета невиданная, рабство полное, власть абсолютная (отметим четкую противопоставленность „верха“ и „низа“ в структуре образа), мороз ужасный, жизнь самая суровая...» [2, с. 147]. С. Б. Королева в диссертационном исследовании «Миф о России в британской литературе (1790-е – 1920-е годы)» предлагает в истории развития названного мифа выделить четыре этапа: «оформление „ядра“ мифа вокруг образа запредельного, большого, чудовищно-сильного пространства в XII–XIII вв.; формирование следующего слоя в XVI–XVII вв. вокруг образа псевдохристианской примитивно-туземной страны; развитие нового слоя во второй половине XVIII–XIX вв. в связи с образом мощного, деспотичного, варварского государства-агрессора; формирование принципиально иного слоя в начале XX века вокруг образа религиозного, душевно и духовно богатого народа» [3, с. 411–417].

Одним из значимых событий русской истории в XX веке явились Октябрьская революция 1917 года и последующая Гражданская война (1918–1922). Целью данной статьи является сопоставление тех стереотипов восприятия России и «русскости», которые были свойственны обществу и литературному самосознанию Великобритании в начале XX века, с теми, что характеризуют первые десятилетия XXI века. Материалом служат произведения, посвященные Гражданской войне, в том числе роман британского писателя Джеймса Мика «Декрет о народной любви» («The People's Act of Love») (2005).

События, произошедшие в России в 1917 году, вызвали значительный интерес в Великобритании и нашли отражение в многочисленных мемуарах, среди которых выделяются написанные послом Великобритании в России сэром Джорджем Бьюкененом [4] и членами его семьи, в дневниках англичан, оказавшихся в Петербурге и Москве в этот революционный год, в отчетах журналистов. О революционном Петрограде написаны роман Хью Уолпола «Таинственный город» («Secret City») (1919), с этими же событиями связаны сборник рассказов «Эшенден, или Секретный агент» («Ashenden, or the British Agent») (1928), роман «Рождественские каникулы» («Christmas Holiday») (1939) С. Мозма. И

тот, и другой авторы были в 1917 году в Петрограде. Пониманию позиции авторов всех этих источников может способствовать представление о предреволюционных десятилетиях, которые характеризует всеобщая увлеченность русской культурой в самой Великобритании. Изданный уже в наше время в Великобритании сборник статей «Россия в Британии, 1880–1940. От мелодрамы к модернизму» («Russia in Britain, 1880–1940. From Melodrama to Modernism») (2013) прослеживает масштаб влияния русской культуры на британскую интеллектуальную жизнь: начиная с 1880 годов его авторы говорят об очарованности этой культурой, приобретшей масштаб «русомании» [5]. Этому способствует прежде всего то впечатление, которое производит на английское общество масштаб дарования и творчества русских писателей И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова. В нашей стране то же утверждает Т. Красавченко: «Во время Первой мировой войны Англию охватила эпидемия культурной русомании. В Лондоне был издан иллюстрированный сборник статей „Душа России“. Выражение „русская душа“ не сходит с уст английских писателей и критиков. Именно душа, по мнению Вирджинии Вулф, – главное в русской прозе» [6]. Сама В. Вулф писала о русском влиянии как одном из важных источников обновления литературного развития. «Если мы хотим понять человеческую душу и сердце, где еще мы найдем их изображенными с такой глубиной? – спрашивает она. – Самые скромные русские романисты обладают естественным уважением к человеческому духу» [7, 179]. Вследствие этого, во-первых, Россия воспринимается почти исключительно сквозь призму произведений великих русских писателей, во-вторых, сами английские писатели признают невозможность творить без учета опыта русских авторов.

На понимание специфики русской души оказывает воздействие также личность С. Степняка-Кравчинского, олицетворяющего для англичан русский нигилизм и революционность, его общественная и творческая деятельность. Степняк-Кравчинский жил в Великобритании с 1884 года. В восьмидесятые годы XIX века в этой стране выходят его книги «Underground Russia» («Подпольная Россия»), «Russia under the Tsars» («Россия под властью царей»), роман «The Career of a Nihilist» («Жизнь нигилиста»). В 1890-е гг. Кравчинский организует «Общество друзей русской свободы», которое поддерживает революционеров России и выпускает ежемесячник «Свободная Россия». Именно Сергей Степняк становится воплощением душевной сущности «восторжен-

ных друзей человечества», как он называет русских нигилистов, для англичан. Восприятие его личности также становится определенным стереотипом. А. Байетт в романе «Детская книга» («The Children's Book») (2009), посвященном эдвардианской эпохе (первому десятилетию XX века), вводит этот стереотип в сложную систему образов своего произведения. Н. С. Бочкарева в статье «Реминисценции русской культуры в романе А. С. Байетт „Детская книга“» указывает, что «кроме сочинений князя Петра Кропоткина... в романе косвенно присутствует Сергей Михайлович Кравчинский, известный всем под кличкой Степняк и ныне ставший любимчиком английских социалистов и анархистов» [8, с. 49]. Автор статьи приводит объяснения Байетт, данные ею в интервью: «Я изучала русских на примере Сергея Степняка-Кравчинского, террориста-народника, который бежал за границу и какое-то время жил в Англии – пока не погиб, попав под поезд. Со Степняком работала Констанс Гарнетт, знаменитая переводчица, благодаря которой англичане прочли Толстого, Чехова и других русских авторов. Все в Лондоне обожали Степняка – надо думать, он был человеком огромного личного обаяния. Может, лондонцы и не знали, что он убил шефа жандармов Мезенцова – думали, что он нигилист, бежавший из царской России. Именно он послужил мне источником вдохновения» [8, с. 50].

Положительные изменения в восприятии России в начале XX века связаны также с политической ситуацией, поскольку Россия становится союзником Великобритании и, соответственно, получает всемерную поддержку периодической печати, имеющей более чем трехсотлетнюю традицию воздействия на умы граждан, – в постоянных публикациях журнала «Таймс», а также в публицистике Мориса Беринга и Стивена Грэхема, путешествующих в предреволюционное десятилетие по России. В предисловии к книге «Непознанная Россия» (1914) С. Грэхем в соответствии с традицией отмечает, что русские – «нация сельских жителей», неграмотных, как дикари, с великаньей силой. Однако он высказывает и новую, существенно важную для этого и последующих периодов мысль: «Они живут той жизнью, какой желал Рескин для англичан, какой он пытался убедить их познать. Русские послушно религиозны, по-настоящему уважительны к старшим, верны земле, которую пахут, довольны своей старой материальной культурой, не используют механизмов и фабричных вещей, а изготавливают все, что им нужно, сами, в основном из сосны. Они абсолютно цельны, никогда ниоткуда не „выпадают“, как то бывает с англи-

чанами. В России не существует проблемы „возврата к земле“ и еще сотни лет ее не будет» [9]. Если учитывать то сильнейшее влияние, которые имели идеи возврата к доиндустриальной фазе развития Великобритании как определенному национальному утопическому идеалу среди английской интеллектуальной элиты в последней трети XIX века, то характеристика, данная Грэхемом народу России, обнаруживает неожиданный ракурс: русские находятся в той фазе своего развития, которая может быть воспринята как своего рода идеальная англичанами. Эта идея явно витает в атмосфере русомании начала XX века. Таким образом, Россия предстает как страна, обнаружившая некое глубинное сходство нравственных и эстетических установок с особенностями английского духа.

Революция и Гражданская война воспринимаются как катастрофа, разрушившая ту патриархальную страну с мощным потенциалом духовности, образ которой с 1880-х годов сложился к этому моменту. «Триумф хаоса» описывается в мемуарах и в немногочисленных романах того периода. Следует отметить, что в этих произведениях отчетливо влияние и текстуальное присутствие произведений Ф. М. Достоевского, из всех русских классиков ближе всего подошедшего к тем глубинам русской души, которые предопределили саму возможность революционного взрыва. Исследователь обнаруживает это присутствие, например, в романе Уолпола [10]. Нельзя в целом недооценивать склонность англичан воспринимать русских сквозь призму известных им из русской классики образов.

Восприятие революции как исключительно деструктивного явления, разрушившего подлинную Россию с ее душой, воспринятой и воспетой уже англичанами в романтическом и отчасти мистическом духе, характерно впоследствии и для историографических исследований. Так, Орландо Гай Файджес, британский профессор истории в Биркбеке (Лондонский университет), автор целого ряда книг о русской истории, в обобщающей монографии «Трагедия народа: Русская революция 1891–1924» («A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924») (1998) утверждает, что «Российская Революция стала важным событием двадцатого столетия. Однако она привела к отказу от демократического развития, так как сама по себе революция стала источником вырождения в насилие и диктатуру [11, с. 79]. Этот автор обвинялся в целом ряде фактических неточностей в его работах о сталинской России, однако его суждения о значении революции в Великобритании никем не опровергаются и вполне коррелируют с подобными исследова-

ниями и сегодня. Интерес к этим событиям у историков на протяжении столетия не угас. Библиография в этой области огромна. Даты революции чаще всего обозначены 1917–1924 (1921, 1926), в отличие от дат, принятых в России, а именно: 1918–1922. Это говорит о том, что британские историки не разводят саму революцию и Гражданскую войну в разные события.

В отличие от собственно революции, Гражданская война практически не нашла своего отражения в британском литературном процессе, за исключением гораздо более ограниченного, по сравнению со свидетельствующими о 1917 году, круга мемуаров, таких как «Интервенция на Дону и Северном Кавказе 1918–1920 гг. Воспоминания английского офицера Хадлстона Уильямсона» [12]. У. Хадлстон, 32-летний английский кадровый офицер, имеющий военный опыт Первой мировой войны, отправился в Россию вместе с другими офицерами, откомандированными в качестве инструкторов в белогвардейские войска на Кавказе и в Крыму. Он вполне отчетливо формулирует тот посыл, который привел его в эти войска: «Я вышел из тех слоев общества, чьи привилегии в то время были очень весомыми, и рассматривал русскую революцию не столько как борьбу рабочих за то, чтобы поправить многое, что было неправильно, сколько как борьбу злых людей, стремившихся покончить с обществом, которому я принадлежал... А поскольку вести о коммунистических зверствах шли широким потоком, я думал о великой армии и великой нации, подвергшихся процессу жуткого распада, зависящих от милости революционной толпы, которая не щадила ни женщин, ни детей в своем бешеном стремлении к воплощению так называемой свободы» [12]. Обратим внимание на характеристики: «великая армия» и «великая нация» по отношению к русской нации и к ее армии. Как и его современники, воспитанные в русомании, Хадлстон явно видит то самое глубинное сходство нравственных и в каком-то смысле политических основ с фундаментальными ценностями своей империи. Защищать их для английского офицера оказывается нравственной потребностью, соответствующей тому чувству долга, который присущ его соотечественникам: «Та же самая моральная сила посылала тысячи молодых людей в вербовочные пункты в 1914 г. И вела их на смерть на Сомме и у Пасхендале ради идеи, в которую они верили» [12].

Однако пребывание в белогвардейской армии заканчивается глубоким разочарованием для Хадлстона. Он выполнял свой почетный долг, как он его понимал, но встретил слишком много фанатизма, корыстолюбия, лени, трусости и ци-

низма. Все эти качества русских, обнаруженные в конкретных ситуациях, подробно описанных автором мемуаров, привели к неожиданной для него катастрофе. При этом он с восторгом описывает тех прекрасных русских людей, которых он встретил в этих же ситуациях. В финале Хадлстон пишет: «Многие искусные писатели о России восхваляли ее, описывая ее ширь, белизну, простоту. Я не могу соперничать с этими более одаренными людьми. Но я просто могу сказать, что Россия влечет меня своей загадкой, зовет меня даже сейчас, после всех лет ее страданий. Чары, которыми она околдовала меня, никогда не исчезнут» [12]. Несмотря на все произошедшее, он сохраняет веру в тот образ России, который стал стереотипом для англичан к 1914 году.

В литературном процессе после произведений начала XX века наступает пауза в несколько десятилетий, когда внимание английских писателей переключается на события Второй мировой войны, а затем на раскрытие трагедии сталинизма. Через почти столетие появляются романы П. Фицджеральд «Начало весны» (1988) и А. Байетт «Детская книга» (2009), которые «поразному воссоздают историческую ситуацию накануне Первой мировой войны, но в обоих ощущается атмосфера предреволюционного брожения, бунта, ожидания перемен. У П. Фицджеральда действие происходит в основном в России, а у А. Байетт – в Англии» [13, с. 13].

Одним из редких романов, посвященных именно Гражданской войне в России, является роман Джеймса Мика «Декрет о народной любви» (2006) [14]. Джеймс Мик – британский писатель (1960) и профессиональный журналист. С 1991 года он работал в Киеве, с 1994 по 1999 гг. – в Москве для журнала «Гардиан». В эти же годы он начинает свою деятельность как писатель, представитель той шотландской школы, которая представлена именами Ирвина Уэлша и Алана Уорнера. В этот период его произведения носят явные черты сюрреализма, стиль в чем-то напоминает Франца Кафку. Сам автор назвал романы и рассказы этого времени «magical dirty realism». По признанию автора, впервые он отправляется в Киев в 1990 году, вдохновленный чтением романа М. Булгакова «Белая гвардия» [15]. Тогда же он начинает изучать русский язык, впоследствии много путешествует по России. Таким образом, к роману приступает человек, заинтересованно изучающий русскую культуру, хорошо знакомый с творчеством и тех писателей, которые составили славу России на предшествующем рубеже веков, и современных. Он имеет личные впечатления от встреч с русскими людьми, в том числе

сибиряками, о которых он будет писать. Возможно, что внимание к событиям Гражданской войны спровоцировало чтение «Белой гвардии» и то обстоятельство, что он сам был в России в период нового исторического перелома – в 1990-е годы.

Действие романа происходит в маленькой сибирской деревушке Язык, в которой оказались чешские войска в 1919 году. К началу романа это уже остатки чехословацкого легиона. Они мечтают о возвращении на свою Родину. Идеологом в этом смысле в романе становится еврей Йозеф Муц. Однако руки чехов обагрены кровью русских людей. Концентрированным воплощением насилия является офицер Мантула, антагонист Муца. Подлинным центром романа становится Кирилл Иванович Самарин. Именно его история организует сюжет. Когда-то благополучный молодой человек, получивший хорошее образование и обнаруживший блестящие способности, оказывается втянут в действия народовольцев. Он пытается спасти любимую им девушку, арестованную по обвинению в заговоре подпольщиков. Появляясь в деревне Язык через много лет после ареста Кати, он рассказывает о своем заключении в тюрьме, расположенной на краю света, на северной окраине Сибири, о том, как ему удастся выжить среди уголовников только благодаря тому, что один из них, по прозвищу Могикин, откормил его для того, чтобы использовать в качестве пищи во время их совместного побега. Самарину удается бежать от своего спутника. В финале обнаружится, что подлинным каннибалом Могикиным является сам Самарин.

Автор предлагает несколько нарративов, каждый из которых связан с идеей любви и одновременно с утверждением необходимости насилия во имя любви. В этом плане русский перевод названия романа «Декрет о народной любви» не вполне соответствует всем смыслам слова «акт», которые появляются в этом произведении. Нарративы обращены к «актам», связанным с любовью, также трактуемой очень по-разному.

Первый из нарративов определен с местом действия, каковым является село в глубине Сибири. Язык много ранее стал местом обитания скопцов, одной из самых опасных русских сект. Скопцы декларировали подлинность своей любви к Богу и Бога к ним, однако совершали страшное физическое насилие над собой. Эти люди сознательно лишают себя определенных органов с тем, чтобы жить только ради души и никогда не применять насилие над другими. Главой их общины является Глеб Алексеевич Балашов.

В послесловии автор ссылается на два источника, связанные с историей скопчества в России: «Своими знаниями о секте кастратов, называемых в России „скопцами“, я обязан двум монографиям. Это *La Secte Russe Des Castrats* – французский перевод книги, написанной Николаем Волковым в 1929 году, с великолепным предисловием Клаудио-Серджио Ингерфлума, *Communistes Contre Castrats*, и „Хлысту“ Александра Эткинда. Гимн скопцов из предпоследней главы романа заимствован из первого произведения» [14]. Н. Н. Волков – выпускник Коммунистического университета имени Свердлова, собиравший материалы о русском скопчестве, участвовал в качестве эксперта в ленинградском процессе над сектой в 1930 году. И тогда же издал в Ленинграде монографию «Секта скопцов» [16]. Отсюда Джеймс Мик черпает подробности обрядов, ритуалов, обычаев для своих персонажей на станции Язык. Однако более очевидно влияние монографии А. Эткинда «Хлыст: Секты, литература и революция», вышедшей в свет в 1998 году и имеющей значительный резонанс в Европе, в том числе и Великобритании. Он пишет о специфике сектантства в России и тяготению к нему как людей из народа, так и из интеллигенции. К началу революции «религиозное инакомыслие приняло необычайно радикальный характер. Оно породило уникальные идеи и формы жизни, но так и не сумело войти в основное тело культуры... „Мистические секты“, как их стали называть в миссионерской литературе, совмещали в себе национальную подлинность и религиозную экзотику» [17]. Эткинд ссылается на утверждение английского путешественника Уильяма Диксона, который еще в 1870 году писал: «Проблема раскола – величайший из домашних вопросов России <...>. В Совете министров обсуждение каждого вопроса, как мне передавали, начинается вопросом: а что скажут старообрядцы <...> Люди, которые владеют капиталами и наживают капиталы, двигатели промышленности и коммерции, финансовые гиганты – все это члены народной церкви» [17]. Эткинд сопровождает эту информацию следующим рассуждением: «Итак, британскому читателю предлагалось верить, что богатые русские принадлежат к секретной секте. Русские банкиры, особенно те из них, кто успешны и щедры, – кастраты; но об этом не знают даже их друзья. Эти идеи включали Россию в чудесный восточный мир, в котором и благодаря которому возможно все, и в первую очередь – удовлетворение автора и привлечение читателя» [17].

Любопытна мысль о том, что русские историки и писатели, поглощенные реальностью

сект, на самом деле «воспроизводили тот самый ориенталистский жест, который западные интеллектуалы обращали к ним самим». Тем самым для интеллигента создавалась «желанная комбинация национализма и экзотизма», отсюда рождалась утопия. В секте обнаруживались основные элементы утопической конструкции: общинная собственность, простой и богобоязненный образ жизни, добродетельный семейный уклад, вплоть до полного отказа от секса. Эткинд выстраивает следующую логику мышления скопцов: «Именно человеческая сексуальность и ее производные – любовь, семья и становящаяся нужной собственность – разрушает утопический мир», поэтому «путь к бессмертию, или по крайней мере ко всеобщему счастью, лежит через искупление первородного греха, преодоление пола». Джеймс Мик явно заимствует общие рассуждения об утопическом скопчестве, очевидно, совпадающие с тем впечатлением, которые у него складываются по поводу эксцентричности русских. Надо добавить, что в Великобритании работы А. Эткинда вообще нашли признательный отклик, в 2005–2013 году он был профессором Кембриджа. Очевидно, и физиологическую конкретность деталей в совокупности с их символикой английский писатель заимствует здесь же, из «Хирургического» введения. Он описывает хлыстовский ритуал радения, который один из персонажей подсматривает в селе. Свое внимание автор явно концентрирует на обряде оскотления мужчины, которое для скопцов именуется крещением, когда тот становился «белым голубем» (в отличие от обычного хлыста, «голубя серого»). Не однажды повторяет Мик в своем романе обряд подобной инициации. Наиболее подробно – историю подобного «крещения» Глеба Балашова, который переживает головокружительный переход от социально-психологического статуса дворянина, гусара к оскотленному обитателю затерянной в Сибири общины. Итак, первый нарратив – о любви без плоти, без чувственных эмоций. Напомним, название в оригинале «The People's Act of Love», и его явно можно отнести к этой теме.

Второй нарратив связан с чехами. Краткая историческая справка: Чехословацкий корпус – регулярное соединение, сформированное еще в годы Первой мировой войны из военнопленных чехов и словаков – бывших военнослужащих австро-венгерской армии. Предназначенный для национально-освободительной борьбы своих народов против австро-венгерского владычества, он стал орудием в руках политических сил, которые боролись за политическую власть не на родине, а в России, ударной силой в лагере полити-

ческих и военных структур антибольшевистской направленности. Его активное участие в Гражданской войне в России, независимо от субъективных устремлений отдельных военачальников и деклараций чехословацкого руководства о единственной цели – эвакуации в Западную Европу, стимулировало консолидацию и наращивание сил Белого движения, что придало этой войне невиданный до того размах и ожесточенность.

Интересно, что в 2001 году в Великобритании была издана очередная версия истории названного корпуса – книга Сержа П. Петрова, сына генерал-майора царской армии и армии Колчака Павла Петровича Петрова под названием «Воспоминания о забытой войне: гражданская война в восточной европейской России и Сибири» («Remembering a forgotten war: civil war in eastern European Russia and Siberia, 1918–1920») [18]. Серж Петров исследует переворот, который привел Колчака к власти, предлагает социальный и политический анализ военных сил белых и красных армий, комментирует плохое руководство и стратегические недостатки, которые привели к гибели Белой армии. Очевидный интерес к этим событиям обнаруживает в то же время и Джеймс Мик.

Он показывает, как в тихой скопческой обители в Сибири появляются чехи, которые под воздействием объективных обстоятельств, во имя обретаемой их страной в этот период национальной независимости и во имя личной свободы, вынуждены творить насилие. Индивидуальным воплощением идеи убийств во имя свободы становится офицер Мантула. Более сложным является нарратив персонажа по имени Муц. Он часть чешского отряда, но отличается от остальных тем, что говорит на немецком как бывший чиновник Австро-Венгерской империи и поэтому парадоксально ассоциируется с ней. Парадоксально, потому что он – еврей, а в распавшейся империи представители его нации были гонимы и презираемы так же, как отвергают его и сослуживцы в данный момент. Они практически отказывают ему в праве голоса. В одном из своих интервью, данных в момент выхода книги, Мик сказал: «Когда я писал роман, у меня появился там еврейский характер, порожденный первой Мировой войной. В отличие от его чешских товарищей, он оплакивает крах Австро-Венгерской империи, к которой они все когда-то принадлежали... Роман был написан евреем, и это определило его элегический дух. Это – конечно не критика погибшей империи. Это элегия, посвященная безумию человечества, но это не вид обвинительного акта. Это – лирический вызов сего-

дняшнего замечательного мира, баланса между очень многими этносами» [14]. Сложная тема еврея Муца дополняется тем, что по убеждениям он большевик. Иначе говоря, в образе этого невзрачного и незаметного человека отражается вся полнота разворачивающейся грандиозной битвы идей, ни в коей мере не осознаваемая до конца ни одним из ее участников.

Сами большевики появляются лишь в финале романа. Программа их любви к народу прописана невнятно, но подчеркивается готовность к убийству всех на их пути. Символом большевизма становится железная громада бронепоезда, на котором они прибывают. Лейтмотивом становится имя Троцкого, традиционно в западном общественном сознании ассоциирующегося с русской революцией.

Самым многозначным является нарратив Самарина Кирилла Ивановича. Дворянин по происхождению, он переживает искушение нигилизмом (эта идея прописана автором явно под влиянием Сергея Степняка), рассказывает о каторге (еще один мотив, характеризующий насилие над личностью в царской России), оказывается способным преодолеть огромные пространства зимней Сибири.

Прологом к этому образу становится подробно процитированный в начале романа «Катехизис революционера»: «Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения, – зачитывала девушка наизусть. – Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения и какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором все и вся должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в мире родственные, дружеские или любовные отношения: он не революционер, если они могут остановить его руку» [14].

Беспоощадность Самарина доводится до логического предела. Он не только крадет ребенка у своей возлюбленной и подвергает его смертельной опасности для достижения своей практической революционной цели, но и способен есть плоть только что убитого им человека: «Подожел к погибшему дезертиру и отогнул у трупа правую руку. Огляделся, всматриваясь в верховья стремнины – туда, откуда пришел, положил конечность мертвеца запястьем на камень, омываемый ручейком, и откромсал ладонь, перепиливая сухожилия и не столько разрезая, сколько разрывая суставы. От крови камень потемнел, и

красные лужицы слились с потоком, клубясь в воде» [14].

С этим нарративом с очевидностью соотносится «хаос бесовщины». Джеймс Мик явно читал Достоевского, а, как говорилось выше, именно этот автор в восприятии зарубежного читателя смог воплотить те глубины русской души, которые привели к беспощадности революции. Так полагали современники тех событий, так полагает и Д. Мик. Он пытается передать ту мысль романа «Бесы», которая так точно была определена Н. Бердяевым: «Левые круги наши увидели тогда в „Бесах“ карикатуру, почти пасквиль на революционное движение и революционных деятелей. <...> Пророчество приняли за пасквиль. Сейчас, после опыта русской революции, даже враги Достоевского должны признать, что „Бесы“ – книга пророческая. Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции. Русский нигилизм, действующий в хлыстовской русской стихии не может не быть беснованием, иступленным и вихревым кружением. Это иступленное вихревое кружение и описано в „Бесах“ [19].

В романе Мика самый яркий персонаж Гражданской войны оказывается в буквальном смысле каннибалом. Завершают роман слова: «Идея Могикинина – есть нечто таинственное, непостижимое в том, как сам бунтовщик столкнулся с противодействием: дух разрушения подтачивал его же изнутри, и все тот же злокозненный ум, что так живо вообразил никогда не существовавшую каторгу в Арктике, побудил отправиться в подлинное путешествие к настоящим Белым Садам, с обычной своей непреклонностью, хотя и по другой причине – ради одной, знакомой страннику женщины, и оказался готовым преступить через что угодно, лишь бы достигнуть цели».

Таким образом, образ воюющей России складывается из мороза и снега бесконечной страшной Сибири, крови, которую проливают все участники действия, скопцов как основы утопической патриархальной страны, революционера-каннибала, чехов, безвинно страдающих в хаосе чужого государства. Джеймс Мик был в большей степени, чем другие писатели Великобритании, погружен в атмосферу России. Возможно, годы распада бывшего СССР, новый хаос, в котором оказалась страна, повлияли на его концепцию. Но он явно возвращается к той конструкции мифа о России, которая в начале XX века казалась преодоленной, и заметно усиливает ее негативные составляющие.

Аналогичные процессы обнаруживаются во всей английской литературе о России рубежа XX–XXI веков. Л. Ф. Хабибуллина в статье «Специфика стереотипизации образа России в современной английской литературе» приходит к выводу о том, что в английском романе создается амбивалентный образ нашей страны: «Стереотип благодаря этой амбивалентности формируется уже не на наднациональных основаниях, а приобретает собственно национальные черты: страна великой культуры, но тиранической власти, глубокой духовности, но низкой политической и бытовой культуры, с неразвитой демократией, но развитой душой» [20, с. 174].

Список источников

1. Полякова О. А. Образ России в литературе Великобритании: имагологические аспекты исследований Н. П. Михальской // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 8 (август). URL: <http://e-koncept.ru/2016/16171.htm>. (дата обращения: 01.06.2022).
2. Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: МПГУ, 1995. 152 с.
3. Королева С. Б. Миф о России в британской литературе (1790-е – 1920-е годы): дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 461 с.
4. Buchanan Sir George. My mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston: Little, Brown&Co, 1923. 280 p.
5. Russia in Britain, 1880–1940. From Melodrama to Modernism. Ed. by Rebecca Beasley and Philip Ross Bullock. Oxford University Press, USA, 2013. 326 p.
6. Красавченко Т. Н. «Загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки» // Отечественные записки. 2007. № 5 (38). URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/5/zagadka-zavernutaya-v-taynu-i> (дата обращения: 01.06.2022).
7. Woolf V. The Common Reader. L., 1938. 202 p.
8. Бочкарева Н. С. Реминисценции русской культуры в романе А. С. Байетт «Детская книга» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 4. С. 48–54.
9. Грэхем С. Непознанная Россия. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/grehem-stiven/pepoznanannaya-gossiia> (дата обращения: 01.06.2022).
10. Теличко Т. Г. Слово Достоевского в «русской» диалогии Х. Уолпола «Темный лес» и «Таинственный город» // Лінгвістичні студії. 36. наук. праць. Вип. 25. Донецьк: ДонНУ, 2012. С. 167–171.
11. Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924. Penguin Books; 1998. 1024 p.
12. Уильямсон Х. Прощание с Доном: гражданская война в дневниках британского офицера, 1919–1920 / пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М.: Центрполиграф, 2007. 302 с.

13. Бочкарева Н. С. Русские и англичане накануне войны и революции в романах П. Фицджеральд и А. Байетт // XXVIII Пуришевские чтения. Русская революция 1917 года в литературном сознании Запада. М.: МПГУ, ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ», 2016. С. 12–13.

14. Мук Д. Декрет о народной любви / пер. А. Асвадова. СПб.: Амфора, 2006. 462 с.

15. Fernandes D. R. Interview with James Meek. TBR, issue 51: January – February 2006. URL: https://barcelonareview.com/51/e_int.htm (дата обращения: 01.06.2022).

16. Волков Н. Н. Секта скопцов. Л.: Прибой, 1931. 168 с. URL: <http://padabum.com/d.php?id=123781> (дата обращения: 01.06.2022).

17. Эткинд А. М. Хлыст. Секты, литература и революция. М.: НЛО, 1998. 648 с. URL: <https://nplus1.ru/blog/2019/07/25/khlysts> (дата обращения: 01.06.2022).

18. Petroff Serge P. Remembering a forgotten war: civil war in eastern European Russia and Siberia, 1918–1920. Eastern European Monographs, 2001. 360 p.

19. Бердяев Н. Духи русской революции // Сборник статей о русской революции. М-П: Русская мысль. 1918. С. 55–90. URL: <https://proza.ru/2017/12/03/1141> (дата обращения: 01.06.2022).

20. Хабибуллина Л. Ф. Специфика стереотипизации образа России в современной английской литературе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (3). С. 170–175.

References

1. Polyakova, O. A. (2016). *Obras Rossii v literature Velikobritanii: imagologicheskie aspekty issledovani N. Michalskoy* [The Image of Russia in British Literature: Imagological Aspects of N. P. Mikhalskaya's Works]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"*. No. 8. URL: <http://e-koncept.ru/2016/16171.htm> (accessed: 01.06.2022). (In Russian)
2. Mihal'skaya, N. P. (2003). *Obraz Rossii v angliiskoi hudozhestvennoi literature IX-XIX vv.* [Image of Russia in English Literature in the 9th-19th Centuries]. 132 p. Izd-vo Litera-turnogo instituta im. A. M. Gor'kogo. Moscow. (In Russian)
3. Koroleva, S. B. (2014). *Mif o Rossii v britanskoi literature: dis. ... dokt. filol. nauk (1790-1920)* [The Russian Myth in British Literature (1790-1920): Doctoral Thesis]. Nizhny Novgorod, 461 p. (In Russian)
4. Buchanan, Sir George (1923). *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. 280 p. Boston, Little, Brown&Co. (In English)
5. *Russia in Britain, 1880-1940. From Melodrama to Modernism* (2013). Ed. by Rebecca Beasley and Philip Ross Bullock. 326 p. Oxford University Press, USA. (In English)
6. Krasavchenko, T. N. (2007). *"Zagadka zavernutaya v tainy i pomezennaya vnur golovolomki"* ["A Riddle Wrapped in a Mystery inside an Enigma"]. *Otechestvennye zapiski*. No. 5 (38). URL:

<http://www.strana-oz.ru/2007/5/zagadka-zavernutaya-v-taynu-i> (accessed: 01.06.2022). (In Russian)

7. Woolf, V. (1938). *The Common Reader*. 202 p. L. (In English)

8. Bochkareva, N. S. (2018). *Reministsentsii russkoi kultury v romane A. S. Byett "Detskaya kniga"* [Russian Reminiscences in A. S. Byett's "The Children's Book"]. *Vestnik Baltiiskogo Federal'nogo Universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, Pedagogika, Psikhologiya*. No. 4, pp. 48-54. (In Russian)

9. Graham, S. (1914). *Nepoznannaya Rossiya* [Undiscovered Russia]. Per. M. Il'ushinoy. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/grehem-stiven/nepoznannaya-rossiya> (accessed: 01.06.2022). (In Russian)

10. Telichko, T. (2012) *Slovo Dostoyevskogo v "russkoi" dialogii H. Uolpola "Tomnyi les" i "Tainstvennyi gorod"* [Dostoyevsky's Word in the "Russian" Dialog of Hugh Walpole "The Dark Forest" and "The Secret City"]. *Lingvisticheskaya studiya*. Vol. 25, pp. 167-171. Donetsk. (In Russian)

11. Figs, O. (1998). *A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891-1924*. 1024 p. Penguin Books. (In English)

12. Williamson, H. (2007). *Proshanie s Donom grazhdanskaya voyna v dnevnikah britanskogo ofizera* [Farewell to the Don: The Journal of Brigadier H. N. H. Williamson]. Transl. by A. Zyplenkov. 302 p. Moscow, Tsentrpoligraf. (In Russian)

13. Bochkareva, N. S. (2016). *Russkie i anglichane nakanune voyny i revolyutsii v romanah P. Fitzgerald i A. Byatt* [The Russians and the British on the Eve of War and Revolution in Novels of P. Fitzgerald I A. Byatt].

XXVIII Purishevskiy chteniya. Russkaya revolyutsiya 1917 goda v literaturnom soznanii Zapada. Moscow, MPGU, OOO "SAM POLIGRAFIST", pp. 12-13. (In Russian)

14. Meek, J. (2006). *Decret o narodnoi lubvi* [The People's Act of Love]. Transl. by A. Asvadov. 462 p. St. Petersburg, Amphora. (In Russian)

15. Fernandes, D. R. (2006). *Interview with James Meek*. TBR, Issue 51: January – February. URL: https://barcelonareview.com/51/e_int.htm (accessed: 01.06.2022). (In English)

16. Volkov, N. N. (1931). *Sekta skopzov* [The Sect of the Eunuchs]. 168 p. Leningrad. Priboi. URL: <http://padabum.com/d.php?id=123781> (In Russian)

17. Etkind, A. (1998). *Hlyst. Sekty, literatura i revolyutsiya* [Hlyst. Sects, Literature and Revolution]. 648 p. Moscow, NLO. URL: <https://nplus1.ru/blog/2019/07/25/khlysts> (In Russian)

18. Petroff, Serge P. (2001). *Remembering a Forgotten War: Civil War in Eastern European Russia and Siberia, 1918-1920*. Eastern European Monographs. 360 p. (In English)

19. Berdyaev, N. A. (1918). *Duhi russkoi revolyutsii* [The Spirits of the Russian Revolution]. *Sbornik statei o russkoi revolyutsii*. M-P: Russkaya mysl'. Pp. 55-90. URL: <https://proza.ru/2017/12/03/1141>? (accessed: 01.06.2022). (In Russian)

20. Khabibullina, L. F. (2014). *Spetsifika stereotipizatsii obraza Rossii v sovremennoi angliiskoi literature* [The Specifics of the Stereotypification of the Image of Russia in Modern English Literature]. *Vestnik Nizhne Novgorodskogo universiteta*. No. 2 (3), pp. 170-175. (In Russian)

The article was submitted on 14.06.2022
Поступила в редакцию 14.06.2022

Новикова Вера Григорьевна,
доктор филологических наук,
доцент,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
603000, Россия, Нижний Новгород,
Проспект Гагарина, 23.
wnovikova@mail.ru

Novikova Vera Grigorievna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Str.,
Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation.
wnovikova@mail.ru

**«АВТОБУС МИЛОСЕРДИЯ» АННЫ СТАРОБИНЕЦ:
ТРАДИЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НУАРА
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ**

© Елена Пономарева

**ANNA STAROBINETS' "MERCY BUS": THE TRADITION OF LITERARY
NOIR IN MODERN RUSSIAN SHORT STORIES**

Elena Ponomareva

The article continues the series of scientific materials devoted to the understanding of the Russian literary noir tradition. Exploring the phenomenology of Russian noir, the article considers different facets of the genre and style trend, which is actively declared by modern writers and publishers of popular literature and arouses the reader's interest precisely with its genre-marking titles that invariably include the noir component. The attempts to comprehend the nature and origins of this variegated and contradictory genre and style trend within the Russian literary process are pushing the need for a consistent description of representative artistic samples that would make it possible to create a typological map of this phenomenon.

The article proposes scientific approaches that are productive for studying the nature of a borderline phenomenon created at the intersection of literary, genre and national traditions. The subject of scientific interest in this particular study is one of the first examples of Russian noir - Anna Starobinets' story "Mercy Bus" (2010).

A detailed level-by-level analysis of this sample of short fiction, created in a clear noir-oriented context as a special tradition based on a previously tested research approach, allows us to comprehend the nature of the genre-style model using cinematic techniques in prose. At the same time, the emphasis is placed on the traditional carriers of the story genre: a plot organization, a chronotope, characteristic features of the hero image creation and a specific associative background. The rhythmic and intonational organization of the work is significant for understanding the individual author's style, which allows emphasizing essential details. The comprehensive analysis of A. Starobinets' story makes it possible to trace the incarnations of noir in modern Russian literature.

Keywords: Russian noir, genre-style model, cinematic techniques in prose, black detective, typology of characters, chronotope, artistic detail, Anna Starobinets

Статья продолжает цикл научных материалов, посвященных осмыслению традиции отечественного литературного нуара. Автор, исследуя феноменологию русского нуара, рассматривает разные грани жанрово-стилевой тенденции, которая активно декларируется современными писателями и издателями массовой литературы и вызывает интерес читателя именно жанромаркирующими заглавиями, неизменно включающими составную часть «нуар». Попытки постичь природу и истоки пестрой и противоречивой жанрово-стилевой тенденции внутри отечественного литературного процесса подталкивают к необходимости последовательно описывать репрезентативные художественные образцы, которые позволили бы создать типологическую карту этого явления.

В статье предлагаются научные подходы, продуктивные для исследования природы пограничного явления, созданного на стыке литературных, жанровых, национальных традиций. Предметом научного интереса в данном частном исследовании является один из первых образцов отечественного нуара – рассказ Анны Старобинец «Автобус милосердия» (2010).

Подробный поуровневый анализ образца малой прозы, созданного в явной ориентации на контекст нуара как особой традиции, который опирается на апробированный ранее исследовательский подход, позволяет постичь природу жанрово-стилевой модели, опирающейся, в свою очередь, на кинематографические приемы в прозе. При этом акцент ставится на традиционные для рассказа носители жанра: сюжетную организацию, хронотоп, особенности создания образа героя, специфический ассоциативный фон. Значимой для понимания индивидуального авторского стиля, позволяющего акцентировать сущностные детали, является и ритмико-интонационная организация про-

изведения. Комплексный анализ рассказа А. Старобинец позволяет проследить воплощения нуара в современной русской литературе.

Ключевые слова: русский нуар, жанрово-стилевая модель, кинематографические приемы в прозе, черный детектив, типология героев, хронотоп, художественная деталь, Анна Старобинец

Русский нуар за десятилетие своего официального существования не просто прочно зафиксировался в художественном сознании массовой литературы: вопреки ожиданиям скептиков, его присутствие в культурном пространстве становится все более ощутимым. Заявив о себе в первых сборниках, отмеченных интересом широкого читателя, «Москва-нуар» (2010) [1], включая его переводы [2], [3] и «Петербург-нуар» (2013) [4], русский нуар постепенно стал набирать обороты, будучи продолженным как в произведениях, действительно ориентированных на традицию нуара (романная трилогия А. Молчанова «Газетчик» (2018) [5], «Писатель» (2018) [6], «Сценарист» (2018) [7]), так и множества литературных образцов, имеющих мало общего или вовсе не соответствующих жанрово-стилевой модели нуара. Такие феномены, как кибернуар, фэнтези, стимпанк, историческая фантастика, хоррор, мистический триллер и другие, маскируются под «привлекательную вывеску» нуара – красиво звучащего, не вполне понятного, но манящего обещающего и потому подсознательно привлекающего читателя явления.

Дифференцировать многоплановые, иногда противоречивые явления внутри этого потока отечественного нуара, нео- и псевдонуара позволяет тщательный анализ жанрово-стилевой модели, который логично опирается на исследования А. Артюх, К. Орозбаева, И. Смит, Р. Борде, Р. Эберта, Б. Кроутера и др. в области теории и истории кинонуара [8], [9], [10], [11], [12], [13], его истоков [14], [15], [16] и эволюции [17], [18], [19], [20], освещенных в трудах В. Жарикова, Г. Мэйера, Д. Мэуэля, Е. Карцевой, К. Попова, Э. Дикоса, У. Хеа. Особую значимость приобретают исследования Е. Бронте и Д. Флори, посвященные репрезентации философии и эстетики нуара в разных видах искусства [21], [22]. Более точные характеристики, определяющие жанрово-стилевые параметры жанровой модели можно получить из работ, посвященных отдельным, ключевым категориям нуара: специфике организации пространства (Н. Кристофер [23]), особенностям создания атмосферы и образов героев. При этом отдельное внимание в исследованиях К. Ханнсбери и Х. Хенсон [24], [25] уделяется образу женщины как одному из ключевых персонажей, определяющих развитие сюжета в произведениях. Особую ценность представляют

комплексные исследования, в которых дается комплексное представление о нуаре как объемном явлении, в частности книга А. В. Васильченко с тенденциозным названием «Пули, кровь и блондинки. История нуара» [26], символизирующим характер описываемого явления.

Рассказ Анны Старобинец «Автобус милосердия. Курская» [27] стал одной из точек ввода широкого читателя в пространство литературного нуара. Это произведение в наибольшей степени репрезентирует художественную модель нуара в отечественной версии. Сам выбор героя-рассказчика отвечает эстетике нуара: Андрей Калужский – не детектив, распутывающий происходящие события. Он один из участников и организаторов этих событий, «преступник-жертва», человек, считавший себя затеявшим смертельно опасную игру со своим хозяином, сильным мира сего, а на самом деле оказавшийся пешкой, которую безжалостно разменивает настоящий игрок – роковая героиня Лисичка Ли.

Трансформация культурного сознания закономерно ведет за собой трансформацию культурного пространства. По Хайдеггеру, сама категория пространства связывается с категориями простора, открытости [28, с. 314]. Неслучайно именно эта категория подвергается сущностной деформации в границах нуара. Мотивы темноты, ночи, зыбкости, неизвестности неизменно определяют ключевые параметры хронотопа, мотивируют или объясняют поступки героев, формируют атмосферу произведения. Все происходящее «в настоящем» происходит ночью: герой прячется под ее завесой от погони, ему необходимо продержаться одну ночь на Курском вокзале в автобусе милосердия, а за эту ночь его возлюбленная обещает подготовить его спасение. Именно ночью происходит ключевое событие, концентрирующее количество, демонстрирующее характер и масштаб греха, захлестнувшего бомонд столицы и выступающего под маской благодетели, название которого, как и сама идея, заложенная в его основе, является гротескным – «Бал Милосердных Монстров».

Образ ночи является сквозным, он целиком определяет и внешний (пространственный), и психологический (внутреннее состояние героя), и метафорический (оценка происходящего в личной жизни) планы произведения. Но если это является традиционными характеристиками нуа-

ра, то стилистически А. Старобинец решает его необычно, фактически акцентируя за счет ритмико-интонационных характеристик текста: один из фрагментов рассказа представляет собой лирическое отступление, создающее представление и о деталях сюжета, и об обстановке, окружающей героя, и прежде всего – о его внутреннем состоянии. Бесспорно, такое пластическое решение – примета не самого нуара, а скорее черта идиостиля, придающая произведению самобытность, усиливающая его психологическое звучание. Этот фрагмент текста предельно сегментирован и, по существу, представляет собой сцепление анафорически организованных версейных фраз. Начало каждой фразы и финал последней рождает оксюморонный, эмоционально взвинченный образ ночи – времени иллюзорного спасения для героя, подвергающегося опасности быть настигнутым:

«В эту холодную ночь, когда за час можно замёрзнуть до смерти.

В эту черную ночь, когда за минуту можно исчезнуть бесследно.

В эту страшную ночь, когда меня ищут по всему городу, в квартирах и кабаках, в метро и аэропортах, в гостиницах и кинотеатрах, в клубах и казино, на улицах и в подъездах.

В эту последнюю ночь, когда меня ищут, чтобы убить.

В эту счастливую ночь – когда меня не смогут найти, ибо никто не станет искать меня здесь в Автобусе Милосердия, спасающем бездомных от обморожений и голода.

Мне нужно милосердие в эту чертову ночь!» [27, с. 24].

Лейтмотив ночи тесно сплетается в рассказе с лейтмотивом холода, пронизывающим все произведение, закольцовывающим рассказ, является знаком неживого пространства, смертельной опасности, предвестником смерти:

«А сейчас холодно. Просто ужас как холодно» [Там же, с. 15];

«Когда они встанут, им сразу же станет совсем плохо: еще бы, в мокрой насквозь одежде, на тридцатипятиградусном морозе» [Там же, с. 16];

«Меня трясло.

– Мне холодно, – сказал я, но он не ответил» [Там же, с. 45];

«...я вздрогнул всем телом и затрясся еще сильнее, не то чтобы даже от холода; просто умирать не хотелось» [Там же, с. 46];

«Он умер почти сразу, сказав перед смертью:

– Мне холодно» [Там же, с. 47].

Мотивы темноты и ночи сопровождаются мотивом движения по кругу: Курский вокзал на-

ходится на станции кольцевой линии «Курская», автобус милосердия за ночь по кругу объезжает все вокзалы; герой по кругу прокручивает события последнего дня; его бегство оказывается замкнутым кругом, а потому приводит в тупик, подводит к страшному финалу. Смерть персонажа сопровождается погружением героя в холод, темноту – мертвый сон. Особенное эмоциональное воздействие на читателя в финальной части рассказа достигается за счет выразительного использования формы глаголов в настоящем времени, это создает у читателя ощущение непосредственного вынужденного наблюдения за ситуацией смерти, реального погружения в страшную атмосферу:

«Я лежу на полу автобуса.

Я, кажется, умираю. <...>

Меня поднимают с пола и усаживают на водительское сиденье.

Холодно. Просто ужас как холодно.

Я жду милосердия. Оно скоро придет» [Там же, с. 59].

При помощи такого активного хронотопа автору удается погрузить читателя в атмосферу, определяющую теневую сторону Курского вокзала, точнее околотовокзальной жизни – неблагополучного места, в котором (как и на любом вокзале) отсутствует семантика постоянства: это место, через которое люди проходят и не остаются в нем. Изнаночная сторона городского хронотопа, транслирующая ощущение зыбкости, неприкаянности, неопределенности существования человека, – типичная черта нуара, которая приобретает черты узнаваемого локуса. И в то же время в рассказе А. Старобинец это отчетливо напоминает характеристики одного из кругов ада, с устойчивыми ассоциативными образами, воплощенными в множестве нагнетаемых натуралистических деталей:

«Просто ужас как холодно. Особенно мне: они – то хотя бы лежат на решетках канализационных сливов или сидят рядом, на оголенном асфальте, привалившись к серым панелям вокзального здания. У них там хорошие местечки. Горячий пар поднимается из-под земли, пропитывает их вонючие тряпки и тела, их волосы и их кожу теплой влагой...» [Там же, с. 15];

Кстати. Никогда не ходите в сортир на Курском вокзале. Если только вы не любитель прилюдно посрать на морозе в вонючую дырку за пятнадцать рублей...» [Там же, с. 19].

Особую роль в создании специфической атмосферы играют ольфакторные детали, которые воплощают характеристики земного ада, самого низа жизни:

«Вонючие тряпки и тела» [Там же, с. 15];

«Господи Боже, какая же здесь вонь! Всю оставшуюся пачку зеленых я отдал бы за медицинскую маску – такую же, как у этих, милосердных. Маску мне, маску!» [Там же, с. 26];

«Меня тошнит. Мне трудно дышать. Здесь такая вонь, такая адская вонь, что можно подохнуть» [Там же, с. 57];

«У Павелецкого вокзала мы подбираем всего троих нищих – но они воняют сильнее, чем семеро с Савеловского...» [Там же, с. 41]

«Сосульки истекают гнойными каплями» [Там же, с. 15];

«Кстати. Никогда не деритесь с бомжом на Курском вокзале. Это все равно, что подражаться с гигантским гнилым яблоком. Или с переполненным мусорным пакетом...» [Там же, с. 16].

Атмосфера и герой в поэтике нуара сложно-разделимы: демаркационная линия между ними предельно размыта, потому что, с одной стороны, именно атмосфера определяет состояние героя, а с другой – она сама во многом является порождением его внутреннего мира, ситуации, внутри которой находится персонаж. Поэтому очень важно сосредоточиться на приемах создания образов, которые активны для автора. Анна Старобинец активно использует в качестве средства создания образа детали динамического портрета, отводя существенную роль взгляду:

«Скользнул чуть мутноватым и текучим, как водопроводная вода, взглядом...» [Там же, с. 18];

«Мент лениво покосился на поезд, потом цапанул взглядом мои оголенные пальцы...» [Там же, с. 19].

«В глазах «командира» появилось какое-то животное выражение – смесь острого удивления и острой же тоски» [Там же, с. 22].

А. Старобинец пишет и коллективные портреты, создающие атмосферу мрака и безысходности, изображает собирательный образ обреченной толпы:

«Бесформенная баба в приспущенных сиреневых колготках спит, сладко посапывая. Остальные не спят: смотрят без всякого выражения на приближающийся автобус. Тот, хромоногий, куда-то убрел, волоча подол нежнокожей дубленки и шаркая по мерзлой земле...» [Там же, с. 16].

Страшная мораль циничного времени «сильных» – примета нуара, определяемая характеристиками реального времени, открыто декларируется главным героем даже когда он сам попадает на дно жизни, ощущает на себе его тяжесть и, казалось бы, должен испытывать сострадание к

тем, среди которых вынужденно (пусть и на время, по его мнению) оказался:

«На площади трех вокзалов выстроилась целая очередь обмороженных нищих. Они все хотели в автобус – милосердные взяли лишь тех, кто не мог стоять. Лишь тех, кто валялся в снежной грязи, там, позади этой очереди.

По-моему, это глупо. Что толку подбирать самых слабых? Спасать – так уж лучше стоячих: они сильней, у них куда больше шансов выжить.

Эй! Ребята, спасайте сильнейших! А эту падаль вы все равно уже не спасете...» [Там же, с. 34].

Жизнь по правилам нуара определяет присутствие в ней традиционного персонажа – роковой соблазнительницы. И она в той же степени, что и сам герой, что и происходящие события, – часть реального мира. Герой, попавший в расставленные ею сети, незаметно для себя играет по ее правилам и выступает оружием в ее руках, марионеткой, реализующей вынашиваемые героиней грандиозные планы:

«Она сказала, что я с самого начала ей нравился. Мне же всегда очень трудно было понять, нравлюсь я ей – или просто не слишком противен. Или же ей вообще все равно. В целом Лисичка вела себя как примерная самка: она не выпендривалась и легко уступала сильнейшему, не забывая при этом, что вокруг пацусы и другие самцы, а сильнейший – степень хоть и превосходная, но недолговечная. <...>

Но Старый был все же сильнейшим – и она боялась его» [Там же, с. 33].

Вполне органичными элементами эстетики нуара являются сцены соблазна, причем приправленные атмосферой крайней опасности, риска, «неуместности», «несвоевременности» изображаемых событий. Аморализм, считающийся одной из стилизованных особенностей нуара, являлся в свое время причиной для запрета показа фильмов, снятых в этом жанре. Такой эстетике вполне отвечает сцена страсти, разыгрываемой рядом со «свежим» трупом Старого – хозяина жизни, хозяина героев, казалось бы, хозяина ситуации, разоблачившего предательство своего молодого помощника и только что убитого героиней [Там же, с. 47–48].

Текст рассказа апеллирует к кинонуару, содержит аллюзии на литературные произведения, соотносимые с эстетикой этого жанра. Анна Старобинец буквально «цитирует» элементы «претекста», адресуя читателя к одному из известных экранизированных гангстерских романов Эдгара Л. Доктроу [29]:

«Старый имел трогательное пристрастие не только к мировому кино, но и к литературе. Настольной его книгой был „Билли Батгейт“ Эдгара Л. Доктроу...» [27, с. 45].

Обращает на себя внимание «киношный характер» сцен расправы. От этого они не выглядят страшными – читатель приучен к такой эстетике, отчасти ставшей штампом не только в голливудских черных детективах, но и в отечественных киноверсиях жанра. А потому она не пугает, а выглядит, скорее, игрой в страшилки, «цитатой» из «библиотеки жанра», причем приправленной авторской иронией, сообщающей анекдотичность ситуации, воплощенной в отечественном варианте:

«...особенно он обожал сцену, в которой мафиозный босс Шульц приказывает надеть на предателя Бой Уайнберга «цементные тапочки» (обувка эта, если вдруг кто не знает, представляет собой таз или корыто с цементным раствором, в который следует ступить босыми ногами) и утопить его в море. <...>

Мобильный Старого вновь взорвался позывными из „Бумера“...» [Там же, с. 45];

«Он медленно, как-то очень картинно упал...»

Он умер почти сразу, сказав перед смертью:

– Мне холодно.

Он все-таки очень любил все эти киношные штучки, бедняга. Ковер, залитый кровью, любимая женщина с окровавленными руками, „мне холодно“... Прямо Голливуд» [Там же, с. 47].

Бутафорской, киношной выглядит даже сцена смерти героя в финале: злодейка-медсестра в маске, оказавшаяся роковой героиней, совершает страшное преступление, очередное убийство – делает смертельную инъекцию, после открывает лицо, не опасаясь последствий, а затем хладнокровно вновь надевает маску медсестры, спокойно «организует» дальнейшие действия и цинично наблюдает за уходом героя из жизни.

Особенность нуар-версии А. Старобинец в том, что пугающим выглядит именно реальное, настоящее, сама мораль, по которой живут герои, живет общество. Именно эти характеристики аккумулируются в финале произведения. Читатель видит тотальное предательство, в том числе самых близких людей: герой предает своего босса; босс предает всех, кто рядом, в том числе и свою семью; семья давно относится к нему, как к чужому, обманутая жена пытается извлечь свою финансовую выгоду из сложившейся ситуации, о любви сына к отцу вообще не говорится ничего; любовница, ведущая свою изощренную страшную игру, изменяет и боссу, и его подчиненному... При всей разнице конкретных поступков неизменным остается их «общий знаменатель»:

приняв законы жесткого циничного времени, люди изменяют нормам человеческой жизни, нормам морали, а прежде всего – самим себе. Хотя последнее утверждение носит характер гипотезы: по контексту сложно предположить, что на самом деле определяет границы внутреннего мира героев, есть ли у них этот мир, и если все-таки есть, то каков он. Насильственная физическая смерть оказывается в каком-то смысле спасением души для героев в таких обстоятельствах кошмара. Но самое страшное, что, оказываясь в положении жертвы, персонажи не вызывают сочувствия, потому что свои капканы они расставляют сами. Разница в этой кровавой игре заключается лишь в том, чей капкан оказывается изощреннее и оттого надежнее.

И все-таки границы сознания главного героя оказываются приоткрытыми: читатель видит события, воссоздаваемые в пульсирующей памяти персонажа. События воссоздаются без приукрашивания, романтизации; они, напротив, подчеркнута достоверны, лишены «литературной возвышенности», предельно заземлены и материализованы. Герой вспоминает «не для читателя», возникают импульсы его памяти, снова и снова возвращающие персонажа к той страшной, роковой ночи. И способом акцентировки вновь становится особая ритмико-интонационная организация текста: в этой части произведения анафорически акцентируется фраза «в ту ночь»:

«...В ту ночь она действительно была самой красивой – но мне, по правде сказать, было вовсе не до нее; ее красота как-то меркла на фоне красоты моей новенькой банковской карточки.

В ту ночь Лисичка была для меня лишь смутным рыжим пятном – уже неважным пятном, которое останется в прошлом.

В ту ночь я плевал на Лисичку; я думал о своей карточке, о ее золотистом мерцании, о пятистах тысячах долларов, лежащих на ней...» [Там же, с. 35].

Героиня, Лисичка Ли, очевидно не соответствует типу «маленьких», незащищенных, задавленных миром людей. Этому совершенно не отвечает тот внутренний посыл, который определяет поступки героини. Герой, как и положено традицией, заблуждается по поводу незащищенности и бескорыстия возлюбленной: мотив обмана (и самообмана) – один из сюжетообразующих в рассказе А. Старобинец:

«И каждый день, каждый божий день я буду говорить ей „спасибо“. Ведь если бы не Лисичка – купался бы я сейчас в реке Яузе. Под слоем льда, синий, распухший и мертвый» [Там же, с. 44];

«Я был не против, потому что влюбился. Я был не против, потому что Лисичка – мой ангел-хранитель.

Потому что сомневаться в ней – грех. Она убила его ради меня. И себе во вред. Это факт. Это парадокс. Я думаю об этом все время, я не перестаю восхищаться ею. Старый был единственной ее гарантией в жизни. Убив его, она просто теряла все: особнячок на берегу Яузы, деньги, шмотки, духи, побрякушки, дорогие автомобили, прогулки по „Атриуму“, – все. И что она получала взамен? <...> Так что же она получала взамен? Меня. Только меня» [Там же, с. 49–50].

Читатель, воспитанный на традициях отечественной классики, может быть, некоторое время оказывается подвержен тем же заблуждениям, что и герой. Но, по сюжетной траектории нуара, роковая героиня-обольстительница обеспечивает себе серьезный куш, срывает настоящий джек-пот – сто миллионов долларов, перечисленные «бывшим хозяином», Старым, на счета подставных фирм со счетов «Стар-нефти».

Прошедшая свои круги ада, идущая через любые обстоятельства к своей цели, она лишь внешне кажется жалкой игрушкой в чьих-то руках, а на самом деле, по закону жанра, она и есть самый настоящий кукловод. Даже дочитав рассказ, сложно предположить, где начинается настоящая история Лисички, почему и случайно ли она попала в дом к своему покровителю, была ли у нее страшная предыстория или это удобный миф, позволяющий быть кукловодом в маске куклы. Неслучайно на протяжении произведения даже близко знающий Лисичку герой не знает о ней практически ничего. У героини много масок, у нее два имени – настоящее и то, которое ей придумали (Лисичка Ли). «Двойные имена» (настоящее имя и его производное – присвоенное окружением, «кличка») – устойчивая черта криминального мира. Кроме того, имена в данном случае можно расценивать как говорящие, определяющие не только внешний облик, но внутреннюю суть героев (хитрая, коварная Лисичка Ли; внутренне состарившийся, ничему не радующийся и не удивляющийся, пресытившийся всем в жизни Старый):

«„Меня зовут Ли... Ли... Ли...“. „Наверно, Лисичка, да, рыжая?“ – смеясь, предположил Старый, и тогда она перестала плакать и сказала: „Лисичка – мне нравится. А вообще-то меня зовут Лиза“» [Там же, с. 33];

«Старый ворочал миллионами и иногда убивал людей (не сам конечно). Старый не был старым: он просто носил фамилию Старковский (так что кличка прилипла к нему еще в детском саду). Он был старше меня на пять лет. Ему было всего сорок, когда он умер.

А умер он не далее как сегодня» [Там же].

Двойственность – черта нуара, которая присутствует во всем, что окружает героя, в том числе и в его оценках, его отношении к героине и к тому, что происходит:

«От ее пальцев пахло *кремом и кровью*.

– Я буду с тобой, – сказала Лисичка. – Если ты хочешь.

И я кивал, и я говорил „хочу“, я злился и хотел ее, и целовал ее рыжие волосы, и пушистые желтые ресницы, и маленькие ладошки, и эти пальцы – холодные, влажные пальцы, которые она не успела отмыть хорошенько. Я целовал их и вдыхал их запах, *звериный и детский* одновременно...» [Там же, с. 21]

«Лисичка Ли – моя девочка, моя вокзальная шлюшка, мой добрый ангел-хранитель, – указала мне надежную нору. Надежную и вонючую» [Там же, с. 26].

Мотив маскарада, обмана, фальши – лейтмотивный в рассказе. Служители порядка оказываются продажными людьми, готовыми за 100 долларов закрыть глаза на все происходящее; кажущийся заступник «*в кожаной куртке*» оказывается одним из убийц героя; обманутая – обманщицей; жертва – преступником; миллионер – бездомным; автобус милосердия – местом смерти и т. д. Образ маски сопровождает все произведение: каждый выступает в роли, носит маски и с легкостью меняет их. Самое страшное в том, что спрятанное под маской оказывается гораздо страшнее самой маски. Мотивы подмены, обмана, превращения определяют мотивную структуру произведения: афера надевает маску благотворительного мероприятия, героиня в маске Смерти является спасительницей, а после – в маске спасительницы-медсестры – хладнокровно убивает. Вся жизнь в категориях нуара – танец со Смертью. Этот мотив буквально воспроизводится в танце героя на «Балу Благотворительности Милосердных Монстров» с грациозной гостьей под маской Смерти, который не только предвещает события в финале, но и фактически метафорически определяет само существо жизни персонажей в холодном чужом городе, обрекающем человека на одиночество, жестокость, бездушность и отчужденность от всех, включая самого себя. Все двойственно, все относительно и все перевернуто с ног на голову в мире, где находится герой.

Милосердие, несмотря на известное духовное содержание понятия, в произведении аккумулируется в материальных, предельно овеществленных, совершенно неожиданных образах циничного мира. В конце концов оно концентрируется в образе волонтерского микроавтобуса, оказывающего помощь вокзальным жителям, которые

находятся на грани жизни и смерти, практически полностью лишены жизненных сил. Истинного милосердия либо его присутствия хотя бы по отношению к кому-то нет абсолютно ни в ком из героев. Сама категория милосердия звучит так же овеществленно, иронично-сниженно и даже пугающе-зловеще, как и название ключевого мероприятия, практически символизирующего характер реальности:

«Милосердие – штука, как известно, расплывчатая и абстрактная, могущая принимать множество форм: от завалявшейся в кармане монеты до чека с непроставленной суммой, от пакета с объедками до благотворительного концерта, от поцелуя до искусственного дыхания, от таблетки валидола до выстрела в голову, от умения любить до умения убивать...

Ниспосланное мне милосердие конкретно. Оно имеет форму автобуса грязно-белого цвета. Оно дано мне на одну ночь...» [Там же, с. 23–24].

В этих циничных размышлениях героя – нормы жизни жесткого, темного мира, определяющего пространство нуара:

«В Автобусе мало мест. <...> Они берут только тех, кому совсем плохо – и возят по городу всю ночь, греют и кормят, а утром привозят обратно.

Только тех, кому совсем плохо.

Только тех, кто на грани.

Только тех, кто без них подойдет» [Там же, с. 25].

Символ уродства этого мира – праздник, организованный героем для своего босса – бизнесмена-бандита по кличке Старый. Гротескно-символичным является и название («Бабла (бала благотворительности) милосердных монстров):

«Идея БаБла (Бала Благотворительности) принадлежала целиком и полностью мне, но я-то планировал снять на ночь замшелый театр навроде МХАТа, или концертный зал, ну или, на худой конец, какой-нибудь пафосный клуб...

Устроить БаБла именно в „Атриуме“ захотел Старый» [Там же, с. 27].

По прочтении произведения читатель понимает, что настоящим балом монстров являлось не мероприятие, затеянное по прихоти хозяина «Стар-нефти», а тот спектакль, который разыгрывался и разыгрывается в повседневности. Из жизни ушли отдельные игроки, но игра по страшным правилам и места, в которых она разыгрывается, остаются, вовлекая в свой квест все новых и новых игроков.

Типичным героем нуара, а точнее, его предтечи, гангстерского детектива, является образ хозяина, на которого работает герой, «повелитель» роковой героини, человека, который практи-

чески считает себя повелителем мира, человека-паука, в руках которого сосредоточены богатство и власть, человека, цинично расточающего национальные богатства, о чем с не меньшим цинизмом повествует главный герой произведения:

«Дела у Старого действительно шли хоть куда. Он тихо и удобно сидел на трубе – в достаточно напряженной позе, чтобы в любую секунду свалить (ибо труба все-таки была не вполне его), но и занимая достаточно много места, чтобы задница не чувствовала ни в чем недостатка (ибо труба все-таки была не вполне чужая). Он сидел, свесив ножки, и с удовольствием слушал, как с тихим журчанием утекала в далекие страны ароматная и маслянистая черная кровь РФ» [Там же, с. 29].

Этот человек, как и все его окружение, живет в предельно материализованном мире. Не случайно текст рассказа перенасыщен бытовыми сниженными деталями и подробностями: от «потребительской корзины» – до меню ужина. Обладающий огромной внутренней силой, герой живет по своим правилам и, как ему кажется (как кажется большинству из его окружения), заставляет играть по ним всех. Страх, подозрительность опутывают каждого, кто попадает в ближний круг героя, причем действительно пугающим, устрашающим выглядит именно то, что герой принадлежит не к миру теней или монстров, а напротив, он подчеркнуто узнаваем, знаком и предсказуем – он часть этого будничного мрачного искаженного мира, как и главный герой, как и читатель. В этой логике обратности, присущей нуару, расположение, хорошее отношение злодея к герою означает мрачную перспективу для последнего. Цинизм, как положено и по законам жанра, и по законам самой действительности, пронизывает все человеческие отношения. Именно поэтому для читателя очевидна причина беспокойства главного героя, решившегося на свою игру, которая давала единственный шанс или, напротив, лишала единственного шанса выжить:

«По истечении срока годности любимчик выбрасывался на помойку (то есть перекалывался в личного шофера второго помощника секретарши, или увольнялся, или стирался с лица земли – в зависимости от настроения Старого).

С начала ноября Лисичку и Старого сопровождал в „Атриум“ я» [Там же, с. 28].

Переиграть «обыденного монстра» из реальности невозможно никому, кроме затаившей злобу, вынашивающей коварный план и затеявшей еще более коварную, изощренную игру, о

которой не мог подозревать ни один ее участник роковой дамы, – Лисички Ли.

Метафорические ряды, стиль мышления героев, стиль выражения их мыслей лишены «высокой литературности»: сниженный стиль – характерная жанровая особенность нуара:

«Старый произносил слово „Нефтянка“ так сладко и плотоядно, точно это было имя голой и капризной африканской принцессы, которая отдавалась ему по ночам с криками, слезами и стонами. Вообще, слово „нефтянка“ идиотским, нелепым, просто наинелепейшим образом меня задевало и мучило. Стоило боссу его сказать (что случалось достаточно часто), как перед моими глазами возникала злосчастная принцесса – влажная, верткая, задастая негритянка навроде Хэлли Бери, которая уже через секунду уступала свое место другой, бледной и рыжеволосой. Той, которую Старый действительно трахал. Лисичке...» [Там же, с. 29].

Любовь в этом мире отсутствует. Ее успешно заменяют влечение, страсть. Цинизм пронизывает все стороны жизни:

«<...> осторожный и великодушный, Старый сначала выбросил использованный презерватив, потом предложил девушке кров, и уж в последнюю очередь решил познакомиться...» [Там же, с. 32].

Тягучая монотонная атмосфера безысходности, ощущение растянутости времени создаются во многом благодаря временным перебивкам, приемам кэшбэка, позволяющим герою прокрутить свою историю, вернуть ее в исходную точку, восстановить события, приведшие его к обстоятельствам, из которых он иллюзорно пытается выпутаться. При этом сюжет, смоделированный в сознании героя, и сюжет, складывающийся в сознании читателя, имеющего возможность спокойно проанализировать обстоятельства, события, детали, психологическую мотивацию и поступки персонажей, погрузиться в угнетающую атмосферу, категорически, предельно расходятся. У читателя изначально складывается ощущение безнадежности ситуации, в то время как герой практически до конца остается в плену иллюзий на спасение, на особенное отношение к нему роковой героини, на некую избранность. В то же время, согласно традиции нуара, эти опасные заблуждения героя и были на самом деле тупиком. Трагический исход обусловлен не стечением роковых обстоятельств, а роковой встречей с роковой героиней, а также правилами того темного мира, частью которого является сам герой.

Подчеркнутое внимание к изнаночной, теневой стороне жизни, погружение читателя в об-

становку тягостной мрачной атмосферы холодного мегаполиса, отсутствие положительного героя, необычный психологический рисунок, угнетающе-подробный ассоциативный фон и даже своеобразная ритмико-интонационная организация произведения А. Старобинец «Автобус милосердия» позволяют рассматривать этот рассказ в качестве образца малой прозы, репрезентирующего механизмы отечественного литературного нуара.

Список источников

1. Москва Нуар: город исковерканных утопий. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
2. Moscow Noir (2010). New York: Akashic Books. 280 p.
3. Moscow Noir (2011). Warszawa: Clarendon. 288 p.
4. Петербург нуар. Санкт-Петербург: Азбука, 2013. 317 с.
5. Молчанов А. Газетчик. М.: Эксмо, 2018. 224 с.
6. Молчанов А. Писатель. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
7. Молчанов А. Сценарист. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
8. Артюх А. Нуар: голос из прошлого. Об истории и теории жанра. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/2007/05/n5-article18> (дата обращения: 12.10.2021).
9. Орозбаев К. Н. Художественные особенности стиля нуар: на материале американского кинематографа 1940–1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. искусств. М., 2019. 35 с.
10. Смит Иэн Хейдн. Главное в истории кино: фильмы, жанры, приемы, направления / Иэн Хейдн Смит (пер. с англ. М. Захарова). М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 224 с.
11. Borde R. A Panorama of American Film Noir (1941–1953) / R. Borde, E. Chaumeton, P. Hammond. City Lights Publishers, 2002. 242 p.
12. Ebert R. A guide to film noir genre, 1995. URL: <http://www.rogerebert.com/rogers-journal/a-guide-to-film-noir-genre> (дата обращения: 28.10.2021).
13. Crowther, Bruce. Film Noir: Reflections in a Dark Mirror. New York: Continuum, 1989. 192 p.
14. Жариков В. И. Гангстерский детектив. URL: <http://lib.udm.ru/lib/DETEKTIWY/HEMMET/gangster.txt> (дата обращения: 14.11.2016).
15. Mayer Geoff. Encyclopedia of Film Noir. Westport, Conn: Greenwood Press, 2007. 477 p.
16. Meuel D. The noir western: darkness on the range, 1943–1962. Jefferson, North Carolina: McFarland, cop., 2015. 216 p.
17. Карцева Е. Легенды и Реалии. История американского уголовного фильма. М.: Материк, 2004. 248 с.
18. Попов К. Max Payne: эволюция нуара // Kanobu. URL: <http://kanobu.ru/articles/max-payne->

evolyutsiya-nuara-366710/ (дата обращения: 14.10.2021).

19. Dickos Andrew. *Street with No Name: A History of the Classic American Film Noir*. Lexington: University Press of Kentucky, 2002. 307 p.

20. Hare William. *Early Film Noir: Greed, Lust and Murder Hollywood Style*. Jefferson, N.C: MsFarland, 2003. 221 p.

21. Bronte E. *Night passages: philosophy, literature, and film*. New York: Columbia university press, cop., 2013. P. 186.

22. Flory Dan. *Philosophy, Black Film, Film Noir*. University Park, Pa: Pennsylvania State University Press, 2008. 248 p.

23. Cristopher Nicolas. *Somewhere in the Night: Film Noir and the American City*. New York: Free Press, 1997. 304 p.

24. Hannsberry Karen Burroughs. *Femme Noir: Bad Girls of Film*. Jefferson N.C: MsFarland, 1998, 643 p.

25. Hanson Helen. *Hollywood Heroines: Women in Film Noir and the Female Gothic Film*. London: I.V. Tauris, 2007, 251 p.

26. Васильченко А. В. Пули, кровь и блондинки. История нуара. Москва: Пятый Рим, 2018. 352 с.

27. Старобинец А. Автобус милосердия // Москва Нуар: город исковерканных утопий. М.: Эксмо, 2010. С. 15–59.

28. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 312–316.

29. Доктроу Эдгар Л. Билли Батгейт (пер. с англ. Ю. Здорова). СПб.: Домино; М.: Эксмо, 2010. 509 с.

References

1. Moskva Nuar: gorod iskoverykannykh utopii (2010) [Moscow Noir. The City of Warped Utopias]. 384 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

2. Moscow Noir (2010). 280 p. New York, Akashic Books. (In English)

3. Moscow Noir (2011). 288 p. Warszawa, Claroscuro. (In Polish)

4. Peterburg Nuar (2013) [Petersburg Noir]. 317 p. Sankt-Peterburg, Azbuka. (In Russian)

5. Molchanov, A. (2018). *Gazetchik* [The News-hound]. 224 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

6. Molchanov, A. (2018). *Pisatel'* [The Writer]. 320 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)

7. Molchanov, A. (2018). *Scenarist* [The Script-writer]. 320 p. Moscow, Eksmo. (In Russian).

8. Artiuk, A. (2007). *Nuar: golos iz proshlogo. Ob istorii i teorii zhanra* [Noir: A Voice from the Past. On the History and Theory of the Genre]. URL: <http://www.kinoart.ru/archive/2007/05/n5-article18> (accessed: 12.10.2021). (In Russian)

9. Orozbaev, K. N. (2019). *Hudozhestvennye osobennosti stilya nuar: na materiale amerikanskogo kinematografa 1940–1950-h gg.: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Artistic Features of the Noir Style: Based on the American Cinema of the 1940s–1950s: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 35 p. (In Russian)

10. Smith, Ian Haydn. (2021). *Glavnoe v istorii kino: fil'my, zhanry, priemy, napravleniya* [The Main Thing in the History of Cinema: Films, Genres, Techniques, Trends]. Ian Haydn Smith (trans. from English by M. Zakharova). 224 p. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber. (In Russian)

11. Borde, R. (2002). *A Panorama of American Film Noir (1941–1953)*. R. Borde, E. Chaumeton, P. Hammond. 242 p. City Lights Publishers. (In English)

12. Ebert, R. (1995). *A Guide to Film Noir Genre*. 1995. URL: <http://www.rogerebert.com/rogers-journal/a-guide-to-film-noir-genre> (accessed: 28.10.2021). (In English)

13. Crowther, Bruce (1989). *Film Noir: Reflections in a Dark Mirror*. 192 p. New York, Continuum. (In English)

14. Zharikov, V. I. *Gangsterskii detektiv* [A Gangster Detective Story]. URL: <http://lib.udm.ru/lib/DETEKTIWY/HEMMET/gangster.txt> (accessed: 14.11.2016). (In Russian).

15. Mayer, Geoff. (2007). *Encyclopedia of Film Noir*. 477 p. Westport, Conn, Greenwood Press. (In English)

16. Meuel, D. (2015). *The Noir Western: Darkness on the Range, 1943–1962*. 216 p. Jefferson, North Carolina, McFarland, cop. (In English)

17. Kartseva, E. (2004). *Legendy i Realii. Istoriia amerikanskogo ugovnogo fil'ma* [Legends and Realities. The History of the American Criminal Film]. 248 p. Moscow, Materik. (In Russian)

18. Popov, K. *Max Payne: evoliutsiia nuara. Kanobu* [Max Payne: Evolution of Noir. Kanobu]. URL: <http://kanobu.ru/articles/max-payne-evolyutsiya-nuara-366710/> (accessed: 14.10.2021). (In Russian)

19. Dickos, Andrew. (2002). *Street with No Name: A History of the Classic American Film Noir*. 307 p. Lexington, University Press of Kentucky. (In English)

20. Hare, William. (2003). *Early Film Noir: Greed, Lust and Murder Hollywood Style*. 221 p. Jefferson, N.C, MsFarland. (In English)

21. Bronte, E. (2013). *Night Passages: Philosophy, Literature, and Film*. 496 p. New York, Columbia University Press. (In English)

22. Flory, Dan (2008). *Philosophy, Black Film, Film Noir*. 248 p. University Park, Pa. Pennsylvania State University Press. (In English)

23. Cristopher, Nicolas (1997). *Somewhere in the Night: Film Noir and the American City*. 304 p. New York, Free Press. (In English)

24. Hannsberry, Karen Burroughs. (1998). *Femme Noir: Bad Girls of Film*. 643 p. Jefferson N.C. MsFarland. (In English)

25. Hanson, Helen. (2007). *Hollywood Heroines: Women in Film Noir and the Female Gothic Film*. 251 p. London, I. V. Tauris. (In English)

26. Vasil'chenko, A. V. (2018). *Puli, krov' i blondinki. Istoriya nuara* [Bullets, Blood and Blondes. The History of Noir]. 352 p. Moscow, Pyaty Rim. (In Russian)

27. Starobinets, A. (2010). *Avtobus miloserdiya. Moskva Nuar: gorod iskoverykannykh utopii* [Mercy Bus. Moscow Noir: city of warped utopias].

Moscow Noir: The City of Warped Utopias]. Pp. 15–59. Moscow, Eksmo. (In Russian)

28. Heidegger, M. (1993). *Iskusstvo i prostranstvo. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Art and Space. Time

and Being: Articles and Speeches]. Pp. 312–316. Moscow, Respublika. (In Russian)

29. Doctrow, Edgar L. (2010). *Billi Batgeit* [Billy Bathgate]. Perevod s angliiskogo Yu. Zdorovova. 509 p. St. Petersburg, Domino; Moscow, Eksmo. (In Russian)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Пономарева Елена Владимировна,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский центр качества образования,
105318, Россия, Москва,
Семеновская пл., 4.
ponomareva_elen@mail.ru

Ponomareva Elena Vladimirovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Moscow Center for Education Quality,
4 Semenovskaya Sq.,
Moscow, 105318, Russian Federation.
ponomareva_elen@mail.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

© Сергей Сахневич

PHENOMENOLOGY OF TRANSLATION: A COMMUNICATIVE ASPECT

Sergey Sakhnevich

We can translate a text in two ways. Firstly, we can translate a text without paying attention to such wants of a translation recipient as clarity of the translated text, ease of reading and absence of semantic “fog”. The second option implies that these recipient’s wants should be taken into account. This is accomplished by collecting information about recipients of a translation and further adjusting the translation to these needs. However, the most effective way to consider the needs of a translation recipient is to turn off translators’ consciousness reducing it to the state of translation recipients. As a result, for a translator, such translation categories as equivalence, literality, semantic representation, etc., no longer exist; for him/her, there is only the experience of a translation as recipients themselves experience it. By a recipient, we mean a recipient-layman, that is, a person inexperienced in the subtleties of the art of translation, the people who make up the vast majority of translation recipients, hence they are of much greater commercial interest for publishers of translated works than prepared recipients.

Keywords: non-recipient-oriented translation, translator, phenomenological approach, positivist approach, recipient of translation, recipient-oriented translation

Мы можем переводить текст двумя способами. Во-первых, мы можем переводить текст, не обращая внимания на такие потребности реципиента перевода, как ясность переводного текста, легкость его чтения, отсутствие смыслового «тумана». Второй вариант подразумевает, что данные потребности реципиента нужно принять во внимание. Это делается при помощи сбора информации о реципиентах перевода и дальнейшей подгонки перевода под эти потребности. Однако самым эффективным, на наш взгляд, способом учета потребностей реципиента перевода является выключение сознания переводчика и его редукция до состояния реципиента перевода. В результате переводчик «утрачивает» представления об эквивалентности, буквальности, семантической репрезентации и многих других переводческих категориях, оставляя только «переживание» перевода в той форме, в какой его ощущает сам реципиент. Под реципиентом в статье подразумевается прежде всего реципиент-обыватель, то есть человек неискушенный в тонкостях переводческого искусства (такой человек – часть подавляющего большинства реципиентов перевода и потому представляет гораздо больший с коммерческой точки зрения интерес издателей переводных произведений, чем реципиент подготовленный).

Ключевые слова: нереципиентоориентированный перевод, переводчик, позитивистский подход, реципиент перевода, реципиентоориентированный перевод, феноменологический подход

Фрагментарность картины мира реципиентов перевода

Нарастающая фрагментарность реципиентов перевода еще больше привлекла и без того пристальное внимание переводоведов к тому, как разные реципиенты перевода воспринимают перевод. Все чаще и чаще переводчики сходятся в том, что восприятие перевода реципиентом радикально отличается от восприятия перевода переводчиком. Например, Р. Литвинов приводит пример переводчика И. Мазнина, который правильно – с литературной точки зрения – перевел детское стихотворение Веры Вербы «Чапаев» с

белорусского на русский язык, перегрузив, однако, маленького читателя ассоциациями и чрезмерно усложненными образами («за идеи Ленина» вместо «за страну Ленина» / «за країну Леніна», как в оригинале, абстрактное «за свободный мир» вместо конкретного «за землю и мир» / «за зямлю і мір», как в подлиннике):

«В бой ведет чапаевцев
Славный командир,
За идеи Ленина,
За свободный мир!» [1, с. 34–35].

Вряд ли кто-нибудь решится предложить полный, адекватный, реалистический перевод «Гаргантюа и Пантагрюэля» детям среднего школьного возраста. Для этой группы читателей некоторые произведения, написанные для взрослых, должны издаваться в вольном, адаптированном переводе [2, с. 261]. Для того чтобы избежать таких казусов, издательства «Художественная литература», «Наука» и «Детгиз», рассчитанные на разного реципиента, предъявляют к переводу поэзии различные требования [3, с. 377].

Студент-филолог, специализирующийся, например, в области романских языков, но не знающий английского, наоборот, должен иметь возможность читать «Гамлета», не упуская ни одной мысли автора. Для этого подходит подстрочный перевод профессора М. М. Морозова. Кто-то может задать каверзный вопрос: «А кому нужны плохие переводы? Ведь плохие переводы действительно никому не нужны!» Нужны! Они нужны историкам литературы и историкам перевода [4, с. 96].

Проявления расизма, сексизма и национализма могут не устроить определенный бизнес-сегмент реципиентов перевода, в результате чего бизнес может нести потери. Например, в сети австралийских супермаркетов Aldi всего неделю спустя после поступления из продажи были изъяты книги *Revolting Rhymes* – сборник стихотворений для детей, написанных Роальдом Далем, где встречаются имена для подчеркивания мужского доминирования, намеки на врожденное господство и превосходство морали мужчин, вертикальная иерархия людей с темной кожей, превосходство европейской культуры над любой другой культурой, сугубо сексистское описание эгоистичной испорченной девчонки, неспособной контролировать себя. В переводе встречается и «жадный» немец, подчеркнуто выделяемый среди других по признаку национальной принадлежности [5, с. 16–19]. Данная фрагментированность сегментов отражена в нижеприведенной таблице.

Таблица 1

Удовлетворение потребностей реципиентов перевода

	Искомые выгоды	Характеристики клиента	Название сегмента	Требования сегмента	Область приложения усилий
1.	Обязательное достижение результата с одинаковым качеством как в начале процесса, так и в конце	Компании или физические лица, стремящиеся выйти на западные рынки или привлечь иностранных партнёров	Требующие выносливость	Не должно быть усталости и рассеянного внимания	Физиология
2.	Максимально быстрое осуществление перевода	Компании или физические лица, стремящиеся быстро выйти на западные рынки или быстро привлечь иностранных партнёров	Требующие скорость	Не должно быть tip-of-the-tongue problem, негативного влияния сжатых сроков на качество перевода	Психолингвистика
3.	Перевод, который бы передал все оттенки оригинала	Потребители, нуждающиеся в переводе, который бы передал все оттенки оригинала	Требующие единства оригинала (эстеты)	Не должно быть внеконтекстуальных штампов, поверхностных личностей, плохого знания той области, к которой относится перевод	Стилистика, прагматика
4.	Продемонстрировать свой имидж или имидж компании	Компании или физические лица, стремящиеся показать лицо своей компании	Требующие высокого стиля (грамматисты)	Знание продвинутой грамматики	Семантика, прагматика
5.	Получить удовольствие от внешних атрибутов, которые являются ключевыми в продукте перевода	Потребители, нуждающиеся во внешнем, экстралингвистическом, оформлении перевода, который они потребляют	Требующие внешних факторов (компьютерные игроки)	Не должно быть команд слишком громко или шепотом; неправильно подобранной интонации; смены голоса персонажами	Прагматика

В наши дни усилилась тенденция, на которую переводчики обращали внимание и пытались осуществить с давних пор

С давних времен множество переводчиков пытаются ответить, почему реципиенту перевода не нравится перевод, осуществленный в соответствии с нормами перевода [6], или нравится перевод, неправильный с точки зрения норм перевода [7]. Ведь история перевода полна случаев, когда реципиент перевода рекомендовал профессиональному переводчику поучиться переводу у переводчика-любителя [8] или когда один и тот же перевод оценивается одним реципиентом как превосходный, а другим как совершенно негодный [9]. Учет структуры читательской аудитории занимает достаточное место в современной теории перевода. Например, XVIII век был периодом перевода, приспособляющего подлинник к рецептивным «привычкам» русского читателя – и в метрике, и в стилистике, и даже в содержании. Перевод тем самым не отражал оригинала в полной мере, а был приближен к вольным подражаниям, свободной переработке подлинника.

Эпохой приспособительного перевода был и XIX век (его предельной точкой являлись курочинские переводы из Беранже) [10, с. 108–109].

Одним из способов сблизить перевод и реципиента перевода является сугубо позитивистский подход – сбор информации о реципиенте перевода как об объекте внешнего мира и в соответствии с собранной информацией осуществление перевода.

Например, коммуникативно-прагматическая концепция Мартина Лютера предусматривала необходимость слушать простую женщину, детей, простолюдина на рынке или раввина, говорящего на древнееврейском [11].

Мартин Хайдеггер фигурально говорит о переводе как *пере-воде* на другой берег, который почти незнаком, к тому же находится *по ту сторону* широкого потока [12, с. 67]. Уиллард Квайн в тезисе о неопределенности перевода сформулировал, что реципиент перевода является поведенчески непроницаемым, а перевод остается неопределенным [13]. Ханс Георг Гадамер в своей концепции перевода как основополагающей модели герменевтической ситуации акцентирует внимание на трансформации чего-то чуждого и мертвого во что-то органичное и знакомое [14, с. 156]. Теория эквивалентности Юджина Найды учитывает, что если перевод верен, то следует уточнить, для кого он верен [15, с. 59]. В своей программе деконструкции Жак Деррида определяет релевантный перевод как тот, который ожидают [16, с. 177]. Франц Розенцвейг и

Мартин Бубер объясняли необходимость этимологического перевода тем, что «слово Господне» не может расходиться со словом человека [17, с. 313]. Иржи Левый определяет процесс перевода как процесс принятия решений с учетом предлагаемой читательской аудитории [18, с. 339]. В «со-творческой» переводческой концепции Н. Заболоцкого переводчик предстает как человек своей эпохи, который переводит от себя и для своих современников [19, с. 62]. Умберто Эко в «наивной» концепции перевода предполагает, что любой итальянский читатель, обладающий хотя бы скромными металингвистическими познаниями, заподозрит, что переводчик допустил неточность, и читатель всегда сотрудничает с ним в ходе своего знакомства с фавбулой произведения, делая прогнозы относительно будущего хода событий [20, с. 36], [21, с. 146]. Каталина Райс и Ганс Вермеер в скопос-теории рассматривают перевод как вид деятельности, цель которого устанавливается предполагаемым адресатом сообщения [22, с. 15].

Продолжаются исследования в этой области и по сей день. Э. Честерман пишет о лояльности как о приверженности переводчика получателю перевода, потому что ошибки не определяются по внутреннему критерию, таким как правильность. Вместо этого получатель классифицирует как ошибки те особенности перевода, которые расстраивают ожидания получателя, например, из-за того, что переводчик каким-то образом не выполнил инструкции по выполнению задачи [23, с. 119, 178]. Д. Джулиан говорит о переводчике-новаторе, переосмысливающим текст для нового поколения, новой аудитории [24, с. 69]. С. Левин против перевода литературных произведений таким образом, чтобы эффективно объединить их в одну мировую литературу, доступную и понятную для всех [25, с. 3]. Б. Баер утверждает, что переводчикам потребовалось идти в ногу с экономикой, в которой они существуют и приспособляются к требованиям реципиентов перевода [26, с. 305]. Гонн М. призывает учитывать предложения, которые присылали читатели, и придерживаться дидактических и идеологических целей редактора [27, с. 270]. Кристиан Норд говорит об отношении источника-производителя сообщения и получателя целевого сообщения. Это означает, что поэт-источник пишет послание, имеющее духовную и эстетическую ценность, а переводчику поручено передать это послание целевой читательской аудитории [28, с. 101–102]. Сергей Тюленев пришел к выводу, что у переводчика два пути: либо доводить исходный текст до читателя, либо удовлетворять потребностям целевой социаль-

ной системы. Переводчик должен знать семантический код получателя. Этим может быть так называемый «русский код», или «ирландский код», или какой-то еще. Без знания этого кода очень трудно перевести, например, произведение ирландского писателя Джеймса Джойса «Улисс» [29, с. 39, 126]. Сара Мэйтленд утверждает, что движущей силой межъязыкового перевода является получатель перевода – аудитория, к которой переводчик направляет свои слова. Если этого нет, то перевод, напротив, не может привести ни к неудаче, ни к успеху, поскольку у него отсутствует предполагаемый получатель; перевод не несет никакого сообщения, он не предназначен для того, чтобы его видели, он скрыт от других [30, с. 76, 107]. Список – бесконечен, но недостатком вышеприведенных теорий и концепций является объективистский взгляд.

На фоне нереципиентоориентированного перевода объективистские концепции являются предпочтительными

На фоне нереципиентоориентированного перевода вышеперечисленные объективистские концепции выглядят гораздо выгоднее, потому что они совершенствуют отношения между переводчиком и реципиентом перевода и могут вести к согласию между ними. Список сегментов перевода – беспределен. Они, например, могут быть представлены реципиентами, которые требуют выносливости как важного качества во время длительных переговоров, единства оригинала (связности всех его частей по смыслу), наличия высокого стиля, обращающими внимание

на скорость перевода, общие знаки. Нужды некоторых из реципиентов могут быть удовлетворены при помощи общелитературных слов или узкопрофессиональных терминов [31, с. 58–59]. А сегмент «продвинутый пользователь компьютера» и «профессионал статистического пакета SPSS» могут оказаться удовлетворенными только номенклатурой, а не просто техническим термином. Нужно учесть, насколько ограничен канал передачи информации: например, письменная речь американцев намного подробней, чем письменная речь англичан. Данная сегментация и дифференциация представлена в следующей таблице.

Таблица 2

Различные сегменты реципиентов перевода

Требующие выносливости	Требующие единства оригинала	Требующие высокого стиля
	Требующие внешних факторов (компьютерные игроки)	

После сбора информация в виде уже готовых переводов, жалоб и благодарностей реципиентов перевода, статистики сделок и данных из интранета, интернета, библиотек, правительственных и учебных учреждений, торговых ассоциаций, при помощи качественного и количественного опросов синтезируется в информационную систему переводчика.

Таблица 3

Феноменологический подход может оказаться гораздо эффективней позитивистского подхода

Однако создатели позитивистских концепций по-прежнему остаются в объятиях «естественной» переводческой установки: прогрессирующе совершенствуют приблизительную «подстановку» под нужды реципиента перевода эмпирических данных, которые собираются путем все более изощренных опросов, и на основании этого строятся новые концепции, теории и методики. В результате переводчик опять не решает те проблемы, которые являются ключевыми для реципиента перевода, потому что, например, в анкете реципиент должен брать из возможных вариантов наиболее подходящий с точки зрения переводчика, который и составлял анкету, а не свой личный вариант. Далее, так как вторичная информация могла первоначально собираться для одного сегмента реципиентов перевода, она может не подойти для другого сегмента.

Например, Райс и Вермеер строят скопос-теорию, неорганически синтезируя адресат, целевую обстановку, целевую задачу, целевые обстоятельства, статус исходного текста, статус переводного текста, информационное предложение и т. д. Усилия синтезировать данные материалы не давали органики, потому что одни и те же аспекты объекта исследования рассматривались с нескольких точек зрения, а другие даже более важные аспекты вообще не были рассмотрены. Они не могли быть систематизированы, потому что система содержала слишком много компонентов и, в конечном счете, разваливалась. В случае со скопос-теорией удвоение или даже утроение объектов перевода было проблемой, которая создавала так много трудностей для реципиентоориентированных переводчиков со времен Мартина Лютера. В переводе было объективное и субъективное. Переводчик как бы имеет в одной руке «перевод-за-пределами-своего-

сознания-во-внешнем-мире», а в другой – «образ-перевода-как-его-мыслит-реципиент-перевода» и пытается посмотреть на оба из них одновременно. Но это невозможно.

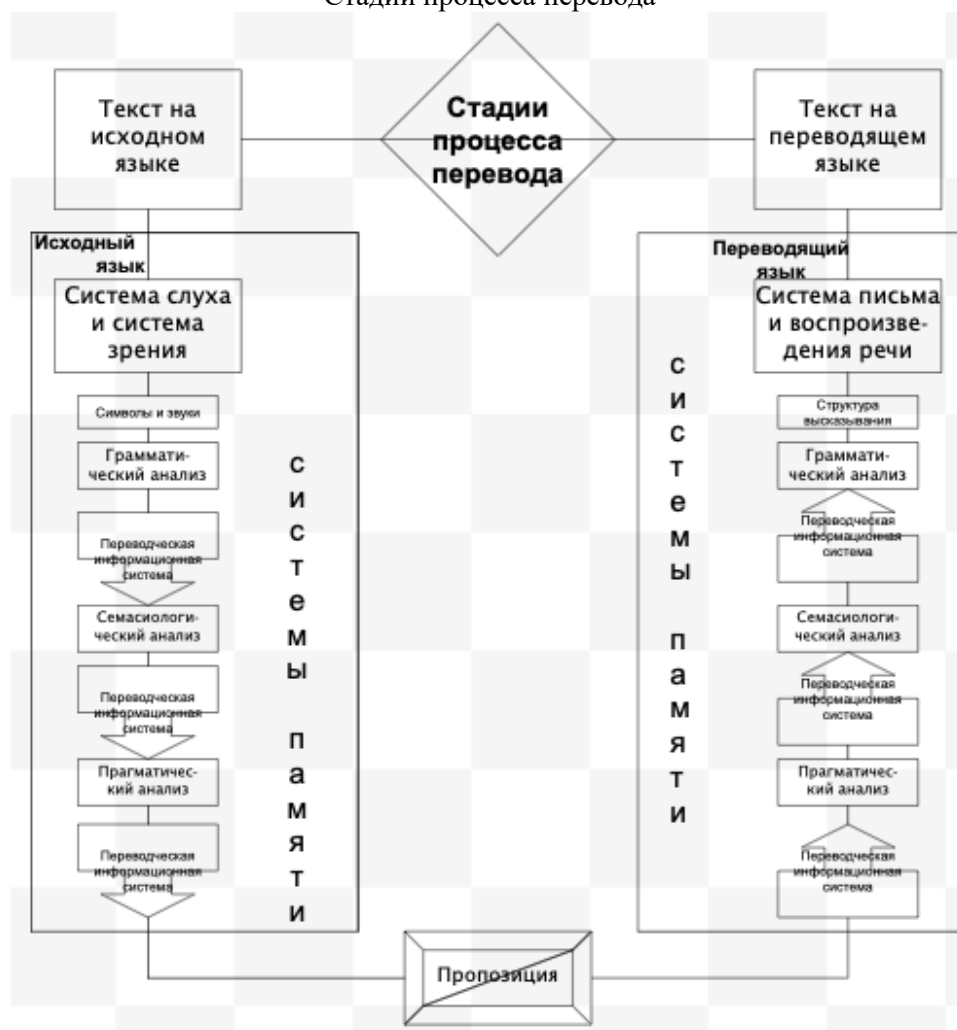
Роджер Бэлл, проводя демаркационную линию между продуктом перевода и процессом перевода, подчеркивал, что в то время, как продукт перевода находится во внешнем мире, процесс перевода имеет место в сознании переводчика [32, с. 13]. В определении, которое мы только что видели, термину «перевод» придается два значения: (1) перевод: процесс (для перевода; скорее деятельность, чем материальный объект); (2) перевод: продукт процесса перевода (то есть переведенный текст);

Теория перевода, чтобы быть всеобъемлющей и полезной, должна пытаться описать и объяснить как процесс, так и продукт. Если мы признаем, что сам процесс, по сути, является ментальным, а не физическим, мы обязуемся провести исследование в рамках дисциплины психологии и, более конкретно, в рамках психологических исследований восприятия, обработки информации и памяти; когнитивная наука.

В равной степени, учитывая, что процесс в решающей степени связан с языком, все необходимо использовать ресурсы лингвистики и, точнее, те разделы лингвистики, которые связаны с психологическими и социальными аспектами использования языка: психолингвистика и социолингвистика. Первый из них исследует процесс в сознании переводчика, второй помещает текст на исходном языке и текст на целевом языке в их культурные контексты (это показано на следующем графике). Для переводчика перевод существует во внешнем мире, это – наука об эквивалентности, буквальности, вольности, исходном и переводном текстах, анализе и синтезе, синтаксисе, семантике и прагматике и других проявлениях объективности, в то время как сознание реципиента перевода свободно от видения перевода переводчиком.

Таблица 4

Стадии процесса перевода

Когда речь заходит о реципиенте перевода, нужно иметь в виду, что в его сознании находится именно продукт перевода, а процесс – во внешнем мире, за пределами реципиентного сознания. Другими словами: пусть реципиент перевода и не имеет представления о процессе перевода, он хорошо понимает, какие выгоды он должен иметь от продукта перевода. Если усталый инженер, преподаватель или работник министерства пришел домой, пообедал, прочитал газеты и расположился перед телевизором, его не интересует, как создавалась пьеса – писал ли ее украинский писатель, непосредственно отражая действительность с русского подлинника, где эта действительность отражена. Он надеется, что ему покажут все в цельном художественном произведении, написанном не на прекрасном, а на культурном, «грамотном» языке [33, с. 96]. Познающий перевод разум реципиента перевода и сам перевод проявляются в самых различных модусах, которые постоянно меняются в способах своей данности. Реципиенты перевода, представленные работниками банковской и произ-

водственной сфер, спортивные тренеры и научные работники, бухгалтеры и транспортники, руководители телепрограмм и управляющие работой самих переводчиков предъявили следующие требования к переводу: точность (понять текст, окинув одним общим взглядом); размер (маленький отрезок информации для решения проблемы); понятность (перевод доносит основную идею, даже если весь текст приходится переделывать); цитируемость (возможность видеть свою статью в лидирующих строчках поисковиков); опыт (переводчик много лет практикуется в переводах бухгалтерских документов); соответствие (описание всех логистических операций в соответствии с регуляциями международной ассоциации воздушного транспорта); оригинальность (преодоление внеконтекстуального использования большого количества штампов); подтверждение (наличие у переводчика диплома иностранных языков); престиж (демонстрация имиджа транснациональной компании в рекламной брошюре при помощи исключительной правильности с точки зрения английской граммати-

ки); оптимизация (умение справляться с огромным потоком заказов на перевод в ситуации ограниченного времени). Это – результаты опроса, осуществленного автором статьи за время работы переводчиком. Как видим, все они связаны с экстралингвистическим потоком сознания реципиента перевода и никак не связаны с тенетами естественной установки переводчика.

Это подвигло нас на то, чтобы продвинуться к чистому от переводческого видения сознанию реципиента перевода, учитывая, что в ходе нашего непрерывно текущего восприятия мира мы не изолированы, а связаны в нем и с другими людьми [34, с. 219], и в своих действиях повторяем поведение окружающих.

Для того чтобы очистить сознание от видения переводчика, мы применим феноменологическо-реципиентный метод. Метод очистки состоит из двух этапов. Первый – «редукция перевода». Он подразумевает лишение значимости переводческого представления о переводе посредством воздержания от теории перевода, практики перевода и истории перевода. Таким образом, из поля суждения переводчика исключаются все индивидуальные предметности и формообразования перевода, расценивание перевода как науки или как искусства, как буквального или вольного и многие другие характеристики, такие как грамматические и лексические особенности оригинала «исходного языка», поиск их эквивалентов на «языке перевода». Второй этап – «редукция переводчика». Он требует двигаться именно к сознанию реципиента перевода посредством воздержания от полагания себя как переводчика любого типа, компилятора, транскрайбера, локализатора, синхронного, последовательного, технического и так далее.

Возьмем следующее предложение, которое нужно перевести для представителя реципиента-обывателя:

«Я нигде не мог представить себе ситуацию, при которой бы за мной лучшие присматривали...».

Переведем предложение 1) с точки зрения нереципиентоориентированного переводчика. Анализ будет совпадать с синтезом, потому что переводчик не обращает внимание на нужды реципиента перевода.

Синтаксический анализ – сложноподчиненное предложение с придаточным предложного дополнения.

Грамматическо-лексический анализ – модальность и страдательный залог.

Семасиологический анализ – глаголы, местоимения, предлог, союзы, наречие места и абстрактное существительное.

Прагматический анализ – контекст идеальной работы сиделки.

Семантическая репрезентация (внеязыковая пропозиция) – предоставление максимального ухода тому, кто очень доволен.

Прагматический синтез – контекст идеальной работы сиделки.

Семасиологический синтез – глаголы, местоимения, предлог, союзы, наречие места и абстрактное существительное.

Грамматическо-лексический синтез – модальность и страдательный залог.

Синтаксический синтез – сложноподчиненное предложение с придаточным предложного дополнения.

Перевод получится следующим:

«I anywhere could not imagine the situation under which I would be better looked after...».

Переведем предложение 2) с точки зрения реципиентоориентированного переводчика, использующего позитивистский подход. Анализ не будет совпадать с синтезом, потому что переводчик обращает внимание на нужды реципиента перевода, предварительно узнав, что его реципиент является безграмотным.

«Я нигде не мог представить себе ситуацию, при которой бы за мной лучшие присматривали...».

Синтаксический анализ – сложноподчиненное предложение с придаточным предложного дополнения.

Грамматическо-лексический анализ – модальность и страдательный залог.

Семасиологический анализ – глаголы, местоимения, предлог, союзы, наречие места и абстрактное существительное.

Прагматический анализ – контекст идеальной работы сиделки.

Семантическая репрезентация (внеязыковая пропозиция) – предоставление максимального ухода тому, кто очень доволен.

Прагматический синтез – контекст удачи, что попалась удачная ситуация безделья.

Семасиологический синтез – глаголы, местоимения, предлог, страдательный герундий, наречие места и абстрактное существительное.

Грамматическо-лексический синтез – модальность и страдательный герундий.

Синтаксический синтез – страдательный герундий в качестве прямого дополнения.

Перевод получится следующим:

«I could not imagine being better looked after anywhere...».

Переведем предложение 3) с точки зрения реципиентоориентированного переводчика, использующего феноменологический подход. Ре-

дуцируется переводчик как двуязычный посредник между участниками одноязычного общения в двух разных языковых сообществах, который сталкивается с сигналами в устной и письменной форме, содержащими сообщения, закодированные в системе связи, которая по определению не идентична их собственной. Далее переводчик должен редуцировать в себе деконструктора (декодера) исходного текста и реконструктора (рекодера) целевого текста. В результате данной редукации переводчик помещается в более широкий контекст человеческого общения и становится наделенным ценностными и практическими характеристиками реципиентом перевода, который передает свой поток переживаний от данного предложения. Это и будет переводом.

Перевод получится следующим:

«There are unimaginable feelings, there is a care all around, there has never been a better place in terms of comfort...».

Особенно феноменологический подход, по нашему мнению, эффективен при переводе художественных сочинений. Например, перевод Абаем Кунанбаевым фрагментов из «Евгения Онегина» представляет собой, по сути, их «вдохновенный пересказ», где история отношений Онегина и Татьяны, их любовь, приближена Абаем к представлениям казахской молодежи [9, с. 230]. Более того, многие казахские реципиенты полагали, что отрывки из «Евгения Онегина» – оригинальное слово самого Абая, а не вольный перевод – переложение чужого слова.

Выводы

Восприятие перевода реципиентом перевода в целом весьма существенно отличается от восприятия перевода переводчиком. Одним из способов сблизить перевод и реципиента перевода является сбор информации о реципиенте перевода как о внешнем объекте и осуществление перевода в соответствии с ней. Этим занимались многие, начиная от Мартина Лютера и заканчивая Каталиной Райс и Гансом Вермеером. Однако создатели этих концепций находились под влиянием «естественной» переводческой установки (они совершенствовали теорию перевода в направлении учета потребностей реципиента перевода). В сознании реципиента перевода находится продукт перевода, а точнее – вопрос о том, какие выгоды он, реципиент, может получить от продукта перевода в ситуации постоянно меняющейся формы восприятия жизни. Это понимание противопоставляется эмпирическому представлению перевода переводчиком.

Для того чтобы очистить сознание от видения переводчика, мы рекомендуем применять

феноменологический метод, который основывается на том предположении, что объективность переводчика можно и должно подвергнуть сомнению, потому что она – обретенная вещь, а субъективность реципиента перевода нельзя подвергнуть сомнению, потому что она является первичной, исходной основой любого диалога.

Список источников

1. Литвинов Р. О русских переводах белорусской поэзии для детей // Мастерство перевода. Вып. 11. М.: Советский писатель, 1976. С. 33–52.
2. Коптилов В. И вширь, и вглубь... // Мастерство перевода. Вып. 9. М.: Советский писатель, 1973. С. 257–261.
3. а ймен А. Как я переводила Тургенева на английский // Мастерство перевода. Вып. 4. М.: Советский писатель, 1964. С. 377–394.
4. Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. 596 с.
5. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. New York: Alfred A. Knopf, 2001. 29 p.
6. Фирсов А. Библия сиречь книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. URL: <http://www.raruss.ru/slavonic/691-biblia-elizabeth.html>. (дата обращения: 12.02.2022).
7. Sixtus V. The Authorised (King James) Version of the Bible // Translation – Theory and Practice: a Historical Reader. New York, 2006. Pp. 115–119.
8. Сахневич С. В. Уильям Тиндейл: на костер ради потребителя перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Серия: Филология. 2014. Т. 2, Вып. 9 (39). С. 151–154.
9. Каратаев М. Слово о Мухтаре Ауэзове // Мастерство перевода. Вып. 2. М.: Советский писатель, 1962. С. 227–237.
10. Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм. (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. 1971. № 8. С. 88–128.
11. Luther M. Open Letter on Translating. Hazleton: Pennsylvania State University, 1998. Pp. 9–15.
12. Хайдеггер М. Гераклит / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2011. 502 с.
13. Quine W. V. Indeterminacy of Translation Again // The Journal of Philosophy. 1987. Vol. 84. No 1. Pp. 5–10.
14. Gadamer G. M. Truth and Method. London. New York: Continuum, 2004. 601 p.
15. Nida E. A. Principles of Translation as Exemplified by Bible Translating // On Translation. Harvard: Harvard University Press, 1959. Pp. 59–73.
16. Derrida J. What is a «Relevant» Translation // Critical Inquiry. 2001. Vol. 27, No. 2 Pp. 174–200.
17. Buber M., Rozenzweig F. Scripture and Luther // Translation Theory and Practice: a Historical Reader. New York: Longman, 2006. Pp. 310–323.
18. Levi J. Anti-Illusionist Methods // Translation – Theory and Practice: a Historical Reader. 2006. Pp. 337–345.

19. Эткин Е. Четыре мастера (Ахматова, Цветаева, Самойлов, Мартынов) // Мастерство перевода. Вып. 7. М.: Советский писатель, 1970. С. 29–68.
20. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. с итальян. А. Ковалю. М.: АСТ, CORPUS, 2015. 736 с.
21. Eko U. The Role of the Reader. Bloomington: Indiana University Press, 1984. 273 p.
22. Reiss K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen: Niemeyer, 1984. 156 p.
23. Chesterman A. Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation. Amsterdam: J. Benjamins, 1997. 235 p.
24. Jullien D. The Way of Lydia's. A New Translation of Proust // Untranslatability Goes Global. New York: Routledge, 2017. Pp. 64–76.
25. Levine S. J. The Untranslatable and World Literature // Untranslatability Goes Global. New York: Routledge, 2017. Pp. 1–10.
26. Baer B. J. Translation and the Making of Modern Russian Literature. New York: Bloomsbury, 2016. 305 p.
27. From Binarity to Complexity: a Latourian Perspective on Cultural Mediators the Case of Georges Eekhoud's Intra-National Activities // Literary translation and cultural mediators in 'peripheral' cultures. Customs officers or smugglers? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 263–291.
28. Jones F. R. Poetry Translating as Expert Action. Amsterdam: Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 2011. 227 p.
29. Tyulenev S. Translation and Society. An Introduction. London, New York: Routledge, 2014. 210 p.
30. Maitland S. What Is Cultural Translation? London, New York: Bloomsbury, 2017. 177 p.
31. Mancuso J. C. Mastering Technical Writing. Menlo Park: Addison-Wesley Publishing Company, 1990. 250 p.
32. Bell R. Translation and Translating: Theory and Practice. New York: Longman, 1991. 298 p.
33. Русские писатели о переводе (XVIII–XX вв.). Л.: Советский писатель, 1960. 696 с.
34. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
- Chukovskii. Moscow, Vypusk 4, pp. 377–394. (In Russian)
4. Morozov, M. M. (1954). *Izbrannii statyi i perevody* [Selected Articles and Translations]. 596 p. Leningrad, Gosudarstvennoye izdatelystvo hudozhestvennoi literatury. (In Russian)
5. Dahl, R. (2001). *Charlie and the Chocolate Factory*. 29 p. New York, Alfred A. Knopf. (In English)
6. Firsov, A. *Biblia sirechy knigi Svyaschennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta* [The Bible Is the Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. URL: <http://www.raruss.ru/slavonic/691-biblia-elizabeth.html> (accessed: 12.02.2022). (In Russian)
7. Sixtus, V. (2006). *The Authorised (King James) Version of the Bible*. Translation – Theory and Practice: A Historical Reader. Pp. 115–119. New York. (In English)
8. Sahnevich, S. V. (2014). *Uilliam Tindeil: na koster radi potrebitelya perevoda* [William Tindale: To the Stake for the Sake of the Consumer of the Translation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Seriya: Filologiya. Vol. 2, vypusk 9 (39), pp. 151–154. (In Russian)
9. Karataev, M. (1962). *Slovo o Mukhtare Auezove* [The Word about Mukhtar Auevov]. *Masterstvo perevoda: Sb. nauch. st. pod red. P. G. Antokolskogo*. Moscow, Vypusk 2, pp. 227–237. (In Russian)
10. Gasparov M. (1971). *Brusov i bukvalizm. (Po neizdannym materialam k perevodu "Eneidy")* [Bryusov and Literalism. (Based on unpublished materials for the translation of the "Aeneid")]. *Masterstvo perevoda*. Vypusk 8, pp. 88–128. (In Russian)
11. Luther, M. (1998). *Open Letter on Translating*. Pp. 9–15. Hazleton, Pennsylvania State University. (In English)
12. Heidegger, M. (2011). *Geraklit [Heraclitus]*. 502 p. St. Petersburg, "Vladimir Dal". (In Russian)
13. Quine, W. V. (1987). *Indeterminacy of Translation Again*. *The Journal of Philosophy*. Vol. 84, No 1, pp. 5–10. (In English)
14. Gadamer, G. M. (2004). *Truth and Method*. 601 p. London. New York, Continuum. (In English)
15. Nida, E. A. (1959). *Principles of Translation as Exemplified by Bible Translating*. On Translation. Pp. 59–73. Harvard, Harvard University Press. (In English)
16. Derrida, J. (2001). *What is a "Relevant" Translation*. *Critical Inquiry*. Vol. 27, No. 2, pp. 174–200. (In English)
17. Buber, M., Rozenzweig, F. (2006). *Scripture and Luther*. Translation Theory and Practice: A Historical Reader. Pp. 310–323. New York, Longman. (In English)
18. Levi, J. (2006). *Anti-Illusionist Methods*. Translation – Theory and Practice: A Historical Reader. Pp. 337–345. (In English)
19. Etkind, E. (1970). *Chetyre mastera (Ahmanova, Tsvetaeva, Samoilov, Martinov)* [Four Masters (Akhmatova, Tsvetaeva, Samoilov, Martynov)]. *Masterstvo perevoda: Sb. nauch. st. No. 7*, pp. 29–68. (In Russian)
20. Eco, U. (2003). *Skazaty pochti to zhe samoye. Opyty o perevode*. [To Say Almost the Same Thing. Experiments about Translation]. P. 43. Moscow, izdatelystvo AST. (In Russian)

References

1. Litvinov, R. (1976). *O russkikh perevodakh belorusskikh poezii dlya detei* [On Russian Translations of Belarusian Poetry for Children]. *Masterstvo perevoda: Sb. nauch. st. pod red. E. Ananishvili*. Moscow, Vypusk 11, pp. 33–52. (In Russian)
2. Koptilov, V. (1973). *I vshiry, i vgluby...* [Both Breadth and Depth...]. *Masterstvo perevoda: Sb. nauch. st. pod red. A. Gatova*. Moscow, Vypusk 9, pp. 257–261. (In Russian)
3. Paimen, A. (1964). *Kak ya perevodila Turgeneva na angliiskii* [How I Translated Turgenev into English]. *Masterstvo perevoda: Sb. nauch. st. pod red. K. I.*

21. Eko, U. (1984). *The Role of the Reader*. 273 p. Bloomington, Indiana University Press. (In English)
22. Reiss, K., Vermeer, H. J. (1984). *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie* [Foundations of a General Translation Theory]. 156 p. Tübingen, Niemeyer. (In German)
23. Chesterman, A. (1997). *Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation*. 235 p. Amsterdam, J. Benjamins. (In English)
24. Jullien, D. (2017). *The Way by Lydia's. A New Translation of Proust*. Untranslatability Goes Global. Pp. 64–76. New York, Routledge. (In English)
25. Levine, S. J. (2017). *The Untranslatable and World Literature*. Untranslatability Goes Global. Pp. 1–10. New York, Routledge. (In English)
26. Baer, B. J. (2016). *Translation and the Making of Modern Russian Literature*. 305 p. New York, Bloomsbury. (In English)
27. *From Binariness to Complexity: a Latourian Perspective on Cultural Mediators the Case of Georges Eekhoud's Intra-National Activities* (2018). Literary translation and cultural mediators in 'peripheral' cultures. Customs officers or smugglers? Basingstoke, Palgrave Macmillan. Pp. 263–291. (In English)
28. Jones, F. R. (2011). *Poetry Translating as Expert Action*. 227 p. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Co. (In English)
29. Tyulenev, S. (2014). *Translation and Society. An Introduction*. 210 p. London, New York, Routledge. (In English)
30. Maitland, S. (2017). *What Is Cultural Translation?* 177 p. London, New York, Bloomsbury. (In English)
31. Mancuso, J. C. (1990). *Mastering Technical Writing*. 250 p. Menlo Park, Addison-Wesley Publishing Company. (In English)
32. Bell, R. (1991). *Translation and Translating: Theory and Practice*. 298 p. New York, Longman. (In English)
33. *Russkie pisateli o perevode* (XVIII-XX vv) (1960) [Russian Writers about Translation]. 696 p. Leningrad. (In Russian)
34. Husserl, E. (2009). *Ideji k chistoi fenomenologii I fenomenologicheskoj filosofii. Kniga pervaya. Obshee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu* [Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. The First Book. General Introduction to Pure Phenomenology]. 489 p. Moscow, Akademichesky prospect. (In Russian)

The article was submitted on 05.04.2021

Поступила в редакцию 05.04.2021

Сахневич Сергей Владимирович,
кандидат филологических наук,
доцент,
Филиал МГГУ им. М. А. Шолохова
в Балабаново,
249000, Россия, Балабаново,
Гагарина, 20.
crash68@yandex.ru

Sakhnevich Sergey Vladimirovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
the Branch Office of MSHU
named after M. I. Scholokhov in Balabanovo,
20 Gagarin Str.,
Balabanovo, 249000, Russian Federation.
crash68@yandex.ru

ТЕМА СУСЛОНГЕРА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© Айдар Хабутдинов, Марсель Бакиров

THE THEME OF THE SUSLONGER IN FICTION

Aidar Khabutdinov, Marcel Bakirov

The article systematizes the works of fiction, in which the image of the Suslonger training camp is found; there, in Mari forests, personnel were trained for the front in 1941 – 1943. Our analysis is based on the works of the following writers: Ayaz Gilyazov (1928 – 2002), Mark Rafalov (1924 – 2020), Nikolai Sorokin (1941 – 2021) and Firdavesa Khuzina (1955). When writing the paper, we used the cultural-historical and contrastive-comparative methods of analysis. The article proves that the discoverer of this topic in literature was A. Gilyazov, who addressed it in the 1980s. The books by other writers were published in the first quarter of the 21st century. When developing the Suslonger theme, the authors based it on the personal memories of eyewitnesses-cadets and local residents. The poetics of the parable dominates in Ayaz Gilyazov's story, whereas Mark Rafalov's book is of the autobiographical memoirs type. In his novel "The Eternal Volga", Nikolai Sorokin seeks to reconstruct the history of his ancestors, and Firdaus Khuzin turns to the history of his fellow villager. All of them are united by the desire to visibly show the abuses of power.

Keywords: Great Patriotic War, Suslonger, power and people, Ayaz Gilyazov, Mark Rafalov, Nikolai Sorokin, Firdaus Khuzin

В статье систематизированы художественные произведения, в которых встречается образ учебного лагеря Суслонгера, где в марийских лесах велась подготовка кадров для фронта в 1941–1943 гг. Материалом для анализа послужили произведения писателей Аяза Гилязова (1928–2002), Марка Рафалова (1924–2020), Николая Сорокина (1941–2021), Фирдауса Хузина (1955). При написании работы мы использовали культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы анализа. Доказано, что первооткрывателем этой темы в литературе в 1980-х гг. является А. Гилязов. Книги других писателей были опубликованы лишь в первой четверти XXI века. Авторы при разработке темы Суслонгера оттолкнулись от личных воспоминаний очевидцев-курсантов и местных жителей. Если в повести Аяза Гилязова доминирует поэтика притчи, то книга Марка Рафалова носит характер автобиографических воспоминаний. Николай Сорокин в своем романе «Вечная Волга» стремится реконструировать историю своих предков, а Фирдаус Хузин – историю односельчанина. Всех их объединяет стремление зримо показать злоупотребления власти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Суслонгер, власть и народ, Аяз Гилязов, Марк Рафалов, Николай Сорокин, Фирдаус Хузин

Введение

Тема учебного лагеря Суслонгер (тогда Марийская АССР) длительное время была из разряда запрещенных. Ветераны Великой Отечественной войны вспоминали о ней шепотком, с неохотой, и от этих воспоминаний всегда веяло ужасом. В годы Великой Отечественной войны в районе железнодорожной станции Суслонгер находился лагерь для подготовки кадров для фронта (июль 1941 – ноябрь 1943). Основными задачами этого лагеря были подготовка командиров пулеметных взводов и обучение нерусскоязычного населения русскому языку, знание которого

было необходимо на фронте. Лагерь этот был овеян недоброй славой. Согласно данным, предоставленным заведующим казанским Музеем-мемориалом Великой Отечественной войны М. Черепановым, известны имена 300 татарстанцев, скончавшихся в Суслонгере. В лагерях обучались будущие командиры взводов ПТР (противотанковых ружей). Под ружье поставили десятки тысяч бойцов, которые затем героически проявили себя на фронте. Боевые потери в марийских лесах эти формирования не имели: воевать было здесь не с кем, да и бомбардировщики немцев досюда не добирались. Но есть списки сол-

дат, умерших в марийских лесах от болезней. Призваны они были практически из всех районов республики [1]. В последние годы на территории учлага установлено несколько памятников, памятных знаков в честь погибших здесь солдат-призывников. Скучные воспоминания выживших стали появляться на страницах СМИ лишь в последние годы ([2], [3] и др.).

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили повесть Аяза Гилязова «Яра» («Рана») (декабрь 1984, февраль 1988) [4], книга воспоминаний Марка Рафалова «Футбол оптом и в розницу» [5], роман-трилогия Николая Сорокина «Вечная Волга» (2006–2008) [6], [7], [8], повесть Фирдавеса Хузина «Суслонгер (2021)» [9]. Предметом нашего анализа стал образ учлага Суслонгер, сложившийся в художественной литературе. При его разработке писатели, как правило, концентрировали внимание на изображении несправедливости и злоупотреблений представителей власти. В исследовании использовались культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы анализа.

Обсуждение

Как указывает литературовед М. М. Хабудинова, впервые Суслонгер упоминается в повести Аяза Гилязова «Яра» («Рана»), посвященный памяти дедушки Сулеймана и бабушки Зулейхи, заложивших у него основы татарской идентичности. В дневнике писателя сохранилась запись, проливающая свет на историю замысла этого произведения:

«В тот год я встретил Новый год в санатории Кисловодска. Всю ночь гремел гром, сверкали молнии, свистел ветер. Еще вечером я восхищался красотой красноватых ив, растущих неподалеку. Они напоминали мне о родине, у татар особое отношение к этому дереву: „Таллар нечкә, таллар нечкә, талдин билләрем нечкә“ – „Тонкая ива, тонкая ива, и твоя талия тонкая“, – поют у нас, „Буге сыгылмалы тал сыман“ – „Гибкий стан у нее, как у ивы“, – говорят у нас. Всю ночь я промучился от бессонницы, что не могу уберечь от стихии ивы. Когда утром встал и вышел на улицу... Увидел, как стихия надругалась над ними. Всюду лежали сломанные ветки... Сучья... При виде этой картины мне стало очень грустно. Столь же безжалостны и ветры судьбы. Они разоряют семью, раскидывают по сторонам ее членов» (подстр. перевод наш. – А. Х.) [10, с. 583–584].

Суслонгер в повести «Яра» («Рана») упоминается как место гибели старшего сына старика Сулеймана. Юсуфджан сгинул в марийских лесах от дизентерии в самом начале войны. В голо-

ве отца никак не укладывалась мысль о том, что его сын-богатырь умер в *«проклятом месте под названием Суслонгер»* от обезвоживания. Эта новость сбила родителей призывника с ног:

«Сулейман чувствовал себя опозоренным: через неделю-другую борода его полностью поседела. Сгорбилась, пригнулась к земле от стыда прямая и крепкая старуха Зулейха.

Днем и ночью одолевали родителей думы о сыне. Стеснялась она громко говорить о смерти Юсуфджана: надо же, уйти на защиту Родины здоровущим крепким мужиком и... отправиться на тот свет от поноса! Чего бы только ни дала она, чтобы забыть название проклятой болезни, которая сжила сына с белого света» (пер. А. Нурисламовой) [4, с. 17].

А. Гилязов в повести ясно дает понять, что бедные родители не знали всей правды и вынуждены были довольствоваться официальной версией гибели сына. Старик Сулейман считал, что сын умер по собственной глупости: не довольствуясь солдатским пайком, съел что-то, заболел и умер:

«Один лишь недостаток был у Юсуфджана: уж больно прожорлив. Сядет, бывало, ест и никак насытиться не может <...>. Сызмальства рос обжорой, и чем старше становился, тем прожорливее был» [Там же, с. 16].

Проводив его на фронт, отец в молитвах просил Аллаха:

«Прошу Тебя, сделай так, чтобы мой Юсуфджан был сыт!» [Там же].

В отличие от старика Сулеймана, автор видит первопричину невзгод стариков в несправедливом мироустройстве. Особенно явно эта позиция заявлена в главе «Шакур», в которой повествуется о трагической участи школьного учителя-односельчанина, попавшего в плен, сбежавшего из концлагеря, героически сражавшегося в рядах французских макизаров, а по возвращении на родную землю отправленного в ГУЛАГ.

Трагизм судьбы Юсуфджана и его родителей передан писателем через одну метафорическую деталь. За околицей по случаю рождения каждого из детей Сулейман посадил по дереву. В один из дней *«дерево Юсуфджана, устремившееся было ввысь, ветер безжалостно переломил пополам»* [Там же, с. 48]. Так метафорически пронзительно передает А. Гилязов суть семейной трагедии. Старик любил уединяться среди берез, чтобы помолиться о душе безвременно и бесславно ушедшего из жизни сына. Образ Суслонгера в повести «Яра» («Рана») играет важную

роль в раскрытии темы несправедливой власти. Для Сулеймана и Зулейхи – это незаживающая в сердце рана.

Образ Суслонгера встречается в книге воспоминаний футбольного судьи Марка Рафалова «Футбол оптом и в розницу» (2006) [5]. Автор книги оказался в Суслонгере осенью 1942 г. О трех месяцах, проведенных здесь, М. Рафалов вспоминает с внутренним содроганием:

«<...> дело было не только в ужасающих бытовых условиях, отвратительном двухразовом питании баландой, но и в высшей степени унижительной обстановке. С нами обращались хуже, чем с самыми отъявленными преступниками. Все было как бы нарочно организовано для подавления всех человеческих чувств и достоинства» [Там же с. 4].

Будни курсантов учлага описаны в книге главами очевидца:

«Спали мы на деревянных нарах, на старых дырявых ватных матрацах, практически без подушек. Команда „Подъем!“ звучала в пять часов утра, и мы в одних гимнастерках и стареньких ботинках с обмотками, несмотря на тридцатиградусные морозы, выбегали на зарядку. Эта инквизиция продолжалась полчаса. Затем следовал так называемый завтрак. На наструганные доски, из которых были наскоро сколочены столы, ставилось два таза, мало чем отличавшихся от обычных банных шаек. Тарелок или хотя бы мисок не было. На каждую „шайку“ с баландой из мороженой картошки, гороха или перловки приходилось по шесть едоков. Ложка у каждого была своя. Поэтому наиболее шустрые новобранцы обзаводились ими у местных умельцев. Размер некоторых средств доставки пищи из шаек в рот вполне мог конкурировать с емкостью половника. Это обстоятельство приводило в ярость всех едоков. А так как среди нас было немало бывших уголовников, то трапезы нередко завершались мордобоем.

Следующий прием баланды осуществлялся в четыре-пять часов пополудни, когда измученные голодом и холодом новобранцы возвращались с занятий» [Там же, с. 5].

Описывая обучение солдат в поле, М. Рафалов прибегает к антитезе. Солдаты в обмотках на лютом морозе противопоставляются офицерам в добротных меховых полушубках и обутом в валенки. Апофеозом издевательств становится заявление начальства, что *«случаи обморожения будут караться так же строго, как дезертирство, за которое, по законам военного времени, полагался расстрел»* [Там же, с. 5]. М. Рафалов утверждает, что солдатский быт в Суслонгере немного улучшился лишь после приезда в учлаг *«строгой комиссии во главе с Климентом Ворошиловым»* [Там же, с. 5].

Климент Ворошилов возглавлял народный комиссариат по военным и морским делам СССР в 1925–1934 гг., затем образованием народный комиссариата обороны СССР в 1934–1940 гг., во время Великой Отечественной войны маршал Ворошилов был членом Государственного комитета обороны (ГКО) – высшего органа по управлению в СССР.

Образ Суслонгера встречается в романе-трилогии Николая Сорокина «Вечная Волга» (2006–2008) [6], [7], [8]. В ряде своих выступлений писатель признается, что собирал сведения о учебном лагере в архивах, на основе интервью с местными жителями и ветеранами войны, в свое время прошедшими через его чудовищное горнило [11]. Работа над романом заняла 4,5 года. Произведение охватывает почти сто лет истории республик Поволжья. Главные герои романа – жители чувашской деревни Большое Шемякино в Тетюшском районе Татарстана. На примере семейных династий Соколовых, Запасовых, Качайкиных и других автор стремится воссоздать трагическую судьбу российского крестьянства, пережившего все катаклизмы XX века (революции, войны, репрессии и т. д.)

Тема Суслонгера получает развитие во 2-м томе романа-трилогии. В фокусе внимания автора оказываются события Великой Отечественной войны. Эмоциональный накал тома определяют эпиграфы, взятые из солдатских песен, где ключевой становится мысль: *«Толпами нас, молодых, пожирает война»* [7, с. 3].

В Суслонгере оказался Мишук – Михаил Григорьевич Соколов. Селяне к их семье в Большом Семякине *«относились предвзято»* из-за клейма *«враги народа»*, так как они были из разряда раскулаченных крестьян. Во время коллективизации их выселили из родного дома, а главу семьи отправили в ссылку. Домой посевший Григорий вернулся лишь перед началом войны.

Когда Мишука призвали на войну, то отправили в марийский учебный лагерь, расположенный в лесу, недалеко от станции Суслонгер. Чтобы ярче охарактеризовать это гиблое место, имеющее со дня основания дурную славу, Н. Сорокин вплетает в свой рассказ о перипетиях солдатской службы Мишука местные легенды. Так, автор знакомит с этимологией топонима, проливающей свет на географическое расположение Суслонгера. Название лесной деревушки связано с лаптеплетением, так как в переводе с марийского «сусле» означает «кочедык» (главный инструмент при плетении лаптей), а «енгер» – река:

«По преданию, жил тут один рассеянный мариец да уронил по нечаянности свой инструмент в воду. Именно на том месте, где возродилась лесная деревушка» [Там же, с. 46].

Мишук оказался в Суслонгере вместе с другими 260 новобранцами из Тетюшского района. Чудо преображения случилось в солдатской бане, выйдя из которой крестьянский увалень превратился в курсанта Соколова Михаила.

Николай Сорокин воссоздает жизнь учлага в ярких деталях и подробностях. Важное место в характеристике учлага отводится писателем описанию рациона солдат. Так, после бани ошалелые «солдатики» оказываются в столовой, где их потчуют «кашей из непонятной крупы со вкусом земли», «жидкой», «как суп», и хлебом, «тяжелым и липким, как глина». С ностальгией новобранец вспоминает о домашней еде в котомке, «которую отобрал старшина перед баней» [Там же, с. 47]. Вскоре Мишук поймет, что поход в столовую – это всего лишь ритуал, не имеющий под собой обеспечения. Вместо супа здесь предлагали «мутную воду», «болтушку» из муки, заправленную капустным листом и двумя-тремя ломтями гнилого картофеля. Вместо чая – отвар из сосновых веток. Хлеб был больше похож на кусок мыла, так как был испечен вместе с опилками.

В учлаге Мишук встречается со своим односельчанином Микулой, который дает весьма пронизательную характеристику Суслонгеру: «Здесь, Мишук, не армия, а бардак» [Там же, с. 48]. Вместо военных учений курсанты ежедневно занимаются тяжелой работой: прокладывают через лес на станцию Суслонгер железную дорогу. Мишук был потрясен картиной гибели трех курсантов, которых придавила насмерть стальная махина, что несли на плечах пятьдесят человек. В ужас пришел крестьянский паренек и при виде ослепших курсантов, то и дело натыкающихся на деревья. Из-за голода и непосильного труда они стали жертвой «куриной слепоты».

В «Вечной Волге» утверждается, что курсанты здесь гибли не от вражеской пули, а от голода и болезней, самоуправства командиров.

Чтобы поддержать читательский интерес, Н. Сорокин часто прибегает к лирическим отступлениям. Так, воспевая природную красоту озера, писатель рассказывает поэтичную легенду об озере Пинерпи, образовавшемся из слез безутешного отца, оплакивающего гибель дочери-красавицы.

Н. Сорокин пытается добиться социального обобщения, рассказывает в романе о системати-

ческом разворовывании солдатских пайков как со стороны командиров, так и рядовых сотрудников кухни, что и послужило первопричиной огромной человеческой трагедии в учлаге. Бросается в глаза стилевая неоднородность романа. Сказовое начало часто подменяется художественной публицистикой, что создает ощущение «лоскутного одеяла». Подобный неровный стиль, тяготеющий к очерковости, как правило, свойственен писателям-журналистам. Рассказ о Суслонгере у Н. Сорокина порой приобретает черты авантюрного сюжета. Так, в главе «Подвиг Громова» рассказывается о победе командира взвода из лагеря. Лейтенанту удалось добраться до Москвы, благодаря коллективной помощи людей, сочувствующих бедным солдатам, гибнущим от самоуправства начальства в лагере.

Знаковым эпизодом становится описание приезда в лагерь Клим Ворошилова, после визита которого полетели с плеч головы виновных, а сам учлаг в Суслонгере был расформирован. В СМИ встречаются достаточно скудные и противоречивые сведения о приезде «народного комиссара» в марийские лагеря. Важное место отводится автором портретной характеристике маршала Советского Союза. Мишук сформировал представление о нем на основе народных песен, поэтому длительное время никак не мог поверить, что перед ним стоит живая легенда Гражданской войны со свитой: соратник Сталина был от природы несолидного роста. Описание проверки в устах Мишука носит характер солдатской байки о добром царе, который наводит порядок в своем государстве. Расстрел арестованных офицеров оценивается Мишуком как «кара божья». Крестьянский паренек искренне радуется, что Дюганов, некогда разоривший их дом, сославший отца в ссылку, измывавшийся над солдатами в учлаге, наконец получил по заслугам: «Долг, как говорится, платежом красен» [8, с. 101]. Наблюдая за тем, как хоронят офицеров в овраге, курсант Соколов приходит к неутешительному выводу: «И те и эти «хороши. Все решают кровью людей. Думают, что им все позволено» [7, с. 102]. В результате история Суслонгера выливается в глазах героя в обвинение против несправедливой власти.

В 2022 г. была опубликована книга Фирдауса Хузина «Суслонгер» [9], где в одноименной повести воссоздана судьба его односельчанина – старика Кашшафа, прошедшего через горнило этого учлага. Как отмечает М. Хабутдинова, «сюжетная линия основана на воспоминаниях фронтовика, на склоне лет решившегося посетить марийскую землю, где хлебнул в свое время лиха, чтобы обратиться со словами молитвы о

душах загубленных здесь новобранцев. Во время поездки в голове Кашшафа бабая оживают тяжелые воспоминания о буднях лагеря: приезд, работа в лесу, голод и болезни в лагере, приезды родственников, гибель дезертиров, преступления командира Иванова, любителя наускивать собак на новобранцев. Автор нанизывает один ужасный эпизод на другой, чтобы передать страшный масштаб разворачивающейся здесь трагедии. Благодаря внутреннему зору героя оживают образы и других новобранцев из взвода лейтенанта Сидоренко. Так достигает автор обобщения. В финале повести описывается смерть старика Кашшафа на территории бывшего лагеря. Повесть написана отчетливо в мелодраматическом ключе» [12].

Результаты

В проанализированных нами литературных источниках тема учлага Суслонгера выливается в проблему отношений «государства и народа», где власть на местах не ограничена, и только приезд высокого представителя из центра, «добротного царя», может улучшить ситуацию. На основании воспоминаний очевидцев писатели исследуют участь советских людей на примере судебных представителей из среды крестьянства, городской интеллигенции. Авторы произведений психологически достоверно воссоздают картину изменений в духовной сфере человека, оказавшегося в бесчеловечных условиях. Сохранившие человеческий облик противопоставляются «оскотинившимся». От описаний будней солдатской службы в Суслонгере веет ужасом. В системе образов важную роль играет антитеза «курсанты – командиры».

Выводы

Драматическая история Суслонгера легла в основу ряда художественных произведений русских, татарских, чувашских, еврейских писателей. Если А. Гилязов раскрывает эту тему в притчевой манере, то М. Рафалов и Н. Сорокин в автобиографическом ключе. У Ф. Хужина в повести преобладает мелодраматическое начало.

Список источников

1. Максимова М. Под грифом «Секретно». В годы ВОВ в марийских лесах морили голодом солдат // Аргументы и факты-Татарстан. 2015. № 11. 19 февраля.
2. Шабардин А. Горькое эхо Суслонгера // Республика Татарстан. 2019. № 83 (28657). 11 июня.
3. Габдуллина Э. Суслонгердан репортаж // Интертат. 2020. 15 август. URL: [https://intertat.tatar/news/suslongerdan-reportazh-achlyktan-shesheng-n-iren-](https://intertat.tatar/news/suslongerdan-reportazh-achlyktan-shesheng-n-iren-hatyny-k-kr-k-s-ten-h-tle-imezg-n?)

[hatyny-k-kr-k-s-ten-h-tle-imezg-n?](https://intertat.tatar/news/suslongerdan-reportazh-achlyktan-shesheng-n-iren-hatyny-k-kr-k-s-ten-h-tle-imezg-n?) (дата обращения: 22.05.2022).

4. Гилязов А. Рана / пер. А. Нурисламовой // Архив А. Гилязова. Рукопись. 145 с.
5. Рафалов М. Футбол оптом и в розницу. М.: Вагриус, 2006. 368 с.
6. Сорокин Н. Вечная Волга. Чебоксары: «Новое время», 2006. 352 с.
7. Сорокин Н. Вечная Волга. Чебоксары: «Новое время», 2006. 336 с.
8. Сорокин Н. Вечная Волга. Чебоксары: «Новое время», 2008. 438 с.
9. Хузин Ф. Суслонгер. Казан: Иделпресс, 2022. 160 б.
10. Хабутдинова М. М. А. Гыйләжевнен 1986–1991 еллар прозасының үзенчәлеге: ижат эволюциясе проблемасы // А. Гыйләжев. Сайланма әсәрләр 6 т. Т. 5. Казан: Тат. китап. нәшр., 2016. Б. 582–616.
11. Швецова А. Правду об ужасах военных лагерей в Суслонгере и Сурке раскрыл писатель Николай Сорокин // Марийская правда. 2016. 26 января. URL: <https://www.marpravda.ru/news/religiya/pisatel-nikolay-sorokin-v-svoey-knige-napisal-ob-uzhasakh-lagerey-mariy-el-suslongera-i-surka/> (дата обращения: 10.04.2022).
12. Хабутдинова М. М. «Белое пятно» в истории Великой Отечественной войны. URL: https://vk.com/@ifmk_kfu-beloe-pyatno-v-istorii-velikoi-otechestvennoi-voiny (дата обращения: 09.05.2022).

References

1. Maksimova, M. (2015). *Pod grifom "Sekretno". V gody VOV v mariiskih lesakh morili golodom soldat* [Classified "Secret". During the Second World War, Soldiers Were Starved in Mari Forests]. *Argumenty i fakty-Tatarstan*. No. 11, 19 fevralya. (In Russian)
2. Shabardin, A. (2019). *Gor'koe ekho Suslongera* [The Bitter Echo of the Suslonger]. *Respublika Tatarstan*. No. 83 (28657), 11 iyunya. (In Russian)
3. Gabdullina, E. (2020). *Suslongerdan reportazh* [A Report from the Suslonger]. *Intertat*. 15 avgust. URL: <https://intertat.tatar/news/suslongerdan-reportazh-achlyktan-shesheng-n-iren-hatyny-k-kr-k-s-ten-h-tle-imezg-n?> (accessed: 19.05.22). (In Tatar)
4. Gilyazov, A. *Rana* [The Wound]. Per. A. Nurislamovoi. Arhiv A. Gilyazova. Rukopis'. 145 p. (In Russian)
5. Rafalov, M. (2006). *Futbol optom i v roznitsu* [Football Wholesale and Retail]. 368 p. Moscow, Vagrius. (In Russian)
6. Sorokin, N. (2006). *Vechnaya Volga* [The Eternal Volga]. 352 p. Cheboksary, "Novoe vremya". (In Russian)
7. Sorokin, N. (2006). *Vechnaya Volga* [The Eternal Volga]. 336 p. Cheboksary, "Novoe vremya". (In Russian)
8. Sorokin, N. (2008). *Vechnaya Volga* [The Eternal Volga]. 438 p. Cheboksary, "Novoe vremya". (In Russian)

9. Huzin, F. (2022). *Suslonger* [The Suslonger]. 160 p. Kazan, Idelpress. (In Tatar)
10. Khabutdinova, M. M. (2016). *Gylazhevnen 1986–1991 ellar prozasynyn uzenchelege: ijt evolyuciya problemasy* [The Specifics of A. Gilyazov's Prose in 1986–1991: The Problem of Creative Evolution]. *Gylazhev A. Sailanma eserler*, 6 V. V. 5, pp. 582–616. Kazan, Tat. kitap. neshr. (In Tatar)
11. Shvetsova, A. (2016). *Pravdu ob uzhasah voennyh lagerei v Suslongere i Surke raskryl pisatel' Nikolai Sorokin* [The Truth about the Horrors of the Military Camps in Suslonger and Surka Is Revealed by the Writer Nikolai Sorokin]. *Mariiskaya pravda*. 26 yanvarya. URL: <https://www.marpravda.ru/news/religiya/pisatel-nikolay-sorokin-v-svoey-knige-napisal-ob-uzhasakh-lagerey-mariy-el-suslongera-i-surka/> (accessed: 19.05.22). (In Russian)
12. Khabutdinova, M. M. *“Beloe pyatno” v istorii Velikoi Otechestvennoi voyny* [The “Blank Spot” in the History of the Great Patriotic War]. URL: https://vk.com/@ifmk_kfu-beloe-pyatno-v-istorii-velikoi-otchestvennoi-voyny (accessed: 19.05.22). (In Russian)

The article was submitted on 25.05.2021

Поступила в редакцию 25.05.2021

Хабутдинов Айдар Юрьевич,
доктор исторических наук,
профессор,
Казанский филиал Российского
государственного университета правосудия,
420088, Россия, Казань,
2-я Азинская, 7А.
aihabutdinov@mail.ru

Бакиров Марсель Хаernasович,
доктор филологических наук,
профессор,
Центр по изучению наследия Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Khabutdinov Aidar Yurievich,
Doctor of History,
Professor,
Kazan branch of Russian State University
of Justice,
7^a, 2nd Azinskaya Str.,
Kazan, 420088, Russian Federation.
aihabutdinov@mail.ru

Marcel Khaernasovich Bakirov,
Doctor in Philology,
Professor,
Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

ПРИНЦИПЫ ЦИКЛИЗАЦИИ ДЕТСКИХ КНИГ НАКИ ИСАНБЕТА

© Милеуша Хабутдинова

CYCLIZATION PRINCIPLES OF NAKI ISANBET'S CHILDREN'S BOOKS

Mileusha Khabutdinova

The purpose of our research is to study the cyclization of N. Isanbet's work for children. The study is based on three children's books by the writer: "Bunny", "What from What", "A Tale about a Brave Cat". We used the descriptive and comparative methods in our work. The relevance of the research lies in the fact that Naki Isanbet's contribution to children's literature still remains unexplored. The article proves that through cyclization, the writer sought to express his artistic position and to channel the viewer's perception in the direction indicated by the author. All the works of the cycles are distinguished by the unity of the lyrical intonation. The article reveals the cognitive and educational potential of N. Isanbet's children's books. The writer advocated the renewal of genres in Tatar children's books and adhered to the principle of national identity in literature.

Keywords: Tatar literature, Naki Isanbet, problem of cyclization, nationality

Цель исследования – изучение проблемы циклизации произведения Н. Исанбета для детей. Материалом исследования послужили три детские книги писателя: «Зайчонок», «Что от чего», «Сказка про храброго кота». В работе использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Актуальность исследования состоит в том, что вклад Наки Исанбета в детскую литературу до сих пор остается неизученным. Доказано, что через циклизацию писатель стремился выразить свою художественную позицию, а также направить зрительское восприятие в нужное для автора русло. Все произведения циклов отличает единство лирической интонации. Выявлен познавательный и воспитательный потенциал детских книг Н. Исанбета. Писатель ратовал за обновление жанров в татарской детской литературе. Н. Исанбет придерживался принципа народности в литературе.

Ключевые слова: татарская литература, Наки Исанбет, проблема циклизации, народность

Введение

В 1979 г. А. Ахмадуллин, выступая на юбилейном вечере Наки Исанбета (1899–1992), обратил внимание на то, что писатель создал свыше 100 произведений для детей. К сожалению, вклад ученого-энциклопедиста в развитие татарской детской литературы остается недостаточно изученным. В трудах по детской литературе о деятельности Н. Исанбета принято упоминать вскользь, то есть в рамках обзора [1, с. 65–70], [2, с. 6, 12], [3, с. 25, 26], [4, с. 67, 96, 180], [5, с. 414–415]. В региональных СМИ в свое время были опубликованы рецензии и отзывы на его детские книги и фольклорные сборники [6, с. 121–122], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13].

Актуальность и новизна данной работы состоит в том, что впервые в татарском литературоведении предпринята попытка изучения принципов циклизации детских произведений Наки Исанбета.

Теоретической базой послужили литературоведческие работы, посвященные циклизации (И. В. Фоменко [14], М. Н. Дарвин [15], Л. Е. Ляпина [16]).

Цель нашего исследования – выявить внутренние принципы организации циклических форм в детских книгах Наки Исанбета.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили детские книги писателя «Бәләкәй техникләр» (1924) [17], «Куянкай» (1956) [18], «Ни өчен ни булган яки Утыз ялган» (1956) [19], «Бәрәзә песие Мыраубай батыр мажаралары һәм башкалар» (1974) [20].

В работе использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Обсуждение

Первый сборник стихотворений для детей «Бәләкәй техникләр» («Маленькие техники»)

Наки Исанбет выпустил в 1924 г. [17]. Судя по названию, писатель стремился соответствовать требованиям эпохи. Именно в 1920-е гг. в литературу для детей стала вводиться производственная тематика. Следующий сборник для детей Наки Исанбету удалось выпустить лишь спустя четверть века. Это произошло в результате дискуссии о путях развития детской литературы в 1920-х гг., когда развернулась яростная борьба со «старой» детской литературой во имя создания «новой», соответствующей коммунистической идеологии.

Гонения на сказку в 1920-х гг., как известно, начались в рамках антирелигиозной пропаганды. К противникам сказки (Э. Яновская [21]) примкнула супруга вождя – Н. Крупская ([22], [23] и др.). Дискуссия о сказке в журнале «На путях» отвечала положениям постановления ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г. Статья «К вопросу об оценке детской книжки» (1927) поставила точку в жарких спорах о сказке в детском чтении [24]. Дискуссия на страницах газеты «Читатель и писатель», в отличие от журнальной, не была однополярной. Защитникам сказки все же удалось донести свою позицию до читателей [25]. Тем не менее гонения на сказку в стране не прекратились. Показательной является история борьбы с «чуковщиной» (1920–1950) [26], старт которой был дан Н. К. Крупской [27]. За К. Чуковского вступился М. Горький [28]. Концепция детской литературы, поступательно озвученная оппонентами Н. Крупской в лице М. Горького, С. Маршака на рубеже 1920–1930-х гг., получает окончательное оформление в речах на первом Съезде советских писателей 19 августа 1934 г.

Из-за травли, развязанной против Х. Такташа и других талантливых татарских поэтов в 1920-е гг., Н. Исанбет вынужден был сойти с поэтической стези. Однако скандалы вокруг пьес драматурга «Пикулай» и «Портфель» в 1930 гг. вскоре его убедили, что заниматься художественным творчеством в современных политических условиях небезопасно. Дело «Джидегян» обернулось отлучением от литературного процесса.

Вдохновленный выступлениями М. Горького и С. Маршака на съезде (тезис о внимании к фольклорным источникам), Н. Исанбет сосредоточился на систематизации фольклорного материала. В 1939 г. он осмелился на страницах газеты «Яшь ленинчы» («Юный ленинец») выпустить анонс [29], а в 1941 г. подготовил к печати два сборника: «Татарские загадки» [30], «Детский фольклор» [31], – сопровождаемые научными статьями ученого. Однако и путь детского

фольклориста оказался для Н. Исанбета небезоблачным.

В интервью с Рабитом Батуллой 5 сентября 1983 г. Н. Исанбет вспоминает об этом скандале с внутренней болью: «Собирать плоды народного творчества можно, но осторожно. Я подготовил к печати фольклорные материалы, издательство отпечатало их шестистычным тиражом. Но какой-то „доброжелатель“ донес куда следует, мол, Исанбет насобирает материалы, восхваляющие ханские времена. Секретарь обкома Муратов, поверив доносчику, велел сжечь весь тираж». Книга дошла до читателей благодаря мужеству автора и директора Татарского книжного издательства Вали Закировича Тинчурина. Из-за того, что З. И. Муратов отказался подписать письменное обоснование для уничтожения тиража, директор решил на время разборок спрятать тираж среди макулатуры и под томами В. И. Ленина, так как боялся, что руководство издательства власти, в свою очередь, могут обвинить в растрате государственных средств [32]. Тем временем Н. Исанбет отправил сборник на экспертизу в Москву. Вскоре из столицы пришло заключение, что книга не содержит антисоветских идей. Так был спасен тираж книги, и она попала в руки благодарных читателей.

А тем временем борьба с «чуковщиной» продолжала набирать обороты. Перелом наметился лишь в 1950-х гг. В 1956 г. К. Чуковскому удалось опубликовать «Приключения Бибигона» в переработанном виде [33]. В 1946 г. журнальная версия была разгромлена в «Правде» [34]. После статьи С. Крушинского К. Чуковский перестал сочинять сказки.

Смеем предположить, что Н. Исанбет воспринял публикацию «Бибигона» как признак «оттепели» в детской литературе. В конце 1950-х гг. татарский писатель подготовил к печати две книги, носящие характер циклов.

В 1956 г. Наки Исанбет выпустил книгу сказок «Ни өчен ни булган яки утыз ялган» («Что от чего») [19]. Цикл состоит из 30 сказок, объясняющих ребенку происхождение названий тех или иных растений, поведение животных, насекомых, птиц и др. В журнале «Совет эдэбияты» («Советская литература») и в газете «Кызыл Таң» («Красный Рассвет») были опубликованы положительные рецензии на книгу [6], [10]. В предисловии, носящем характер доверительного разговора с ребенком, Н. Исанбет вспоминает, как в детстве донимал брата и бабушку своими «Почему?»: «ни өчен алай? нигә болай?». Ученый-энциклопедист стремится сформировать у детей представление о жанровом многообразии фольклорных

произведений. По его наблюдениям, татарский народ свои остроумные ответы на пытливые вопросы детей оформлял в формах *мәзәк* (анекдот), *кече форма әкиятләр* (сказки малой формы), *риваять* (легенда), *гыйбрәтле кыйсса* (поучительное сказание) ([19, с. 3], [35, с. 156]): «Халык телендә „Ни өчен? Ник?“ дигән сорауларга каршы үзенә бертөрле кечерәк әкиятсыман җаваплар да барлыкка килгән» [19, с. 3]. – «народ на вопросы „Для чего? Почему?“ приготовил ответы, короткие, похожие на сказочные» (здесь и далее подстр. пер. наш. – М. Х.).

Автор не скрывает, что сказки, объединенные в цикл, даются в его писательской обработке: «үзем ишеткән-белгән кызыклы хәбәрләрне, тапкыр җавапларны яки мисалларны кечерәк әкиятләр төсэндә сюжетка салып яздым» [Там же, с. 5]. – «услышанные когда-то интересные сообщения, остроумные ответы или примеры я переплавил в сюжет, похожий на коротенькую сказку».

При переиздании сказок в 1984 г. писатель увеличил число поучительных сказок до 41. Лишь две из них содержат примечания, где были записаны фольклористом [35, с. 156, 162–163]. Вызывает недоумение факт включения в 1987 г. некоторых сказок из цикла Н. Исанбета в состав академического издания «Риваятьләр һәм легендалар» («Легенды и предания») наряду с аутентичными, необработанными текстами: [36, с. 234–236, 240–241, 243–247]. Мы считаем, что это должно было быть сделано с оговорками «татарская народная легенда / сказка / кыйсса в литературной обработке».

Параллельно с циклом сказок Н. Исанбет подготовил еще один цикл-сборник «Куянкай» («Зайчонок», 1956) [18]. В качестве сквозного персонажа выступает Заяц (Куян), который обеспечивает формальную связь между разножанровыми текстами. Цель писателя – познакомить ребенка с зайцем и сформировать представление о специфике этого зооморфного образа в фольклоре и произведениях Н. Исанбета. Вначале поэт размещает тексты, нацеленные на создание зоологического портрета животного (внешний вид («Куянкай», «Ай! Ай!)), объясняющие взаимобусловленность качеств (осторожность, бдительность, острый слух, сильные лапы для быстрого бега) наличием врагов (совы, беркут, охотник) («Ай, чү, нәрсә бар?», «Бала белән куян», «Ябалак», «Әнәнә куян»). Н. Исанбет дает мир природы в динамике: предлагает детям посмотреть на мир глазами зайца. Затем Н. Исанбет наглядно демонстрирует, как может меняться образ зайца в разножанровых литературных текстах

(басня, подражание, игра, загадки). В качестве заключения использует народную мудрость – пословицы о зайце.

Внимание писателя к этому животному обусловлено его широкой распространенностью в природе родного края и наличием похожего существа среди домашних животных («йорт куяны» («кролик»)) («Күк куян»)).

Н. Исанбет стремится пробудить интерес к миру природы. Разрабатывая в 1959 г. «Детский календарь», Н. Исанбет в его начало помещает текст о древнем тюркском календаре двенадцатилетнего животного цикла [37, с. 3]. Каждый год по народным представлениям имел свои признаки и особенности. Так, Год Зайца – четвертый год в цикле – отличался дефицитом («Куян елы – кытлык» [38, с. 281]); падежом скота от голода («Куян елы – йотлык» [Там же]); голодом («Куян елы ачлык булыр» [Там же]). Из множества пословиц для детской книги фольклорист отбирает отличающиеся познавательным (внешний вид, поведение, жизнедеятельность, враги) и воспитательным потенциалом [18, с. 30]. Показателен комментарий фольклориста в собрании пословиц: «Куян мәкальләрдә куркаклык, чыдамсызлык, файдасыз эш сүрәтләмәсе» [38, с. 438]. – «Заяц в пословицах ассоциируется с трусостью, нетерпеливостью и бесполезной работой».

Чаще всего детские стихотворения о зайце у Н. Исанбета написаны в диалоговой форме. Сюжет произведений отличается динамизмом. Текст согрет задушевной авторской интонацией. Сам ключевой образ вынесен в заглавие. Портретные характеристики отличаются лаконичностью и выразительностью. Простота словесных конструкций позволяет ребенку легко заучивать стихотворения наизусть. Наки Исанбет успешно использует арсенал образных средств, накопленный в татарском детском фольклоре: сравнение («ул китәр-китәр, / Аткан ук кебек»), традиционные обращения («аппагым», «куянкай») («Куянкай», «Бала белән куян» [18, с. 3–5]). Часто встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Очень удачно поэт использует потенциал звукописи: «Ай, кыек күз, жил тәпи! / Ай, сикерде – пи – дә – пи!...». («Ай! Ай!» [Там же, с. 11]).

Предвосхищая вопросы маленьких «почемучек», писатель выдвигает две версии косоглазия зайца: от страха и горя («Күзләрем кыелды / Кайгыдан, куркудан») («Бала белән куян» [Там же, с. 5]), смеха («көлә, көлә үзләре – / Кыгайды, ди, күзләре») («Ни өчен куянын күзе кыгаеп ирене ярылган» [Там же, с. 14]).

Очевидно, что писатель стремится познакомить ребенка с лучшими текстами из литературы других народов. Басни Н. Исанбета представляют из себя вольное переложение известных произведений. Так, татарский поэт очень органично переплавляет «Зайцев и лягушек» Л. Толстого из прозы в стихотворную форму, обогащая сюжет новыми смыслами. Н. Исанбет не только высмеивает людские пороки, но и объясняет особенности внешних характеристик зайца [Там же, с. 14]. В басне «Аучы куян» («Заяц-охотник») переосмыслена народная сказка о зайце-хвастунишке. Автор мастерски использует антитезу, противопоставляя степень претензий зайца-хвастунишки к миру с масштабом добычи – медвежьими ушами [Там же, с. 16]. Басня «Ташбака белэн куян» есть весьма удачное вольное переложение знаменитой басни Лафонтена «Заяц и черепаха» [Там же, с. 18].

Если внимательно приглядеться к играм Н. Исанбета о зайце, то легко обнаружить их тесную связь с народными играми. Они отличаются друг от друга своими функциональными характеристиками. Так, «Әбәк» – это игра в ладошки. «Ак куян» есть вольное переложение русской народной считалки «Заяц белый, / Куда бегал?». «Үр куян» – вариант традиционной подвижной сюжетной игры «Охотники и зайцы» («догонялка») [Там же, с. 21–24].

Н. Исанбет знакомит ребенка с фольклорными и художественными произведениями народов мира.

В результате книга превращается в детскую энциклопедию о зайце в стихах. При переиздании в 1974 г. в составе книги произведения о храбром коте [20, с. 138–170] Н. Исанбет дополнил цикл сказкой «Дөнья булгач тагын очраштык» (1965). Кроме того, писатель расширил фольклорный блок, чтобы продемонстрировать богатство жанровых форм. Художник слова демонстрирует многообразие фольклорных жанров (песня, такмаза, приметы, игра вопрос-ответ, пословицы). В качестве заключения Н. Исанбет использует не фольклорный, а природоведческий материал («Куяннар турында» («О зайцах»)), так как в эти годы в приоритете было трудовое воспитание и формирование естественнонаучных знаний.

Таким образом, создавая цикл о зайцах, Н. Исанбет позаботился не только о его тематической единстве, но и о жанровом разнообразии как литературного, так и фольклорного материалов, позволяющих сформировать представление о животном (портрет, повадки, враги и др.) В то же время писатель стремился дать ребенку зримо почувствовать связь фольклора и литературы.

Восхищает разнообразие используемых фольклорных изобразительно-выразительных средств.

В 1950-х гг. Н. Исанбет начал работать над книгой «Бәрәзә песие Мыраубай батыр мажаралары» («Храбрый кот») [20]. Он хотел издать отдельные главы, однако ему это не удалось. Н. Исанбет завершил работу над этим произведением в 1970 г. К сожалению, при издании книги редакция удалила предисловие. Мы обнаружили его в личном архиве Н. Исанбета [38]. В предисловии писатель пишет о необходимости жанрового обновления татарской детской литературы: «Төп хикмәт хәзер бугенге заманның үзе бездән зур күләмле, циклы эсәрләр тәләп итүендә дә... Балалар өчен бездә дә бер вакытта әдәбият һәм тамаша буларлык мажаралы циклы зур күләм эсәрләр майданына килергә тиеш» [Там же, с. 1]. – «В том-то и секрет нашей эпохи, что она требует от нас создания крупных произведений, носящих характер циклов... И у нас для детей должны быть созданы объемные приключенческие циклы, которые сочетают в себе и литературный, и театральный потенциал». Писатель был уверен, что если бы Г. Тукай и Х. Такташ рано не ушли из жизни, то обязательно написали бы поэтический цикл о кошке. Наки Исанбет взял на себя смелость создать приключение со сквозным сюжетом, состоящее из 12 самостоятельных историй: «Цикл димәктән, монда 12 данә мажаралы хикәя. Һәр хикәя үзле-үзенә тәмам булган берәр эсәр. Шулу вакыт алар уникале берлектә тоташы белән бер бөтен хикәя тәшкил итәләр ягъни алар аша монда үтәм бер вакыйга (сквозное действие) тасвир ителә» [Там же, с. 3].

Главным героем этих приключений стал кот Мыраубатыр. Н. Исанбет так определяет задачи цикла приключений о коте: «мин бу цикл төзмәсе аша гомуми әдәби бер идея күзәтү белән бергә, һәр мажараның үз эчендә дә тагын аерым берәр тәрбияли (педагогик) максат күздә тотып, ана басым ясарга тырыштым». – «помимо ключевой идеи всего цикла, я стремился реализовать в каждой истории свою воспитательную (педагогическую) задачу». В то же время писатель стремился в цикле продемонстрировать детям преемственность в поэтической традиции: «Әсәрнең төп хикәясе дүртүллыкны, төзәк калыплы строфага нигезләнгән. Бу „Йусуф“ китабыннан алып, Тукайга („Кәжә һәм сарык әкиятенә“) кадәр сузылып килгән эпик форма» [Там же, с. 3]. – «Свальной сюжет состоит из четверостиший, чья строфика состоит из равносложных строк. Эта эпическая форма, своими корнями уходит в «Сказание о Йусуфе», дожила до Тукая (сказка «Коза и баран»)). Еще

одной особенностью цикла приключений является, по замыслу автора, «энциклопедизм» страничных примечаний, в которых концентрируются сведения о культуре и истории родного края. Кроме того, Н. Исанбет стремился расширить представление детей о жанровом многообразии произведений, поэтому включил, например, в основной текст народные песни, игры, даже сценарий театрального действия (маскарад). Писатель сознательно использовал художественные средства выразительности, характерные для фольклора, чтобы зримо дать почувствовать читателям живучесть народных сказочных традиций. Книга имела колоссальный успех у читателей. В 1989 г. по ее мотивам был снят первый телемюзикл на татарском языке «Мы-раубатыр» (авторы сценария И. Сирматов, И. Утяганов; реж. И. Утяганов).

В 1974 г. Н. Исанбет, помимо приключений о храбром коте [20, с. 5–116], включил в книгу целый ряд разножанровых текстов на «кошачью» тему. Писатель строго придерживается композиционных принципов книги «Куянкай»: сначала дает тексты, формирующие представление о биологической сущности животного (внешность, повадки): «Безнең песи», «Чу! / Өйдә тычкан!». Затем дает друг за другом идут сюжетные стихотворения, написанные в разных жанрах: коллективная песня («Ялкау песи»), юмористическое детское стихотворение («Кайсыгыз тиде», «Мы-раужан аптырый», «Чыпчыклар», «Әбием янынңа»), аллегорическое стихотворение («Мияубикә төше»), басня («Тычканнар жыелышы», «Күсе белән песи һәм арслан», «Хәйләкәр песәй», «Тычкан, этәч, песи»), рассказ («Песине ашаган тычкан хикәясе»), игра слов («Мәче»). В конце Н. Исанбет привел примеры разножанровых фольклорных текстов (эйтешләр, уен, театрлашкан татар халык балалар уены, такмаза, табышмаklar, мәкальләр, санамыш). Цикл о кошках завершает природоведческий познавательный рассказ «О кошке» [Там же, с. 171–206].

Результаты

Ровесник XX века, с одной стороны, рассматривал циклизацию как способ выражения авторской художественной концепции, с другой стороны, таким образом осуществлял руководство читательским восприятием. При сравнительно-сопоставительном анализе двух циклов Н. Исанбета мы выявили сходство познавательных и воспитательных задач. В композиции прослеживается авторская заданность. Включение в циклы фольклорных и литературных материалов вызвано стремлением

автора продемонстрировать преемственность культурных традиций. Разножанровые тексты, объединенные общей темой, в то же время отличаются самостоятельностью. В книгах доминирует лирический принцип изображения.

Выводы

Наки Исанбет пришел в литературу в начале 1910-х гг., когда происходила перестановка акцентов в содержании циклических форм. В архиве писателя хранятся рукописные журналы, изучение которых, возможно, позволит выявить предпосылки циклизации произведений в зрелом творчестве.

Список источников

1. Кукушкин Р. Ф. Канатлы жыр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 184 б.
2. Балалар фольклоры. Мәктәп китапханәсе сериясе. Т. XLVII. / төз. һәм кереш мәкалә авторы Л. И. Мингазова. Казан: Хәтер, 2009.
3. Абдулхакова А. Р. Татарская детская книга 1917–1991 гг.: эволюция и тенденции развития: автореф. дис. ... докт. истор. наук. Казань, 2010. 45 с.
4. Минһаҗева Л. И. XX гасыр татар балалар әдәбияты: үзенчәлекләре һәм үсеш тенденцияләре. Казань: изд. Хәтер, 2011. 312 б.
5. Mingazova L., Sulteev R. Tatar and English Children's Folklore Education in Folk Traditions // Western Folklore 73.4 (Fall 2014), P. 410–431.
6. «Ни өчен ни булган яки утыз ялган»: Н. Исәнбәт әсәре // Совет әдәбияты. 1957. № 2. 121–122 б.
7. Мөхәммәтшин Х. Әкият һәм бала: «Ни өчен ни булган яки утыз ялган» әкиятләре турында // Кызыл Таң. 1957. 22 март.
8. Вәлидова М., Гумерова И. «Куян мажаралары» // Совет Татарстаны. 1958. 19 дек.
9. Урманчеев Ф. «Балалар дөньясы» // Социалистик Татарстан. 1970. 26 дек.
10. Урманчеев Ф. «Нәниләр шатлана» // Кызыл таң. 1968. 8 февр.
11. Рецензия: Н. Исәнбәт. Балалар дөньясы. Татарстан китап нәшрияты. 1970 ел // Казан утлары. 1971. № 5. 167 б.
12. Бакиров М. Балалар фольклоры: рецензия // Казан утлары. 1985. № 3. 179–182 б.
13. Гайнетдинов Х. Имештә үскән жимеш // Ялкын. 1985. № 4. 26–27 б.
14. Фоменко И. В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1990. 31 с.
15. Дарвин М. Н. Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1996. 43 с.
16. Ляпина Л. Литературная циклизация: (К истории изучения) // Русская литература. 1998. № 1. С. 170–177.

17. *Исанбэт Н. Бәләкәй техникләр: (балалар өчен шигырьләр) / худож. Д. Красильников. Казан: «Яналиф» жәмг., 1928. 36 б.*
18. *Исанбэт Н. Куянкай: шигырьләр, мәсәлләр, уеннар, табышмаклар һәм мәкальләр / худож. И. К. Колмогорцева. Казан: Таткнигоиздат, 1956. 30 б.*
19. *Исанбэт Н. Ни өчен ни булган яки Утыз ялган: әкиятләр / К. Гобәйдуллин рәс. Казан: Таткнигоиздат, 1956. 104 б.*
20. *Исанбэт Н. Бәрәзә песие Мыраубай батыр мажаралары һәм башкалар / худож. Т. Хажиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 207 б.*
21. *Яновская Э. Сказка как фактор классового воспитания. Харьков, 1923. С. 19–23*
22. *Крупская Н. Об учебнике и детской книге для I ступени // На путях к новой школе. 1926. № 7–8. С. 3–13;*
23. *Крупская Н. Задачи антирелигиозной пропаганды // Коммунистическое просвещение. 1922. № 2. С. 28–30*
24. *Об оценке детской книжки // На путях к новой школе. 1927. № 1. С. 30–33.*
25. *Соколов Ю. М. Жизнь или смерть сказке? // Читатель и писатель. 1928. № 18. С. 3–4*
26. *Маслинская С. Корней Чуковский (1882–1969) // Детское чтение. 2012. № 2. С. 58–75.*
27. *Крупская Н. К. О «Крокодиле» Чуковского // Правда. 1928. 1 февраля.*
28. *Горький А. М. Письмо в редакцию // Правда. 1928. 25 февраля.*
29. *Фольклор бите: Н. Исәнбәтнең «Балалар фольклоры» дигән мәкаләсе белән // Яшь ленинчы. 1939. 29 май (№ 40). (Ә. Бикчәнтаева, Н. Арсланов берлектә).*
30. *Табышмаклар: 1468 табышмак һәм аларның жаваплары / жыючысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт. Казан: Татгосиздат, 1941. 196 б.*
31. *Татар халкының балалар фольклоры / жыючысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт. Казан: Татгосиздат, 1941. 188 б.*
32. *Батулла Р. Беседы с Наки Исанбетом // Звезда Поволжья. 2020. № 1. 8–15 января. С. 1–2; № 2. 16–22 января. С. 1–2; № 3 (1969). 23–29 января. С. 1–2; № 4 (1970). 30 января. С. 1–2; 5 февраля. С. 1–2; № 5 (1971). 6–12 февраля. С. 1–2; № 6. 7–13 февраля. С. 1–2; № 7. 20–26 февраля. С. 1–2; № 8. 27 февраля – 4 марта. С. 1–2; № 9. 5–11 марта. С. 1–2; № 10. 12–18 марта. С. 2.*
33. *Чуковский К. Библиогр. М.: Детгиз., 1956. 48 с.*
34. *Крушинский С. Серьезные недостатки детских журналов // Правда. 1946. 29 августа.*
35. *Балалар фольклоры / төз. Н. Исәнбәт. Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. 488 б.*
36. *Риваятьләр һәм легендалар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1987. 368 с.*
37. *Балалар календаре: 1960 / Н. Исәнбәт каләмә белән язылды; худож. П. Н. Григорьев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. 24 б.*
38. *Исанбэт Н. Язучыдан // Н. Исәнбәтнең шәхси архивы. Кулъязма. Машинкада басылган. 4 б.*

References

1. Kukushkin, R. F. (1984). *Kanatly jыр* [A Winged Song]. 184 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
2. *Balalar fol'klory* (2009). [Children's Folklore]. Mäktäp kitaphanäse seriyase. T. HLVII. Töz. һәм keresh mäkalä avtory L. I. Mingazova. Kazan, Hätär. (In Tatar)
3. Abdulhakova, A. R. (2010). *Tatarskaya detskaya kniga 1917-1991 gg.: evolyutsiya i tendentsii razvitiya: avtoref. dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk : 05.25.03* [Tatar Children's Book of 1917-1991: Evolution and Development Trends: Doctoral Thesis Abstract]. Mesto zashchity: Kazan. gos. un-t kul'tury i iskusstv. Kazan', 45 p. (In Russian)
4. Minhaževa, L. I. (2011). *XX gasyr tatar balalar ädäbiyatı: yzenchäklärä һәм yşesh tendenciyläre* [Tatar Children's Literature of the Twentieth Century: Features and Trends of Development]. 312 p. Kazan', izd. Heter. (In Tatar)
5. Mingazova, L., Sulteev, R. (2014). *Tatar and English Children's Folklore Education in Folk Traditions*. Western Folklore 73.4 (Fall 2014), pp. 410–431. (In English)
6. *“Ni öchen ni bulgan yaki utyz yalğan” N. Isanbät äsäre* (1957) [“What from What”: The Work of N. Isanbät]. Sovet ädäbiyatı. No. 2, pp. 121–122. (In Tatar)
7. Mähämmätshin, H. (1957). *Äkiyat һәм bala* [A Fairy Tale and a Child]. “Ni öchen ni bulgan yaki utyz yalğan” äkiyatläre turında. Kyzyl Tañ. 22 mart. (In Tatar)
8. Vəlidova, M., Gumerova, I. (1958). *“Kuyan mäjğaralary”* [“Adventures of a Hare”]. Sovet Tatarstany. 19 dek. (In Tatar)
9. Urmancheev, F. (1970). *“Balalar dən'yasy”* [Children's World]. Socialistik Tatarstan. 26 dek. (In Tatar)
10. Urmancheev, F. (1968). *“Nənilər shatlana”* [Children Rejoice]. Kyzyl tañ. 8 fevr. (In Tatar)
11. *Retsenziya: N. Isanbät. Balalar dən'yasy* (1971) [Review of the Book by N. Isanbät] Tatarstan kitap nəshriyatı. 1970 el. Kazan utlary. No. 5, 167 p. (In Tatar)
12. Bakirov, M. (1985). *Balalar fol'klory: retsenziya* [Review of the Book “Children's World”]. Kazan utlary. No. 3, pp. 179–182. (In Tatar)
13. Gainetdinov, H. (1985). *Imeshtä yskän äçimesh* [A Berry on Fiction]. Yalkyn. No. 4, pp. 26–27. (In Tatar)
14. Fomenko, I. V. (1990). *Poetika liricheskogo tsikla: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk : 10.01.08* [The Poetics of a Lyrical Cycle: Doctoral Thesis Abstract]. MGU im. M. V. Lomonosova. Moscow, 31 p. (In Russian)
15. Darwin, M. N. (1996). *Tsiklizatsiya v lirike. Istoricheskie puti i hudozhestvennyye formy avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk : 10.01.08* [Cyclization in Lyrical Works. Historical Paths and Artistic Forms: Doctoral Thesis Abstract]. Ekaterinburg, 43 p. (In Russian)
16. Lyapina, L. (1998). *Literaturnaya tsiklizatsiya: K istorii izucheniya* [Cyclization in Lyrical Works. Historical Paths and Artistic Forms]. Russkaya literatura. No. 1, pp. 170–177. (In Russian)
17. Isanbät, N. (1928). *Bäläkaj tehniklär : (balalar öchen shigyr'lar)* [Small Techniques: Poems for

- Children]. Hudozh. D. Krasil'nikov. 36 p. Kazan, "Yañalıf" jəmg. (In Tatar)
18. Isənbət, N. (1956). *Kuyankai* [Bunny]. Shigyr'lər, məsəllər, uennar, tabyshmaklar həm məkal'lər. Hudozh. I. K. Kolmogortseva. 30 p. Kazan, Tatknigoizdat. (In Tatar)
19. Isənbət, N. (1956). *Ni əchen ni bulgan yaki Utyz yalğan* [What from What: Fairy Tales]. K. Gəbəidullin rəs. 104 p. Kazan, Tatknigoizdat. (In Tatar)
20. Isənbət, N. (1974). *Bərəzə pesie Myraubaj batyr maşaralary həm bashkalar* [Adventures of a Brave Cat]. Hudozh. T. Nəzihmətov. 207 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
21. Yanovskaya, E. (1923). *Skazka kak faktor klassovogo vospitaniya* [A Fairy Tale as a Factor of Class Education]. Pp. 19–23. Khar'kov. (In Russian)
22. Krupskaya, N. (1926). *Ob uchebnike i detskoi knige dlya I stupeni* [About the Textbook and Children's Book for the First Stage]. Na putyah k novoi shkole. No. 7–8, pp. 3–13. (In Russian)
23. Krupskaya, N. (1922). *Zadachi antireligioznoi propagandy* [Tasks of Anti-Religious Propaganda]. Kommunisticheskoe prosveshchenie. No. 2, pp. 28–30. (In Russian)
24. *Ob otsenke detskoi knizhki* (1927) [About the Evaluation of Children's Books]. Na putyah k novoi shkole. No. 1, pp. 30–33. (In Russian)
25. Sokolov, Yu. M. (1928). *Zhizn' ili smert' skazke?* [Life or Death of a Fairy Tale?]. Chitatel' i pisatel'. No. 18, pp. 3–4. (In Russian)
26. Maslinskaya, S. (2012). *Kornei Chukovskii (1882–1969)* [Korney Chukovsky (1882–1969)]. Detskoe chtenie. No. 2, pp. 58–75. (In Russian)
27. Krupskaya, N. K. (1928). *O "Krokodile" Chukovskogo* [On Chukovsky's "Crocodile"]. Pravda. 1 fevralya. (In Russian)
28. Gor'kii, A. M. (1928). *Pis'mo v redaktsiyu* [A Letter to the Editor]. Pravda. 25 fevralya. (In Russian)
29. *Fol'klor bite* (1939) [A Folklore Page]. N. Isənbətnəñ "Balalar fol'klory" digən məkaləse belən. Yash' leninchy. 29 mai (No. 40). (Ə. Bikchəntəeva, N. Arslanov berlektə). (In Tatar)
30. *Tabyshmaklar* (1941) [Riddles]. 1468 tabyshmak həm alarnıñ javapları; жууучысы həm төзчәсе N. Isənbət. 196 p. Kazan, Tatgosizdat. (In Tatar)
31. *Tatar halkynyñ balalar fol'kloryx* (1941) [Tatar Children's Folklore]. Жууучысы həm төзчәсе N. Isənbət. 188 p. Kazan, Tatgosizdat. (In Tatar)
32. Batulla, R. (2020). *Besedy s Naki Isanbetom* [Conversations with Naki Isanbet]. Zvezda Povolzh'ya. No. 1. 8 – 15 yanvarya. Pp.1–2; No. 2. 16 – 22 yanvarya. Pp.1–2; No. 3 (969). 23 – 29 yanvarya. Pp. 1–2; No. 4 (970). 30 yanvarya. Pp. 1–2; 5 fevralya. Pp. 1–2; No. 5 (971). 6–12 fevralya. Pp. 1–2; No. 6. 7 –13 fevralya. Pp. 1–2; No. 7. 20 –26 fevralya. Pp.1–2; No. 8. 27 fevralya – 4 marta. Pp.1–2; No. 9. 5–11 marta. Pp.1–2; No. 10. 12–18 marta. P. 2. (In Russian)
33. Chukovskii, K. (1956). *Bibigon* [Bibigon]. 48 p. Moscow, Detgiz. (In Russian)
34. Krushinskii, S. (1946). *Ser'eznye nedostatki detskikh zhurnalov* [Serious Disadvantages of Children's Magazines]. Pravda. 29 avgusta. (In Russian)
35. *Balalar fol'klory* (1984) [Children's Folklore]. Töz. N. Isənbət. 488 p. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)
36. *Rivayat'lər həm legendalar* (1987) [Stories and Legends]. 368 p. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)
37. *Balalar kalendare: 1960* (1959) [Children's Calendar: 1960]. N. Isənbət kaləme belən yazıdy; Hudozh. P. N. Grigor'ev. 24 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
38. Isənbət, N. *Yazuchydan* [From the Author]. N. Isənbətnəñ shəhsi arhiv. Kul'yazma. Mashinkada basylgan. 4 p. (In Tatar)

The article was submitted on 21.12.2021

Поступила в редакцию 21.12.2021

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Khabutdinova Milyausha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО МАРИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ГОСУДАРСТВЕННОМУ

© Оксана Васенина, Валентина Константинова

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR CONSTRUCTING EDUCATIONAL LITERATURE ON MARI AS THE STATE LANGUAGE

Oksana Vasenina, Valentina Konstantinova

The article deals with the problem of developing educational literature on Mari as the state language. The Federal State Educational Standard for General Education has made changes to the approaches and principles of constructing educational literature in all school subjects, including the Mari language as the state language. This is due to the fact that the methodological basis of the standard is the system-activity approach. The theory and practice of the methodological science development in the Republic of Mari El evidence the scientists and practitioners' search for the most effective approaches to teaching Mari as the state language. The grammar-translation method, used by teachers in the initial period of introducing the subject into the Basic Curriculum, did not yield any positive results. The Communicative (E. I. Passov), Activity (L. S. Vygotsky, A. N. Leontiev, etc.) and Communicative-Activity (Soboleva E. A., etc.) Approaches help to form students' motivation to learn the language, develop their cognitive activity and organize their own activities. But the requirements of the Standard lay the main emphasis on the development of educational literature based on the Communicative-Activity Approach. Textbooks, created on the principles of this approach, contribute to the formation of the key students' competence – "to teach to learn".

Keywords: educational literature, communicative-activity approach, Mari language, students, communication skills

В статье рассматривается проблема разработки учебников по марийскому языку как государственному. Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования внес изменения в подходы и принципы построения учебной литературы по всем школьным предметам, в том числе по марийскому языку как государственному. Это связано с тем, что методологическую основу стандарта составляет системно-деятельностный подход. Теория и практика развития методической науки в Республике Марий Эл говорят о поиске учеными и практиками наиболее эффективных подходов в обучении марийскому языку как государственному. Грамматико-переводной метод, используемый учителями в начальный период введения предмета в Базисный учебный план, не давал положительных результатов. Коммуникативный (Е. И. Пассов), деятельностный (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и др.), коммуникативно-деятельностный (Соболева Е. А. и др.) подходы помогают формировать у обучающихся мотивацию к изучению языка, развивать у них познавательную активность, организовать собственную деятельность. Но в контексте требований Стандарта основной упор при разработке учебной литературы делается на коммуникативно-деятельностный подход. Учебники, созданные на принципах данного подхода, способствуют формированию ключевой компетенции обучающихся – «научить учиться».

Ключевые слова: учебная литература, коммуникативно-деятельностный подход, марийский язык, обучающиеся, коммуникативные умения и навыки

Вопросы, связанные с разработкой учебной литературы, соответствующей требованиям времени, всегда волновали и волнуют педагогическую общественность. Особую актуальность

данный вопрос приобретает в связи с изменением самой парадигмы образования от знаниевой на личностно-ориентированную, реализацией в образовательно-воспитательном процессе рос-

сийских школ Федеральных государственных образовательных стандартов второго поколения. Методологическую основу данного документа составляет системно-деятельностный подход [1], понятие которого было введено в 1985 году российскими психологами. Весомый вклад в развитие данного подхода внес А. Г. Асмолов [2].

Системно-деятельностный подход является попыткой объединения системного подхода, который рассматривался в исследованиях Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова и др., и деятельностного, разработанного С. Л. Рубинштейном, Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, Л. В. Занковым, Д. Б. Элькониним, В. В. Давыдовым и другими учеными. Основными принципами деятельностного подхода являются: принцип деятельности; непрерывности; целостного представления о мире; минимакса; психологической комфортности; вариативности; творчества [2].

Известно, что учебник, во-первых, – средство хранения научной информации, необходимой для использования в обучении школьников, во-вторых, – «кладовая» учебно-познавательных материалов, заданий, упражнений, которые мотивируют обучающихся к приобретению новых знаний, необходимых для реализации себя в будущей профессиональной деятельности. Задача современного образования – не заставлять ученика бесконтрольно зубрить теоретический материал, а использовать его для развития интереса к изучаемым проблемам, явлениям, мотивировать обучающихся к самообразованию, саморазвитию. В настоящее время, когда идет быстрая смена информации, учебники, учебные пособия, составленные в контексте знаниевой парадигмы, не привлекательны для обучающихся, так как только интерес побуждает делать человека что-то новое, еще непонятное. Ученые, занимающиеся методологией учебной литературы, отмечают низкую дидактическую и литературную культуру авторских текстов, слабый учет психолого-педагогических и возрастных закономерностей усвоения учебного материала [3, с. 6]. Сегодня школьный учебник должен исполнять роль сопровождающего, направляющего в мир знаний обучающихся.

Вопросами разработки теоретических основ создания учебной литературы занимались такие ученые, как Д. Д. Зуев, М. Н. Скаткин, Ю. К. Бабанский, И. Д. Зверев и др. Но, несмотря на достаточное количество научных разработок по теории создания учебной литературы, сегодня все чаще возникают вопросы о соответствии школьных учебников и учебных пособий требованиям ФГОС.

Учебная литература по предметам обязательной части Базисного учебного плана разработана, продолжается корректировка в соответствии с требованиями ФГОС. Но остается ряд нерешенных вопросов по созданию учебной литературы по региональным предметам, в нашем случае по марийскому языку как государственному. Во-первых, в Республике Марий Эл не хватает научно-педагогических кадров в области методики преподавания марийского языка как государственного, которые смогли бы заняться разработкой учебной литературы по данному предмету. Во-вторых, изменения нормативно-правовой базы по изучению государственных языков субъектов Российской Федерации требуют разработки разноуровневой учебной литературы для обучающихся общеобразовательных учреждений Республики Марий Эл. Необходимость таких учебников объясняется тем, что для одних обучающихся марийский язык является генетически родным, но функционально неродным, для других – как генетически, так и функционально неродным. Но в классах встречаются и такие обучающиеся, которые владеют разговорным марийским языком, но не умеют грамматически правильно строить свою речь.

Цель исследования – теоретически обосновать потенциал коммуникативно-деятельностного подхода для разработки учебной литературы по марийскому языку как государственному.

Объект исследования – процесс проектирования учебной литературы по марийскому языку как государственному на основе коммуникативно-деятельностного подхода.

Предмет исследования – коммуникативно-деятельностный подход в определении содержания учебной литературы по марийскому языку как государственному.

Новизна исследования заключается в том, что впервые в практике создания учебной литературы по марийскому языку как государственному теоретически обоснована и практически проверена методология составления учебников на принципах коммуникативно-деятельностного подхода.

В начале 90-х годов прошлого века в Базисный учебный план общеобразовательных школ Республики Марий Эл был введен предмет «Марийский язык как государственный». Его преподавали в основном в городских и поселковых школах, которые относились к категории «школ с русским (родным) языком обучения». На начальном этапе введения предмета все учителя марийского языка пользовались грамматикопереводным методом обучения. По причине отсутствия учебно-методических комплектов педа-

гоги на уроках работали по учебникам, написанным для сельских национальных школ. Методика преподавания родного марийского языка характеризуется тем, что одной из ведущих ее компонентов является лингвистический. Сама программа по предмету и учебники построены по линейному принципу – от фонетики до синтаксиса. Учитывая то, что обучающиеся уже с рождения владеют марийским языком как средством общения, важно на уроках формировать у школьников научное представление о системе языка, объяснить особенности построения марийской речи с опорой на грамматику. В течение 10 лет ученые совместно с педагогами-практиками были в поиске методического подхода в обучении марийскому языку как государственному, так как изучение только грамматики марийского языка не давало результатов в развитии коммуникативных умений и навыков обучающихся. Ученые, педагоги-практики понимали, что обучить неродному языку можно, только моделируя реальные ситуации общения. На курсах повышения квалификации учителей, методических семинарах активно обсуждались самые передовые подходы в обучении русскому, иностранному языкам. И только в 2001 году произошел перелом в методике преподавания марийского языка как государственного. Ученые-методисты как теоретически, так и практически доказали необходимость перехода в обучении марийскому языку как государственному на коммуникативный подход, разработанный учеными-методистами Липецкой школы под руководством Е. И. Пассова. Для общеобразовательных школ Республики Марий Эл впервые была разработана программа по марийскому языку как государственному для учащихся 1-11 классов, основанная на принципах коммуникативного подхода. Процесс обучения приобрел характер коммуникативно-ориентированного.

Известно, что содержание современной учебной литературы определяется принципами научности, преемственности, последовательности, целостности картины мира, культуросообразности, наглядности, интерактивности и т. д. Поэтому составители учебной литературы должны четко руководствоваться ими в процессе работы над ними.

В Республике Марий Эл вопросами разработки учебной литературы по марийскому языку как неродному занимались как ученые, так и педагоги, начиная с середины 90-х годов прошлого века. Учебники А. Ф. Максимова [4], З. В. Учаева [5] оказали неоспоримую помощь учителям на начальном этапе обучения марийскому языку как государственному. Но все они в основном делали

акцент на изучение грамматики марийского языка. Анализ учебной литературы тех лет позволил сделать общий вывод по методологии их построения. В учебниках в основном преобладали следующие задания: 1) чтение и пересказ текста; 2) перевод художественных текстов или отрывка на русский язык; 3) письменные упражнения на знание грамматики; 4) составление ответов на вопросы по тексту; 5) работа по рисунку; 6) чтение диалогов.

Учителя, работающие по таким учебникам, столкнулись с большой проблемой: изучение только грамматики, вне актуальной для обучающихся тем общения, не мотивирует к изучению предмета. Было принято решение на уровне Министерства образования и науки РМЭ и института повышения квалификации начать разработку учебной литературы, основанной на принципах коммуникативного подхода.

В соответствии с коммуникативным подходом и примерной программой по предмету целью обучения марийскому языку как государственному является владение устной и письменной речью, формирование коммуникативных умений и навыков [6, с. 4]. Многолетний опыт работы в качестве учителя марийского языка показал, что коммуникативно-ориентированный подход к обучению марийскому языку как государственному способствует достаточно успешному овладению речью на этом языке. Поэтому формирование коммуникативных умений и навыков является основной содержательной линией обучения марийскому языку как государственному. Данное положение и было положено в разработку учебной литературы по предмету.

Авторский коллектив четко понимал, что при разработке учебной литературы необходимо предусмотреть деятельностный характер речевого поведения обучающихся; предметность процесса коммуникации, которая должна быть смоделирована конкретной темой обсуждения, ситуацией общения, и все это должно способствовать повышению у обучающихся мотивации к изучению марийского языка.

Коммуникативный подход требует при разработке учебной литературы соблюдения следующих принципов: 1) речевой направленности процесса обучения; 2) индивидуализации обучения; 3) функциональности, которая предполагает опору на систему речевых средств, используемых в процессе общения; 4) новизны; 5) ситуативности общения [7, с. 34].

Исходя из вышеназванных принципов, было определено содержание учебников по марийскому языку как государственному, которое включает три компонента: коммуникативный,

лингвистический, социокультурный. Каждый из компонентов значим, но в то же время ни один из них не может существовать самостоятельно. При коммуникативно-ориентированном подходе содержательной основой организации учебного процесса всегда служит проблема, интересная, актуальная для обучающихся конкретного возраста. Это можно считать одним из важных методических требований при разработке учебной литературы по неродным языкам. Разговорные темы, обозначенные в программе, на наш взгляд, способствуют постановке этих проблем, имеющих познавательную и личностно-развивающую ценность, а их содержание помогает воспитанию подрастающего поколения, любящего свой родной язык и уважающего другой, неродной.

Начиная с сентября 2010 года, сначала начальная школа, а потом и основная стали внедрять в учебный процесс новый Стандарт, где «красной нитью» проходит системно-деятельностный подход. Сам термин состоит из двух понятий: системный и деятельностный. Для правильного понимания системно-деятельностного подхода необходимо знать сущность понятий «системность» и «деятельностный».

Известно, что еще Я. А. Коменский в своей работе «Великая Дидактика» впервые дает описание системного подхода [8]. Исходной идеей для этого послужило признание им факта системности мира. Отечественный ученый Б. Ф. Ломов говорил, что на человека влияет социальная система [9]. В ней человек строит связи и отношения с другими людьми для существования и развития. В этом ученый видит и роль общения.

Исходным положением системного подхода, как утверждают многие ученые, является понятие цели. Каждый элемент системы имеет свою цель. Достижение конечной цели возможно только тогда, когда достигается цель каждого элемента. В обучении языку очень важно четко ставить самую маленькую цель, чтобы достичь большого результата. Только хорошо выстроенная система обучения языку способствует формированию у обучающихся коммуникативных умений и навыков.

Первыми о деятельностном подходе говорили выдающиеся психологи С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев. В процесс обучения деятельностный подход внедрили Д. Б. Эльконин и В. В. Давыдов через технологию развивающего обучения [10]. Сегодня, благодаря исследованиям вышеназванных ученых, мы говорим о системно-деятельностном подходе в обучении на всех ступенях образования. Данный подход способствует воспитанию и развитию личности школьника, способного жить в услови-

ях нового времени, быть толерантным (уважительно относиться) к языкам и культуре разных народов, вести «диалог культур».

Коммуникативный и системно-деятельностный подходы способствовали определению коммуникативно-деятельностной организации процесса обучения марийскому языку. Реализация в содержании учебника принципов и методов коммуникативно-деятельностного подхода мотивирует обучающихся к изучению языка, развивает умение самостоятельно планировать, управлять своей деятельностью, контролировать ее результаты, то есть способствует становлению полноценной личности, владеющей марийским языком и способной вступать в коммуникацию с носителями данного языка.

При разработке учебной литературы по марийскому языку как государственному на основе коммуникативно-деятельностного подхода важно следовать принципам цикличности и концентричности. Цикличность проявляется в том, что один материал усваивается в пределах цикла уроков, концентричность предполагает использование речевого материала и обсуждаемых проблем в пределах каждого года обучения, но по принципу «от простого к сложному», то есть нарастания его объема с учетом возрастных особенностей обучающихся.

Основным источником учебной информации является текст. Но, как говорил Д. Д. Зуев, тексты бывают основные, дополнительные, пояснительные, макротексты [11]. Все они должны быть в любой учебной литературе. Коммуникативно-деятельностный подход способствует организации активной познавательной работы обучающихся по поиску новой информации в текстах, представленных в учебниках. Н. М. Скаткин для повышения активности работы на уроке предлагал ставить такие вопросы, чтобы дети рассуждали, размышляли [12].

Таким образом, на основе вышеизложенного обозначим некоторые принципиально важные моменты, на которые, на наш взгляд, необходимо обращать серьезное внимание при разработке учебной литературы:

- реализация концептуальных положений коммуникативного и системно-деятельностного подходов обучения;
- системность, которая проявляется в преемственности и последовательности распределения учебного материала и его повторяемости;
- согласованность каждого предшествующего упражнения с последующим;
- отбор текстового материала, упражнений согласно методической концепции обучения языку;

- в системе упражнений соблюдение таких дидактических принципов, как посильность, исключение одновременного введения более чем двух заданий, вызывающих затруднения;

- реализация принципа поэтапного формирования лексических, грамматических навыков говорения, совершенствования речевых умений и навыков.

В соответствии с ФГОС основным источником учебной информации является текст. Коммуникативно-деятельностный подход говорит о необходимости использования в качестве материалов для обучения устной речи текстов, близких к естественному каждодневному процессу общения. Такими текстами могут быть: объявления на вокзале, в транспорте, телефонные разговоры (диалоги), рекламные объявления по радио и др., а также несложные в лексическом и языковом плане разговорные тексты, соответствующие интересам школьников того или иного возраста. В связи с этим меняется и установка при восприятии информации: на слух или через самостоятельное чтение. Кроме того, важным компонентом в обучении марийскому языку является социокультурный материал. Он может быть представлен как в разговорных, так и в аутентичных текстах. Аутентичные тексты (отрывки) могут быть взяты из художественной литературы, прессы, справочников, энциклопедий и т. д.

Перед составителями учебной литературы всегда возникает вопрос: каково должно быть соотношение марийского и русского языков в учебниках по марийскому языку как государственному? Практика работы по обучению марийскому языку, а также анализ учебной литературы по другим языкам позволяет нам говорить о том, что на ступени начального общего образования формулировка заданий может быть дана на русском языке, а начиная с 5 класса – на марийском языке. Не менее важным является вопрос о том, должны ли быть в учебнике упражнения на перевод с родного на изучаемый язык и наоборот? Однозначного ответа на данный вопрос трудно найти. По нашему мнению, перевод может быть, но в процентном соотношении таких упражнений должно быть немного.

Современная теория составления учебной литературы требует наличия в ней разноуровневых заданий. Это связано с тем, что не у всех обучающихся одинаковые способности к изучению языка. Наличие таких заданий способствует реализации личностно-ориентированного, дифференцированного подхода к обучающимся.

Для формирования у обучающихся ключевой компетенции «научить учиться» в учебной литературе следует использовать аппарат ориенти-

ровки, который должен содержать: оглавление, сигналы-символы, справочные материалы, алфавитный, именной и тематический указатели, памятки, пояснения, комментарии, указания, планы, подписи к иллюстрациям и т. д.

Таким образом, анализ теоретических основ составления учебной литературы по марийскому языку как государственному языку позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, учебная книга должна представлять собой модель процесса обучения, ориентированную на реально существующую систему обучения;

во-вторых, в учебной литературе должны материализоваться цели обучения путем решения конкретных взаимосвязанных учебных задач;

в-третьих, учебная литература должна охватывать все компоненты содержания обучения: темы, проблемы, тексты, упражнения на получение новых знаний, закрепление, контроль и самоконтроль;

в-четвертых, учебная литература должна практически реализовать современные педагогические и методические идеи и подходы;

в-пятых, учебная литература должна способствовать формированию у обучающихся универсальных учебных действий.

Список источников

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (с изменениями на 31 декабря 2015 года). URL: http://vzato.ru/attachments/098_FGOS%20OOO.pdf (дата обращения: 05.03.2022).
2. Асмолов А. Г. Системно-деятельностный подход в разработке стандартов второго поколения // Педагогика. 2009. №4. С.18–22.
3. Современная учебная книга: подготовка и издание / Под ред. С. Г. Антоновой, А. А. Вахрушева. – М.: МГУП, 2004. 224 с.
4. Максимов А. Ф. Марийский язык: Практикум: учебник для 5 класса. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993. 200 с.
5. Учаев З. В. Марийский язык. Учебник для 7 класса. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1997. 187 с.
6. Константинова В. В., Крылова Г. С. и др. Примерная программа по марийскому (государственному) языку: I–XI класс. Йошкар-Ола: Марийский институт образования, 2011. 112 с.
7. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: Пособие для учителя иностр. яз. М.: Просвещение, 1985. 208 с.
8. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. В 2-х т. Т.1. М.: Педагогика, 1982. 656 с.
9. Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.
10. Эльконин Д. Б. Действие как единица развития // Вопросы психологии. 2004, 31. С.35–49

11. Зуев Д. Д. Школьный учебник. М.: Педагогика, 1983. 240 с.
12. Скаткин М. Н. Проблема учебника в советской дидактике // Справочные материалы для создателей учебной книги / Сост. В. Г. Бейлинсон. М.: Просвещение, 1991. 267 с.

References

1. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya (s izmeneniyami na 31 dekabrya 2015 goda)* [On the Approval of the Federal State Educational Standard of the Main General Education (as of December 31, 2015)]. URL: http://vzato.ru/attachments/098_FGOS%20000.pdf (accessed: 03/05/2022). (In Russian)
2. Asmolov, A. G. (2009). *Sistemno-deyatel'nostnyy podkhod v razrabotke standartov vtorogo pokoleniya* [System-Activity Approach in the Development of Second Generation Standards]. *Pedagogika*. No. 4, pp.18–22. (In Russian)
3. *Sovremennaya uchebnaya kniga: podgotovka i izdaniye* (2004) [A Modern Educational Book: Preparation And Publication]. Ed. S. G. Antonova, A. A. Vakhrusheva. 224 p. Moscow: MGUP. (In Russian)
4. Maksimov, A. F. (1993). *Mariyskiy yazyk: Praktikum: uchebnik dlya 5 klassa* [The Mari Language: Practicum: A Textbook for Grade 5]. 200 p. Yoshkar-Ola, Mariiskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Mari, in Russian)
5. Uchaev, Z. V. (1997). *Mariyskiy yazyk. Uchebnik dlya 7 klassa* [The Mari Language. A Textbook for Grade 7]. 187 p. Yoshkar-Ola, Mar. knizhnoe izdatelstvo. (In Mari, in Russian)
6. Konstantinova, V. V., Krylova, G. S. et al. (2011). *Primernaya programma po mariyskomu (gosudarstvennomu) yazyku: I-XI klass* [A Sample Program for the Mari (State) Language: Grades I–XI]. 112 p. Yoshkar-Ola, Mariiskii Institut Obrazovaniya. (In Russian)
7. Passov, E. I. (1985). *Kommunikativnyy metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu: Posobiye dlya uchitelya inostr. yaz* [The Communicative Method of Teaching Foreign Speech Skills: A Guide for Foreign Language Teachers]. 208 p. Moscow, Prosveschenie. (In Russian)
8. Comenius, Ya. A. (1982). *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. V 2 tomakh. T.1. Moscow, Pedagogika. (In Russian)
9. Lomov, B. F. (1975). *O sistemnom podkhode v psikhologii* [On the System Approach in Psychology]. *Voprosy psikhologii*. No. 2. (In Russian)
10. Elkonin, D. B. (2004). *Deystviye kak yedinita razvitiya* [An Action as a Unit of Development]. *Voprosy psikhologii*. No. 31, pp. 35–49. (In Russian)
11. Zuev, D. D. (1983). *Shkol'nyy uchebnik* [A School Textbook]. 240 p. Moscow, Pedagogika. (In Russian)
12. Skatkin, M. N. (1991). *Problema uchebnika v sovetskoy didaktike* [The Problem of the Textbook in Soviet Didactics]. *Spravochnyye materialy dlya sozdateley uchebnoy*. Sost. V. G. Beilinson. 267 p. Moscow, Prosveschenie. (In Russian)

The article was submitted on 27.03.2022

Поступила в редакцию 27.03.2022

Васенина Оксана Николаевна,
учитель марийского языка,
МБОУ «Средняя общеобразовательная
школа № 21 с. Семеновка г. Йошкар-Олы»,
424918, Россия, г. Йошкар-Ола, с. Семёновка,
Молодежная, 11.
vasenina73@mail.ru

Константинова Валентина Васильевна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Марийский государственный университет,
424000, Россия, г. Йошкар-Ола,
пл. Ленина, 1.
mar.pedagog@gmail.com

Vasenina Oksana Nikolaevna,
Mari language teacher,
MBOU “Secondary School No. 21, Semenovka,
Yoshkar-Ola”,
11 Molodezhnaya Str., Semyonovka Village,
Yoshkar-Ola, 424918, Russian Federation.
vasenina73@mail.ru

Konstantinova Valentina Vasilievna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Mari State University,
1 Lenin Square,
Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation.
mar.pedagog@gmail.com

УДК 37.015

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-155-161

СМЫСЛОВОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ ТЕРМИНОВ «НОВАЦИЯ» И «ИННОВАЦИЯ»: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВОСПИТАНИЯ В ЧАСТНЫХ ШКОЛАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

© Антонина Данилова

SEMANTIC DISTRIBUTION OF THE TERMS “NOVATION” AND “INNOVATION”: THE COMPARATIVE APPROACH TO THE STUDY OF EDUCATION IN PUBLIC SCHOOLS IN THE UK

Antonina Danilova

Modern society dictates new rules: narrow-profile knowledge in 2022 is no longer sufficient for a deep and thorough understanding of the essence of analyzed phenomena. A comparative educator who wants to bring the work to a qualitatively new, higher level of professionalism requires a deep knowledge of the culture and traditions of the country of origin of the studied pedagogical phenomenon, as well as sufficient competence in the semantic analysis of terminology and the compilation of the author's research glossary. We present the results of an interdisciplinary study of the categories “novation” and “innovation” in English and Russian, from the point of view of the comparative approach, which allows us to analyze in detail the phenomenon of education in public schools of the UK. The relevance of the study is in solving certain problems related to the semantic distinction between the terms “novation” and “innovation”. We define the main meanings of the concepts in English pedagogical science, taking into account the etymological linguistic connection of the two terms as paronyms. The results of the study justify the use of the semantic-terminological method, which shows the semantic content dynamics of terms in comparative pedagogical research.

Keywords: novation, innovation, education, public school, semantics

Современное общество диктует новые правила: узкопрофильные знания в 2022-м году уже не являются достаточными для глубокого детального постижения сути анализируемых явлений и феноменов. Так, педагогу-компаративисту, желающему вывести свое исследование на качественно новый, высокий уровень профессионализма, на наш взгляд, необходимо глубокое знание культуры и традиций страны происхождения изучаемого педагогического явления, а также достаточная компетентность в вопросах семантического анализа терминологии и составления авторского глоссария исследования. Вашему вниманию представлены результаты междисциплинарного исследования категорий «новация» и «инновация» в английском и русском языках, с точки зрения компаративистского подхода позволяющие детально проанализировать феномен воспитания в частных школах Великобритании. Актуальность проведенного исследования заключается в решении определенных проблем, связанных с семантическим разграничением терминов «новация» и «инновация», а также с определением основных смыслов, вкладываемых в понятия в англоязычной педагогической науке, с учетом этимологической лингвистической связи двух терминов как паронимов. Результаты исследования, на наш взгляд, являются доказательством оправданности применения семантико-терминологического метода, показывающего динамику смыслового наполнения терминов, в компаративистском педагогическом исследовании.

Ключевые слова: новация, инновация, воспитание, частная школа, семантика

Мировая система образования находится в состоянии преобразований, связанных с глобальными процессами. В британском обществе утверждается амбициозная цель видоизменения (не замены, не искоренения, но преобразования) и разнообразия традиционного воспитания нова-

ционным при обязательном условии *сохранения* фундаментальных знаковых традиций: в данном случае речь идет о воспитательных новациях и инновациях.

Для качественно более глубокого анализа феномена воспитания в частных школах Велико-

британии необходимо представить смысловое разграничение терминов «новация» и «инновация». Далее мы обозначим основные проблемы, связанные с их определением.

Первая проблема разграничения терминов вызвана тем, что, с лингвистической точки зрения, «новация» является гиперонимом (термином с более общим значением) по отношению к «инновации». Другими словами, термин «новация» выражает некую общую сущность термина «инновация», что приводит к трудностям в разграничении двух понятий.

Вторая проблема связана с тем, что «новация» толкуется чаще всего как экономическое и юридическое явление, что оставляет практически нерассмотренными педагогические характеристики феномена «новация» – в частности, понимание «новации» в воспитании.

Третья сложность заключается в противоречии между практически всесторонним анализом категории «инновация» в педагогике и малой разработанностью проблемы трактовки категории «новация» в воспитании.

Четвертая проблема связана с этимологическим смешиванием в отечественной педагогической практике категорий «новации» и «инновации», с частой подменой терминов с практически полным отсутствием их смыслового разграничения.

Пятая трудность заключается в изучении аутентичных англоязычных педагогических источников по проблеме исследования, на практике не разделяющих две категории («инновации» и «новации»). Так, в английском языке под русскоязычной «новацией» понимается не только факт новшества, но и процесс реализации этого новшества на практике [1], [2], [3], [4], то есть фактически «инновация» в русскоязычной трактовке.

Таким образом, распространенный в отечественной педагогической теории термин «инновация» рассматривается вне зависимости от педагогической трактовки термина «новация», что, на наш взгляд, является значительным упущением. При этом этимологическая лингвистическая связь двух терминов как паронимов (созвучных и схожих в написании лексем, при этом имеющих разное значение) учитывается крайне мало либо не учитывается вовсе.

Те же трудности вызывает поиск эквивалента термина «воспитание», что подтверждает нашу мысль о том, что, при кажущейся схожести развития гуманитарного знания России и англоязычного мирового пространства, языковая специфика может привести к возникновению недопонимания или, даже, существенных различий в

толковании одного и того же явления, что требует отдельных усилий при проведении междисциплинарного комплексного исследования.

Это также позволяет считать факт применения семантико-терминологического метода, показывающего динамику смыслового наполнения терминов (включая комбинации таких методов лингвистического анализа, как метод лингвистического наблюдения и описания, метод сплошной выборки, контекстуальный анализ, анализ лексической сочетаемости) оправданным в компаративистском педагогическом исследовании.

При анализе существующих определений термина «новация» мы, прежде всего, заметили следующую общую тенденцию:

– первым приводится юридическое толкование: «ситуация, в которой все стороны юридического договора согласны с тем, что лицо, указанное в договоре, может быть заменено другим лицом, или согласны с изменениями условий самого договора» [1, с. 1004], «один из способов прекращения существующих юридических обязательств» [5, с. 498];

– вторым – экономическое толкование: «замена одного законного соглашения новым обязательством с согласия всех заинтересованных сторон» [6, с. 295].

Ключевыми в приведенных выше трактовках возможно назвать такие характеристики новации, как «замена» чего-либо или «прекращение действия» того, что данная новация призвана «заменить».

Большинство англоязычных справочных изданий при определении *novation* принимают во внимание юридическое значение («повторная замена нового юридического обязательства на старое» [4, с. 1023] и др.), в лучшем случае приводя в качестве второго значения понятия синоним-производное от лексемы *innovation*. Это подкрепляет наше предположение о том, что рассматривать термин нужно шире, применяя междисциплинарный подход, основанный, прежде всего, на лексическом смысловом разграничении обозначенных терминов.

Актуальность междисциплинарного подхода можно усмотреть и в следующей трактовке новации: А. Г. Кочетов в своем исследовании новационных бизнес-процессов определяет «новацию» достаточно широко, чтобы использовать данное определение и в отношении педагогического феномена как некий результат процесса творческой деятельности, стадию между возникновением идеи и ее внедрением в практику [7], где новационный творческий процесс толкуется в терминах «совокупности состояний», сменяю-

щих друг друга в некой последовательности во время процесса преобразования идеи в новацию.

Если рассматривать общее, не привязанное к сфере научного познания определение термина «новация», то Большой энциклопедический словарь приводит трактовку с опорой на значение термина *novatio* в латинском языке (обновление, изменение), как нечто только что введенное в обиход, новое, новшество [8, с. 811]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что новация является первым этапом реализации в естественных условиях чего-то нового, умозрительного, представляя образец потенциального внедрения в массовую практику. Это, следуя логике применения вышеназванных методов лингвистического анализа, обусловлено самим словообразованием лексемы (слова как основной единицы словарного состава языка, представляющего собой совокупность грамматических форм (словоформ) и лексических значений) *новация* с помощью глагольных суффиксов движения *-tion* (в английском языке), *-tiō* (в латинском) [6, с. 1023].

Подводя итог, новацией, в широком смысле, можно назвать нечто уникальное, революционное, возникшее недавно, требующее дальнейшего осмысления и (на некотором этапе осмысления) эффективного внедрения.

В институциональном дискурсе под «новацией» часто понимают «новшество», «новое средство». Так, А. В. Головин в своем исследовании диалектики традиций и инноваций в образовании трактует «новшество» в терминах каких-либо новых методов, технологий и т. д. [9], что логически связывает «новацию» с пониманием нового.

С. И. Ожегов в толковом словаре определяет «новое» следующим образом: «впервые созданный или сделанный, появившийся или возникший недавно, взамен прежнего, вновь открытый, относящийся к недавнему прошлому или к настоящему времени, недостаточно знакомый, малоизвестный» [10, с. 763].

Словарь Merriam-Webster, следуя идеографическому принципу построения материала, на основе смысловой общности объединяет в единую лексико-семантическую группу такие лексемы, как *novation*, *new*, *novel*, понимая *novel* и, соответственно, его производное *novelty* как:

1) «новое и непохожее на что-то ранее известное или использованное; 2) оригинально или поразительно, особенно в плане концепции или стиля» [4, с. 1023–1025].

Лексему *new* понимают как: 1) «недавно возникшее; 2) просуществовавшее относительно короткий период времени; 3) значительно отличающееся от предыдущего (чаще всего в лучшую сторону)» [Там же].

Другими словами, наиболее очевидным критерием оценивания новации выступает новизна. Так, Н. В. Борцовская и А. А. Реан выделяют виды новизны: абсолютная (объективная); относительная (частичная, условная и местная); субъективная и мнимая [11].

Приведенная выше классификация во многом перекликается с уровневой классификацией новизны В. А. Сластенина, И. Ф. Исаева и Е. Н. Шиянова, выделяющих абсолютную, локально-абсолютную, условную и субъективную новизну [12].

Очевидна семантическая взаимосвязь «новации» и «инновации». Так, инновация (от англ. *innovation* – ‘обновление’) – нововведение [13]; 1) новая идея, метод, изобретение, 2) внедрение новшества в практику [6, с. 780]. Мы считаем необходимым акцентировать практический характер инновации, требующей некоего действия по внедрению, применению чего-либо нового.

В. Н. Иванченко, изучающий инновации в образовании, называет следующие подходы к трактовке «инновации»: в качестве процесса и в качестве новшества [14, с. 47]. Тесная связь понятий «новация» и «инновация» объяснима, на наш взгляд, наличием в качестве смыслового ядра каждой новации некоего инновационного потенциала как гарантии обеспечения полезного результата внедрения новации в образовательную практику.

Часто в англоязычной педагогике под инновацией понимают процесс введения в употребление, внедрения и реализации новации как некой новой концепции-идеи [15]. Кроме того, инновация – это не только процесс реализации новации, но и (часто) сам успешно внедренный продукт, технология, идея, организационно-управленческий метод, то есть практическое применение и физическое воплощение новой идеи. При данном подходе разница значений терминов «новация» и «инновация» очевидна.

И. И. Гребенюк, Н. В. Голубцов, В. А. Кожин, анализируя инновационную деятельность в образовании, дают определение педагогической инновации. По мнению учёных, это практическое внедрение нового в процесс педагогической деятельности, а также некие смысловые (содержательные) и практические модификации обучения и воспитания, ставящие целью повышение качества образования [16]. Соответственно, применительно к процессу воспитания под инновацией подразумевается инкорпорация нового в содержание, цели и задачи, формы и методы воспитания.

К. Е. Сумнительный, анализируя образовательные инновации, даёт определение воспитательным инновациям как пролонгированным инициативам, в своей основе имеющим комплексное применение новаторских воспитательных средств, способствующим социализации и нивелирующим делинквентные явления в коллективе воспитанников. К числу инновации в воспитании автор относит создание: вариантов школ полного дня (школ-пансионов, что в случае Великобритании является вовсе не инновацией, а традицией); психолого-педагогических центров поддержки внутри школы; гувернерской службы как части штатного расписания школы (опять же традиция в частных школах Великобритании); социокультурного партнёрства со школой в качестве центра притяжения; продуманной системы дополнительного образования; позитивной мотивации к общественнополезной деятельности [17, с. 28].

Заметим, что в рамках рассмотрения предмета исследования – частных школ Великобритании – данные инновации как новые для отечественной педагогической практики идеи (новации) относятся, скорее, к числу традиций британского воспитания. Что еще раз подтверждает вывод о субъективности новаций.

В англоязычных справочных изданиях *innovation* понимается как:

- 1) новая идея, метод или изобретение;
- 2) введение, внедрение нового [3, с. 1008];
- 1) новое; 2) перемена [2, с. 235];
- введение в оборот (в разных сферах) чего-либо нового [6, с. 450].

С семантической точки зрения термины «*innovation*» и «*novation*» неразрывно связаны. В английском языке префикс *in* вбирает в себя смысл предлогов *в*, *при*, *внутри*, придавая термину «инновация» значение действия по «внедрению» и «применению» новации («*the act of innovating*») «внутри» какого-либо выбранного поля деятельности, соответственно [18].

В. И. Слободчиков в своем исследовании инновационного образования [19] приводит обоснованное сравнение терминов «новация» и «инновация», оперируя такими критериями, как масштаб целей и задач, характер и тип действия, реализация и последствия внедрения. На наш взгляд, данный подход позволяет в достаточной мере проследить разницу в понимании терминов. Так, при ограниченном по масштабу и времени апробированию новации, инновация представляет собой целенаправленный продолжительный поиск и максимально полное стремление получить новый результат. В этом случае, если реализацией *новации* может служить апробация, вне-

дрение новой идеи как управленческий ход, то реализация *инновации* – это модернизация позиции субъектов практической деятельности, преобразование связей внутри системы и, в дальнейшем, самой системы.

Практическим результатом, «продуктом» *новации* возможно считать изменение отдельных элементов в существующей системе, тогда как результат *инновации* – модернизированные, обновленные в своем смысловом наполнении практики и система.

К последствиям новации В. Н. Иванченко вслед за В. И. Слободчиковым причисляет усовершенствование прежней системы, рационализацию ее внутренних связей, к последствиям инновации – гипотетическую возможность возникновения новой практики, новой парадигмы [14, с. 48].

Следовательно, возможно сделать вывод, что *новация* в педагогике – это «инициатива в действиях, рационализация, обновление или изобретение новых методик», тогда как *инновация* – это оригинальные направления деятельности, разработка новых технологий, «новое качество результатов деятельности» [Там же].

Соответственно, термин «новация» шире по значению, термин «инновация» же ограничен сферами употребления. «Новацией» именуется сам факт новшества, тогда как определение термина «инновация» содержит описание процесса нововведения [18].

В искомом нами значении «новацию» в англоязычной литературе можно встретить в толковании с помощью лексемы *innovation*, а также *novelty*, то есть «новация» – это «опыт нового культурного феномена» или «субъективного восприятия личности» [6, с. 1024].

Неопределённость воспитания как части социальной реальности отмечает в своих работах Т. А. Ромм. Ответной реакцией на это, по мнению исследователя, является изменение функции воспитания, что, в свою очередь, ведет к изменениям традиционных стратегий решения воспитательных задач [20, с. 89]. То есть при нестабильности системы возникает внутренняя потребность в изменении, результатом чего возможно считать возникновение новации – в данном случае новаций в воспитании.

К сожалению, для современной отечественной педагогической действительности характерно смысловое «смешивание» терминов «инновация» и «новация», а также рассмотрение их с более общей позиции проблематики образования, а не воспитания. Тем не менее весьма актуально выделение проблематики воспитательных новаций в отдельную категорию, так как существ-

вующие воспитательные системы постоянно стремятся к самосовершенствованию, что объясняется и социальной неудовлетворенностью наличествующей системы воспитания, и стремлением к преодолению противоречий между существующим и желаемым состоянием воспитательной системы, социальным заказом, растущей конкуренцией в педагогической среде и многими другими факторами [21, с. 240].

Так как термин «новация» до сих пор более характерен для юриспруденции, экономики и сферы бизнеса, мы считаем возможным в рамках междисциплинарного подхода привести вывод И. Шумпетера о связи неравномерного развития экономики с появлением предпринимателя-новатора [22], так как в случае рассмотрения категории «новации» в воспитании мы можем говорить о появлении воспитателя-новатора, способного переработать и внедрить в практику воспитательной работы возникшую на каком-либо этапе развития новацию.

Опираясь на представления о новации как о новой идее, продукте творческой деятельности, источниками новации в воспитании М. А. Уэст называет различные изменения:

- в структуре рынка образовательных услуг;
- в местной и глобальной демографии;
- в восприятии личностью своей роли в обществе;
- в объеме уже накопленных педагогических знаний [23, с. 355].

Интерес представляет также точка зрения Г. Тард, которая, обосновывая проблему диффузии воспитательных новаций, обращает внимание на необходимость учета формирующегося в обществе отношения к новации (*forming an attitude*) [24, с. 265].

С точки зрения рассмотрения новации как категории воспитания этот момент представляется нам определяющим в плане того, станет ли возникшая воспитательная новация инновацией [25], то есть будет ли она внедрена в воспитательную практику или так и останется на уровне умозрительных заключений [26].

Согласно представлениям В. Д. Цветковой, педагогико-философским основанием новации выступает совокупность:

- общих предпосылок (стремление личности воспитуемого к самоопределению и самоактуализации);
- естественных предпосылок (связанных с актуализацией самости личности);
- ключевых предпосылок (разрешение противоречия между желаемыми качествами личности и наличествующими) [27, с. 145-146].

Таким образом, данные тезисы положены в основу толкования в нашем исследовании категории «новации» в воспитании (учащихся частных школ Великобритании): новация (англ. *innovation, novelty*) в воспитании – реновация педагогических представлений, основанная на внедрении достижений науки, учитывающая общественно-экономический прогресс (М. А. Уэст); закономерный процесс развития подходов к воспитанию, обусловленный отношением общества к процессу (Г. Тард); факт зарождения новой идеи, относящейся к сфере воспитательной деятельности (В. Д. Цветкова), опыт нового культурного феномена или субъективного восприятия личностью явлений педагогической действительности.

То есть новация в воспитании – процесс и результат возникновения воспитательного новшества, в отличие от результата практической апробации новой идеи (новации) – инновации в воспитании, определяемой Н. В. Шишариной в терминах усовершенствования воспитательного процесса [28], применяемого в педагогической практике.

Другими словами, новация в воспитании – это некий результат фундаментальных, прикладных исследований, разработок и экспериментальных работ [29] по повышению эффективности воспитания.

Это открытие, новаторство в любом виде, потенциально применимое в дальнейшем в воспитательной практике [27], то есть, по своей природе, «новация в воспитании» является начальным этапом новационной деятельности (в отличие от «инновации» как ее конечного результата) [18].

Список источников

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge. 2013. 1844 p.
2. Dictionary and Thesaurus. Published by Geddes and Grosset, David Dale House, Scotland, 2001. 670 p.
3. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow, Essex, England: Longman, 1998. 1528 p.
4. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary: 11th Edition. Merriam-Webster, 2004. 1664 p.
5. Большой юридический словарь / В. А. Белов и др.; под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2002. 703 с.
6. Финансы: Оксфордский толковый словарь: Англо-русский / Б. Батлер и др. М.: Весь мир, 1997. 492 с.
7. Кочетов А. Г., Булгаков А. Л. Новационные бизнес-процессы. Пошаговая технология разработки, внедрения и контроля выполнения. М.: ИКСИ, 2012. 160 с.

8. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1991. Т. 1: А-Н. 862 с.
9. Головин А. В. Диалектика традиций и инноваций в образовании (сущность и содержание инноваций в системе образования) // *Journal of Siberian Medical Sciences*. 2008. № 2. С. 6.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. 27-е изд., испр. СПб: Ленинградское изд-во, 2012. 1357 с.
11. Борцовская Н. В., Реан А. А. Педагогика: учеб. для ВУЗов. СПб.: Питер, 2001. 304 с.
12. Слостенин В. А. Педагогика: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 576 с.
13. Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний: толкование, этимология, примеры употребления. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.
14. Иванченко В. Н. Инновации в образовании: общее и дополнительное образование детей: учебно-методическое пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2011. 341 с.
15. Blake N. Between Postmodernism and Antimodernism: The Predicament of Educational Studies. *British Journal of Educational Studies*, 1996. Vol. 44 (1). P. 42–65.
16. Гребенюк И. И., Голубцов Н. В., Кожин В. А., Чехов К. О., Чехова С. Э., Федоров О. В. Анализ инновационной деятельности ВУЗов России // Издательство «Академия Естествознания», 2012. URL: <http://www.monographies.ru/143-4715> (дата обращения: 08.10.19).
17. Сумнительный К. Е. Инновации в образовании: вымысел и реальность // Библиотечка «Первого сентября»: Серия «Управление школой». М.: Чистые пруды, 2007. Вып. 2 (14). С. 27–30.
18. Данилова А. С. Категория «новации» в воспитании учащихся частных школ Великобритании // *Инновации в образовании*. 2021. № 7. С. 122–131.
19. Слободчиков В. И. Инновационное образование: введение в проблему // *Муниципальное образование: инновации и эксперимент*. 2008. № 6. С. 12–15.
20. Ромм Т. А. Стандартизация воспитания в высшем профессиональном педагогическом образовании // *Сибирский педагогический журнал*. 2013. № 5. С. 89–93.
21. Дрозд К. В. Проектирование образовательной среды: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2019. 437 с.
22. Инновационный менеджмент: учебник для студентов ВУЗов, обучающихся по специальности «Менеджмент», специальностям экономики и управления (080100) / под ред. С. Д. Ильенковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 335 с.
23. West M. A. Sparkling Fountains or Stagnant Ponds: An Integrative Model of Creativity and Innovation Implementation in Work Groups. *Applied Psychology*, 2002. # 3 (51). P. 355–387.
24. Tarde G. The Laws of Imitation. New York: H. Holt & Co., 1903. 404 p.
25. Rudduck J. Innovation and Change: Developing Involvement and Understanding. Buckingham: Open University Press, 1991. 156 p.
26. Hargreaves A. Changing Teachers, Changing Times: Teachers' Work and Culture in the Postmodern Age. New York: Teachers College Press, 1994. 292 p.
27. Цветкова В. Д. Новация и инновация в культуре самореализации личности: дис. ... канд. философ. наук: Челябинск, 2009. 162 с.
28. Шишарина Н. В. Инновация в воспитании: характеристика критериев, признаков, условий // *Сибирский педагогический журнал*. 2014. № 1. С. 40–44.
29. Арутюнова Д. В. Инновационный менеджмент: учебное пособие. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. 152 с.

References

1. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary* (2013). 1844 p. Cambridge. (In English)
2. *Dictionary and Thesaurus* (2001). 670 p. Published by Geddes and Grosset, David Dale House, Scotland. (In English)
3. *Longman Dictionary of English Language and Culture* (1998). 1528 p. Harlow, Essex, England, Longman. (In English)
4. *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary: 11th Edition* (2004). 1664 p. Merriam-Webster. (In English)
5. *Bol'shoi iuridicheskii slovar'* (2002) [Big Law Dictionary]. 703 p. Moscow, INFRA-M. (In Russian)
6. *Finansy: Oksfordskii tolkovyi slovar': Anglo-russkii* (1997) [Finance: Oxford Dictionary]. 492 p. Moscow, Ves' mir. (In Russian)
7. Kochetov, A. G., Bulgakov, A. L. (2012). *Novatsionnye biznes-protsessy. Poshagovaya tekhnologiya razrabotki, vnedreniya i kontrolya vypolneniya* [Innovative Business Processes. Step-by-step Technology of Development, Implementation and Control of Execution]. 160 p. Moscow, IKSI. (In Russian)
8. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* (1991) [Big Encyclopedic Dictionary] 862 p. T. 1: A-N. Moscow, Sov. entsikl. (In Russian)
9. Golovin, A. V. (2008). *Dialektika traditsii i innovatsii v obrazovanii (sushchnost' i soderzhanie innovatsii v sisteme obrazovaniia)* [Dialectics of Traditions and Innovations in Education (Essence and Content of Innovations in the Education System)]. No. 2, 6 p. *Journal of Siberian Medical Sciences*. (In Russian)
10. Ozhegov, S. I. (2012). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: okolo 100000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 100,000 Words, Terms and Phraseological Expressions]. 1357 p. St. Petersburg, Leningradskoe izd-vo. (In Russian)
11. Bortsovskaya, N. V., Rean, A. A. (2001). *Pedagogika: ucheb. dlya VUZov* [Pedagogy: A Textbook for Universities]. 304 p. St. Petersburg, Piter. (In Russian)
12. Slastenin, V. A. (2008). *Pedagogika: ucheb. Posobie* [Pedagogy: A Textbook]. 576 p. Moscow, Akademiia. (In Russian)
13. Zakharenko, E. N. (2008). *Novyi slovar' inostrannykh slov: svyshe 25000 slov i slovosochetanii:*

tolkovanie, etimologiya, primery upotrebleniia [New Dictionary of Foreign Words: Over 25,000 Words and Phrases: Interpretation, Etymology, Usage Examples]. 1040 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

14. Ivanchenko, V. N. (2011). *Innovatsii v obrazovanii: obshchee i dopolnitel'noe obrazovanie detei: uchebno-metodicheskoe posobie* [Innovations in Education: General and Additional Education of Children: Teaching Aid]. 341 p. Rostov-on-Don, Feniks. (In Russian)

15. Blake, N. (1996). *Between Postmodernism and Antimodernism: The Predicament of Educational Studies*. Vol. 44 (1), pp. 42-65. British Journal of Educational Studies. (In English)

16. Grebeniuk, I. I., Golubtsov, N. V., Kozhin, V. A., Chekhov, K. O., Chekhova, S. E., Fedorov, O. V. (2012). *Analiz innovatsionnoi deiatel'nosti vysshikh uchebnykh zavedenii Rossii* [Analysis of Innovative Activities of Higher Educational Institutions in Russia]. Izdatel'stvo "Akademiia Estestvoznaniia". URL: <http://www.monographies.ru/143-4715> (accessed: 08.10.19). (In Russian)

17. Sumnitel'nyi, K. E. (2007). *Innovatsii v obrazovanii: vymysel i real'nost'* [Innovations in Education: Fiction and Reality]. Bibliotekha "Pervogo sentyabrya": Seriya "Upravlenie shkoloi". Vol. 2 (14), pp. 27-30. Moscow, Chistye prudy. (In Russian)

18. Danilova, A. S. (2021). *Kategoriia "novatsii" v vospitanii uchashchikhsia chastnykh shkol Velikobritanii* [The Category of "Innovation" in the Education of Students in Public Schools in the UK]. No. 7, pp. 122-131. *Innovatsii v obrazovanii*. (In Russian)

19. Slobodchikov, V. I. (2008). *Innovatsionnoe obrazovanie: vvedenie v problemu* [Innovative Education: An Introduction to the Problem]. No. 6, pp. 12-15. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment*. (In Russian)

20. Romm, T. A. (2013). *Standartizatsiya vospitaniya v vysshem professional'nom pedagogicheskom obrazovanii* [Standardization of Education in Higher Professional Pedagogical Education]. No.

5, pp. 89-93. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. (In Russian)

21. Drozd, K. V. (2019). *Proektirovanie obrazovatel'noi sredy: uchebnoe posobie dlia bakalavriata i magistratury* [Designing an Educational Environment: A Study Guide for Bachelor's and Master's Degrees]. 437 p. Moscow, izdatel'stvo Iurait. (In Russian)

22. *Innovatsionnyi menedzhment: uchebnik dlia studentov VUZov, obuchaiushchikhsia po spetsial'nosti "Menedzhment", spetsial'nostiam ekonomiki i upravleniya (080100)* (2007) [Innovation Management: A Textbook for University Students Studying in the Specialty "Management", Specialties in Economics and Management]. 335 p. Moscow, IuNITI-DANA. (In Russian)

23. West, M. A. (2002). *Sparkling Fountains or Stagnant Ponds: An Integrative Model of Creativity and Innovation Implementation in Work Groups*. No. 3 (51), pp. 355-387. *Applied Psychology*. (In English)

24. Tarde, G. (1903). *The Laws of Imitation*. 404 p. New York, H. Holt & Co. (In English)

25. Rudduck, J. (1991). *Innovation and Change: Developing Involvement and Understanding*. 156 p. Buckingham, Open University Press. (In English)

26. Hargreaves, A. (1994). *Changing Teachers, Changing Times: Teachers' Work and Culture in the Postmodern Age*. 292 p. New York, Teachers College Press. (In English)

27. Tsvetkova, V. D. (2009). *Novatsiya i innovatsiya v kul'ture samorealizatsii lichnosti: dis. ... kand. filosof. nauk: 09.00.13* [Novation and Innovation in the Culture of Personal Self-realization: Ph.D. Thesis]. 162 p. Cheliabinsk. (In Russian)

28. Shisharina, N. V. (2014). *Innovatsiya v vospitanii: kharakteristika kriteriev, priznakov, uslovii* [Innovation in Education: Characteristics of Criteria, Features, Conditions]. No. 1, pp. 40-44. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. (In Russian)

29. Arutiunova, D. V. (2014). *Innovatsionnyi menedzhment: uchebnoe posobie* [Innovation Management: A Study Guide]. 152 p. Rostov-on-Don, IuFU. (In Russian)

The article was submitted on 11.03.2022
Поступила в редакцию 11.03.2022

Данилова Антонина Сергеевна,
кандидат педагогических наук,
Ульяновский государственный технический
университет,
432027, Россия, Ульяновск,
Северный Венец, 32.
syrena2003@rambler.ru

Danilova Antonina Sergeevna,
Ph.D. in Pedagogy,
Ulyanovsk State Technical University,
32 Severnyi Venets Str.,
Ulyanovsk, 432027, Russian Federation.
syrena2003@rambler.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-162-167

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПРИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

© Ирина Лысакова, Ли Боюй

DIALOGUE AMONG CULTURES AS A METHOD OF LINGUOCULTUROLOGICAL TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS

Irina Lysakova, Li Boiui

The linguoculturological approach to teaching the Russian language proceeds from the need to develop a linguoculturological competence, which implies the presence of such an important component of the dialogue among cultures as the speaker's / listener's understanding of the entire system of cultural values expressed in a language. Thus, the basic concepts of culture act as a connecting link between culture and language, and visually present both linguistic and cultural information in a harmonious unity when working with feature films. Using the example of A. Zvyagintsev's film "Loveless", the article describes the main differences in understanding such an important cultural object as the "family", and outlines an approach to overcoming comprehension difficulties, encountered by Chinese students. In modern Russian reality, children play different roles in different families, while in traditional Chinese culture, children continue to be the main unifying center of family relations. The interdisciplinary status of the linguoculturological approach in teaching Russian as a foreign language based on a modern feature film makes it possible to build a cultural dialogue between the values of East and West and allows Chinese students to better understand cultural connotations of the film content.

Keywords: dialogue among cultures, linguoculturology, Russian language, film, family, concept

Лингвокультурологический подход к обучению русскому языку исходит из необходимости формирования лингвокультурологической компетенции, подразумевающей наличие такого важного компонента диалога культур, как понимание говорящим / слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке. Базовые концепты культуры при этом выступают связующим звеном культуры и языка и наглядно представляют в работе с художественными фильмами одновременно и языковую, и культурную информацию в гармоничном единстве. На примере фильма А. Звягинцева «Нелюб» в статье дается описание основных различий в понимании такого важного социального концепта, как «семья», и намечается подход к преодолению сложностей, возникающих у китайских студентов при его осмыслении. В современной российской действительности дети имеют неодинаковое значение для разных семей, в то время как для традиционного состояния китайской культуры дети продолжают быть главным и объединяющим центром семейных отношений. Представляется, что междисциплинарный статус лингвокультурологии при изучении русского языка на примере современного художественного фильма даёт возможность выстроить культурный диалог между ценностями Востока и Запада и позволяет китайским студентам глубже освоить культурные коннотации содержания фильма.

Ключевые слова: диалог культур, лингвокультурология, русский язык, кинофильм семья, концепт

Введение

Глобализация процессов жизнедеятельности разных народов, характеризующаяся смешением языков и культур, ставит перед практикой обучения русскому языку как иностранному новые задачи, так как языковая и культурная полифо-

ния затрагивает коммуникативное поведение человека. Поэтому идея Е. И. Пассова об изучении языка через культуру и культуру через язык становится как никогда актуальной [1, с.10].

Знакомство с другой культурой происходит в рамках диалога культур, принципы которого на-

чал разрабатывать в своих работах М. М. Бахтин. В. С. Библер, развивая идеи Бахтина, утверждал, что культура в своих произведениях позволяет автору и читателю как бы заново прожить мир [2].

Любой текст, в том числе и медиатекст, и художественный фильм, выступает средством или основой диалога культур. Диалогическое общение требует важного компонента – понимания. Именно формирование этого понимания другой культуры в рамках диалога и осуществляется при обучении русскому языку как иностранному, методологической основой которого является лингвокультурология.

Постановка проблемы

Необходимость одновременного освоения культуры и языка в их взаимообусловленности предъявляет и к преподавателю, и к студентам особые требования в связи с многогранностью и многоаспектностью такого явления, как культура. Встречаясь с «чужой» культурой, не похожей на культуру родной страны, студенты не могут уловить глубинных смыслов, ценностей и основ культуры изучаемого языка, из-за чего недоступным представляется и сам язык. Преодоление этого межкультурного барьера является важной задачей в преподавании русского языка. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть составные элементы лингвокультурологической компетенции, дать обоснование обращения к материалам художественных фильмов и описать работу с базовыми концептами, отраженными в киноленте, взятой как основа разрабатываемого курса русского языка как иностранного.

Предмет исследования

Главной функцией культуры является самосохранение и передача накопленных ценностей. Таким образом, освоение русского языка в процессе обучения будет рассматриваться как освоение ценностей русской культуры, ее духовных и нравственных составляющих. Культура для иностранных учащихся предстает в форме лингвокультурологических комментариев, строящихся на базе когнитивных структур и на культурно-нравственном опыте народа. При этом у студентов формируется лингвокультурологическая компетенция.

Лингвокультурологическая компетенция понимается как «знание идеальным говорящим / слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [3, с. 84). Именно поэтому в обучении русскому языку важное место должно быть отведено таким компонентам формирования лингвокультурологической компе-

тенции, как этнопсихологический аспект межкультурных различий, национальное своеобразие языкового отражения мира (то есть языковая ментальность), соотношение значений языковых единиц с концептами национальной культуры и общими характеристиками концептосферы изучаемого языка.

Конечно, лингвокультурологическая компетенция связана с формированием «коммуникативной компетенции», являясь её частью наряду с такими выделенными ранее составляющими, как лингвистическая, социолингвистическая, дискурсивная, социокультурная, социальная, стратегическая [4]. Эта многоступенчатость коммуникативной компетенции является научным основанием методики преподавания русского языка как иностранного [5, с. 30].

Ситуация общения, являясь ключевым понятием описания коммуникативной компетенции, выступает в рамках диалога культур через взаимодействие языка и культуры. На наш взгляд, справедливы слова выдающегося российского учёного А. А. Леонтьева, утверждавшего, что культуру в рамках лингвокультурологии надо рассматривать не только как лингводидактический феномен, включающий информацию о социальной среде, о культурном стереотипе общества, о принятой системе ценностей, но и как практическую семиотику (знаковая среда и правила поведения) [6, с.16–17]. Как видим, понятия культуры вбирают в себя все составляющие коммуникативной компетенции, так как ситуация общения строится в семантическом поле «язык-культура». Отсюда становится понятен и тезис об усвоении любого иностранного языка по формуле, предложенной Е. И. Пассовым: «культура через язык и язык через культуру» [1, с. 10].

Мы считаем, что наиболее удачным материалом обучения русскому языку как иностранному является видеоматериал. Во-первых, в киноуроке мы имеем представление разных типов речи в естественной коммуникативной среде; во-вторых, это распознавание речи, ориентация в коммуникативной ситуации, порождение речи как реакции на речевой стимул.

Работа с киноматериалом на уроках РКИ в наибольшей степени способствует формированию лингвокультурологической компетенции, которой в последние годы уделяется все больше внимания в связи с необходимостью стимулирования диалога и взаимопонимания культур.

Как принцип изучения иностранного языка диалог культур наиболее подробно разрабатывается Е. И. Пассовым на базе особого понимания иноязычной культуры как «части общей культу-

ры человечества, которой учащийся может овладеть в процессе коммуникативного иноязычного образования в познавательном (культуроведческом), развивающем (психологическом), воспитательном (педагогическом) и учебном (социальном) аспектах» [1, с. 14]. Важным условием диалога культур является понимание как одна из основ взаимодействия человека с культурой и проявление самореализации человека.

В обращении к диалогу культур как методическому принципу в обучении русскому языку как иностранному важно учитывать следующие моменты: построение модели культуры для ее ретрансляции вследствие невозможности охватить культуру в целом; обращение к ценностному сознанию учащегося; обращение к живому общению носителей культуры; включение учащихся в живой диалог и коммуникативную деятельность. Всем этим требованиям освоения русского языка через культуру и русской культуры через язык, на наш взгляд, отвечает работа с художественным фильмом

Цель работы

Различия Востока и Запада имеют место во многих социальных практиках, обнаруженных при изучении русского языка на материале кинопроизведений. Материал художественного фильма А. Звягинцева «Нелюбовь» позволяет понять культурные различия России и Китая в области семейных отношений. Целью нашего исследования является лингвокультурологическая методика обучения русскому языку китайских учащихся на материале художественного фильма А. Звягинцева «Нелюбовь» с использованием сравнительного анализа семейных ценностей российской и китайской культур.

Методы исследования

Работа с видеоматериалами на занятиях по русскому языку как иностранному, ориентированных на лингвокультурологическую методику, требует внимания к отбору высокохудожественных фильмов, имеющих признание в отечественном и мировом кинематографе. Для учебных целей важен выбор таких кинолент, которые бы содержали базовые единицы культуры (концепты) страны изучаемого языка. Фильм А. Звягинцева «Нелюбовь» отвечает этим требованиям, так как позволяет проиллюстрировать в образах и ценностях русской культуры такой важный концепт, как «семья».

Семья, как продукт культуры, часто выступает как зеркало культуры в целом. Однако семейные ценности не обязательно должны быть представлены в рамках их утверждения и презента-

ции. Возможен и обратный случай, когда ценности культуры постулируются и обсуждаются в рамках констатации их утери. Именно такой случай демонстрирует фильм Андрея Звягинцева «Нелюбовь».

С точки зрения дидактики в предлагаемом исследовании используются сознательно-сопоставительный метод, элементы этнопсихологического и социолингвистического подходов к анализу материала.

Содержание исследования

В рассматриваемой киноленте А. Звягинцева представлен кризис семейных ценностей. Как замечает сам режиссер, его основной целью при работе над лентой было желание показать нелицеприятную сторону современной действительности, побудить сограждан вспомнить о когда-то важных культурных основах – семейных отношениях [7]. Кинокритик А. Долин констатирует, что режиссер достигает поставленной цели, буквально «сбивая с ног» зрителей, обдавая их «ледяным ветром» равнодушия и пустоты, которые пришли на место любви и внимания [8].

Фильм повествует о семейной паре в процессе развода, которая не может решить, что делать с сыном, оказавшимся за пределами интересов своих родителей, активно занятых обустройством своей «новой» жизни. Мальчик убегает из дома, а родители в поисках ребенка пытаются понять, почему это произошло и в чем они неверно воспитывали сына. Однако режиссер пессимистичен, и мы видим, что, не найдя ребенка, родители не нашли и ответа на свои вопросы, транслируя «нелюбовь» в своих новых семьях.

Художественный образ, как можно констатировать из статистики разводов в России, к сожалению, не очень далек от реальности, что приводит к мысли о реальной проблеме семейных ценностей в современной русской культуре. Так, в 2018 году на территории Российской Федерации было зарегистрировано 923 000 браков, на которые пришлось 589 000. разводов, что составляет почти 64% [9]. Семейные отношения – это важная социокультурная составляющая страны и культуры. Противоречия в содержании семейных ценностей могут стать препятствием к пониманию иностранными студентами не только содержания фильма А. Звягинцева, но и семантики слов русского языка, тесно связанных с русской культурой. Именно поэтому необходимо сопоставление семейных ценностей и моделей русской и китайской культур, по возможности создание диалога культур в комментариях к фильму на занятиях.

Безусловно, нельзя говорить, что процессы глобализации не затронули Китай в плане рас-

ширения модели семейных отношений. Однако, как и любые изменения, процессы трансформации семейных ценностей в динамике от традиционных к западным движутся медленно и неодинаково в разных уголках большой страны. В отличие от России, в Китае в 2018 году было зарегистрировано 10.1 миллион браков, на которые пришлось только 3.8. миллионов разводов [10], что составляет 38%. Поэтому можно смело говорить, что в КНР сегодня преобладают традиционные семейные ценности, а значит, и традиционная семейная культура.

Традиционная китайская семья характеризуется такими чертами, как патриархальность, строгая иерархичность, замкнутость, сильная внутренняя связь с культурой предков. Как замечает Гэ Чэньхун, Китай, не ушел далеко от кланового строения общества, поэтому китайские семьи, планируя будущий брак своих детей, и сегодня все еще огромное внимание уделяют генеалогическим корням своих потенциальных родственников [11, с. 9].

Кроме этого, китайский исследователь в своей статье приводит данные специального сопоставительного анализа, которые утверждают, что «западное общество, как правило, ориентировано на отдельного человека, а семейный статус и функции относительно вторичны, традиционное китайское общество, как правило, ориентировано на семью, а семья является основной ячейкой или ячейкой социальной жизни» [Там же, с. 9–10]. Можно даже говорить о том, что вся государственность Китая строится именно на кровных родственных связях, так как страна как явление приравнивается к образу большого дома или большой семьи.

Другой китайский исследователь Ван Юнсян [12] в своем анализе как положительных, так и отрицательных сторон китайской традиционной семейной культуры замечает, что главной составляющей семейных ценностей является воспитание детей. Основными же особенностями этого традиционного семейного воспитания он называет:

- акцент на раннее развитие (в том числе и дородовое);
- содействие позитивному образованию;
- внимание к воспитанию правильного поведения в семье и обществе (обучение «верности и сыновнему благочестию»);
- последовательность в воспитании («Делай, что можешь, шаг за шагом»);
- уважение природы в плане обучения в соответствии со способностями учеников;
- равное внимание и любви, и воспитанию ребенка (золотая середина между «баловать и

воспитывать» – «слепая» любовь не благоприятна для развития ребенка).

Ребенок является сердцем китайской семьи, а ее основной функцией является его воспитание. В фильме А. Звягинцева китайским студентам представлены совсем другие ценности, связанные с отношениями между родителями и детьми, где ребенок – это не центральный субъект счастья семьи. В фильме мальчик настолько ненужный, что от него пытаются избавиться в стремлении начать «новую семейную жизнь». Такое отношение к ребенку не соответствует нормам китайской семейной культуры, и потому подоплека и сложность раскрываемых в фильме чувств и посылов остается для китайских студентов лакунарными.

Таким образом, работа с фильмом «Нелюбовь» в курсе изучения русского языка как иностранного (II сертифицированный уровень) позволяет раскрыть и заполнить сразу несколько важных концептов русской культуры: «любовь», «нелюбовь» и «семья». Студенты в сопоставлении со своей родной культурой знакомятся с культурой русской, овладевая русским языком не только на коммуникативном, но и прежде всего лингвокультурологическом уровне. Различия в культуре Востока и Запада обнаруживаются на уровне семейных межличностных отношений, что требует включения в процесс комментария к фильму социологических, психологических и культурологических знаний.

Выводы

Концепт «нелюбовь», находясь в тесной связи с концептом «любовь», является очень емким и сложным концептом русского языка. Исследованию этих концептов посвящены работы Е. Ю. Балашовой (2005), Л. Е. Вильмс (2005), Л. Э. Кузнецовой (2006), Э. Р. Хутовой (2008), В. Э. Муратовой (2009), А. А. Евдокимовой (2011), Н. В. Кузнецовой, В. А. Перетокиной (2011) и др.

Ядром русского концепта «нелюбовь» являются такие сильные чувства, как равнодушие, ненависть, отвращение, агрессия, вражда. Вся палитра сложных и ярких эмоций, являющихся содержанием основного концепта рассматриваемого фильма, непонятны китайским студентам, которые привыкли к умеренности и гармоничности в проявлении чувств. Кроме того, огромное затруднение у китайских студентов вызывает то, что это негативное эмоциональное состояние проявляет себя на фоне концепта «семья», имеющего в китайской культуре дружественные коннотации.

Для русской культуры семья – это место не только положительных, но и сложных по разно-

образным оттенкам чувств, что в своем исследовании наглядно показала Н. Н. Рухленко, выделив две базисных модели семьи: 1) с доминированием положительных эмоциональных состояний; 2) с доминированием отрицательных эмоциональных состояний [13]. Таким образом, семья в русской культуре является сложным и диалектически противоречивым концептом, связанным с противоречивыми и непрямолинейными отношениями таких концептов, как «любовь – нелюбовь». Китайская же традиция наполняет концепт «семья» более однородным эмоциональным содержанием.

Диалог между Востоком и Западом может изучаться через анализ базовых концептов культуры, которые, в свою очередь, требуют использования междисциплинарного подхода. Культура, через которую познается язык, не может быть раскрыта с какой-то одной стороны – необходимо отражать её явления многогранно, чтобы иметь возможность создать действенную, живую модель изучаемой культуры. Поэтому, наряду с фильмом А. Звягинцева, необходимо предложить студентам посмотреть и другие российские фильмы, в которых представлены иные отношения в русских семьях.

Список источников

1. Пассов Е. И. Технология диалога культур в иноязычном образовании // Липецк: Методическая школа Пассова, 2005. 40 с.
2. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. Москва: Политиздат, 1990. 413 с.
3. Методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие для вузов / под ред. проф. И. П. Лысаковой. М.: Русский язык. Курсы. 2019. 320 с.
4. Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава: Доклады и сообщения российских учёных. Москва: Русский мир. 1999. С. 216–231, 440–449.
5. Лысакова И. П. Теоретические основы современной методики преподавания РКИ // Вестник МАПРЯЛ. 1999. № 27. С. 29–33.
6. Леонтьев А. А. Предмет лингводидактики глазами филолога и методиста // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. Варшава: Институт русистики (Варшавский университет), 2004. С. 13–18.
7. Малахов И. «Андрей Звягинцев: о киномыслах и „Нелюбви“» // Интервью с режиссером фильма «Нелюбовь», взятое для «Вестника Торонто». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Uu6OFnX5zNY> (дата обращения: 16.02.2018).
8. Долин А. «Нелюбовь»: фильм о пустоте. URL: <https://meduza.io/feature/2017/05/18/nelyubov-film-o-pustote> (дата обращения: 18.05.2017).
9. Россия: предварительные демографические итоги 2018 года (часть I). URL:

<http://www.demoscope.ru/weekly/2019/08/01/barom04.php> (дата обращения: 08.01.2019).

10. Статистический отчет Министерства гражданских дел (КНР). URL: <http://www.mca.gov.cn/article/sj/tjjb/qgsj/2018/20181201301328.html> (дата обращения: 25.08.2019).

11. Гэ Чэньхун. Китайская традиционная семейная культура и ее современное значение // Чжэн Гун Янь Цзю Дун Тай. 2009. № Z1. С. 9–10.

12. Ван Юнсян. Семейное воспитание в контексте Конфуцианства: дис. ... канд юрид. наук: Ланьчжоу, 2017. 386 с.

13. Рухленко Н. Н. Семья // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т.4. Волгоград: Парадигма. С. 28–39.

References

1. Passov, E. I. (2005). *Tekhnologiya dialoga kultur v inoyazychnom obrazovanii* [Technology of Dialogue among Cultures in Foreign Language Education]. 40 p. Lipetsk. (In Russian)
2. Bibler, V. S. (1990). *Ot naukoucheniya – k logike kultury. Dva filosofskih vvedeniya v dvadtsat pervyi vek* [From Science to the Logic of Culture. Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century]. 413 p. Moscow, Political Publ. House. (In Russian)
3. *Metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: uchebnoe posobie dlya vuzov* (2019) [Methods of Teaching Russian as a Foreign Language. A Textbook for Universities]. Pod red. Prof. I. P. Lysakova. 413 p. Moscow, Russkii yazyk. (In Russian)
4. *Materialy IX Kongressa MAPRYAL. Bratislava: Doklady i soobshcheniya rossiiskih uchyonih* (1999) [Proceedings of the 9th MAPRYAL Congress. Bratislava: Reports and Information of Russian Scientists]. Pp. 216–231, 440–449. Moscow, Russkii Mir. (In Russian)
5. Lysakova, I. P. (1999). *Teoreticheskie osnovy sovremennoi metodiki prepodavaniya RKI* [Theoretical Foundations of the Modern Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language]. I. P. Lysakova. Vestnik. MAPRYAL. No. 27, pp. 29–33. (In Russian)
6. Leontyev, A. A. (2004). *Predmet lingvodidaktiki glazami filologa i metodista* [The Subject of Linguodidactics through the Eyes of a Philologist and Methodologist]. A. A. Leontyev. Chelovek. Soznaniye. Kommunikatsiya. Internet. Varshava: Institut rusistiki (Varshavskiy universitet). (In Russian)
7. Malahov, I. (2018). *Andrei Zvyagintsev: o kinosmyslah i “Nelyubvi”* [Andrei Zviagintsev: About Film Meanings and “Loveless”]. Interv'y u s rezhisserom fil'ma “Nelyubov”, vzyatoye dlya “Vestnika Toronto”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Uu6OFnX5zNY> (accessed: 02.16.2018). (In Russian)
8. Dolin, A. (2017). *“Nelyubov”: film o pustote* [“Loveless”: A Film about Emptiness]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/05/18/nelyubov-film-o-pustote> (accessed: 18.05.2017). (In Russian)
9. *Rossiya: predvaritelnye demograficheskie itogi 2018 goda (chast I)* (2018) [Russia: Preliminary Demographic Results of 2018 (Part I)]. URL:

<http://www.demoscope.ru/weekly/2019/08/01/barom04.php> (accessed: 08.01.2019). (In Russian)

10. *Statisticheskii otchet Ministerstva grazhdanskikh del (KNR)* (2018) [Statistical Report of the Ministry of Civil Affairs (PRC)]. URL: <http://www.mca.gov.cn/article/sj/tjjb/qgsj/2018/20181201301328.html> (accessed: 25.08.2019). (In Chinese)

11. Ge, Chenhong. (2009). *Kitajskaya traditsionnaya semeinaya kultura i ee sovremennoe znachenie* [Chinese Traditional Family Culture and Its Contemporary Signifi-

cance]. Zheng Gong Yan Jiu Dong Tai. No. Z1, pp. 9-10. (In Chinese)

12. Wang, Yongxiang. (2017). *Semeinoe vospitanie v kontekste Konfutsianstva: dis. ... kand yurid. nauk* [Family Education in the Context of Confucianism: Ph.D. Thesis]. Lanzhou, 386 p. (In Chinese)

13. Rukhlenko, N. N. (2006). *Semya: Antologiya kontseptov* [Family. An Anthology of Concepts]. Pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. T. 4, pp. 28-39. Volgograd, Paradigma. (In Russian)

The article was submitted on 06.05.2022

Поступила в редакцию 06.05.2022

Лысакова Ирина Павловна,
доктор филологических наук,
профессор,
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
199053, Россия, Санкт-Петербург,
Васильевский остров, 1-я линия, 52.
lip1010@yandex.ru

Ли Боюй,
преподаватель,
Китайский нефтяной университет,
834000, Китай, Карамай,
Аньдин, 355.
li_boyu

Lysakova Irina Pavlovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Herzen State Pedagogical University,

52 First Line, Vasilievskiy Island,
Saint-Petersburg, 199053, Russian Federation.
lip1010@yandex.ru

Li Boyu,
Assistant Professor,
China Petroleum University,
355 Anding Str.,
Karamay, 834000, China.
li_boyu

УДК 37.012

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-168-173

ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ

© Гузель Нуруллина

TEXT-CENTRIC APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF BILINGUAL STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE

Guzel Nurullina

In the modern system of professional education and in the methodology of teaching the Russian language, the issue related to the development of bilingual students' communicative competence is particularly relevant. The purpose of the study is to identify the features and develop a methodology for the formation of bilingual students' communicative competence in the process of research-oriented learning. The article highlights the difficulties that bilingual students encounter when mastering the Russian language in the process of studying university disciplines, examines in detail research-oriented learning, thoroughly studies the text-centric approach to the formation of bilingual students' communicative competence in the process of research-oriented learning. The scientific novelty of the work lies in the fact that, considering the text-centric method as the main linguo-methodological tool, the article asserts the leading role of the text-impulse in the formation of linguistic skills and bilingual students' communicative competence. This paper concludes that impulse texts can arouse the interest of students, motivate them, causing their emotional response. Bilingual students consciously choose the necessary lexical and grammatical language means, use the correct constructions and word forms in speech in the course of working on the text. As a result, impulse text activities, based on research-oriented learning, contribute to the better development of linguistic skills and improvement of graduate students' communicative competence.

Keywords: text-centric approach, research-oriented training, linguodidactics, communicative competence, bilingual students

В современной системе профессионального образования и в методике преподавания русского языка особенно актуальным является вопрос, связанный с формированием коммуникативной компетенции студентов-билингвов. Цель исследования заключается в выявлении особенностей и разработке методологии формирования коммуникативной компетенции студентов-билингвов на основе текстоцентрического подхода. В настоящей статье автор выявляет трудности усвоения русского языка студентами-билингвами в процессе изучения вузовских дисциплин; подробно изучает текстоцентрический подход к формированию коммуникативной компетенции студентов-билингвов в процессе исследовательски-ориентированного обучения. Научная новизна работы заключается в том, что, рассматривая текстоцентрический метод как основной лингвометодический прием, автор статьи говорит о ведущей роли текста-импульса в формировании лингвистических знаний и коммуникативной компетенции студентов-билингвов. В работе делается вывод о том, что тексты-импульсы могут пробудить интерес у обучающихся, вызвать эмоциональный отклик. Студенты-билингвы в процессе работы над текстом осознанно выбирают нужные лексические и грамматические языковые средства, используют в речи верные конструкции и словоформы. В результате доказано, что работа с текстами-импульсами, основанная на исследовательски-ориентированном обучении, способствует лучшему освоению лингвистических знаний и направлена на развитие коммуникативной компетенции студентов-выпускников.

Ключевые слова: текстоцентрический подход, исследовательски-ориентированное обучение, лингводидактика, коммуникативная компетенция, студенты-билингвы

Современная система профессионального образования в высшей школе ориентирована на усиление практической направленности обучения, предполагающего реализацию деятельност-

ного подхода в образовательном процессе, формирование у студентов компетенций, позволяющих решать проблемы в профессиональной и социальной деятельности. Профессиональное обра-

зование направлено на воспитание личности, владеющей умениями и навыками анализировать свои действия; самостоятельно принимать решения, прогнозируя их возможные последствия; регулировать конфликты. Будущий выпускник – это личность, обладающая гибкостью ума, творческими способностями, критическим мышлением, цифровой грамотностью; это личность, которая отличается мобильностью, способна к сотрудничеству, обладает чувством ответственности за судьбу страны, ее социально-экономическое процветание; уважительно относится к чужим верованиям и традициям, сохраняет в общении уравновешенность и жизнелюбность.

Особенно актуальным является вопрос о формировании коммуникативной компетенции студентов в условиях билингвизма. В настоящее время в Казанском федеральном университете обучается большое количество иностранных студентов, для которых русский язык не является родным. Современная методика формирования коммуникативной компетенции, обучения русскому языку в условиях билингвизма выполняет цели, обусловленные ролью языка в развитии и воспитании личности обучающегося, а также статусом языка как средства межнационального общения в повседневной жизни и профессиональной деятельности, как показателя культуры русского народа.

В соответствии с ФГОС 3++ у студентов, обучающихся по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» [1], формируются универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. На наш взгляд, ключевыми компетенциями, которые должны быть сформированы у студента-билингва, являются:

1) коммуникативная, предполагающая овладение языком в устной и письменной формах (УК-4);

2) системное и критическое мышление (стало в большей степени выделяться как ключевое в условиях нестабильности в связи с пандемией и востребованностью дистанционного обучения) (УК-1);

3) межкультурное взаимодействие (осознание студентами-билингвами роли русского языка в их жизни, толерантное отношение к российским студентам и студентам из других стран, пробуждение интереса к изучению русского языка и уважения к культуре, истории русского народа) (УК-5);

4) построение воспитывающей образовательной среды (студенты-бакалавры направления «Педагогическое образование» – это будущие учителя, поэтому они должны быть воспитанны-

ми, образованными, культурными, быть примером будущим ученикам) (ОПК-4).

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению методологии формирования коммуникативной компетенции студентов-билингвов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» в соответствии с ФГОС (3++).

Теоретической базой исследования послужили научные труды, посвященные обучению русскому языку студентов-билингвов, которое предполагает сохранение языка и культуры, гармонизацию межнационального общения, воспитание толерантного отношения к русскому языку, воспитание целостного национально-государственного самосознания [2]. В процессе формирования коммуникативной компетенции студентов-билингвов в современном педагогическом образовании весомое значение стало приобретать исследовательски-ориентированное обучение, направленное на развитие у обучающихся когнитивных умений и навыков, позволяющих решать проблемные, познавательные задачи [3], [4].

Существует много определений исследовательски-ориентированного обучения. На наш взгляд, наиболее полное определение дано профессором Г. И. Ибрагимовым, который отмечает: «Исследовательски-ориентированное обучение в системе педагогического образования – это самостоятельная аудиторная и внеаудиторная учебно-познавательная деятельность обучающихся под руководством преподавателя, направленная на выполнение творческого исследовательского (или практического) проекта, предполагающего проектирование и реализацию исследовательских процедур (обоснование актуальности и формулирование проблемы, гипотезы и задач, изучение теории, посвященной данной проблематике, подбор методов и методик исследования, сбор эмпирического материала, его анализ, обобщение и интерпретация, формулирование выводов)» [3, с. 122]. Данное определение в полном объеме отражает сущность исследовательски-ориентированного обучения.

В нашей работе мы попытались изучить и провести анализ исследовательски-ориентированного обучения в процессе формирования коммуникативной компетенции студентов-билингвов. Задачами исследования являются:

- анализ устных и письменных ошибок студентов-билингвов с целью обнаружения интерферирующего влияния родного языка в процессе формирования коммуникативной компетенции обучающихся;

- исследование текстоцентрического подхода и рассмотрение текстов-импульсов, способствующих формированию коммуникативной компетенции обучающихся на основе исследовательски-ориентированного обучения.

Методы исследования: общенаучный (анализ научно-педагогической литературы по проблеме, абстрагирование, конкретизация, обобщение), эмпирический (наблюдение, сравнение).

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемое в статье исследовательски-ориентированное обучение может быть использовано в педагогической деятельности для усовершенствования образовательного процесса в области языкознания и в области теории и методики обучения русскому языку.

В Казанском федеральном университете обучаются студенты-билингвы, для которых родным языком является туркменский. Трудность работы со студентами-туркменами заключается в том, что описанные в ФГОС (3++) уровни владения русским языком, сформированности компетенций рассчитаны на студентов, знающих русский язык хорошо и в полной мере владеющих коммуникативной компетенцией.

Сложность изучения русского языка студентами-билингвами (туркменами) обусловлена принадлежностью русского и туркменского языка к разным группам. Русский язык относится к флективным языкам, туркменский – к агглютинативным, в которых грамматические отношения обозначены добавлением суффиксов к основам. Туркмены используют постпозиции в построении словосочетаний и предложений, а не предлоги, чтобы обозначить определенные грамматические отношения. В связи с этим возникает interfering влияние родного языка при изучении русского. Источником интерференции на уровнях фонетики, морфологии, синтаксиса является влияние структуры и системы туркменского языка на русскую речь билингва [5].

Так, анализ устных и письменных видов проверочных работ позволяет выделить следующие типичные ошибки, наблюдаемые в речи туркменских студентов:

1) *ошибки в определении рода*

В туркменском языке, в отличие от русского, грамматический род отсутствует, биологический род представлен мужским и женским. Вследствие этого наблюдается несогласованность прилагательных, местоимений, глаголов прошедшего времени с существительными. Большая часть грамматических ошибок вызвана употреблением студентами преимущественно форм мужского

рода (*Это мой сумка. Подруга сейчас занят. Время шёл*);

2) *немотивированное распределение по родам существительных на -ь (ель, рояль, вуаль, картофель, лань и т. д.)*

Ошибки в согласовании мотивированы неизменяемостью в туркменском языке прилагательного, порядкового числительного, притяжательных и указательных местоимений (*родной страна, второй общежитие, мой глаза, этот студенты*). В тюркских языках связь слов в словосочетании осуществляется только на основе примыкания и управления;

3) *ошибки в образовании множественного числа*

В родном языке студентов форму множественного числа можно образовать от любого существительного при помощи аффиксов *-лар-* / *-lar-* (*-лер-* / *-ler-*) по аналогии с наиболее употребляемыми русскими окончаниями *-ы* / *-и*. Поэтому туркмены часто образуют форму множественного числа от существительных среднего рода неправильно (*окны / penjireler, письма / hatlar*) [6, с. 314].

Выявив трудности усвоения русского языка студентами-билингвами в процессе изучения вузовских дисциплин, мы разработали систему заданий, способствующих формированию коммуникативной компетенции обучающихся. В условиях исследовательски-ориентированного обучения и в контексте профессионального становления личности студента наиболее плодотворным считается использование различных методов и приемов.

Одним из важных приемов формирования коммуникативной компетенции обучающихся является *текстоцентрический подход* – работа с текстами-импульсами. В методике преподавания русского языка текст является средством получения информации, средством речевого, интеллектуального развития и нравственного воспитания обучающихся [7]. Кроме того, в современной методической науке текст рассматривается как импульс, мотив для погружения в смысл, глубину текста, для самостоятельного поиска материала, а также для создания собственного текста. Н. А. Кузьмина отмечает, что «текст-импульс – это текст, вызывающий у реципиента эмоциональный отклик, побуждающий его к когнитивной деятельности, к „генерированию смыслов“ и созданию новых метатекстов (вторичных речевых произведений разных стилей и жанров)» [8, с. 84].

Исследовательски-ориентированное обучение в работе с текстами-импульсами предполагает переход студентов от репродуктивного билин-

гвизма к продуктивному билингвизму, когда студентам даются задания: создайте, организуйте, придумайте, докажите, порекомендуйте, оцените. Исследовательски-ориентированное обучение направлено на поиск нужных форм, методов, приемов работы с текстами-импульсами. Такие виды заданий, как лингвистический анализ текста, стилистический эксперимент, творческий диктант, изложение, сочинение, играют важную роль в формировании коммуникативно-целесообразной связной речи. Студенты-билингвы в процессе работы над текстом осознанно выбирают нужные лексические и грамматические языковые средства, используют в речи верные конструкции и словоформы [9, с. 281].

На наш взгляд, на занятиях со студентами-билингвами должны быть подобраны такие тексты-импульсы, которые могут пробудить интерес у обучающихся, вызвать эмоциональный отклик. В основе постижения знаний лежит мотивация – основа, стимул познания через слово, через работу с текстом на лингвистических дисциплинах. В педагогической науке необходимым мотивом учения и эффективным средством успешного обучения является интерес. Ядро интереса составляют тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные между собой познавательный и эмоциональный компоненты.

Особенность исследовательски-ориентированного обучения заключается в том, что студенты, изучив на аудиторных занятиях теоретический материал, самостоятельно проводят исследование, готовят проект по какой-либо заданной теме.

Проиллюстрируем возможность использования текста-импульса на основе исследовательски-ориентированного обучения в процессе усвоения обучающимися, например, таких дисциплин, как «Филологический анализ текста», «Лингвокультурный анализ текста».

Так, на занятии может быть рассмотрен и изучен концепт «Дружба». Для студентов-туркмен понятие дружбы очень дорого. Как русский, так и туркменский народ с присущими ему, как и любому тюркскому народу, национальными чертами коллективизма, общинности большое значение уделяли дружбе, уважая настоящих друзей. Студенты находят определение дружбы в толковых словарях, исследуют ассоциативное поле концепта, находят пословицы, поговорки со словом *дружба*. На занятии для проверки знаний обучающихся и для создания ситуации общения можно использовать ряд вопросов:

1. Сравните словарные статьи «Друг» словарей В. Даля, С. Ожегова и Н. Шведовой. В чем своеобразие словаря В. Даля? Какая информация

соединена в словарной статье *друг*? Только ли лингвистическая информация в ней представлена?

2. Объясните значение пословиц, данных в словарной статье В. Даля. Какая загадка помещена в статью? Какой интересный обряд упоминается в толковании?

3. Какие определения чаще всего сочетаются со словом *друг*? (*Настоящий, верный, закадычный, преданный, фронтовой, школьный, давний, старый, добрый...*) Как эти определения характеризуют данное понятие?

4. Есть ли у вас настоящий друг? Расскажите о нем в небольшом сочинении. Подберите заголовок, составьте план. Обязательно отразите историю вашего знакомства, самый интересный (забавный) случай вашей дружбы, общие интересы, увлечения.

5. Познакомьтесь с творчеством туркменского поэта А. Ковусова и его стихотворением «Фронтовым друзьям». Что значит дружба для поэта во время Отечественной войны?

Обращаясь же к текстам-импульсам, на занятии можно использовать стихи А. С. Пушкина. Именно в творчестве А. С. Пушкина тема дружбы нашла наиболее яркое свое выражение. Лицейский период жизни поэта окрашен нежными тонами крепкой дружбы, сердечной привязанности к друзьям. Обилие стихотворений Пушкина, посвященных друзьям, доказывает, что тема дружбы – одна из ведущих в лирике поэта.

Студентам предлагается прочесть фрагмент стихотворения Пушкина «19 октября 1825», посвященный годовщине открытия лицея в Царском Селе [10]:

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог позать от сердца руку
И пожелать веселых много лет...
Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Затем им предлагаются для выполнения следующие задания к тексту:

1. Какие чувства вкладывает А. С. Пушкин в понятие дружбы? С какими воспоминаниями связан для поэта Лицей?

2. Охарактеризуйте ритмический рисунок стихотворения (строфа, размер, рифма).

3. Найдите слова высокого стиля, какова их роль в создании образности? Объясните значение слов *сень, муза, отечество*.

4. Выпишите примеры тропов (метафора, эпитет). Найдите обращение, определите его выразительную роль.

5. Какие ассоциации возникают в сознании А. С. Пушкина при словах *друг, дружба*?

6. Рассмотрите картину Н. Ге «Пушкин и Пущин в Михайловском». Расскажите, кто изображен на картине. Как Пущин и Арина Родионовна слушают чтение Пушкина? Как во взгляде Пущина, его позе проявляется его дружеское, братское отношение к Пушкину?

В процессе выполнения заданий к тексту у студентов-билингвов формируется связная речь. Важным этапом в обучении иностранных студентов является переход от репродуктивного билингвизма к продуктивному, когда связная речь выступает как интегративная и ориентированная на достижение практического результата в области русского языка, так как «овладение теоретическими знаниями во многих случаях оказывается изолированным от умения применять эти знания в практической речевой деятельности» [11]. В лингвометодической литературе связная речь характеризуется как речь «правильная (соответствует нормам литературного языка) и хорошая (речь коммуникативно целесообразная, точная, выразительная, богатая)» [12, с. 566].

Таким образом, в условиях исследовательски-ориентированного обучения и на основе реализации текстоцентрического подхода мы продемонстрировали, каким образом на занятиях можно провести работу по формированию коммуникативной компетенции студентов-билингвов. В ходе нашего исследования с целью выявления особенностей и разработки методологии формирования коммуникативной компетенции студентов-билингвов в процессе исследовательски-ориентированного обучения был сделан анализ устных и письменных ошибок их с целью обнаружения интерферирующего влияния родного языка; исследован текстоцентрический подход; рассмотрены тексты-импульсы, способствующие формированию коммуникативной компетенции обучающихся.

В процессе обучения русскому языку важно заинтересовать студента, чтобы в итоге были сформированы ключевые компетенции: способность мыслить творчески, обладать гибкостью ума, критическим мышлением, цифровой грамотностью, эмоциональным интеллектом, способностями комплексного многоуровневого решения проблемы. Мы считаем, что на основе исследовательски-ориентированного обучения и

реализации текстоцентрического подхода возможно сформировать коммуникативную компетенцию студентов-билингвов.

Перспективы дальнейшего исследования нашей работы мы видим в более детальном изучении текстоцентрического подхода как основного приема формирования коммуникативной компетенции студентов-билингвов. Было бы интересным подробно рассмотреть тексты-импульсы в качестве дидактического материала на лекционных и практических занятиях, а также при написании научно-методических работ.

Список источников

1. ФГОС (3++) по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440305_B_3_15062021.pdf (дата обращения: 03.05.2020)
2. Никитенко З. Н., Хамраева Е. А., Бердичевский А. Л. Методика преподавания русского языка детям-билингвам. Методическое пособие для учителей. М.: Билингва, 2019. 216 с.
3. Ибрагимов Г. И. Методология исследовательски-ориентированного обучения в системе педагогического образования // Образование и самообразование. 2019. Том 14, № 3. С. 117–126.
4. Савенков А. И., Осипенко Л. Е. Исследовательское обучение: авторский взгляд на проблему // Педагогика. 2013. № 9. С. 41–45
5. Nurullina G. M. Culture-Studying Approach to the Formation of the Linguistic Knowledge of the Bilingual Students // ARPHA Proceedings 3: VI International Forum on Teacher Education. Pp. 1861–1868
6. Татарина Н. М. Ошибки в русской речи туркменских студентов, вызванные межъязыковой интерференцией. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26281> (дата обращения: 04.05.2020)
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
8. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 272 с.
9. Нуруллина Г. М. Формирование речевой культуры студентов-нефилологов при изучении категории рода имен существительных // Филология и культура. Philology and Culture. 2019. № 2 (56). С. 280–284.
10. Пушкин А. С. 19 октября. URL: <https://www.culture.ru/poems/4431>. (дата обращения: 02.05.2020)
11. Концепция преподавания русского языка и литературы. URL: <http://static.government.ru/media/files/GG2TF4pq6RkGAtAIJKNYKTXDmFIMAAOd.pdf> (дата обращения: 04.05.2022)
12. Литневская Е. И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка в средней школе: Учебное пособие для студентов высших учебных заведе-

ний / Под ред. Е. И. Литневской. М.: Академический проект, 2006. 590 с.

References

1. *FGOS (3++) po napravleniyu podgotovki 44.03.05 Pedagogicheskoe obrazovanie (s dvumya profilyami podgotovki)* [FGOS (3++) in the Field of Training 44.03.05 Pedagogical Education (with two training profiles)]. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440305_B_3_15062021.pdf (accessed: 03.05.2020). (In Russian)
2. Nikitenko, Z. N., Hamraeva, E. A., Berdichevskii, A. L. (2019). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka detyam-bilingvam* [Methods of Teaching Russian to Bilingual Children]. Metodicheskoe posobie dlya uchitelei. 216 p. Moscow, Bilingva. (In Russian)
3. Ibragimov, G. I. (2019). *Metodologiya issledovatel'ski-orientirovannogo obucheniya v sisteme pedagogicheskogo obrazovaniya* [Methodology of Research-Oriented Learning in the System of Pedagogical Education]. Obrazovanie i samoobrazovanie. Tom 14, No. 3, pp. 117–126. (In Russian)
4. Savenkov A. I., Osipenko L. E. (2013). *Issledovatel'skoe obuchenie: avtorskii vzglyad na problemu* [Research Training: The Author's View of the Problem]. Pedagogika. No. 9, pp. 41–45. (In Russian)
5. Nurullina, G. M. *Culture-Studying Approach to the Formation of the Linguistic Knowledge of the Bilingual Students*. ARPHA Proceedings 3: VI International Forum on Teacher Education. Pp. 1861–1868. (In English)
6. Tatarinova, N. M. *Oshibki v russkoi rechi turkmenskikh studentov, vyzvannye mezhyazykovoi*

interferentsiei [Errors in the Russian Speech of Turkmen Students Caused by Interlanguage Interference]. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26281> (accessed: 04.05.2020). (In Russian)

7. Gal'perin, I. R. (2007). *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. 144 p. Moscow, KomKniga. (In Russian)
8. Kuz'mina, N. A. (2018). *Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny yazyka i kul'tury v intertekstual'noi interpretatsii* [Intertext: A Theme with Variations. Phenomena of Language and Culture in Intertextual Interpretation]. 272 p. Moscow, Kn. dom "LIBROKOM". (In Russian)
9. Nurullina, G. M. (2019). *Formirovanie rechevoi kul'tury studentov-nefilologov pri izuchenii kategorii roda imen sushhestvitel'nyh* [Formation of Speech Culture of Non-Philological Students during the Study of the Gender Category of Nouns]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 2 (56), pp. 280–284. (In Russian)
10. Pushkin, A. S. *19 oktyabrya* [19th of October]. URL: <https://www.culture.ru/poems/4431> (accessed: 02.05.2020). (In Russian)
11. *Kontseptsiya prepodavaniya russkogo yazyka i literatury* [The Conception of Teaching the Russian Language and Literature]. URL: <http://static.government.ru/media/files/GG2TF4pq6RkGAtAIJKHYKTXDmFIMA AOd.pdf> (accessed: 04.05.2022). (In Russian)
12. Litnevskaya, E. I., Bagryantseva, V. A. (2006). *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v srednei shkole* [Methods of Teaching Russian in Secondary Schools]. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. 590 p. Moscow, Akademicheskii proekt. (In Russian)

The article was submitted on 16.05.2022
Поступила в редакцию 16.05.2022

Нуруллина Гузель Миннезугаровна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
nurullinagz@mail.ru

Nurullina Guzel Minnezufarovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
nurullinagz@mail.ru

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-174-180

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАЗДНИКА В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ КОММУНИКАТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМЫ «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ»)

© Пяо Лисян

THE LINGUISTIC AND METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE HOLIDAY IN TEACHING CHINESE STUDENTS RUSSIAN COMMUNICATIVE BEHAVIOR (BASED ON THE TOPIC “BIRTHDAY”)

Piao Lixiang

The article is devoted to the relevant methodological issue of teaching Russian as a foreign language, namely, the formation of foreigners' skills of communicative behavior characteristic of Russian linguoculture. The theme of the holiday opens up wide opportunities for solving this important linguistic and methodological issue. The article is based on Russian and Chinese holidays, which differ significantly in cultural and historical traditions, and modern formulas of speech etiquette, used in festive situations of congratulations, wishes, gift giving and expressing gratitude. A teacher, working with Chinese students, should be able to identify the linguistic and methodological potential of the holiday and reveal it in educational materials, related to teaching communicative behavior. The purpose of this article is to present an algorithm that a teacher can use in preparation for the presentation of the holiday theme to Chinese students. The article substantiates the use of a personal holiday – a birthday, which students observe and experience in a foreign cultural environment, acting in the communicative roles of a birthday person or a congratulator. The ignorance of the festive speech etiquette norms can lead to communicative failures. The proposed algorithm for developing the topic includes the following stages: the analysis of scientific and methodological literature and the survey results in order to identify similarities and differences in the two holiday cultures and their lexicon; the analysis of its representation in dictionaries and textbooks of Russian communicative behavior in a holiday situation; the development of educational materials taking into account the identified differences and the need to supplement the textbook material. The article presents the verbal and nonverbal communicative behavior of Russian and Chinese people in a birthday situation, revealed during the analysis of scientific literature and the results of the survey of Russian and Chinese students. As an example, the article provides an educational text, developed in the format of recommendations and tips, to help overcome intercultural interference. The practical significance of the study is confirmed by the introduction of the developed materials into the educational process of Pskov State University.

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, communicative behavior, personal holiday, speech etiquette, congratulation formulas, educational text

Статья посвящена актуальной для методики обучения русскому языку как иностранному проблематике формирования у иностранцев навыков коммуникативного поведения, свойственного русской лингвокультуре. Тема праздника открывает широкие возможности для решения этой важной лингвометодической задачи. Русские и китайские праздники, на материале которых построена статья, значительно различаются культурно-историческими традициями и современными формулами речевого этикета, используемыми в праздничных ситуациях поздравления, пожелания, дарения подарка, благодарности. Преподаватель, работающий с китайскими студентами, должен уметь выявлять лингвометодический потенциал праздника и раскрывать его в учебных материалах, касающихся обучения коммуникативному поведению. Цель данной статьи – представить алгоритм, которым может воспользоваться преподаватель при подготовке к репрезентации темы праздника в китайской аудитории. В статье обосновывается обращение к личному празднику – дню рождения, который студенты наблюдают и переживают в инокультурной среде, выступая в коммуникативных ролях именинника или поздравляющего, и незнание норм праздничного речевого этикета может привести их к коммуникативным неудачам. Предлагаемый алгоритм разработки темы включает следующие этапы: анализ научно-методической литературы и результатов анкетирования с

целью выявления сходств и различий в двух праздничных культурах и их лексиконе, анализ репрезентации в словарях и учебниках русского коммуникативного поведения в ситуации праздника, разработка учебных материалов с учетом выявленных различий и необходимости дополнения материала учебников. Представлены особенности вербального и невербального коммуникативного поведения русских и китайцев в ситуации дня рождения, выявленные в ходе анализа научной литературы и результатов анкетирования русских и китайских студентов. В качестве примера, помогающего преодолеть межкультурную интерференцию, приводится учебный текст, разработанный в формате рекомендаций и советов. Практическую значимость исследования подтверждает внедрение разработанных материалов в учебный процесс Псковского государственного университета.

Ключевые слова: методика обучения русскому языку как иностранному, коммуникативное поведение, личный праздник, речевой этикет, формулы поздравления, учебный текст

Как известно всем практикующим преподавателям русского языка как иностранного (РКИ), тема русских праздников открывает широкие возможности для обучения инофонов всем аспектам языка и формирования умений во всех видах речевой деятельности.

Особенно ценен культурно-исторический компонент праздничной проблематики для расширения лингвострановедческого кругозора иностранцев новыми знаниями о традициях, обычаях, ритуалах празднования, для обогащения их словарного запаса этнокультурно маркированной лексикой и фразеологией, формами праздничного речевого этикета [1], что соответствует требованиям этнокультурологического подхода к преподаванию русского языка, особая значимость реализации которого подчеркивается в научно-методических исследованиях [2]. Для того чтобы эффективно организовать процесс обучения иностранцев, в том числе китайских студентов, коммуникативному поведению в ситуациях праздника, преподаватель должен иметь четкое представление о сходствах и различиях праздничных традиций в двух культурах, хорошо ориентироваться в этноориентированных учебных пособиях, принципы и приемы разработки и использования которых являются одним из приоритетных направлений методики обучения неродному языку [3]. Преподаватель РКИ должен быть готов не только умело воспользоваться такими пособиями при репрезентации темы русских праздников и ее коммуникативно-поведенческого ресурса в иноязычной аудитории, но и при необходимости оперативно разработать недостающие учебные материалы. Цель нашего исследования, представляемого в данной статье, – реализовать алгоритм раскрытия лингвометодического потенциала праздника в аспекте обучения иностранцев русскому коммуникативному поведению. Представим нашу концепцию на материале самого популярного и общего для всех людей личного праздника – дня рождения, который часто коллективно празднуют

иностранцы обучающиеся вместе с русскими одноклассниками.

На первом этапе реализации алгоритма мы проанализировали представленность темы в доступных учащимся словарях и учебниках. Русские формулы речевого этикета, связанные с празднованием дня рождения, можно найти в китайско-русском словаре Фань Минсянь (范明贤) [4], где они не сопровождаются какими-либо комментариями (как исходные китайские обороты), а приводятся лишь в качестве эквивалентов китайских выражений: 生日快乐! – *С днем рождения!* 恭喜发财! – *Желаю Вам огромного богатства!* 祝你万事如意! – *Во всем желаю удачи!* 我很感谢您。 – *Я Вам очень благодарен;* 衷心感谢您! – *От всей души благодарю Вас!*

Китайские студенты, которые обучаются по программам предвузовской подготовки в России, как правило, изучали русский язык в китайской школе, а значит, обладают определенной языковой базой для дальнейшего освоения темы «День рождения». Изучение темы начинается в 8 классе. В учебнике Дин Шу (丁) [5], где теме праздников посвящен урок 13 (он называется «Кого вы поздравляете с праздником»), вводится лексика, связанная с празднованием дня рождения: *день рождения, подарок, поздравлять, желать, приглашать* и т. п.. Представленный в нем текст «День рождения» не только демонстрирует функционирование изученной лексики и грамматических конструкций, но и осуждает обман с целью получения подарка. Что касается формул речевого этикета, то в рамках темы ученики знакомятся с образцами поздравлений: *Дорогой Андрей! Поздравляю тебя с днем рождения. Желаю тебе большого счастья и хорошо сдать экзамены. Твой друг Борис.* В итоговых речевых упражнениях, например, при воссоздании ситуации дня рождения по картинке школьники используют всю изученную лексику, формы поздравления и пожелания [5, ч. 2., с. 235–253].

В третьей части учебника русского языка для китайской школы (также урок 13) перед учащимися ставится более сложная коммуникативно-поведенческая задача – научиться поздравлять и выражать пожелания с учетом фактора адресата (родители, друзья, учитель). Типовые предложения становятся более распространенными: *Мы подарили нашим дорогим учителям цветы*. Диалоги представляют ситуации приглашения на день рождения и знакомства с гостями, выбора подарка. На материале темы отрабатываются темпоральные и количественные лексико-грамматические конструкции: *сколько кому [будет] лет, когда у кого день рождения*. В уже знакомые студентам глагольные конструкции со связью управления и объектным значением вводятся видовые пары: *поздравлять/ поздравить (кого), желать / пожелать (кому, чего)*. На материале коммуникативной темы праздника, и конкретно дня рождения, открываются широкие возможности для отработки различающихся в русском и китайском языках комитативных конструкций [6]: *кто [вместе] с кем празднует, сидит за столом, выбирает подарок* и т. п. В контекстах использования формул речевого этикета (они представлены в том числе на поздравительных открытках и карточках) появляется больше эмоций: 1) *Дорогой дедушка! Поздравляю тебя с днем рождения! Желаю тебе здоровья. Я очень тебя люблю! Твой внук Петя*. 2) *Дорогая Лена! Приглашаю тебя на мой день рождения. Жду тебя в субботу, в 7 часов вечера у меня дома. Приходи! Не опаздывай! Саша*. В речевых упражнениях школьнику предлагается рассказать, что ему подарили на день рождения, почему он считает день рождения своим любимым праздником [Там же, ч. 3, с. 249–267].

Таким образом, прибывающие в Россию китайские студенты обладают определенным набором лексики и устойчивых этикетных конструкций, чтобы в ситуации дня рождения распознать поздравление и пожелание и самому осуществить эти речевые тактики. Однако существует немало традиций празднования и невербальных, в том числе символических компонентов коммуникативного поведения в ситуации праздника, которые могут привести к курьезным ситуациям или значительным коммуникативным неудачам в русскоязычной среде при выполнении коммуникативной роли поздравляющего или поздравляемого.

На втором этапе выявления лингвометодического потенциала дня рождения в обучении китайских студентов русскому коммуникативному поведению определяются сходства и различия в русской и китайской праздничных культурах. С

этой целью мы обратились к научно-методическим статьям, авторы которых сопоставляют русское и китайское коммуникативное поведение в ситуации празднования дня рождения (см. [7], [8], [9]) и отмечают различия в выборе подарков с учетом символики цвета, числа и т. п., формулировках поздравлений с учетом возраста и пола адресата, вербальном и невербальном сопровождении подарков, застольном этикете и др. Эти выводы были дополнены результатами анкетирования, которое было проведено в группах китайских и русских студентов, обучающихся в Псковском государственном университете, РГПУ им. А. И. Герцена, Волгоградском социально-педагогическом университете.

В анкету под названием «День рождения» были включено 10 вопросов, позволивших проанализировать в сопоставительном плане русские и китайские традиции празднования дня рождения в интерпретации современной молодежи. К анализу анкет были привлечены иностранные магистранты ПсковГУ – будущие преподаватели РКИ, таким образом, осуществлялась их подготовка в плане профессиональной аналитической деятельности по выявлению трудностей, возникающих у китайских студентов при освоении русского коммуникативного поведения. Отметим выявленные различия, которые молодое поколение респондентов и исследователей считает наиболее значимыми.

Так, в ответе на 1-й вопрос анкеты «Какими словами вы поздравляете с днем рождения друзей, родителей, бабушку с дедушкой, преподавателя, начальника, ребенка?» отмечена общая для двух культур форма поздравления – *С днем рождения!* Однако в Китае более дифференцированы формы поздравления и обращения в зависимости от возраста, пола и социального статуса. Так, при поздравлении с днем рождения преподавателя, начальника, коллеги китайцы обращаются к ним по фамилии и должности, например: «刘老师, 生日快乐!» (досл.: ‘Лю, преподаватель, с днём рождения!’). В русской лингвокультуре принято обращение по имени и отчеству с использованием прилагательного *уважаемый*: *Уважаемая Елена Ивановна, с днём рождения!*. В китайском языке прилагательное *уважаемый* в устной форме используется не часто. Если день рождения празднует представитель старшей возрастной категории (от 80 лет), то для этого случая есть свое наименование – 过大寿 – ‘праздновать день рождения’ (о пожилом человеке). По случаю этого праздника представители старшего поколения получают специальные торжественные пожелания – устойчивые выражения, состоящие из четырех иероглифов, кото-

рые обозначают богатство, долголетие, высокий статус и высшую нравственность, присущую старшему поколению: 寿比南山, 福如东海, 日月长名, 鹤寿松年. В России же, поздравляя старших, им обычно желают здоровья и долгих лет жизни. Если день рождения празднуют представители молодого поколения, то китайские юноши обычно называют своих друзей братьями, а девушки называют своих подруг сестрами или красавицами, отмечают, что высоко ценят их красоту и дружбу с ними, на которую надеются и в дальнейшем.

На второй вопрос «Поздравляете ли вы знакомых с днём рождения ежегодно?» и китайские, и русские студенты ответили отрицательно: здесь все зависит от близости знакомства. В Китае, кроме того, мужчины поздравляют друг друга реже, чем женщины.

В ответах на вопросы с третьего по пятый «С кем вы обычно отмечаете день рождения?», «Где вы обычно празднуете свой день рождения?», «Ваши любимые блюда в день рождения?» отмечены следующие различия: у русских студентов на первом месте – празднование с семьей, на втором – с друзьями; у китайских – наоборот. Место празднования у русских студентов чаще дома, у китайских – дома или в ресторане. В качестве любимых блюд на день рождения русские респонденты отметили торт, чай, салаты и шампанское, а китайцы – торт и пиво, по традиции в день рождения в Китае едят 长寿面 (в переводе на русский: ‘лапша долголетия’).

Следующий вопрос «По какому календарю вы отмечаете день рождения: по европейскому или по лунному?» был актуален для китайской аудитории. Все русские отмечают день рождения по европейскому календарю, как и большинство молодых людей в Китае. Но здесь некоторые представители старшего поколения отмечают этот праздник по лунному календарю.

Что касается подарков для разных категорий адресата (это был следующий вопрос анкеты), то выяснилось, что русские студенты дарят своим сверстникам и родителям цветы, косметику, книги или конфеты (это самые популярные подарки). Бабушке или дедушке обычно дарят бытовую технику или что-то для интерьера, ребенку – игрушки или что-нибудь для творчества. Китайская культура здесь значительно отличается от русской: в день рождения у китайцев принято дарить деньги (как правило, в красном бумажном конверте): китайцы считают, что деньгами получатель свободно распорядится: купит, что захочет. Для русских же в подарке главное не стоимость, а знак внимания, поэтому и цена подарка не афишируется [8, с. 14].

На следующие вопросы «Что вы отвечаете, когда вас поздравили с днем рождения?», «Обязательно ли фотографироваться на память в день рождения?» русские и китайские студенты ответили, что благодарят коротко (*Спасибо!*), но китайцы также отблагодарят поздравлявшего равнозначным подарком в его день рождения. Кроме того, в знак благодарности русские обнимают того, кто подарил подарок, в китайской культуре такое не принято. Фотографирование не обязательно как для русских, так и для китайцев.

На последний вопрос «Является ли день рождения важным праздником для них?» русские студенты ответили утвердительно: ведь человеку в день рождения уделяют очень много внимания, вручают подарки, собираются все родные и близкие, высказывают добрые пожелания. Большое количество китайских студентов так же празднуют день рождения. Но восприятие праздника у них отличается от русского: китайцы чувствуют, что этот день был трудным для их матерей, а празднование дня рождения – это благодарность за жизнь, которую им дали матери. Поэтому некоторым китайским студентам трудно воспринимать день рождения как праздник по этой же причине – из-за боли их матерей, в связи с чем церемония празднования для них не важна.

На завершающем этапе раскрытия и реализации лингвометодического потенциала празднования дня рождения по результатам обработки материалов анкетирования и данных, полученных при изучении научно-методической литературы, были разработаны серия учебных диалогов, отражающих акты поздравления, пожелания, вручения подарка, беседы за праздничным столом, а также познавательные лингвокультурологические тексты о традициях празднования дня рождения в России и в Китае.

Ниже приведем один из них – подготовленный нами учебный текст «Празднуем день рождения в России», оформленный в таблице и наглядно представляющий особенности коммуникативного поведения в ситуации дня рождения. Составленный в жанре советов и рекомендаций, текст показывает китайским студентам различия в двух праздничных культурах. Он нацелен на предупреждение межкультурной интерференции как на уровне восприятия (Раздел «Не удивляйтесь»), так и на уровне продуцирования речи в ситуации празднования дня рождения русского друга или знакомого (Раздел «Советы поздравляющему»). В тексте предусмотрена и ситуация, когда китайский студент празднует свой день рождения в России, принимает поздравления, приглашает гостей.

ПРАЗДНУЕМ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В РОССИИ	
СОВЕТЫ ПОЗДРАВЛЯЮЩЕМУ	НЕ УДИВЛЯЙТЕСЬ
Поздравление, пожелание	
– Обращайтесь к поздравляемому другу по имени, к преподавателю или другому взрослому – по имени и отчеству, которому предшествует прилагательное <i>уважаемый / уважаемая</i>. – Используйте этикетные формулы поздравления: <i>Сердечно (от души) поздравляю(-ем) тебя (Вас) с днем рождения!</i> Используйте этикетные формулы пожелания: <i>Желаю(-ем) тебе (Вам) крепкого здоровья, счастья (успехов в учебе, творческих успехов, большой любви и т. п.)</i>. – Если Вас пригласили на день рождения ребенка, используйте формулу пожелания: <i>Расти большой, слушайся маму с папой! Учись хорошенько!</i>	– Русские друзья могут поздравить Вас <i>с ДР</i> или <i>с днюхой</i>. Не удивляйтесь: так в молодежной речи называют день рождения. – Очень близкие друзья могут слегка потянуть Вас за уши вверх – такой шуточный ритуал идет из детства, когда ребенку в день рождения желают расти большим. – Можете услышать от русских друзей и такое шуточное поздравление, которое молодежь тоже заимствовала из детской речи: <i>Расти большой – не будь лапшой</i>. (Помните, что русское слово <i>лапша</i> не имеет положительной окраски, как в китайском языке, где оно обозначает любимое национальное кушанье)
Подарок	
– Хорошим подарком для Ваших русских сверстников (сверстниц) будет книга, косметика, торт, букет цветов. – Не дарите русским девушкам и женщинам четное количество цветов (это связано в русской культуре с печальным обрядом похорон). – Не стоит дарить желтые цветы – они в русском народном сознании символизируют разлуку. – Не дарите своим русским сверстникам деньги в конверте (это не принято в молодежной	– Не удивляйтесь, если Вам подарят нечетное количество цветов – так принято у русских, а четное число ассоциируется со смертью. – Белые цветы также не означают ничего плохого. Белый цвет имеет в русской культуре положительные коннотации. – Не удивляйтесь, если Вам подарят сувенир в виде совы. В отличие от китайской культуры, образ совы у русских окрашен положительно, изображения совы очень популярны в молодежной культуре. – Подаренным часам

среде). – Советуем удалить ценник с купленного в магазине подарка: у русских не принято афишировать цену подарка. – Если Вы дарите своему русскому другу (подруге) портмоне, обязательно положите внутрь монетку – в народе считается, что это обеспечит приток денег. – У русских не принято дарить носовые платки (считается, что это к слезам) и острые предметы (например, карманный нож) – это символ ссоры.	или популярным у русских сувенирным колокольчиком тоже не стоит удивляться: у русских с ними связаны только положительные ассоциации. – На полученном подарке Вы не обнаружите ценника – русские не акцентируют внимание на стоимости подарка. – Не обижайтесь, если подарок Вам вручат, держа его одной рукой, – в русской культуре, в отличие от китайской, не обязательно держать его двумя руками.
Ответ на подарок и поздравление	
– Используйте формулу благодарности: <i>Большое (огромное) спасибо! Очень приятно!</i> – Подарок можно сразу развернуть: Ваш интерес к подарку понравится дарившему.	– Не удивляйтесь, если Ваш подарок сразу развернут и еще раз благодарят. – В ответ на Ваш подарок вас могут обнять со словами благодарности.
Праздничное меню и застольный этикет	
– Если Вы пригласили друзей к себе на день рождения и угощаете их китайскими блюдами, расскажите о них. – В гостях не стесняйтесь самостоятельно брать еду с общих тарелок. – Не стоит говорить за праздничным столом о зарплате, состоянии здоровья.	– Порядок следования блюд в русском праздновании может отличаться от китайского. Завершением застолья всегда является десерт, в том числе с чаем. – Не удивляйтесь, если после праздничного застолья у Вас дома гости не уходят сразу: у русских принято еще некоторое время оставаться в гостях.

Таким образом, учебный текст, построенный на результатах сопоставления вербальных и невербальных проявлений русского и китайского коммуникативного поведения в ситуации дня рождения, позволит китайскому студенту осмыслить особенности коммуникативных ролей поздравляющего и именинника (адресата поздравления) в русской и китайской праздничных культурах, а также моделировать по образцам и

советам свое поведение в 2 типах праздничных ситуаций: когда он поздравляет русскоязычного адресата (в том числе, будучи приглашенным на празднование) и когда принимает поздравление от носителя русского языка (в том числе, пригласив его к себе на день рождения). При этом по каждому типу ситуаций он получает предупреждение о возможной межкультурной интерференции: чтобы не попасть в ситуацию ее проявления студент должен следовать рекомендациям по выстраиванию своих коммуникативных стратегий и тактик поздравления, пожелания, выбора подарка и его вручения, ведения застольной беседы, а к проявлениям этнокультурной специфики в коммуникативном поведении контрагента – русскоязычного поздравляющего и поздравляемого – отнестись с пониманием. Данный текст уже включен в подборку учебных материалов, используемых в преподавании курса «Лингвокультурология» (ПсковГУ, программа бакалавриата «Русский язык как иностранный»). Он также войдет в состав Приложения к Русско-китайскому лингвоаксиологическому словарю, концепция которого находится в стадии разработки [10].

В целом же предложенный алгоритм выявления и реализации лингвометодического потенциала праздника: 1) анализ представленности темы в учебниках и словарях, 2) определение сходств и различий в русской и китайской праздничных культурах по материалам научных статей и анкетирования, 3) разработка учебных материалов с учетом выявленных лингвокультурных различий – может использоваться при разработке материала других праздников, что и было реализовано нами совместно с магистрантами программы «Теория и методика обучения неродному языку» (ПсковГУ). Предлагаемый алгоритм может быть востребован и при сопоставительном исследовании прочих культурных феноменов с целью репрезентации их при обучении русскому языку инофонов.

Список источников

1. Бочина Т. Г. Урок-праздник как способ актуализации страноведческих знаний и развития речевых умений // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме «Восток – Запад: пересечения культур». Т. 2. Киото: Tanaka print, 2019. С. 414–420.
2. Скиргайло Т. О., Ахбарова Г. Х. Этнокультурологический подход к преподаванию русского языка в общеобразовательных организациях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 88–91.
3. Юсупова З. Ф. Реализация лингвокультурологического подхода в национально-ориентированных

учебниках русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–2 (66). С. 210–212.

4. Фань Минсянь. Современный китайско-русский словарь. Пекин: Издательство преподавания и изучения иностранных языков, 2002. 1104 с. (范明贤. 现代汉俄词典. 北京. 外语教学与研究出版社, 2002. 1104页).

5. Дин Шу. Русский язык. Учебник для 7–9 классов. В 3-х частях. Пекин: Издательство народного образования, 2014. (丁曙. 俄语. 七八九级. 全套三册. 北京. 人民教育出版社, 2014).

6. Ван Ц., Бочина Т. Г. Комитативные конструкции в китайском и русском языках // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2015. № 2. С. 52–60.

7. Ван П., Чжэн В. Национально-культурный и языковой анализ дарения подарков в Китае и России на примерах дня рождения и свадьбы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4. С. 17–21.

8. Вострякова Н. А. Как поздравлять с днём рождения. Коммуникативный тренинг для китайских студентов базового уровня владения РКИ // Русский язык за рубежом. 2012. № 3 (232). С. 11–27.

9. Лу В., Ростова Е. Г. Традиции празднования дня рождения в русской и китайской культуре // В мире русского языка и русской культуры. Москва: ИРЯП им. А. С. Пушкина, 2018. С. 99–101.

10. Никитина Т. Г., Роголёва Е. И., Пяо Лисян. Словарная репрезентация лингвокультурных стереотипов: коммуникативное поведение русских в тематическом словаре пословиц // Научный диалог. 2021. № 10. С. 117–133.

References

1. Bochina, T. G. (2019). *Urok-prazdnik kak sposob aktualizatsii stranovedcheskikh znanii i razvitiia rechevykh umenii* [A Lesson on Holidays as a Way to Actualize Country Study Knowledge and Develop Speech Skills]. II Vsemirnyi kongress v real'nom i virtual'nom rezhime "Vostok – Zapad: peresecheniia kul'tur". Vol. 2, pp. 414–420. Kioto, Tanaka print. (In Russian)
2. Skirgailo, T. O., Akhbarova, G. Kh. (2019). *Etnokul'turologicheskii podkhod k prepodavaniiu russkogo yazyka v obshcheobrazovatel'nykh organizatsiiakh* [Ethnoculturological Approach to Teaching Russian in General Education Organizations]. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seria: Gumanitarnye nauki. No. 2, pp. 88–91. (In Russian)
3. Yusupova, Z. F. (2016). *Realizatsiia lingvokul'turologicheskogo podkhoda v natsional'no-orientirovannykh uchebnikakh russkogo yazyka* [Implementation of the Linguocultural Approach in Nationally Oriented Textbooks of the Russian Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12–2 (66), pp. 210–212. (In Russian)

4. Fan' Minsian' (2002). *Sovremenniy Kitaisko-russkii slovar'* [Modern Chinese-Russian Dictionary]. Pekin, izdatel'stvo prepodavaniya i izucheniya inostrannykh yazykov. 1104 p. (范明贤. 现代汉俄词典. 北京. 外语教学与研究出版社, 2002. 1104页). (In Chinese)
5. Din Shu (2014). *Russkii yazyk. Uchebnik dlya 7-9 klassov. V 3-kh chastiakh* [The Russian Language. A Textbook for Grades 7–9. In 3 Parts.]. Pekin, izdatel'stvo narodnogo obrazovaniia. (丁曙. 俄语. 七八九年级. 全套三册. 北京. 人民教育出版社, 2014). (In Chinese)
6. Van, Ts., Bochina, T. G. (2015). *Komitativnye konstruktii v kitaiskom i russkom iazykakh* [Comitative Constructions in Chinese and Russian]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki. No. 2, pp. 52–60. (In Russian)
7. Van, P., Chzhen, V. (2017). *Natsional'no-kul'turnyi i yazykovo analiz darenia podarkov v Kitae i Rossii na primerakh dnia rozhdeniia i svad'by* [National-Cultural and Linguistic Analysis of Gift Giving in China and Russia Based on Birthdays and Weddings]. Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. No. 4, pp. 17–21. (In Russian)
8. Vostryakova, N. A. (2012). *Kak pozdravliat' s dnem rozhdeniya. Kommunikativnyi trening dlya kitaiskikh studentov bazovogo urovnya vladeniya RKI* [How to Wish a Happy Birthday. Communicative Training for Chinese Students of Basic Level of Proficiency in Russian as a Foreign Language]. Russkii yazyk za rubezhom. No. 3 (232), pp. 11–27. (In Russian)
9. Lu, V., Rostova, E. G. (2018). *Traditsii prazdnovaniya dnia rozhdeniya v russkoi i kitaiskoi kul'ture* [Birthday Celebration Traditions in Russian and Chinese Culture]. V mire russkogo yazyka i russkoi kul'tury. Pp. 99–101. Moscow, IRiAP im. A. S. Pushkina. (In Russian)
10. Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., Piao Lixiang (2021). *Slovarnaya reprezentatsiya lingvokul'turnykh stereotipov: kommunikativnoe povedenie russkikh v tematicheskome slovare poslovits* [Dictionary Representation of Linguistic and Cultural Stereotypes: Communicative Behavior of Russians in the Thematic Dictionary of Proverbs]. Nauchnyi dialog. No.10, pp. 117–133. (In Russian)

The article was submitted on 27.04.2022

Поступила в редакцию 27.04.2022

Пяо Лисян,
аспирант,
Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков,
пл. Ленина, 2.
huhu558892@mail.ru

Piao Lixiang,
graduate student,
Pskov State University,
2 Lenin Square,
Pskov, 180000, Russian Federation.
huhu558892@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-181-186

ИНФОГРАФИКА КАК ДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© Ольга Романенко, Ольга Митрофанова

INFOGRAPHICS AS A DIDACTIC MATERIAL IN CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Olga Romanenko, Olga Mitrofanova

The article examines such a phenomenon of cognitive visualization as infographics, substantiates its didactic capabilities and suggests options for its use in classes of Russian as a foreign language (RFL). It describes the possibilities of working with ready-made infographic products, as well as the possibilities of creating one's own product. We provide an example of activities with ready-made infographics in the specialty language classes with a group of students from the Institute of International Relations. A system of preliminary language tasks is proposed, aimed at consolidating and activating grammatical skills (sentence transformation, synonymy of lexical and grammatical models), at expanding the lexical stock and tasks to develop speech skills using infographics (conduct a dialogue, compose a monologue, title an infographic, develop the theme of one of the compositional parts, etc.). Creating one's own infographics requires the ability to analyze the text not only from the point of view of its content, but also from the point of view of its composition. The article emphasizes that the use of infographics as a didactic material is possible at any stage of language learning and concludes that infographics have a great didactic potential, capable of developing one of the most important types of speech activity – speaking based on the created mental image.

Keywords: infographics, visualization, RFL, didactic material, specialty language

В статье рассматривается такое явление когнитивной визуализации, как инфографика, обосновываются ее дидактические возможности, предлагаются варианты ее использования на занятиях по русскому языку как иностранному. Описываются возможности работы с готовыми продуктами инфографики, а также возможности по созданию собственного продукта. В качестве примера приводится работа с готовой инфографикой на занятиях по языку специальности в группе студентов, обучающихся в Институте международных отношений Казанского федерального университета. Предлагается система предваряющих языковых заданий, направленных на закрепление и активизацию грамматических навыков (трансформация предложений, синонимия лексико-грамматических моделей), на расширение лексического запаса, и заданий на развитие речевых навыков с использованием инфографики (провести диалог, составить монологическое высказывание, озаглавить инфографику, развить тему одной из композиционных частей и т. д.). Составление собственной инфографики требует умения анализировать текст не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения композиции. Указывается на то, что использование инфографики в качестве дидактического материала возможно на любом этапе обучения языку. Авторы делают вывод: инфографика обладает большим дидактическим потенциалом, способным на основе созданного ментального образа развивать один из важнейших видов речевой деятельности – говорение.

Ключевые слова: инфографика, визуализация, РКИ, дидактический материал, язык специальности

Обучение языку – одна из самых динамичных сфер преподавания, где инновации затрагивают и содержание образования, и формы и методы обучения. Поиски оптимизации учебного процесса продолжаются постоянно.

В современной методике РКИ дидактический материал очень разнообразен. Это и традицион-

ные грамматические словари в картинках, классические учебные пособия; это и так называемые рабочие листы, в которых лексика сгруппирована по темам; это и разнообразные мультимедийные обучающие материалы, это и рабочие материалы event-технологии и даже целые сайты (об одном из таких сайтов – РИА-новости – мы упо-

минали в связи с вопросом о том, какой материал можно использовать для аудирования на актуальные темы в группе студентов-международников [1]).

Трудно не согласиться с мнением о том, что современный русист должен на высоком уровне владеть новыми информационными технологиями и максимально использовать те возможности, которые дает нам научно-технический прогресс [2]. Такие лучшие практики и креативный подход преподавателя дают хороший результат в достижении учебных целей, делают процесс обучения личностно направленным, создающим условия сотрудничества.

Давно замечено, что общество «стремительно переходит к „веб-стилю“ жизни» [Там же]. Компьютер, с его возможностями выхода во всемирную сеть, заменил библиотеку. Найти в потоке постоянно обновляющейся информации необходимое, обработать, структурировать, превратить в рабочий учебный материал – задача, которую преподавателю приходится решать постоянно. И особенно это актуально, когда речь идет о материале для занятий по языку специальности.

Решение этой проблемы мы нашли в использовании возможностей инфографики.

Дадим общую характеристику этому явлению.

В статье Я. В. Лайковой «Инфографика в СМИ разного типа» мы находим следующее определение инфографики: «Это разновидность креолизованного текста, смысл которого заложен одновременно в двух плоскостях – вербальной и невербальной» [3]. Как видно из определения, инфографика может совмещать в себе текст (вербальная плоскость), его графическое представление и числовые пояснения (невербальная плоскость). В отличие от иллюстрации инфографика подает материал ярко, наглядно, выразительно, как полноценный объект информации. Инфографика способна передать сложную информацию, для этого используются графики, диаграммы и схемы. Она дает возможность «перерабатывать» большой объем информации, причем в интересной и креативной форме, привлекающей внимание аудитории.

Эта новая форма подачи информации активно и широко используется спикерами различных направлений в публичных презентациях и докладах. Инфографику применяют в СМИ, digital-медиа, учебниках, рекламе. Ее используют в статьях, результатах исследований, когда рекламируют товар или услугу, пишут инструкцию для пользователя или инструкцию по технике безопасности, которые будут понятны всем. Научно-популярные, технические и учебные сайты

с помощью инфографики объясняют устройство оборудования [2]. Данный факт говорит о том, что стоит обратить внимание на инфографику как на особую форму переработки и представления информации.

Чтобы создать инфографику, нужно четко и лаконично сформулировать тему и определить ее важные вопросы. Затем собрать материал по заданной тематике, при необходимости добавить цифровую информацию и подобрать графический стиль, в котором и будет реализована работа. Для этого можно использовать программы, в достаточном количестве существующие в интернет-сети.

Но самое главное заключается в том, что непосредственная работа с информацией предполагает сложнейшую перекодировку языкового материала в графический в процессе создания инфографики, и обратно, в процессе речевой репродукции. Именно поэтому мы считаем, что инфографика обладает большим дидактическим потенциалом, так как представляет собой объект когнитивной визуализации, являющийся результатом целенаправленного мыслительного процесса.

Готовую инфографику мы использовали в работе со студентами, обучающимися в Институте международных отношений КФУ, и с курсантами Михайловской военной артиллерийской академии при изучении языка специальности.

Семантика предметного мышления всегда конкретна, связана с действительностью. Область аспектных знаний представляет собой в большей степени область семантики абстрактного мышления, что создает определенные трудности в усвоении языка специальности. Семантика, которая генерируется мышлением, всегда осваивается сложнее. Поэтому и есть острая необходимость в использовании наглядных демонстрационных моделей, помогающих делать абстрактное понятие более предметным, более доступным для понимания.

Первым опытом использования инфографики может стать работа с готовыми продуктами. Поскольку инфографика есть результат «свертывания» текста, то работа по готовым продуктам – это работа по «развертыванию» текста, которая требует умения использовать речевые модели, тренирует и закрепляет языковые и речевые навыки.

Независимо от уровня подготовки группы целесообразно провести предварительную лексическую и грамматическую подготовку: обозначить круг лексем, входящих в поле текста; семантизировать их, вычленив основные лексико-грамматические модели. Семантизацию лек-

стики можно провести переводным способом, используя словари, либо беспереводным. В этом случае преподавателю будут помогать словообразовательный анализ, синонимия, антонимия, дефиниции, развивающие у обучающихся языковую догадку. Так, работая с инфографикой «Страны БРИКС: цифры и факты», мы выделили часть слов терминологического характера, с которыми была проведена семантизация: *саммит, декларация, импорт-экспорт, ВВП, глобальный, антикризисный*. Многие слова, употребляемые в сфере международных отношений, заимствованы из других языков, поэтому указание на источник заимствования также помогает в понимании значения слова. Например, *саммит* (от английского *summit* ‘вершина, верх’) – встреча на высшем уровне, встреча глав государств.

Составляя текст по готовой инфографике, обучающийся, опираясь на ключевые понятия, «разворачивает» информацию, закодированную в изображении. При этом логика повествования, последовательность развертывания текста могут быть индивидуальными или подсказанными самим графическим обликом текста. В связи с этим целесообразно выполнить упражнения на трансформацию предложений, на синонимию лексико-грамматических моделей. Например, предложение *Россия председательствует в БРИКС в 2015 году* синонимично по значению предложению *Россия является председателем БРИКС в 2015 году*. Также можно показать, что предложение *Подписаны совместная декларация, закрепившая основные направления мировой политики, и план действий на ближайший год* легко трансформируется в предложение *Подписаны совместная декларация, которая закрепила основные направления мировой политики, и план действий на ближайший год*, где причастный оборот заменяется на предложение с придаточным определительным. Эти предварительные языковые упражнения станут хорошей подготовкой к тренировке речевых навыков.

Кроме того, по инфографике можно провести диалог «студент-студент» или «преподаватель-

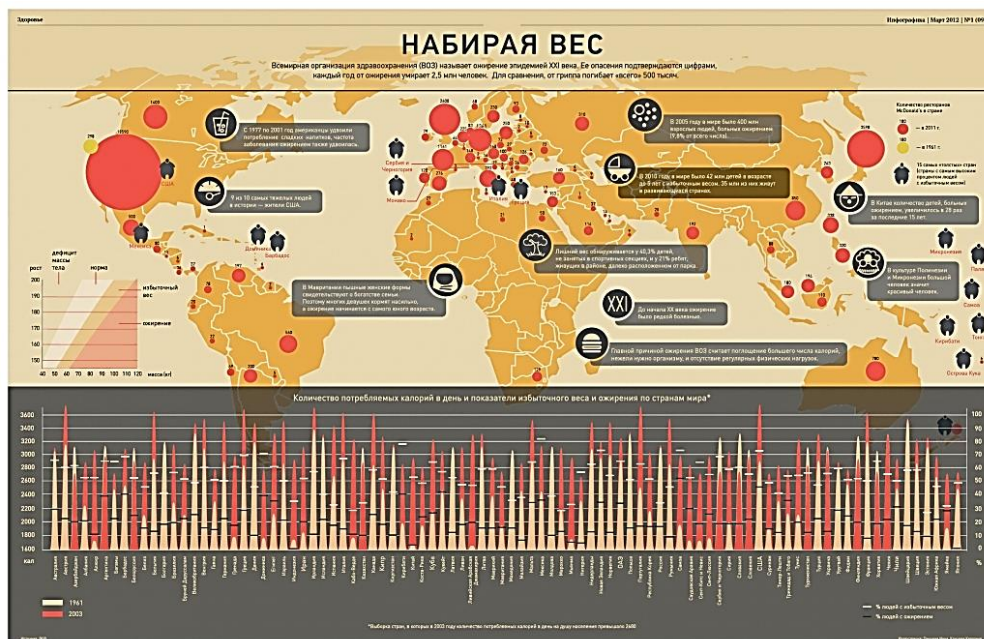
студент», а затем перевести его в монологическое высказывание. Можно скрыть название изображения и попросить обучающихся озаглавить инфографику. Как правило, каждый композиционный элемент инфографики может быть развернут в отдельную тему высказывания. И здесь мы имеем большой содержательный потенциал изображения.

На «продвинутом» этапе обучения (если речь идет о занятиях языком специальности – уровень В1, В2) можно предложить студентам самим составить инфографику по выбранному ими тексту. Эта задача гораздо более сложная, требующая умения вычленив в тексте главную информацию, структурировать ее, «перекодировать» в графический облик; умения видеть структуру текста, его композиционные части, то есть блоки информации. Подобный процесс есть сложнейший интеллектуальный процесс, также активизирующий речевые и языковые навыки, умственную и творческую деятельность.

Однако и на начальном этапе обучения (уровень А1, А2) можно использовать инфографику как средство визуализации составленного текста. Например, рассказ о себе (самопрезентация), о своей семье также интересно переносится в форму изображения, в котором ярко проявляется индивидуальность обучающегося.

Наш интерес к инфографике связан еще и с тем, что этот вид представления текста содержит в себе скрытые возможности.

Во-первых, такая подача информации несет в себе «перспективу» содержания, то есть возможность или углубиться в тему, или расширить ее, выйти за пределы данного текста. Так, например, работая с инфографикой «Набирая вес» [4], студенты говорили не только о глобальной проблеме избыточного веса населения планеты, выясняя, где живут самые толстые люди и что является одной из главных причин ожирения, но и о государственной политике здравоохранения в разных странах мира, и о политике компании «Макдональдс», и о национальной кухне разных стран.

Во-вторых, инфографика дает возможность выбирать лексико-грамматические модели, расширять лексический запас обучающихся. Можно

привести пример из работы с инфографикой «Осквернение памятников советским воинам в Европе» [5].

Поиск синонимов и синонимичных выражений позволил студентам построить следующие конструкции:

Новая волна вандализма в отношении памятников советским солдатам прокатилась сразу по нескольким странам. ↔

Новая волна вандализма в отношении памятников советским солдатам накрыла сразу несколько стран. ↔

Памятники советским солдатам были осквернены сразу в нескольких странах.

В Польше были разрушены

В Берлине был осквернен ...

В Таллине вандалы глумились над ...

В Пловдиве надругались над ...

В Литве оскорбили память (кого?)....

Но не только вариативность речевых выражений является достоинством инфографики. Немаловажной является адаптивная функция такой формы текста. Само графическое изображение, символика, цифровые данные, краткие сведения – все это служит опорой для студента, составляющего монолог или диалог по инфографике. Визуальная опора снимает психологическое напряжение при порождении высказывания, задает направление мысли рассказчика.

Итак, все эти возможности и особенности инфографики делают её очень удобным и полезным дидактическим материалом, который с точки зрения педагогики «мобилизует ресурсы образного, логического, комплексного мышления, а также эстетический, культурный, художественный потенциал и другие важные свойства и качества личности» [6], а с точки зрения методики преподавания языка как иностранного развивает на основе созданного мыслеобраза один из важнейших видов речевой деятельности – говорение.

Список источников

1. Романенко О. Н. Использование информационных Интернет-ресурсов при аудировании русской речи (в группе студентов-международников) / Филология и культура. Philology and Culture, 2012. №1(27). С. 259–263.

2. Гарцов А. Д. Новые приоритеты методики преподавания РКИ / Вестник РУДН, 2005–2006г. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-prioritety-metodiki-prepodavaniya-rki/viewer> (дата обращения: 30.10.2021).

3. Лайкова Я. В. Инфографика в СМИ разного типа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infografika-v-smi-raznogo-tipa/viewer> (дата обращения: 18.05.2022).

4. РИА-новости. URL: <https://ria.ru/infografika/> (дата обращения: 10.05.2022).

5. Сайт журнала «Международная жизнь». URL: <https://interaffairs.ru/news/show/35000> (дата обращения: 18.05.2022).

6. Манько Н. Н. Когнитивная визуализация педагогических объектов в современных технологиях обучения / Образование и наука. 2009. № 8 (65). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-vizualizatsiya-pedagogicheskikh-obektov-v-sovremennyh-tehnologiyah-obucheniya/viewer> (дата обращения: 15.10.2021).

References

1. Romanenko, O. N. (2012). *Ispol'zovaniye informatsionnykh Internet-resursov pri audirovaniy russkoi rechi (v gruppe studentov-mezhdunarodnikov)* [The Use of Internet Information Resources in Listening to Russian Speech (with a group of international students)]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, No. 1(27), pp. 259–263. (In Russian)

2. Gartsov, A. D. (2005–2006). *Novye priority metody prepodavaniya RFL* [New Priorities of Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language]. *Bulletin of the RUDN*, No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-prioritety-metodiki-prepodavaniya-rki/viewer> (accessed: 10/30/2021). (In Russian)

3. Laikova, Ya. V. *Infografika v SMI raznogo tipa* [Infographics in Various Types of Media]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infografika-v-smi-raznogo-tipa/viewer> (accessed: 05/18/2022). (In Russian)

4. *RIA-novosti*. URL: <https://ria.ru/infografika/> (accessed: 10.05.2022). (In Russian)

5. *Sait zhurnala "Mezhdunarodnaya zhizn"* [Website of the Journal "International Life"]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/35000> (accessed: 05/18/2022). (In Russian)

6. Manko, N. N. (2009). *Kognitivnaya vizualizatsiya pedagogicheskikh ob'yektov v sovremennykh tekhnologiyakh obucheniya* [Cognitive Visualization of Pedagogical Objects in Modern Teaching Technologies]. *Obrazovaniye i nauka*. No. 8 (65) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-vizualizatsiya-pedagogicheskikh-obektov-v-sovremennyh-tehnologiyah-obucheniya/viewer> (accessed: 10/15/2021). (In Russian)

The article was submitted on 28.05.2022
Поступила в редакцию 28.05.2022

Романенко Ольга Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»,
420088, Россия, Казань,
2-ая Азинская, 7а.
olga.romanenko.69@mail.ru

Митрофанова Ольга Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Михайловская военная артиллерийская
академия,
195009, Россия, Санкт-Петербург,
Комсомола, 22.
olgamarija@yandex.ru

Romanenko Olga Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Branch of the Russian State University
of Justice,
7a, 2nd Azinskaya Str.,
Kazan, 420088, Russian Federation.
olga.romanenko.69@mail.ru

Mitrofanova Olga Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Mikhailovskaya Military Artillery Academy,

22 Komsomol Str.,
St. Petersburg, 195009, Russian Federation.
olgamarija@yandex.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-68-2-187-193

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ БИОГРАФИИ Л. Н. ТОЛСТОГО)

© Екатерина Штырлина, Юлия Капралова

DEVELOPMENT OF COMMUNICATION SKILLS WHEN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (BASED ON LEO TOLSTOY'S BIOGRAPHY)

Ekaterina Shtyrkina, Juliya Kapralova

The article presents an authorial method for the development of communicative and speech skills in the lessons of Russian as a foreign language, based on the life and work of the Russian writer Leo Tolstoy. The basic principle of the proposed method is the following: text materials of different genre and style affiliation (a biographical essay, memoirs of contemporaries, diary entries, Tolstoy's own fictional text) are studied in chronological order. The text-based activities consist of a complex of traditional and innovative forms of tasks. An important element of our approach is linking the proposed tasks to the students' reflexive and cognitive personal experience. This method makes it possible not only to improve students' communication and speech skills, but also to expand their lexical stock, linguistic and cultural knowledge. The method strengthens the set of grammatical means necessary to maintain a conversation, express an assessment, opinion and life position in socio-cultural communication.

The method, presented in the article, reflects the main ideas of anthropological pedagogy. It is focused on supporting the autonomy of the student's personality. This method also aims to create conditions ensuring the formation of humanistic value orientations. In general, it can be characterized as a model of subject-subject educational relations between a teacher and a student in a multicultural educational environment. The article emphasizes the equivalence of the two aspects of the educational space and notes the importance of building a psychologically comfortable and humanistic interaction between them. The proposed method is intended for international students studying Russian at an advanced stage.

Keywords: Russian as a foreign language, communication, communicative competence, communication and speech skills, linguistic and cultural competence, interactive teaching methods

В статье представлена авторская методика по развитию коммуникативно-речевых умений и навыков на уроках русского языка как иностранного на материале жизни и творчества русского писателя Л. Н. Толстого. Основной принцип предлагаемой методики сводится к следующему положению: текстовые материалы разной жанрово-стилевой принадлежности (биографический очерк, воспоминания современников, дневниковые записи, собственно авторский художественный текст) изучаются в хронологической последовательности в сопровождении комплекса традиционных и инновационных форм заданий. Важным элементом в авторском подходе является привязка предлагаемых заданий к рефлексивно-когнитивному личному опыту учащихся. Данная методика дает возможность не только улучшить коммуникативно-речевые умения и навыки, но и расширить лексический запас, лингвокультурологические знания, а также усилить набор грамматических средств, необходимых для поддержания разговора, выражения оценки, мнения, жизненной позиции в сферах общения социально-культурной направленности.

Представленная в статье методика отражает основные идеи антропологической педагогики, так как она сконцентрирована на поддержке суверенности личности обучающегося и направлена на создание условий, обеспечивающих формирование гуманистических ценностных ориентаций. В целом представленную методику можно характеризовать как модель субъект-субъектных образовательно-воспитательных отношений между педагогом и обучающимся в условиях поликультурной образовательной среды. В статье подчеркивается равноценность двух сторон образовательного пространства и важность построения психологически комфортного и гуманистического взаимодействия между ними.

Предлагаемая методика ориентирована на студентов-иностранцев, изучающих русский язык на продвинутом этапе обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникация, коммуникативная компетенция, коммуникативно-речевые умения и навыки, лингвокультурологическая компетенция, интерактивные методы обучения

Первостепенной задачей современной системы образования в самом широком понимании направленности данного феномена является совершенствование и оптимизация методов и форм обучающего процесса. Анализ ситуации образовательного пространства убеждает нас в том, что обучение русскому языку как иностранному сегодня невозможно без инновационного компонента. Кроме того, изменился статус как обучаемого, так и преподавателя: парадигма «учитель – ученик» или «преподаватель – студент» трансформировалась в новую схему личностно ориентированного обучения с равенством обоих компонентов в виде сотрудничества или, иначе говоря, синергии.

Весомую долю в процессе коммуницирования людей составляет устное общение, или речевое взаимодействие с окружающим миром. Развитие коммуникативно-речевых навыков и умений, несомненно, важный аспект изучения любого иностранного языка, так как именно оно оказывает существенное влияние на гармоничное и структурированное формирование всех остальных навыков речевой и языковой деятельности (лексических, грамматических, произносительных (фонетических) навыков, навыков техники чтения и техники письма).

Развитие коммуникативно-речевых умений и навыков прежде всего дает возможность изучающему иностранный язык человеку усовершенствовать такие способности, которые позволят комфортно адаптироваться к иной национальной действительности со всем ее лингвокультурологическим своеобразием, социальной перцепцией, а также развить интеракционные умения (взаимосвязанные с умением «подать себя» и «настроиться» на собеседника), приспособиться к восприятию и интерпретации вербальных и невербальных сигналов на неродном языке, выработать способность к пониманию контекста и подтекста, улучшить способности решения разных коммуникативных задач и т. д. Поэтому важно понимать, что способствует грамотной коммуникации, что влияет на развитие способностей речевого общения.

Безусловно, одну из важных позиций в развитии речевых навыков занимает не только умение коммуницировать и наличие необходимых для этого условий, но и умение работать с текстом, понимать текст любого жанра, а также всё околотекстовое и экстрафилологическое про-

странство (исторические, биографические, публицистические, автобиографические события и фон создания того или иного текста). Поэтому имеет большое значение последовательное погружение обучающегося в текст и в особенности творческого и жизненного пути его создателя, так как это раскроет многие смыслы и языковое своеобразие авторского слова.

Рассматриваемая в статье методика способствует достижению стержневой цели: формированию у студентов устойчивых коммуникативно-речевых умений и навыков в области восприятия, чтения и аналитической работы с текстом. Заявленная цель достигается в результате решения ряда базовых задач:

1) закрепить и усовершенствовать формирование коммуникативно-речевых навыков и умений в процессе конструирования картины мира писателя на основе собственного эмпирического опыта и рефлексии;

2) обучить иностранных студентов работе с аутентичными разножанровыми текстами, позволяющими проследить эволюцию мировоззрения писателя и основные этапы его творческого пути;

3) дать представление обучающимся о разных стилях русского литературного языка на материале текстов разной жанровой направленности (дневниковые записи, воспоминания современников, собственно художественные тексты).

Предлагаемая к рассмотрению авторская методика развития коммуникативно-речевых навыков строится на основе последовательного изучения материалов жизни и словесного творчества великого русского классика художественной литературы Льва Николаевича Толстого. Через работу с различными типами текстов о жизни писателя мы конструируем его философско-мировоззренческий образ, формируем полноценную картину личности писателя. И сквозь призму такого материала одновременно занимаемся развитием коммуникативно-речевых умений и навыков с опорой на изученный материал и его рефлексиию.

Методика была апробирована на открытых мероприятиях, посвященных памяти писателя, как внутри Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, так и на международных мастер-классах культурно-образовательного и просветительского характера, направленных на продви-

жение и популяризацию русского языка и культуры. Все мероприятия были объединены единой темой «Читаем, говорим и пишем по-русски: уроки Льва Толстого» и проводились в режиме международного телемоста при участии студентов дальнего и ближнего зарубежья.

Первым шагом к постижению личности художника слова становится знакомство обучающихся с биографическим очерком, представляющим собой хронологически выстроенное жизнеописание Л. Н. Толстого. Изучаемый материал должен не только представлять основные этапы жизненного пути писателя, но и раскрывать многогранность его личности, эволюцию духовно-нравственного мировидения. После прочтения и осмысления учебного текста обучающимся предлагается задание, направленное на стимулирование и репрезентацию личностного восприятия изученного биографического материала [1, с. 4–5]. В основу задания закладывается информация о значимых событиях в жизни Л. Н. Толстого и влиянии, которое они оказали на его внутренний мир и поступки. Обучающимся предлагается задание проблемно-поискового содержания (ряд проблемных вопросов) с целью инициировать дискуссию при обсуждении собственного отношения к жизненному опыту писателя. Отвечая на вопросы, они получают возможность активизировать все резервы своего интеллектуального развития, творческого мышления и прежде всего способности к самостоятельной познавательной деятельности. Так, приведенные далее в задании вопросы ориентированы не только на осмысление жизненного пути Л. Н. Толстого, но и на самоанализ и личностную рефлексию обучающегося (проецирование жизненных ситуаций, проблема нравственного выбора, осознание ценностных ориентиров и др.).

Пример задания:

1) Как влияет на ребенка потеря родителей в юном возрасте? Как это могло повлиять на формирование личности Льва Николаевича Толстого? 2) Вели ли Вы когда-нибудь свой дневник воспоминаний? Как Вы думаете, почему Л. Н. Толстой начал свой литературный путь именно с ведения дневниковых записей? 3) Что важнее – получить диплом и учиться без интереса или остаться без диплома, но заниматься самообразованием и любимым делом? Как Вы считаете, отчисление из университета помогло или помешало формированию личности писателя? 4) Что Вы думаете о таких поступках Толстого, как отказ от денег и имущества в пользу крестьян, вегетарианство? 5) Каковы, на Ваш взгляд, глубинные причины отказа Л. Н. Толстого от аристократического образа жизни? Смогли бы Вы поступить так же, оказавшись на месте писателя? 6) Как Вы можете охарактеризовать отношения Льва Николаевича Толстого с супругой? 7) Как Вы думаете, что осо-

бенно сильно влияет на формирование философских взглядов человека? Есть ли у Вас жизненные принципы и как Вы можете описать свой взгляд на мир? [Там же, с. 19].

Неоднократно в научной литературе подчеркивалась необходимость использования демонстрационного изобразительного материала при изучении биографии с целью формирования и развития представлений обучающихся об образе писателя, конкретно-исторической и литературно-общественной среде, влиявшей на его мировоззрение и творчество. Однако, на наш взгляд, зрительная наглядность (портреты; фотографии писателя и его окружения; репродукции произведений изобразительного искусства; изображения памятников писателю; книжная графика) на занятиях по русскому языку как иностранному должна быть задействована непосредственно и в системе заданий. В таком случае изображение становится эффективным речевым стимулом, который дает богатый фактический материал, позволяет прояснить речевую ситуацию, способствует актуализации определенной лексики и грамматических конструкций. Так, например, в иностранной аудитории обучающимся может быть предложено задание на составление художественного описания внешнего облика Л. Н. Толстого по методу словесного портрета на основе картин И. Н. Крамского, Н. Н. Ге, И. Е. Репина, Л. О. Пастернака, М. В. Нестерова, В. Н. Мешкова и др. В качестве опорного материала студентам предлагаются лексика и грамматические конструкции, которые используются в русском языке для описания внешности человека: воссоздание анатомических и функциональных признаков внешности, характеристика ее сопутствующих признаков.

Пример задания:

Составьте словесный портрет Л.Н. Толстого по одной из картин на выбор, в случае необходимости используйте слова для справок [Там же, с. 32].

Особо значимой становится демонстрация на занятии той изобразительной наглядности, которая способна раскрыть разные стороны личности Л. Н. Толстого и стать отправной точкой в обсуждении графической или живописной трактовки его характера, внутреннего мира, нравственного и общественно-политического облика. В ходе ознакомления с работами подобного рода следует обращать внимание обучающихся и на запечатленные в них детали, представляющие собой характерные явления и предметы быта русской действительности XIX–XX вв.

Пример задания:

Самая большая серия портретов Л. Н. Толстого принадлежит кисти Ильи Ефимовича Репина. Художник создал 12 портретов, 25 рисунков, 8 зарисо-

вок членов семьи Толстого и 17 иллюстраций к толстовским произведениям. К числу работ Репина относятся картины «Пахарь. Л. Н. Толстой на пашне», «Л. Н. Толстой босой». Подумайте, в чём заключается своеобразие данных работ? Какие особенности личности писателя раскрывают эти картины? При ответе используйте слова для справок [Там же, с. 37].

В ходе работы отдельное внимание стоит уделить ознакомлению обучающихся с альбомами и книгами с фоторепортажами Л. Н. Толстого. Как справедливо отмечает Е. П. Федосова, «именно фотографии сохранили для нас многие подробности жизни и облика писателя»: «И каждая фотография, каждый образ отражает все изменения, происшедшие в этом могучем человеке, весь его путь, мысли, слова, все терзания, искания и противоречия. Именно благодаря фотографии задолго до появления кинематографа мы наблюдаем превращение молодого щеголя-франта, не задумывающегося о смысле и цели жизни, в великого мыслителя, мудреца, пророка, который в конце своего долгого пути тяготился тем, что и как с ним и вокруг него происходит» [2, с. 77, 82]. На материале фотографий, сделанных В. Г. Чертковым, С. Л. Левицким, М. М. Пановым, П. И. Бирюковым, членами семьи Л. Н. Толстого и его друзьями, иностранным обучающимся может быть предложено задание на составление эссе на тему «Толстой сквозь призму фотокамеры». Для работы могут быть использованы как фотографии, запечатлевшие Толстого в кругу семьи, за работой, игрой в шахматы или городки, катанием на велосипеде, так и снимки, зафиксировавшие Льва Николаевича с крестьянами, с группами просителей или с писателями, общественными деятелями и единомышленниками [3].

В качестве опорного материала для последующей коммуникации могут быть рассмотрены и скульптурные композиции, посвященные Л. Н. Толстому. Учащимся может быть предложено ознакомиться с работами скульпторов, трудившихся над образом писателя и создавших статуэтки, бюсты, статуи Толстого, плакетки и барельефы с его изображением (И. Я. Гинцбург, П. П. Трубецкой, К. А. Клодт, Н. Л. Аронсон, Н. А. Андреев, С. Д. Меркуров, Б. Д. Королев, В. Н. Домогацкий и др.). Особое внимание предлагается уделить ознакомлению учащихся со скульптурными работами И. Я. Гинцбурга, а также с фрагментами его мемуарных статей, передающих его непосредственное восприятие Л. Н. Толстого и впечатления от живого общения с ним и его семьей [4]. На основе учебного материала обучающимся может быть предложено задание выразить свое мнение относительно следующих вопросов:

Каким предстаёт Лев Николаевич в работах И. Я. Гинцбурга? Как меняется образ писателя? Какая из скульптурных композиций наиболее полно и ярко отражает духовный образ писателя-мыслителя, почему?

Еще один ценный материал, раскрывающий личность Льва Толстого, – это сохранившиеся до наших дней воспоминания современников о нём. Это тексты, принадлежащие перу разных авторов, которые дают сведения об основных этапах жизненного и творческого пути великого писателя (дневники и мемуары И. Н. Гусева, В. Ф. Булгакова, В. Г. Черткова, А. Б. Гольденвейзера, Д. П. Маковицкого, С. Л. Толстого, Т. Л. Сухотиной-Толстой, В. Ф. Лазурского, Г. А. Русанова и др.). Отбирая подобного рода текстовые материалы для занятия, преподаватель должен отдавать предпочтение тем, которые могли бы дополнить, расширить, углубить представление обучающихся о личности Льва Николаевича, полученное в ходе изучения биографического очерка. Задействованные в ходе урока фрагменты воспоминаний о писателе в учебных целях могут быть рассмотрены в качестве условия для создания импровизационной ситуации, в которой обучающимся необходимо будет представить себя в роли писателя и осуществить речевой акт по заданным установкам.

Примеры заданий:

1) *Из воспоминаний А. А. Берса – двоюродного брата жены Л.Н. Толстого, Софьи Андреевны:*

У Толстого была характерная черта, проявлявшаяся в особенности во время разговоров с людьми мало ему знакомыми: он все время следил своими глубокими, пронзительными глазами за тем, говорил ли его собеседник искренно, или же только делал вид, что он искренен. <...> Даже в такие исключительные, тяжелые моменты он, оставаясь верен себе, не переставал анализировать людей. Это мое личное мнение; но в нем я убежден, как и убежден в том, что его выводы в таких случаях были всегда безошибочны [5, с. 174–175].

Представьте, что вы Лев Николаевич Толстой. Понаблюдайте за речевым поведением незнакомых для вас людей, постарайтесь предположить, что это за люди, какой у них характер, чем они занимаются в жизни. Своими предположениями поделитесь с товарищами по группе [1, с. 66].

2) *Из воспоминаний Н. Н. Гусева, учёного-толстоведа, секретаря Л. Н. Толстого (1907-1909), его единомышленника:*

Беседа шла всегда совершенно непринужденно; Лев Николаевич не выносил в разговорах ничего искусственного, нарочитого, и сам никогда не выступал в роли учителя, сурового моралиста. Мнения свои он высказывал всегда определенно и просто, не стеснял-

ся высказывать свое несогласие с собеседником. Он всегда горячо отстаивал в разговоре с кем бы то ни было то, что он считал истиной, не боясь испортить свои отношения с человеком и не боясь говорить то, что шло совершенно вразрез с общепринятыми мнениями [5, с. 180].

Прочитайте высказывания Толстого: (1) «Счастье в том, чтобы жить для других»; (2) «Пусть одобрение людей будет последствием твоего поступка, а не целью»; (3) «Больше всего говорит тот, кому нечего сказать». Предположите, в какой ситуации писатель мог произнести данные фразы, придумайте с ними диалог, используя средства выражения несогласия с мнением собеседника (например, «Я не согласен с вами», «У меня другое мнение по этому поводу», «У меня это вызывает большие сомнения» и т. д.)» [1, с. 67].

В результате ознакомления с учебным материалом и аккумуляции всех полученных знаний обучающимся предлагается создать картограмму «Личность Льва Толстого». При составлении картограммы студенты используют заранее подготовленную преподавателем подборку цветных изображений, несущих символическую нагрузку в представлении жизненного пути писателя, и список лексических единиц, из которых должны быть составлены утверждения, иллюстрирующие жизненные ориентиры Толстого. В качестве опорных слов выступают следующие существительные и глаголы: *истина, правда, любовь, жизнь, мир, счастье, сила, справедливость, духовность, познание, душа, вера, личность, ясность, народ, знание, цель, свет, учение, совесть, смысл, добро, призвание* и т. д.; *спасать, ценить, познать, излучать, развивать, изменять, понимать, беречь, находить, улучшать, верить, чувствовать, испытывать, защищать, творить, создавать, сохранять, делать, любить, знать, просвещать, видеть, двигаться, жить, думать* и т. п. (в качестве образца могут быть приведены предложения «Жить – творить добро», «Любовь излучает свет» и др.). На основе комбинации визуальных образов (собственные зарисовки, подготовленные преподавателем изображения) и текста (ключевые слова, словосочетания, предложения), раскрывающих жизнь и философию Л. Н. Толстого, обучающиеся создают картограмму, расшифровывая впоследствии ассоциативные и смысловые связи между ее составляющими, анализируя и обобщая изложенный материал [6, с. 70].

Итак, данная методика очевидно демонстрирует возможности повышения коммуникативной компетенции и развития речевых навыков при изучении русского языка как иностранного на материале жизни и творчества писателя.

Синтезируя все вышесказанные и продемонстрированные принципы работы данной методики, мы можем смоделировать ее структуру: творческо-биографические темы изучаются согласно двухэтапному синхронно-диахроническому алгоритму:

- первый этап – предтекстовая работа, комментирование языковых трудностей, изучение лингвострановедческой и лингвокультуроведческой информации;
- второй этап – анализ текста в его вертикальном развертывании (чтение, работа с заданиями, лингвистический разбор, выявление авторской позиции, рефлексивная работа над прочитанным).

Важным принципом данной методики является включение любого текстового материала в хронологической последовательности (это касается не только биографических фактов, но и художественно-творческих).

Методически структурированная подача информации и рефлексивно-аналитическая работа с аудиторией демонстрирует на практике положительные результаты и, что не менее значимо, активную и утвердительную обратную реакцию от обучающихся [7]. Доказательством этому служат положительные отзывы студентов:

Лю Цзивэнь, студент гр. 10.3-921, кафедра русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ:

Мероприятие было очень познавательным, я рад, что принял в нем участие. На занятии я получил сведения об основных этапах жизненного и творческого пути Л. Н. Толстого, соприкоснулся с историей личности писателя, связанной с Казанским краем. Нашему вниманию был предложен целый ряд языковых заданий, направленных на обогащение словарного запаса, развитие лексических и грамматических навыков. Еще мне очень понравился формат занятия: использование новых технологий, позволивших на протяжении всего мастер-класса не только поддерживать видеосвязь со студентами Пекинского университета, но и активно выстраивать командную работу по теме мероприятия [8].

Выходя на более широкий уровень обобщений с учетом всего вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что коммуникативная компетенция и развитие коммуникативно-речевых умений и навыков – сложный механизм, который не поддается трактовке в рамках только одной теории. Это сложный комплекс проблем и компонентов. В содержательный объем коммуникативной компетенции (как более широкого понятия) входят методические, лингвистические, психологические, социолингвистические и лингвокультурологиче-

ские составляющие, которые необходимы учащимся для понимания и эффективного продуцирования своей речевой деятельности.

Список источников

1. Штырлина Е. Г., Капралова Ю. В. Лев Толстой и Казань: учебное пособие по чтению и развитию речи для иностранных учащихся. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 112 с.
2. Федосова Е. П. Лев Толстой и искусство фотографии // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014 г. № 3. С. 77–85.
3. Александров А. С. Репрезентация образа Л. Н. Толстого в медиапространстве Российской империи // Japanese Slavic and East European Studies, 2015. Vol. 36. С. 99–116.
4. Элиасберг Г. А., Евтушенко Г. М., Евтушенко А. М. Образ Толстого в скульптуре и мемуаристике И. Я. Гинцбурга (к проблеме художественного восприятия) // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013. №1. С. 124–131.
5. Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1. С. 174–193.
6. Кудрявая Н. В. Лев Толстой – педагог: от народного учителя к учителю жизни // Историко-педагогический журнал. 2013. № 3. С. 56–95.
7. Штырлина Е. Г., Капралова Ю. В. Читаем, говорим и пишем по-русски: уроки Льва Толстого. URL: <https://kpfu.ru/philology-culture/39chitaem-govorim-i-pishem-po-russki-uroki-lva-412372.html> (дата обращения: 06.03.2022).
8. Штырлина Е. Г., Капралова Ю. В. Международная видеоконференция «Казань – Фергана». URL: <https://kpfu.ru/philology-culture/mezhdunarodnaya-videokonferenciya-39kazan-ndash.html> (дата обращения: 06.03.2022).

References

1. Shtyrlina, Ye. G., Kapralova, Yu. V. (2018). *Lev Tolstoy i Kazan': uchebnoye posobiye po chteniyu i*

razvitiyu rechi dlya inostrannykh uchashchikhsya [Leo Tolstoy and Kazan: A Textbook on Reading and Speech Development for Foreign Students]. 112 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

2. Fedosova, Ye. P. (2014). *Lev Tolstoy i iskusstvo fotografii* [Leo Tolstoy and the Art of Photography]. *Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, No. 3, pp. 77–85. (In Russian)

3. Aleksandrov, A. S. (2015). *Reprezentatsiya obraza L. N. Tolstogo v mediaprostranstve Rossiyskoy imperii* [Representation of the Leo Tolstoy Image in the Media Space of the Russian Empire]. *Japanese Slavic and East European Studies*, Vol. 36, pp. 99–116. (In Russian)

4. Eliasberg, G. A., Yevtushenko, G. M., Yevtushenko, A. M. (2013). *Obraz Tolstogo v skulpture i memuaristike I. Ya. Gintsburga (k probleme khudozhestvennogo vospriyatiya)* [The Image of Tolstoy in Sculpture and Memoirs by I. Ya. Gunzburg (on artistic perception)]. *Vestnik VGU. Seriya, Filologiya. Zhurnalistika*. No. 1, pp. 124–131. (In Russian)

5. Bers, S. A. (1978). *Vospominaniya o grafe L. N. Tolstom* [Memories of Count L. N. Tolstoy]. L. N. Tolstoy v vospominaniyakh sovremennikov: V 2 t. T. 1, pp. 174–193. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)

6. Kudryavaya, N. V. (2013). *Lev Tolstoy – pedagog: ot narodnogo uchitelya k uchitelyu zhizni* [Leo Tolstoy - a Teacher: From a Folk Teacher to a Teacher of Life]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*, No. 3, pp. 56–95. (In Russian)

7. Shtyrlina, Ye. G., Kapralova, Yu. V. *Chitayem, govorim i pishem po-russki: uroki L'va Tolstogo* [We Read, Speak and Write in Russian: The Lessons of Leo Tolstoy]. URL: <https://kpfu.ru/philology-culture/39chitaem-govorim-i-pishem-po-russki-uroki-lva-412372.html> (accessed: 06.03.2022). (In Russian)

8. Shtyrlina, Ye. G., Kapralova, Yu. V. *Mezhdunarodnaya videokonferentsiya "Kazan' – Fergana"* [International Video Conference "Kazan – Fergana"]. URL: <https://kpfu.ru/philology-culture/mezhdunarodnaya-videokonferenciya-39kazan-ndash.html> (accessed: 06.03.2022). (In Russian)

The article was submitted on 02.03.2022

Поступила в редакцию 02.03.2022

Штырлина Екатерина Геннадьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
shtyrlinaekaterina@gmail.com

Shtyrlina Ekaterina Gennadievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
shtyrlinaekaterina@gmail.com

Капралова Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
afina.pallada@mail.ru

Kapralova Juliya Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
afina.pallada@mail.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:
(перевод наш. – П. И., М. А.)

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author
Организация / Organization
Страна / Country
Город / City
E-mail:
Наименование статьи / Title of article
Аннотация / Abstract
Ключевые слова / Keywords

1) Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

2) В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

3) Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи и страницу указывают в квадратных скобках. Сведения разделяют запятой. Пример:

В тексте статьи:

[10, с. 81]

В Списке источников:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

4) Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список» (в пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки).

6) Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном порядке.

Библиографический список оформляется следующим образом:

– Список литературы (по центру);

– труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту английского языка);

– References (по центру);

– транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

- Формат MS Word
- Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.
- Абзацный отступ – 1,25.
- Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

- французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

- в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смысловоразличения контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро...» [Пушкин, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [Куприн, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом. После ключевых слов точка не ставится.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке. После ключевых слов точка не ставится.

Текст статьи.

Список источников.

Библиографический список (если есть).

References. Библиографический список (если есть).

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список источников оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список источников

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. One hundred years of solitude. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Ilinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uhashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

Транслитерация текста (пошаговая инструкция)

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант BSI (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznaniiia, а не Voprosy iazykoznaniiia.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.*), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: P'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

Для заметок

Филология и культура. Philology and Culture

№ 2 (68)

Дата выхода в свет 27.06.2022.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60х84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 23,25.

Тираж 1000 экз. Заказ 57/6

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

Свободная цена

